

Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and Social-Educational Idea

ТОМ 9 № 6 Часть 1

2017

Электронная версия: <http://www.hist-edu.ru>

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 26/15 от 17 июня 2011 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

В 2015 году журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» стал членом международной ассоциации PILA (Publishers International Linking Association). Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г., присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом
АССОЦИАЦИИ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ (АНРИ)
Редакция журнала является членом Международного Комитета
по публикационной этике COPE (Committee on Publication Ethics) с 2017 года.

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-37035
от 04.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Главный редактор

д. и. н., профессор
В.А. Штурба

Заместитель главного редактора - научный редактор

к. п. н. Т.А. Халилов

Заведующий редакцией

Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии

А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов

к. п. н. Т.А. Халилов

Корректор

А.Ф. Мишина

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, д. 32, к. 301
Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»
Тел/факс: 8 (861) 237-62-19
E-mail: akademus07@rambler.ru

УЧРЕДИТЕЛИ

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт.

Historical and Social-Educational Idea

VOLUME 9 # 6 Part 1 2017

Web Version address: <http://www.hist-edu.ru>

The Academic Journal «*Historical and Social-Educational Idea*» has entered into the list of academic periodicals under review (those intended to publish the summaries on the study' outcomes, upon the theses nominated for Doctoral Degrees or the Candidate' standing), with the Resolution No 26/15 by the Supreme Attesting Commission Panel under the Russian Ministry of Education and Science, issued on June 17th, 2011.

The journal «*Historical and Social-Educational Idea*» is member of the International Association PILA (Publishers International Linking Association). Unique alphabetic-digital identifiers DOI are assigned to the articles of the journal «*Historical and Social-Educational Idea*», starting from its issue N 6, 2014.

Editorial Board is a member of the Association of Science Editors and Publishers (ASEP)

The editorial board is a member of the COPE (Committee on Publication Ethics) since 2017.

Certificate of Incorporation:

PI No. FS77 - 37035
of August 4th, 2009

ISSN 2075-9908 (Print Copies)
ISSN 2219-6048 (Web Online Version)

Editor-in-Chief:

V.A. Shturba,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor:

T.A. Khalilov,
Candidate of Political Sciences

Head of Editorial Board:

N.V. Vavilkina

Web Layout Designer:

A.M. Litvinov

Editor for the English Wording:

T.A. Khalilov,
Candidate of Political Sciences

Proofreader:

A.F. Mishina

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Academic Citation Index operated by the E-Library.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

OFFICE ADDRESS

32 Zavodskaya Str., Apt. 301, Pashkovsky micro-distr., Krasnodar city, 350080 RUSSIA

Editorial Office

Journal «*Historical and Social-Educational Idea*»

Phone/fax: 8 (861) 237-62-19

E-mail: akademus07@rambler.ru

INCORPORATORS

Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
Northern Kuban Region Institute for the Humanities and Technologies.

Редакционный Совет

Председатель Редакционного Совета

Волков Юрий Григорьевич, заслуженный деятель науки РФ, действительный член академии социальных наук России, доктор философских наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
Ростов на Дону. Россия

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса
Москва. Россия

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет
Тель-Авив. Израиль

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Гомулка Кристина, доктор политических наук, профессор, Гданьский политехнический университет
Гданьск. Польша

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Давидсон Аполлон Борисович, академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН
Москва. Россия

Догнал Йосеф, доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика)
Брно. Чешская Республика

Икэда Ёсио, доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет
Токио. Япония

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Editorial Council

Editorial Board Chairman

Yuriy G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
Rostov-on-Don. Russia

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III
Moscow. Russia

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitskaya, Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University
Tel-Aviv. Israel

Veronika M. Grebennikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Krystyna Gomolka, Doctor of Political Sciences, Professor, Gdansk Polytechnic University
Gdansk. Poland

Sergey P. Grushevsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Apollon B. Davidson, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the National Research University Higher School of Economics, Head of the Center for African Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Moscow. Russia

Josef Dohnal, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic), Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University (Brno, Czech Republic)
Brno. Czech Republic

Yoshiro Ikeda, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo
Tokyo. Japan

Valeriy V. Kasyanov, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Ростов-на-Дону. Россия

Позднякова Оксана Константиновна, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет Самара. Россия

Спалбер Диана, доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме Генуя. Италия

Токтосунова Адаш Искандеровна, доктор политических наук, профессор, Восточный университет им. Махмуда Кашгари, консультант-эксперт, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ от Кыргызской Республики Бишкек. Кыргызстан

Цыганков Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук. Университет Сан-Франциско Сан-Франциско. США

Шанин Теодор, доктор философии, профессор социологии, Манчестерский университет (г. Манчестер, Великобритания), президент, Московская высшая школа социальных и экономических наук (г. Москва, Россия), почётный член Российской академии сельскохозяйственных наук Манчестер. Великобритания

Чепель Татьяна Леонидовна, действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет Новосибирск. Россия

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет Краснодар. Россия

Шахагпоев Заурби Лелович, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор юридических наук, профессор, начальник Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиал) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции Нальчик. Россия

Чекалева Надежда Викторовна, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, директор Института инновационного и инклюзивного образования Омского государственного педагогического университета, заведующая кафедрой педагогики, председатель диссертационного совета при Омском государственном педагогическом университете Омск. Россия

Sergey A. Kislitsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Rostov-on-Don. Russia

Oksana K. Pozdnyakova, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Samara State Social Pedagogical University Samara. Russia

Diana Spulber, Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome Genoa. Italy

Adash I. Toktosunova, Doctor of Political Sciences, Professor, Mahmud Kashgari Eastern University, Expert-Consultant, Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of CIS Member States from the Kyrgyz Republic Bishkek. Kyrgyzstan

Andrei P. Tsygankov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University San Francisco. USA

Teodor Shanin, Doctor of Philosophy, Professor of Sociology, University of Manchester (Manchester, UK), President, Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia), Honorary Member of Russian Academy of Agricultural Sciences Manchester. UK

Tatyana L. Chepel, Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University Novosibirsk. Russia

Evgeny V. Sturba, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University Krasnodar. Russia

Zaurbi L. Shkhagapsoev, Honored Specialist of the Russian Higher Professional Education, Doctor of Law, Professor, Head of North-Caucasian Institute for Advanced Training of Employees of the Russian Ministry of Internal Affairs (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs, Police Colonel Nalchik. Russia

Nadezhda V. Chekaleva, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Institute of Innovative and Inclusive Education of the Omsk State Pedagogical University, Head of the Department of Pedagogy, Chairman of the Dissertation Council at the Omsk State Pedagogical University Omsk. Russia

Редакционная коллегия

Главный редактор

Штурба Виктор Александрович, член-корреспондент Российской академии естественных наук, член Ассоциации научных редакторов и издателей, Отличник Народного Просвещения РСФСР, Отличник Образования Высшей Школы, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Халилов Тимур Александрович, заместитель главного редактора - научный редактор журнала "Историческая и социально-образовательная мысль", кандидат политических наук
Краснодар. Россия

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет
Ереван. Армения

Быкасова Лариса Владимировна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей педагогики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
Таганрог. Россия

Вашук Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
Владивосток. Россия

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону. Россия

Козодой Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, президент и учредитель, Сибирская академия управления и массовых коммуникаций
Новосибирск. Россия

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук
Екатеринбург, Россия

Патюкова Регина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью КубГУ, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук
Краснодар. Россия

Песцов Сергей Константинович, доктор политических наук, доцент, заведующий отделом международных отношений и региональной безопасности, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
г. Владивосток. Россия

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, кафедра философии и социологии, Краснодарский университет МВД России
Краснодар. Россия

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Editorial board

Editor-in-Chief

Viktor A. Sturba, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Member of Association of Science Editors and Publishers, Excellent Specialist of Public Education of RSFSR, Excellent Specialist of Graduate School Education, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Timur A. Khalilov, Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor of the Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea", Candidate of Political Sciences
Krasnodar. Russia

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University
Yerevan. Armenia

Larisa Bykasova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of General Pedagogic Department, Rostov State Economic University (RINE), Chekhov Taganrog Institute (branch)
Taganrog. Russia

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Social and Political Studies Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
Vladivostok. Russia

Anna V. Vereshchagina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
Rostov-on-Don. Russia

Viktor I. Kozodoi, Doctor of Historical Sciences, Professor, President and Founder, Siberian Academy of Management and Mass Communications
Novosibirsk. Russia

Sergei A. Nefedov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

Regina V. Patyukova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University, Corresponding Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences
Krasnodar. Russia

Sergey K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of International Relations and Regional Security Department, Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
Vladivostok. Russia

Mikhail Yu. Popov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of Russian Ministry of Internal Affairs
Krasnodar. Russia

Alexander L. Faktorovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University
Krasnodar. Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

<i>1917 год: трагедия или триумф?</i>	<i>1917: Tragedy or Triumph?</i>
БАСТЕ Р.Ю., КАСЬЯНОВ В.В., г. Краснодар, Россия ГОРЦЫ И КАЗАЧЕСТВО КУБАНИ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 г.	13 R.YU.BASTE, V.V. KASYANOV, Krasnodar, Russia THE HIGHLANDERS AND THE COSSACKS OF THE KUBAN THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917
БУБЛИЧЕНКО В. Н. г. Ухта, Россия ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАБОТЫ С БЕСПРИЗОРНЫМИ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА	17 V.N. BUBLICHENKO Ukhta, Russia THEORETICAL FOUNDATIONS OF WORK WITH NON- TRANSPARENT IN THE SOVIET STATE AFTER THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917
ГРИГОРЬЕВ О.В. г. Новосибирск, Россия СТО ЛЕТ СПУСТЯ: РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРИБУНАЛЫ В РОССИИ (1917-1923 ГГ.)	21 O.V. GRIGORYEV Novosibirsk, Russia ONE HUNDRED YEARS LATER: THE REVOLUTIONARY TRIBUNALS IN RUSSIA (1917-1923)
ЛАВРЕНТЬЕВА М.А., ГАЕВСКАЯ И.И. г. Краснодар, Россия РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1917 ГОД В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНЕМАТОГРАФА	28 M.A. LAVRENT'EVA, I.I. GAEVSKAYA Krasnodar, Russia REVOLUTIONARY YEAR OF 1917 IN THE HISTORY OF RUSSIAN CINEMA
МАТВЕЕВА А. М. г. Москва, Россия ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЕВРАЗИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ: МЕЖДУ ГЕОПОЛИТИКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ УСТАНОВКАМИ НАЦИОНАЛ- БОЛЬШЕВИЗМА	35 A.M. MATVEEVA Moscow, Russia THE OCTOBER REVOLUTION IN THE EURASIAN CONCEPT: BETWEEN GEOPOLITICS AND POLITICAL ATTITUDES OF NATIONAL BOLSHEVISM
<i>Исторические науки и археология</i>	<i>Historical Sciences and Archaeology</i>
ВЯЗОВА О. Г. г. Чебоксары, Россия ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ ЧУВАШИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ЧУВАШСКОЙ ДЕРЕВНИ В 1990-2000-х гг.	45 O.G. VYAZOVA Cheboksary, Russia TRADE ACTIVITY OF CONSUMER COOPERATION OF CHUVASHIA IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF THE CHUVASH VILLAGE IN THE 1990-2000 TH
ЗАВЬЯЛОВА О.О. г. Ростов-на-Дону, Россия ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ	52 O.O. ZAVYALOVA, Rostov-on-Don, Russia DOMESTIC EXPERIENCE OF STUDYING HISTORY OF RUSSIA OF THE IMPERIAL PERIOD IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF MODERNIZATION
ИВАНОВ А.Г. г. Краснодар, Россия ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СОВРЕМЕННЫЙ МИР. ОПЫТ ИСТОРИИ	62 A.G. IVANOV Krasnodar, Russia THE SECOND WORLD WAR AND THE CONTEMPORARY WORLD. AN IMPACT OF HISTORY
КАРТАШОВА Л. А. г. Москва, Россия ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ МАДАГАСКАРА	67 L.A. KARTACHOVA Moscou, Russie CONTES MERVEILLEUX DE MADAGASCAR
КУНЦЕВИЧ Ю.М. г. Санкт-Петербург, Россия ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА И ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ ЕМУ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	76 Yu.M. KUNTSEVICH Saint-Petersburg, Russia HISTORIAN ASPECTS OF THE FORMATION AND ACTIVITY OF THE MILITARY TRIBAL TO THE LENINGRAD FRONT AND THE MILITARY TRIBUNALS SUBORDINATED TO IT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
ОЧУР Н. М. г. Кызыл, Россия ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ТУВЫ НА СТРАНИЦАХ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ГАЗЕТ (80-90-Е ГОДЫ XX В.)	82 N.M. OCHUR, Kyzyl, Russia SCHOOL EDUCATION OF TUVA IN THE REPUBLICAN NEWSPAPERS (THE 1980-1990s OF THE XX CENTURY)
ПИСЬМЕННАЯ Т.Г., РЯБИКОВ А.Н., ГРЕЧИШКО Д.Н. ЕМЕЛЬЯНОВ Ю.Н. г. Славянск-на-Кубани, Россия К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СССР В 40-Х - НАЧАЛЕ 50-Х гг. XX в.	88 T.G. PISMENNAYA, A.N. RYABIKOV, D.N. GRECHISHKO, Yu.N. YEMELYANOV Slavyansk-on-Kuban, Russia TO THE QUESTION OF CHANGING THE POLITICAL SITUATION OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE USSR IN THE 40S - EARLY 50S OF THE XXth CENTURY

РОЖКОВ А.Ю. г. Краснодар, Россия ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЮНОГО АРЕСТАНТА ОГПУ (КРАСНОДАР, 1928 г.)	95	A.Yu. ROZHKOVA, Krasnodar, Russia EMOTIONAL EXPERIENCES OF THE YOUNG MAN PRISONER OF OGPU (KRASNODAR, 1928)
ТЕБЕНКО В.А. г. Петрозаводск, Россия ЕЩЕ РАЗ О ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА	104	V.A. TEBENKO Petrozavodsk, Russia ONCE AGAIN ABOUT THE MANNERHEIM LINE
Социологические и гуманитарные науки		Sociological and Humanities Sciences
АНДРЕЕВА Л.А., ХОПИЯЙНЕН О.А., ФИЛИМОНОВА Н.В. г. Ханты-Мансийск, Россия НАЦИОНАЛЬНАЯ КУХНЯ КАК ФРАГМЕНТ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	121	L.A. ANDREEVA, O.A. HOPIAYNEN, N.V. FILIMONOVA Khanty-Mansiysk, Russia NATIONAL CUISINE AS A CONSTITUENT PART OF ETHNIC IDENTITY
БЫЛИНА С. Г. г. Саратов, Россия ИНФОРМАЦИОННЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛЫ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РФ: ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ	127	S.G. BYLINA Saratov, Russia INFORMATION AND COGNITIVE POTENTIAL OF THE RURAL POPULATION OF THE RUSSIAN FEDERATION: ESTIMATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS
МАЛЫЦЕВА И.А. г. Краснодар, Россия ПРИЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СМ НА ТЕЛЕАУДИТОРИЮ ПОСРЕДСТВОМ ВЫПУСК НОВОСТЕЙ	137	I.A. MALTSEVA Krasnodar, Russia THE PSYCHOLOGICAL TECHNIQUES OF MASS MEDIA INFLUENCE ON THE TV AUDIENCE THROUGH A NEWS RELEASE
РОГОЧАЯ Г. П., МАКАРЕНКО А. В., СМОЛЬНИКОВА К.А. г. Краснодар, Россия ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ И ЛОББИЗМА	148	G.P. ROGOCHAYA, A.V. MAKARENKO , K.A. SMOLNIKOVA Krasnodar, Russia EVOLUTION OF METHODOLOGICAL APPROACHES IN THE STUDY OF INTEREST GROUPS AND LOBBYING
ШАРОНОВ Д.И. г. Москва, Россия ГРАНИЦЫ КАК ИЛЛЮЗИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИПЕТИИ «МЕДИАТИЗАЦИИ»	155	D.I. SHARONOV Moscow, Russia BOUNDARIES AS ILLUSION: THE HISTORICAL VICISSITUDES OF THE "MEDIATIZATION"
Образование и педагогические науки		Education and Pedagogical Sciences
ВОРОНОВ С.А. г. Санкт-Петербург, Россия КОМПЕТЕНЦИЯ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК КАТЕГОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ	165	S. A. VORONOV St. Petersburg, Russia THEORETICAL ANALYSIS OF SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN UNDERSTANDING OF COMPETENCE AND COMPETENCY
ДИН Х. г. Москва, Россия МЕСТО КОНЦЕРТА № 2 РЕ-МИНОР ГЕНРИКА ВЕНЯВСКОГО В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ	173	H. DING Moscow, Russia PLACE OF HENRYK WIENIAWSKI'S CONCERT NO. 2 D- MOLL IN PEDAGOGICAL PRACTICE
КОРОТОВСКИХ Т.В. г. Сургут, Россия К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ И УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ У ДОШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЯМИ РЕЧИ	179	T.V. KOROTOVSKIY Surgut, Russia TO THE QUESTION OF STUDYING OF THE CHARACTERISTICS AND LEVEL OF DEVELOPMENT OF MONOLOGUE SPEECH OF CHILDREN WITH SPEECH DISORDERS
ЛОРЕНЦ В.В. г. Омск, Россия МЕХАНИЗМ ТВОРЧЕСКОГО САМОРАЗВИТИЯ ПЕДАГОГА В АКМЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	184	V.V. LORENTS Omsk, Russia MECHANISM OF CREATIVE SELF-DEVELOPMENT OF THE TEACHER IN THE ACMEOLOGICAL RESEARCH
ЛЯШЕНКО М.И. г. Соликамск, Россия МОДЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОНТЕРОВ ПО ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМУ ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА	190	M.I. LYASHENKO Solikamsk, Russia MODEL OF PEDAGOGICAL ACTIVITY OF VOLUNTEERS ON SPIRITUAL-MORAL TRAINING OF MINORS IN RESIDENCE
МИХАЙЛОВА А.Г. г. Севастополь, Россия ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ У БУДУЩИХ ИНЖЕНЕРОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТВОРЧЕСКИХ УМЕНИЙ В ВУЗЕ	202	A.G. MIKHAYLOVA Sevastopol, Russia WAYS OF FUTURE ENGINEERS' PROFESSIONAL AND CREATIVE SKILLS FORMATION IN THE UNIVERSITY

ПЕТИН Д.Э. г. Нижний Новгород, Россия ЭТАПЫ ПОСТРОЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МАРШРУТА СПОРТИВНОГО ТРЕНЕРА	209	D.E. PETIN Nizhny Novgorod, Russia STAGES OF CONSTRUCTION OF INDIVIDUAL EDUCATIONAL ROUTE OF A SPORTS COACH
ФЕДОСЕЕВА О.Ю. г. Волгоград, Россия СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКОГО ОЦЕНИВАНИЯ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ	215	O.Yu. FEDOSEEVA Volgograd, Russia SPECIFICITY FOR FORMING ACTIONS OF MORAL- ETHICAL ESTIMATION IN THE YOUNG SCHOOL AGE
ХОРЕВА Л.Г. г. Москва, Россия АВТОРСКАЯ КАРТИНА МИРА В РОМАНЕ У. ЭКО «ИМЯ РОЗЫ»	227	L.G. KHOREVA Moscow, Russia AUTHOR'S VIEW OF THE WORLD IN THE NOVEL OF U. ECO "THE NAME OF THE ROSE"
Информация	235	Information

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих опубликовать свои научные статьи в специальном разделе «1917 год: трагедия или триумф? Взгляд через столетие».

Набор статей осуществляется в течение 2017 года.

По всем вопросам можно обращаться по электронному адресу: akademus07@rambler.ru.

Приглашаются аспиранты, соискатели, преподаватели вузов, научная общественность. Редакция обязуется безвозмездно публиковать материалы специального раздела на страницах журнала. Редакция будет благодарен Вам за распространение данной информации среди заинтересованных персон.

*С уважением,
главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук,
профессор В.А. Штурба*

DEAR COLLEAGUES!

The editorial board of Academic Journal “Historical and Social-Educational Idea” invites everyone to participate in the special section “1917: Tragedy or Triumph? Looking Through the Century”.

A set of articles is carried out during 2017.

All questions possible to address to: akademus07@rambler.ru.

Postgraduate students, candidates of sciences, university professors, representatives of scientific community are invited. The editorial board is committed to free publish materials in the pages of its science journal. The editorial board will be grateful if you would circulate this information among the scientific community.

*Sincerely,
Chief Editor of the Academic Journal
“Historical and Social-Educational Idea”,
Doctor of Historical Sciences,
Professor V.A. Shturba*

***1917 год: трагедия или триумф?
Взгляд через столетие***

***1917: Tragedy or Triumph?
Looking Through the Century***

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-13-16

БАСТЕ Разиет Юсуфовна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия

Raziet Yu. BASTE
Kuban State University
Krasnodar, Russia

КАСЬЯНОВ Валерий Васильевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
culture@kubsu.ru

Valery V. KASYANOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
culture@kubsu.ru

**ГОРЦЫ И КАЗАЧЕСТВО КУБАНИ В
РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917 Г.**

**HIGHLANDERS AND THE COSSACKS OF THE
KUBAN THE REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917**

В статье актуализируется проблема особенностей общественно-политической обстановки на Кубани в период революционных событий 1917 г. Рассматривается взаимодействие горцев и казачества Кубани в революционный период 1917 г., деятельность национальной политической организации «Союз горцев Кавказа». Анализируются практические действия этой организации по созданию горской национально-территориальной автономии в составе Российской федеративной демократической республики. Различного рода союзы и съезды позволили адыгам более активно раскрыться как этнополитическому формированию в регионе. Нужно отметить, что за восстановление общероссийского комплекса властных структур и на региональном уровне выступали созданные политические организации. Отмечается, что национальный вопрос стал центральным вопросом общественной жизни для адыгской интеллигенции, это предопределило специфические условия существования адыгов. Самоопределение и возможность создания условий для сохранения национальной культурной самобытности адыгская интеллигенция ощутила в новых политических обстоятельствах. Не вызывает сомнения тот факт, что «буржуазные свободы, под знаменем которых произошла смена власти в России», давали интеллигенции надежды, связанные с организацией национальной жизни.

Article updated features of the problem of social and political situation in the Kuban in the revolutionary events of 1917. Discusses the interactions of mountaineers and Cossacks of the Kuban during the revolutionary period of 1917, the national political organization "Union of mountaineers of the Caucasus". Analyzes the practical actions of this organization to create Gorsky national-territorial autonomy within the Russian Federative democratic Republic. Various unions and congresses have allowed the Circassians to more actively open up as ethno-political formation in the region. It should be noted that for the restoration of the all-Russian complex power structures at the regional level were created by political organizations. It is noted that the national question has become a Central question of public life for the Adighe intelligentsia; it has predetermined specific conditions for the existence of the Circassians. Self-determination and the possibility of creating conditions for preserving national cultural identity Circassian intellectuals felt in the new political circumstances. No doubt the fact that "bourgeois freedoms under the banner of which there was a change of power in Russia", gave the intelligentsia a national area of expectations associated with the organization of national life.

Ключевые слова: Россия, Кубань, 1917 год, революция, горцы, адыги, казачество, преобразования, общественно-политическая жизнь, общество, союз, история, кризис, интеллигенция, политическая сила, регион.

Keywords: Russia, Kuban, 1917, revolution, the highlanders, Circassians, Cossacks, conversion, social and political life, society, Union, history, crisis, the intelligentsia, the political power of the region

Широкое обсуждение истории Великой российской революции 1917 года убедительно свидетельствует о том, что падение самодержавия стало закономерным итогом общенационального кризиса. К февралю 1917 г. у монархии не осталось реальной политической силы, поддержки и защиты. Основная масса населения была вполне готова к радикальным переменам в общественно-политической жизни.

Представители старой власти Кубанской области и Черноморской губернии, не в пример многим другим регионам, первое время сохраняли свои позиции. Среди них генерал-майор М.П. Бабыч, начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска, который был вынужден подчиниться новому правительству России и какое-то время еще оставался на посту руководителя области, пытаясь наладить контакт с теми, кто поддержал Февральскую революцию [1, с. 182].

Новый режим после свержения самодержавия признается большей частью граждан Кубани и Черноморья, в том числе казачеством. Антивоенные и демократические лозунги

звучат на митингах и демонстрациях. 28 февраля в Екатеринодаре собрание представителей революционно-демократических организаций создает комиссию (по одному человеку от большевиков, меньшевиков и эсеров). 2 марта рождается первый демократически избранный орган власти на Северном Кавказе - Екатеринодарский Совет рабочих депутатов [2].

Совет избирает Исполнительный комитет (9 человек). Екатеринодарский гарнизон 8 марта формирует из своих представителей Временную военную секцию казачьих и солдатских депутатов (7 солдат и 5 казаков), которая тут же вливается в состав Екатеринодарского Совета, именуемого теперь Советом рабочих, солдатских и казачьих депутатов (с 2 казаками и солдатами в исполкоме). В Новороссийске 4 марта собирается политическая демонстрация, а через три дня уже создается Новороссийской Совет рабочих депутатов. В Армавире, Майкопе, Геленджике, Туапсе и Сочи - повсюду в течение марта и апреля организовывались Советы [3,].

5 марта кадеты инициируют учреждение Екатеринодарского гражданского комитета и Комитета общественной безопасности, поддержавших Временное правительство. Кадет В.В Скидан возглавляет Кубанский областной гражданский комитет, созданный для управления краем по приказу М.П. Бабыча 8 марта. Из его состава образован Временный Кубанский областной исполком. И вот этот Исполком и решает создать в отделах и населенных пунктах местные гражданские комитеты, на которые в дальнейшем опиралось Временное правительство [4, с. 183].

Что касается горцев, то идеи революции для них были чужды и воспринимались как нечто непонятное и враждебное. В то же время падение самодержавия дало мощный толчок адыгской интеллигенции для поиска и активного осмысления путей последующего общественно-политического развития своего народа.

Национальный вопрос стал центральным вопросом общественной жизни для адыгской интеллигенции, что предопределило специфические условия существования адыгов. Самоопределение и возможность создания условий для сохранения национальной культурной самобытности адыгская интеллигенция ощутила в новых политических обстоятельствах. Не вызывает сомнения тот факт, что «буржуазные свободы, под знаменем которых произошла смена власти в России», давали интеллигенции надежды, связанные с организацией национальной жизни.

В первой половине 1917 г. на Северном Кавказе отмечается резкий рост политической активности всего населения региона. Практически везде объявляются созывы различных союзов, съездов, собраний, политических митингов. Было внесено предложение - образовать гражданские комитеты на местах, избрать в Кубанский временный Исполнительный комитет двух представителей от горцев. Эта мера подразумевала упорядочивание гражданской и правовой жизни горцев.

Различного рода союзы и съезды позволили адыгам более активно раскрыться как этнополитическому формированию в регионе. Нужно отметить, что за восстановление общероссийского комплекса властных структур и на региональном уровне выступали созданные политические организации. С 9 по 18 апреля в г. Екатеринодаре проходил общеобластной съезд представителей казаков, иногородних и горцев, на котором был избран Областной исполнительный комитет. В его состав от каждого отдела вошли: один казак, один иногородний, четыре представителя от горцев [5, с. 76].

Реальная политическая свобода, которую почувствовала адыгская интеллигенция, позволила им в целях поднятия политической значимости своего народа развернуть просветительскую и пропагандистскую работу. Весной 1917 г. в г. Новороссийске состоялся Съезд горской интеллигенции края, на котором среди многочисленных вопросов повестки дня было принято решение о необходимости издания газеты «Горская жизнь». Подразумевалось, что газета будет не только вести работу по разъяснению горцам их прав, но и будет «трибуной, с которой могло бы раздаваться слово, имеющее какое-либо отношение к горской жизни» [6, с. 51].

«Союз горцев Кавказа» являлся наиболее известной политической организацией из всех существующих в то время, целью деятельности которой было признано создание

горской национально-территориальной автономии в составе Российской федеративной демократической республики. И в области своих внутренних народнохозяйственных интересов каждый из народов признавался автономным [7, с. 2]. Данный союз стал первым опытом проектирования новых форм национально-государственного развития народов Северного Кавказа.

Основной проблемой революционного времени был давно обострившийся в регионе аграрный вопрос, в решение которого вместе с другими этническими и социальными группами Северо-Западного Кавказа включились и адыги.

С 10 по 17 августа 1917 г. адыгская интеллигенция Кубанской области организовала съезд горцев в ауле Хакуринохабль, на котором обсуждались следующие вопросы: «о текущем моменте, судебной реформе, местном самоуправлении, духовном управлении, отношении горцев Кубанской области к абхазскому народу, турецко-подданных горцах Кубанской области, горцах - переселенцах в Турцию, народном образовании и аграрный вопрос». [8, с. 2]. Несмотря на длительные дебаты, большинством голосов было решено принять сторону Кубанского краевого правительства, что фактически означало заключение союза горцев и казаков Кубани [9, с. 45].

Принятое адыгами решение на тот момент было очень знаковым. В регионе реальную политическую силу, безусловно, представляло казачество. Здесь сказались и сословная близость адыгской элиты и казачества, а также обещания горцам определенной автономии. Произошло политическое объединение казачества и горцев. Однако это породило новый политический кризис, поскольку иногородним населением все это было воспринято как сговор [10, с. 78].

Анализ исторических событий показывает, что во второй половине 1917 г. обострились отношения между казачьим, горским и иногородним населением прежде всего по земельному вопросу [11, с. 182]. Накапились взаимоотношения между областным исполнительным комитетом и казачьим правительством.

В этих условиях важным шагом к политической стабилизации в регионе стало создание «Юго-Восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей». Целями этого Союза были: достижение скорейшего учреждения Российской Демократической Федеративной Республики и «признание Членов Союза отдельными ее штатами, а также стремление к образованию твердой и автономной демократической государственной власти, опираясь на все живые силы национальностей и территории страны и свободной от давления безответственной организации» [12, с. 85].

События, происходившие в октябре, чрезвычайно резко обострили политические противоречия в обществе и ситуацию в стране. В этих довольно сложных в историческом плане условиях адыгская интеллигенция старалась осмыслить более приемлемое для своего народа развитие событий. Осуществить реализацию такого сценария можно было при поддержке наиболее влиятельных, с точки зрения интеллигенции, политических сил. Сравнительно-исторический анализ убеждает в том, что создание национальной автономии, сохранение национально-культурной самобытности стали абсолютным приоритетом в политических устремлениях адыгской интеллигенции [13, с. 3].

Октябрьский переворот внес в российское общество раскол. Оказавшись между двумя политическими полюсами, адыгское сообщество в своем большинстве предпочло опереться на региональные политические силы, сделать ставку на общерегиональные интересы. В целом, адыгское население выразило поддержку Кубанскому краевому правительству.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. История Кубани: Учебное пособие / Под общ. ред. В.В. Касьянова. - Краснодар, 2015. - С. 182.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же. - С. 183.
5. Машитлев Р.М. Адыги Северо-Западного Кавказа в революционных событиях и Гражданской войне 1917-1920 годов. - Краснодар, 2010. - С. 76.

6. Боров А.Х. Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. - Нальчик, 1999. - С. 51.
7. Емтыль З.Я. Революционные события в России 1917-1920 гг. в восприятии адыгской интеллигенции // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 2011. - № 1. - С. 2.
8. Там же.
9. Раено-Туранский Я.Н. Адыги до и после Октября. - Ростов н/Д, 1927. - С. 43.
10. Машитлев Р.М. Указ. соч. - С. 78.
11. История Кубани. - Краснодар, 2015. - С. 182-188.
12. Машитлев Р.М. Указ. соч. - С. 85.
13. Емтыль З.Я. Указ. соч. - С. 3.

REFERENCES

1. History of the Kuban. Krasnodar, 2015. P. 182.
2. Ibid.
3. Ibid.
4. Ibid. P.183.
5. Mashatlev RM Adygs of the North-Western Caucasus in the revolutionary events and the Civil War of 1917-1920. Krasnodar, 2010. P. 76.
6. A.A. Borov. Dumanov Kh.M., Kazharov V.Kh. Modern statehood of Kabardino-Balkaria: sources, ways of becoming, problems. Nalchik, 1999. p. 51.
7. Yemtyl Z. Ya. Revolutionary events in Russia in 1917-1920 in the perception of Adygeyan intelligentsia. Izvestiya Vuzov. North-Caucasian region. Social Sciences. 2011. № 1. p. 2.
8. Ibid.
9. Raeno-Turanian Ya.N. Adygs before and after October. Rostov na Don, 1927. P. 43.
10. Mashtlev RM Adygs of the North-Western Caucasus in the revolutionary events and the Civil War of 1917-1920. Krasnodar, 2010. P. 78.
11. History of the Kuban. Krasnodar, 2015. Pp. 182-188.
12. Mashatlev R.M. Adygs of the North-Western Caucasus in the revolutionary events and the Civil War of 1917-1920. Krasnodar, 2010. P. 85.
13. Yemtyl Z. Ya. Revolutionary events in Russia in 1917-1920 in the perception of the Adygeyan intelligentsia. Izvestiya Vuzov. North-Caucasian region. Social Sciences. 2011. No. 1. p. 3.

Информация об авторах:

Басте Разиет Юсуфовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России, факультет истории, социологии и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
culture@kubsu.ru

Получена: 07,10,2017

Для цитирования: Басте Р.Ю., Касьянов В.В. Горцы и казачество Кубани в революционных событиях 1917 г. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.13-16.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-13-16.

Information about the authors:

Raziet Yu. Baste, Candidate of historical Sciences, Senior lecturer of the Department of history (Faculty of History, Sociology and International relations, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Kuban State University, Krasnodar, Russia
culture@kubsu.ru

Received: 07,10,2017

For citation: Baste R.Yu., Kasyanov V.V. Highlanders and the cossacks of the Kuban the revolutionary events of 1917. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.6 Part. 1. Pp. 13-16.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-13-16. (in Russian

УДК 94(470)"1917":37.091.4:159.922.767

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-17-20

БУБЛИЧЕНКО Владимир Николаевич
Ухтинский государственный технический
университет
г. Ухта, Россия
vbublichenko@mail.ru

Vladimir N. BUBLICHENKO
Ukhta State Technical University
Ukhta, Russia
vbublichenko@mail.ru

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАБОТЫ С
БЕСПРИЗОРНЫМИ В СОВЕТСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА**

**THEORETICAL FOUNDATIONS OF WORK WITH
NON-TRANSPARENT IN THE SOVIET STATE
AFTER THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917**

В статье проведен анализ изменения теоретических основ работы с беспризорными несовершеннолетними после российской революции в октябре 1917 года. Выделена специфика религиозного и атеистического воспитания беспризорных подростков. С точки зрения советской идеологии религия ограничивала возможности получения несовершеннолетними материалистического восприятия мира. Альтернативой дореволюционному религиозному воспитанию беспризорных несовершеннолетних советская педагогика противопоставила учение о трудовой школе. В ней формировались навыки, которые обеспечивали последующую социализацию в обществе подростков, попавших в сложную жизненную ситуацию. Основой новаторского подхода к педагогическому процессу после Октябрьской революции 1917 года в России стал тезис Л.С. Выготского о взаимозависимости психофизиологических особенностей несовершеннолетних и возможности формирования у них социально-коммуникативных качеств в условиях коллективной деятельности. Благодаря такому подходу открывались возможности для создания трудовой школы. Популяризация новых педагогических концепций в работе с беспризорными подростками велась через выступления руководителей советского государства перед общественностью. Сформировавшаяся традиция решала практические задачи. Одним из лейтмотивов организации работы с беспризорными подростками после Октябрьской революции 1917 года стало противопоставление советской модели педагогической теории и практики буржуазной. В конце статьи на основе проведенного анализа сделаны следующие выводы. Российский социальный конфликт в октябре 1917 года способствовал началу реализации новых теоретических концепций в работе с беспризорными несовершеннолетними. От дореволюционной практики они отличались отсутствием классового подхода, приоритетом в формировании материалистического мировоззрения и принципов коллективизма у лишенных семейного воспитания подростков. Новаторские педагогические теории строились на принципах трудовой школы, доминантой развития которой становилось использование психофизиологических особенностей беспризорных подростков в условиях коллективной деятельности.

The article analyzes the changes in the theoretical bases of work with homeless minors after the Russian revolution in October 1917. Specificity of religious and atheistic education of homeless teenagers is singled out. From the point of view of Soviet ideology, religion limited the possibilities for minors to receive a materialistic perception of the world. The alternative to the pre-revolutionary religious education of homeless minors Soviet pedagogy opposed the doctrine of the labor school. It formed the skills that ensured the subsequent socialization in a society of adolescents who fell into a difficult life situation. The basis of the innovative approach to the pedagogical process after the October Revolution of 1917 in Russia was the thesis of L.S. Vygotsky on the interdependence of the psychophysiological characteristics of minors and the possibility of forming in them social and communicative qualities in the conditions of collective activity. Thanks to this approach, opportunities were opened for the creation of a labor school. Popularization of new pedagogical concepts in working with street teens was conducted through the speeches of the leaders of the Soviet state to the public. The formed tradition solved practical problems. One of the leitmotifs of organizing work with unaccompanied teenagers after the October Revolution of 1917 was the opposition of the Soviet model of pedagogical theory and bourgeois practice. At the end of the article, based on the analysis, the following conclusions are drawn. The Russian social conflict in October 1917 facilitated the beginning of the implementation of new theoretical concepts in working with street children. From pre-revolutionary practice, they were distinguished by the lack of a class approach, a priority in the formation of a materialistic outlook and the principles of collectivism for children deprived of family upbringing. Innovative pedagogical theories were built on the principles of a labor school, the dominant development of which was the use of psychophysiological characteristics of homeless teenagers in conditions of collective activity.

Ключевые слова: Октябрьская революция, Советская Россия, беспризорность, педагогические теории, социализация, религия, атеизм, трудовая школа

Keywords: October revolution, Soviet Russia, homelessness, pedagogical theories, socialization, religion, atheism, labor school

Октябрьская революция 1917 года в России коренным образом изменила направление развития страны. Выполнение задачи по ликвидации эксплуатации человека человеком и переход на социалистический путь развития предусматривал кардинальные преобразования всех сфер общественной жизни. Составной частью решения социальных

проблем в советском государстве, вызванных Первой мировой войной и революционными событиями, стала организация работы с беспризорными подростками.

Наряду с появлением новой структуры учреждений для несовершеннолетних подростков, которые потеряли связь со своими семьями, практическую значимость получили новые педагогические методики обучения и воспитания. Исправительные учреждения дореволюционной России, в которых размещались нищенствующие и занимающиеся бродяжничеством подростки, «должны были заботиться о религиозно-нравственном развитии своих воспитанников». Обучение закону Божию строилось с учетом конфессиональной принадлежности несовершеннолетних [1, с. 11, 12].

Теоретические основы работы советской школы, в том числе в учреждениях для беспризорных подростков, основывались на атеистических принципах. Отрицательное отношение к религии было характерной чертой советской идеологии, поэтому она не могла пропагандироваться в учебных заведениях. Рассматривая религиозные взгляды как систему «ложных представлений, ложных чувств и ложных действий», первый нарком просвещения Советской России А.В. Луначарский считал, что школа, как институт просвещения, не может оставаться в стороне от борьбы с религией. Перед советскими образовательными учреждениями ставилась задача «отвращать новое поколение» от религии, начиная с раннего возраста [2, с. 329]. В перспективе у советской молодежи должен был сформироваться научный подход к восприятию окружающего мира.

Сомнительно, что для подростков, которые потеряли связь с семьей, занимались бродяжничеством и сбором подаяний, религиозное мировоззрение являлось доминирующим в их образе жизни. Очевидно, оно воспринималось ими как приоритетная составляющая жизненного уклада дореволюционной России и специфическая доминанта воспитательной составляющей, которая применялась по отношению к внесоциальной молодежи. В условиях социалистических преобразований после Октябрьской революции 1917 г. в российской общественно-политической жизни важно было не столько восприятие новой атеистической концепции беспризорными подростками, сколько возможность советских государственных структур привлечь на свою сторону таких несовершеннолетних и обеспечить их дальнейшую социализацию.

Альтернативой дореволюционному религиозному воспитанию беспризорных несовершеннолетних советская педагогика противопоставила учение о трудовой школе. Обозначенные приоритеты в образовании должны были способствовать формированию материалистического мировоззрения у нового поколения советской молодежи, в том числе беспризорных. Педагогическое воздействие на них было особенно важно, поскольку обеспечивало возможности социализации наиболее незащищенной части подрастающего поколения советских граждан.

Основой новаторского подхода к педагогическому процессу в послереволюционный период стал тезис Л.С. Выготского о взаимозависимости психофизиологических особенностей несовершеннолетних и возможности формирования у них социально-коммуникативных качеств в условиях коллективной деятельности.

Применительно к беспризорным подросткам выделим мнение одного из последователей теории трудовой школы П.П. Блонского, согласно которому «беспризорная детская масса выросла в особых условиях, создала особые приспособления». Сложившееся положение предъявляло особые требования и к педагогам, которые работали с данным контингентом несовершеннолетних. Перед ними возникала главная задача - понять, что «ненормальны не дети, а та среда, в которой жили дети» [3, с. 7]. Только благодаря такому подходу педагогическое воздействие на беспризорных подростков могло принести положительный эффект.

Таким образом, приоритетным в теории трудовой школы во время работы с беспризорными считалось правильное воздействие со стороны педагогов на попавших в сложную жизненную ситуацию подростков. Психофизиологические особенности беспризорных, которые доминировали у них и возникли под воздействием окружающей среды, становились главным критерием обучения и воспитания.

Через выступления руководителей советского государства велась популяризация новых педагогических концепций по работе с беспризорными несовершеннолетними. Оформившаяся традиция решала практические задачи. Во-первых, широкая общественность, в первую очередь педагогическая, получала директивные установки от своего непосредственного руководства. Во-вторых, в ходе обмена мнениями проходили апробацию и уточнялись отдельные теоретически значимые вопросы, которые в дальнейшем позволяли найти правильное решение возникшей проблемы. В-третьих, для чиновников обмен мнениями позволял выявить недостаточно проработанные аспекты теоретических концепций педагогики по отношению к внесоциальной молодежи. В-четвертых, во время публичных дискуссий обсуждались ранее не возникавшие направления работы с беспризорными, которые требовали своего решения. Наконец, что было особо важно для решения проблемы подростковой беспризорности, теоретические аспекты находили практическую реализацию в нормативно-правовых документах, обязательных для выполнения всеми государственными структурами советского государства.

Одним из лейтмотивов организации работы с беспризорными подростками после Октябрьской революции 1917 года стало противопоставление советской модели педагогической теории и практики буржуазной. В частности Н.К. Крупская, которая имела значительный педагогический опыт дореволюционной работы с рабочей молодежью, акцентировала внимание на невозможности использования советским государством буржуазных принципов при ликвидации беспризорности. Научно-педагогической основой нового концептуального подхода в сложившейся ситуации Н.К. Крупская видела в привлечении широкой общественности к работе с подростками, которые были лишены семейного воспитания. «Разрушение общественных отношений, - считал педагог, - породило беспризорность, и необходимо, чтобы организованная общественность ликвидировала эту беспризорность» [4, с. 10]. Советские педагоги, выделяя главные причины беспризорности и правонарушений среди несовершеннолетних в капиталистических странах, акцентировали внимание на наличии в них «эксплуатации рабочих масс» [3, с. 6].

Правомерность или несостоятельность данного тезиса могла подтвердиться практической реализацией тех теоретических концепций в отношении беспризорных подростков, которые проходили апробацию в советском государстве на начальном периоде его развития. В целом тенденция имела положительную динамику. Несмотря на трудности восстановительного периода, советский партийный и административный аппарат сумел свести к минимуму уличную подростковую беспризорность в течение первого десятилетия после Октябрьской революции 1917 года. Наметилось решение отдельных педагогических проблем, разработку которых вели как педагоги-теоретики, так и педагоги-практики.

Таким образом, российский социальный конфликт в октябре 1917 года способствовал началу реализации новых теоретических концепций в работе с беспризорными несовершеннолетними. От дореволюционной практики они отличались отсутствием классового подхода, приоритетом в формировании материалистического мировоззрения и принципов коллективизма у лишенных семейного воспитания подростков. Новаторские педагогические теории строились на принципах трудовой школы, доминантой развития которой становилось использование психофизиологических особенностей беспризорных подростков в условиях коллективной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Папкова Т.П. Исторический аспект профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в России // История государства и права. - 2002. - № 5. - С. 10-14.
2. Луначарский А.В. О воспитании и образовании /под ред. А.М. Арсеньева, Н.К. Гончарова и др. - М.: Педагогика, 1976. - 640 с.
3. Борьба с беспризорностью: материалы 1-й московской конференции (16-17 марта 1924 г.). - М.: Работник просвещения, 1924. - 52 с.

4. Крупская Н.К. Речь на конференции по борьбе с детской беспризорностью 16 марта 1924 г. / Борьба с беспризорностью: материалы 1-й московской конференции (16-17 марта 1924 г.). - М.: Работник просвещения, 1924. - 52 с.

REFERENCES

1. Papkova T.P. Istoricheskiy aspekt profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih v Rossii. [The Historical aspect of prevention of neglect and offenses of minors in Russia]. Istoriya gosudarstva i prava. 2002. № 5. pp. 10-14.
2. Lunacharskiy A.V. O vospitanii i obrazovanii /pod red. A.M. Arsen'eva, N.K. Goncharova, I. A. Kairova . i dr.[On upbringing and education, ed. by A. M. Arsenyev, N. To. Goncharov, etc.,]. M.: Pedagogika, 1976. 640 p.
3. Borba s besprizornost'yu: materialy 1-y moskovskoy konferentsii (16-17 marta 1924 g.). [The fight against homelessness: proceedings of the 1st Moscow conference (March 16-17, 1924)]. M.: Rabotnik prosveshcheniya. 1924. 52 p.
4. Krupskaya N.K. Rech' na konferencii po bor'be s detskoj besprizornost'yu 16 marta 1924 g. Bor'ba s besprizornost'yu: materialy 1-j moskovskoy konferencii (16-17 marta 1924 g.). [Speech at the conference on combating child homelessness March 16, 1924 / the Fight against homelessness: proceedings of the 1st Moscow conference (March 16-17, 1924)]. M.: Rabotnik prosveshcheniya, 1924. 52 p.

Информация об авторе:

Бубличенко Владимир Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и культуры, Ухтинский государственный технический университет, г. Ухта, Россия
vbublichenko@mail.ru

Получена: 16.11.2017

Для цитирования: Бубличенко В.Н. Теоретические основы работы с беспризорными в советском государстве после Октябрьской Революции 1917 года. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.17-20.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-17-20.

Information about the author:

Vladimir N. Bublichenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Culture, Ukhta State Technical University, Ukhta, Russia
vbublichenko@mail.ru

Received: 16.11.2017

For citation: Bublichenko V.N. Theoretical foundations of work with non-transparent in the soviet state after the October Revolution of 1917. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part. 1. Pp. 17-20.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-17-20. (in Russian)

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-21-27

ГРИГОРЬЕВ Олег Вячеславович
Новосибирский военный институт имени
И.К. Яковлева войск национальной гвардии
Российской Федерации,
г. Новосибирск, Россия
3411208@mail.ru

Oleg V. GRIGORYEV
I.K. Yakovlev Novosibirsk Military Institute
of the Russian National Guard Troops
Novosibirsk, Russia
3411208@mail.ru

**СТО ЛЕТ СПУСТЯ: РЕВОЛЮЦИОННЫЕ
ТРИБУНАЛЫ В РОССИИ (1917-1923 гг.)**

**ONE HUNDRED YEARS LATER: THE
REVOLUTIONARY TRIBUNALS IN RUSSIA
(1917-1923)**

В данной научной статье дано достаточно краткое описание политической, экономической и социальной обстановки, сложившейся в России после Октябрьской революции 1917 г. Дана обзорная характеристика корпуса историографической литературы по теме научного исследования. Проанализирована нормативная база формирования и деятельности революционных трибуналов того периода. Осуществлена попытка выявить причины ликвидации «трибунального» правосудия в 1923 г. В рамках рассматриваемой темы диктатура наиболее рельефно проявляется в приговорах революционных трибуналов, в оценках законности принимаемых решений. Судьи революционных трибуналов при необходимости заимствовали нормы права предшествующих режимов и пренебрегали ими, когда это противоречило «идеалам революции». По мнению автора данной научной публикации, деятельность революционных трибуналов определялась особым макроисторическим периодом, конъюнктурой момента, поэтому трибуналы были упразднены с его окончанием, однако институциональный, нормативно-правовой, управленческий, ценностный, системный, исторический опыт образования и функционирования чрезвычайного правосудия должен быть воспринят и учтен реформаторами судебной системы постсоветской Российской Федерации. Автор данной научной публикации убежден в следующем: не требует особых доказательств суждение о том, что бессмысленно приступать к преобразованиям без изучения и осмысления национального опыта становления и реформирования судебной системы. Ведь суды в современной России берут свое начало от судов прошлых периодов и являются прообразом судов будущего.

In this scientific article, a rather brief description of the political, economic and social situation prevailing in Russia after the October Revolution of 1917 is given. A survey characteristic of the corpus of historiographical literature on the topic of scientific research is given. The normative basis for the formation and activities of the revolutionary tribunals of that period is analyzed. An attempt was made to identify the reasons for the elimination of "tribunal" justice in 1923. Within the framework of the topic under discussion, the dictatorship is most clearly manifested in the verdicts of the revolutionary tribunals, in assessing the legality of the decisions taken. Judges of the revolutionary tribunals, if necessary, borrowed the norms of the law of the previous regimes and neglected them when it contradicted the "ideals of the revolution". In the opinion of the author of this scientific publication, the activities of the revolutionary tribunals were determined by a special macro historical period, the conjuncture of the moment, and therefore the tribunals were abolished with its end; however, institutional, regulatory, managerial, value, systemic, historical experience of the formation and functioning of emergency justice must be perceived and is taken into account by the reformers of the judicial system of the post-Soviet Russian Federation. The author of this scientific publication is convinced that the judgment that it is inconceivable to embark on transformations without studying and comprehending the national experience of the formation and reform of the judicial system does not require special proof. After all, courts in modern Russia originate from the courts of past periods and are the prototype of the courts of the future.

Ключевые слова: революционные трибуналы, Октябрьская революция, чрезвычайное правосудие, подсудность, приговор

Keywords: revolutionary tribunals, October Revolution, extraordinary justice, jurisdiction, sentence

В период Октябрьской революции 1917 г. в России на первый план вышли классовые отношения, оттесняя все остальные. В этот период произошли коренные изменения в государственном устройстве, связанные со сменой политического строя, экономической основы, правовой базы и др. России был нанесен огромный урон, страна понесла значительные демографические потери. Кардинально изменились идеологические основы и структура российского общества. В этот период классовая борьба приняла самые крайние формы, принесла с собой массовый террор, непримиримую злобу и ожесточение, разделив нацию на тех, кто принял революцию, и тех, кто противодействовал новому режиму. Для борьбы с контрреволюционными проявлениями, в соответствии с Декретом «О

суде», были созданы революционные трибуналы (РТ).

Вопросы национального опыта реформирования судебной системы в России значимы и всегда актуальны. Изучение деятельности органов правосудия революционной поры может помочь избежать ошибок на современном этапе, особенно в чрезвычайный или военный период. К сожалению, такие ошибки в деятельности РТ имели место.

Проблемы, связанные с деятельностью РТ, неизменно интересовали исследователей. В советской России на начальных этапах их деятельность описывалась современниками, очевидцами тех событий, и нередко это были представители правоохранительной компоненты. В трудах таких авторов, как П.И. Стучка, Д.И. Курский, Н.В. Крыленко, М.А. Рейснер и др., зачастую превалировала идеологическая составляющая. На более позднем этапе опыт деятельности РТ был обобщен в работах М.В. Кожевникова, Е.Н. Тарковского, Н.С. Уманского, Г.К. Рогинского, С.П. Мельгунова, А.Ф. Горкина, П.А. Голуба, В.В. Куликова, В.М. Курицына, Ю.И. Стецовского и мн. др.

Из современных авторов можно выделить В.А. Перцева, В.А. Сергиенко, Н.Н. Гороховского, Н.А. Колоколова, П.И. Бакулина, Ю.Н. Тимкина, К.А. Палкина, В.И. Титкова и др.

Необходимо отметить, что, несмотря на важное теоретическое и практическое значение исследования деятельности РТ в советской России, фундаментальных разработок по теме проводилось недостаточно и отдельные стороны деятельности РТ не освещены должным образом, не все архивные документы введены в научный оборот.

Актуальность темы предопределила научную задачу - исследование проблемных вопросов формирования и деятельности РТ в России.

Судебная система России в советский период начала свое законодательное оформление Декретом СНК «О суде» № 1 от 24 ноября 1917 г. В соответствии с указанным документом должны были быть ликвидированы все существовавшие на тот период суды.

Впрочем, политическое основание этим процессам дал В.И. Ленин, определяя «Очередные задачи Советской власти»: «... не реформировать судебные учреждения, а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат... Мы расчистим этим дорогу для настоящего народного суда» [1, с. 162- 163].

По мнению одного из авторов Декрета «О суде» П.И. Стучки, «Суть декрета заключалась в двух положениях: 1) разогнать старый суд и 2) отменить все старые законы [2, с. 40]. В результате в ст. 1 анализируемого Декрета было указано: «Упразднить донныне существующие общие судебные установления...всех наименований...».

Ликвидация прежней судебной системы побуждала вождей революции к формированию новых судебных органов, адаптированных к сложившимся условиям, когда «...правовые устои страны были окончательно разрушены, выброшены из нормального русла, и волна революционного движения выбросила на поверхность мутные потоки темных дельцов и спекулянтов, творивших беззаконие, подрывающих устои Советской власти. Для борьбы с этим злом нужен был особый орган борьбы» [3, Д.1, Л.85].

Такие судебные органы должны были быть «...скорыми и действительно революционно беспощадными к контрреволюционерам, взяточникам и дезорганизаторам, нарушителям трудовой дисциплины» [4, с. 74-75].

В сложившейся ситуации Декретом «О суде», кроме местных судов, были образованы РТ, предназначенные «...для борьбы против контрреволюционных сил, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев и промышленников, чиновников и прочих лиц» [5, ст. 50].

П.И. Стучка по поводу создания РТ отмечал следующее: «Мы, создавая революционный трибунал, определенно заявляем, что это не есть суд над политическими противниками, но является особой организацией борьбы против контрреволюционных сил» [6, с. 11].

Известный революционный деятель Н.В. Крыленко высказывался по поводу РТ более конкретно, называя их «...карающей десницей пролетариата на переднем крае борьбы не только с контрреволюцией, но и уголовной преступностью» [7, с. 205].

Профессор Петроградского университета, активный участник тех событий М.А. Рейснер выражал свое мнение по поводу РТ еще более определенно: «Трибуналы были созданы именно в целях применения мер насилия. Здесь было не до права и не до его толкования» [8, с. 213-214].

19 декабря 1917 г. в развитие положений Декрета «О суде» НКЮ РСФСР издал инструкцию «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний» [9, ст. 166].

Таким образом, цель учреждения РТ - уголовное преследование врагов революции, создание суда, не скованного многочисленными юридическими формальностями. РТ был необходим как судебный орган специальной подсудности, который, с одной стороны, соответствовал революционным идеям, придавая законность применению репрессии, с другой - создание РТ показывало всему миру, что республика Советов ведет борьбу с врагами исключительно в рамках правового поля и деятельность эта осуществляется специально уполномоченными на то судебными органами.

Но это возможно, только если реформирование проводится планомерно, а все преобразования постепенно, при сохранении основ государственного и общественно-политического строя, хотя и в таком случае реформирование судебной системы представляет собой самые трудные преобразования в обществе. Задача суда - разрешать споры, он и возник вследствие этого, то есть это тот инструмент, который ответственен за разрешение споров. Судебная функция власти рождается раньше законодательной и исполнительной, она возникает еще до того, как появляются первые зафиксированные элементы писаного права, а государство оформляется политически.

Большевики же, разрушив все старорежимные государственные институты, объективно стремились получить власть абсолютную и безраздельную, всякое умаление свершенной революции и ведущей роли Коммунистической партии было для них совершенно неприемлемо. Поэтому с первых дней шло огосударствление судебной системы.

Не стоит питать иллюзий относительно демократических парадигм марксизма в отношении судебной власти. «Когда успешно совершают революцию, - писал К. Маркс, - можно повесить своих противников, но нельзя произносить над ними судебный приговор. Их можно убрать с дороги, как побежденных врагов, но нельзя судить их как преступников» [10, с. 255-256.].

Вожди молодой советской республики хорошо усвоили уроки, и П.И. Стучка, вторя идеологическому лидеру, обозначил свою позицию так: «Мы, как и Маркс, должны стоять не на почве законности, а стать на почву революции» [11]. Поэтому РТ были фактически органами исполнительной власти и не имели возможности иного реагирования на указания партийной элиты, кроме как незамедлительно их исполнить и доложить.

Так или иначе, большевики стремились жестко контролировать РТ, при этом менялся сам смысл судебной власти. В советской России деятельность РТ была скорее разновидностью власти административной, а роль судей РТ - декоративной и третьестепенной. Большевицким вождям было искренне непонятно, что, кроме них, еще кто-либо мог распоряжаться судьбами людей. Поэтому состав РТ формировался исключительно из ответственных и преданных делу революции работников, которым было предоставлено ничем не ограниченное право определения меры репрессии [12, с. 6-7.].

В свете вышесказанного для большевиков РТ был идеальным судебным органом: суд, приверженный коммунистическим идеям, чьи действия отслеживались партийными органами, неусыпно надзирающими за соблюдением революционного законодательства, которое зачастую основывалось на революционной совести и революционном правосознании. «В процессе борьбы со своими классовыми врагами, - говорилось в руководящих началах по уголовному праву, - пролетариат применяет те или иные меры насилия, но применяет их на первых порах без особой системы, от случая к случаю. Опыт борьбы <...> приучает его к общим мерам, рождает новое право» [13, ст. 590].

Профессор Л.И. Спиридонов заметил по этому поводу следующее: «Марксизм учит, что право (норма) есть возведенная в закон, т.е. ставшая государственной, воля господствующего класса, определяемая материальными условиями его жизни... О полном про-

изволе государства при формулировании юридических норм не говорил, пожалуй, никто» [14, с. 90].

Профессор В.В. Никулин отмечает: «...вместе с организацией Революционных трибуналов в советской правоприменительной системе зарождалась и новая форма советского судебного процесса, главной отличительной чертой которого было упрощенное судопроизводство... Упрощалась процессуальная сторона судебного разбирательства... Революционные трибуналы выносили приговоры, руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велениями революционной совести» [15]. Главное - быстрота и строгость наказания!

О том, как далеко отстояла от идеала реальность, дают представление воспоминания очевидцев: «Юристы, ушедшие целиком в работу по делам РТ, сразу стали перед фактом существования самого дикого, самого бесконтрольного и самого беспощадного аппарата по истреблению людей, по степени их виновности заслуживающих строгого выговора, но которых, по не известным соображениям, подвергали расстрелу» [16, с. 104-109].

Частично это объяснялось неизбежным расхождением жизни с системой ценностей, навязываемой коммунистическими лозунгами. Так, например, В.И. Ленин писал: «Пролетариат стал, свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, господствующим классом: он держит в руках государственную власть, он распоряжается обобществленными уже средствами производства, он руководит колеблющимися, промежуточными элементами и классами, он подавляет возросшую энергию сопротивления эксплуататоров» [17, с. 104-109].

При этом вождь революции характеризует пролетариат как целостный авангард, взявший в свои натруженные руки власть в рабоче-крестьянской России. Между тем пролетариат (доля которого составляла не более 3-4 %) сам с большим трудом преодолевал пестроту революционного движения, и выходит, что действенным в связке «диктатура пролетариата» остается одно слово - диктатура, то есть неограниченная и неконтролируемая власть победившего класса, основанная на насилии.

В рамках рассматриваемой темы диктатура наиболее рельефно проявляется в приговорах РТ, в оценках законности принимаемых решений. Судьи РТ при необходимости заимствовали нормы права предшествующих режимов и пренебрегали ими, когда это противоречило «идеалам революции». В.И. Ленин писал зампреду ВЧК И.С. Уншлихту: «Гласность ревтрибунала - не всегда, состав их усилить "вашими" людьми, усилить их связь (всяческую) с ВЧК; усилить быстроту и силу их репрессий, усилить внимание ЦК к этому. Малейшее усиление бандитизма и т.п. должно влечь военное положение и расстрелы на месте» [18]. Он же: «...революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни, не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых бы не было расстрелов» [19].

Впрочем, стремительно развивавшиеся события не оставляли большевистским лидерам времени на размышления о высоких материях. Восстание левых эсеров, а затем покушение на В.И. Ленина оправдывают проведение в жизнь Постановления СНК «О красном терроре», которое, по сути, явилось чрезвычайным законодательством молодой советской республики, дающее ВЧК абсолютные полномочия для борьбы с контрреволюционными силами.

После указанных событий «...большевики остались правящей партией в государстве, без каких либо соперников или партнеров, и они обрели в чрезвычайном суде орган абсолютной власти» [20].

Данные тенденции легли в основу «Положения о революционных трибуналах» от 12 апреля 1919 г. Рассматриваемый документ аннулировал ранее опубликованные нормативные акты, относившиеся к РТ. Согласно Положению к ведению РТ были отнесены «контрреволюционные и всякие иные деяния, идущие против всех завоеваний Октябрьской революции и направленные к ослаблению силы и авторитета советской власти». РТ учреждались «во всех губернских городах Республики по одному на губернию», а также «в городах, насчитывающих свыше 200 000 населения» [21].

Необходимо отметить, что указанное Положение просуществовало не долго и уже 18 марта 1920 г. Декрет ВЦИК утвердил «Положение о революционных трибуналах» [22], объявленное основным законодательным актом для трибуналов всех категорий.

Ст. 2 указанного Положения гласит, что к «...ведению Революционных Трибуналов подлежат дела:

1. О контрреволюционных деяниях.
2. Дела о крупной спекуляции товарами и предметами, взятыми на учет.
3. Дела по крупным должностным преступлениям лиц, обвиняемых в хищениях, подлогах, неправильной выдаче нарядов и участии в спекуляции той или иной формы, равно как и об иных более выдающихся должностных преступлениях, в том числе и взяточничестве.
4. Дела о явном дискредитировании власти Советскими работниками.
5. Дела о дезертирах, признанных злостными, и укрывателях дезертиров, поскольку таковые дела Комиссиями по борьбе с дезертирством будут признаны превышающими их компетенцию, а также о пособниках и подстрекателях к дезертирству».

В Положении «регламентировался как порядок проведения предварительного следствия и процедур подготовки к судебному процессу, так и процесс защиты, обвинения и судебного разбирательства, детально описаны порядок обсуждения и вынесения судебного решения и исполнение приговора» [23].

Следующим этапом законодательного оформления системы РТ стал Декрет ВЦИК РСФСР № 294 от 23 июня 1921 г. «Об объединении всех революционных трибуналов Республики», был учрежден Верховный трибунал при ВЦИК (Верх триб) [24].

В соответствии с указанным Декретом произошло слияние всех существовавших к тому времени революционных трибуналов (Главный революционный военный железнодорожный трибунал, Революционный военный трибунал при Реввоенсовете Республики и Кассационный и Верховный революционный трибуналы при ВЦИК) в единую систему трибуналов под управлением Верх триб при ВЦИК. Но уже в начале 1923 г. РТ были ликвидированы в связи с созданием губернских судов [25].

При изучении архивных документов, ознакомлении со свидетельствами современников описываемых событий невольно возникают вопросы: что побудило большевиков отречься от РТ - эффективного «инструмента» в борьбе с политическими врагами? почему стройная система РТ, вооруженная чрезвычайным законодательством и укомплектованная штатом опытных и преданных режиму судей, вдруг в одночасье перестала существовать? как вышло, что «трибунальное» правосудие не смогло адаптироваться к условиям мирной жизни? К 100-летию юбилею тех трагических событий по данным проблемам было высказано уже немало суждений, попытаться ответить на поставленные вопросы возможно и в рамках данного исследования.

1. Создание РТ продиктовано не только насущной потребностью борьбы с «контрреволюционерами всех мастей», но и самой психологией революции, состоянием общества, когда происходит насильственный переворот в общественно-политических отношениях, приводящий к переходу к иному общественному строю. То есть любая революция (Октябрьская 1917 г. в России не исключение) всегда порождает особую психологию - психологию масс, толпы, а массы почитают диктатуру. С окончанием Гражданской войны происходил постепенный переход к спокойной жизни, исчезала обстановка хаоса, упорядочивались общественные отношения и РТ, в которых было слишком «много государства», своей прямолинейностью и приговорами, полностью подчиненными идее «победы революции», стали своеобразными «социальными раздражителями».

2. Первостепенной проблемой постреволюционного периода была нормализация экономики. Переход Советской России к Новой экономической политике (НЭП) потребовал от властей и новых подходов к регулированию гражданско-правовых, семейных, трудовых отношений. Разрешение возникающих споров хозяйствующих субъектов на основе мешанины из сиюминутных решений и противоречащих друг другу юридических норм, соединенных только «революционной совестью и правосознанием», было невозможно. Большевики осознанно взяли к руководству те идеи прошлого, которые могли послужить

реализации НЭП. Трибуналы были чужды этим процессам. И, как всегда, победила революционная целесообразность, в соответствии с которой РТ бросили на «алтарь революции» так же решительно, как и создали.

3. Революционные функционеры вели бесконечную борьбу за власть и влияние. Усиление структуры РТ, вероятно, негативно воспринималось другими. Конечно, нельзя говорить о том, что такие «кабинетные баталии» привели к ликвидации РТ, но этот фактор нельзя сбрасывать со счетов.

Таким образом, деятельность революционных трибуналов определялась особым периодом, поэтому трибуналы были упразднены с его окончанием, но исторический опыт образования и функционирования чрезвычайного правосудия должен быть воспринят и учтен реформаторами судебной системы Российской Федерации. Немыслимо приступать к преобразованиям без изучения и осмысления национального опыта становления и реформирования судебной системы. Ведь суды в современной России берут свое начало от судов прошлых периодов и являются прообразом судов будущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. - М., 1957. - Т. 36. - С. 162-163.
2. Стумбина Э.Я. Роль П.И. Стучки в создании органов советского правосудия / О теоретическом наследии П.И. Стучки в советской правовой науке: Сб. статей. - Рига, 1965.
3. Государственный архив Тамбовской области. Ф.Р-648. О.1.
4. Саврасов Л. К вопросу о наказании // Пролетарская революция и право. - 1919. - № 1. - С. 42; Саврасов Л. Мотив в убийстве // Пролетарская революция и право. - 1919. - № 2-4. - С. 74-75.
5. О суде: декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. № 1 // Собр. узаконений РСФСР. - 1917. - № 4. - Ст. 50.
6. Материалы НКЮ. Вып. 2. - М., 1918. - С. 11.
7. Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР. - М., 1924. - С. 205.
8. Рейснер М. Право. Наше право. Чужое право. Общее право / М. Рейснер. - М.; Л.: Госиздат, 1925. - 276 с.
9. СУ РСФСР. - 1917. - № 11. - Ст. 166.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. - 2-е изд. - Т. 6. - С. 255-256.
11. Стучка П. На почве законности или на почве революции // Правда. - 1917. - 24 мая.
12. Тарновский А. Личный состав и репрессии ревтрибуналов // ЕСЮ. - 1922. - № 11. - С. 6-7.
13. СУ РСФСР. - 1919. - № 66. - Ст. 590.
14. Спиридонов Л.И. Теория государства и права. - СПб., 1995.
15. Циркуляр Кассационного отдела ВЦИК // Изв. ВЦИК. - 1918. - 6 окт.
16. Арбатов З.Ю. Екатеринослав 1917-1922. В кн.: Литература русского зарубежья. - М., 1990. - Т. 1. Кн. 2. - С. 104-109.
17. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. - С. 104-109.
18. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. - С. 144.
19. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. - С. 503.
20. Карр Э. Большевицкая революция. 1917-1923. Т. 1. - М., 1990. - С. 146.
21. СУ РСФСР. - 1919. - № 13. - Ст. 132.
22. СУ РСФСР. - 1920. - № 22-23. - Ст. 115.
23. Григорьев О.В. На опасных перегонах: военное правосудие на железных дорогах (1918-1921 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. Т. 9. - № 4-2. - С. 18-23. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-18-23.
24. СУ РСФСР. - 1921. - № 51. - Ст. 294.
25. Павлов Д.Б. Трибунальный этап советской судебной системы // Вопросы рии. - 2007. - № 6. - С. 1-17.

REFERENCES

1. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. [Full composition of writings]. Moscow, 1957. Vol. 36. Pp. 162-163. (in Russ.).
2. Stumbina E.Ya. Rol' P.I. Stuchki v sozdanii organov sovetskogo pravosudija. [Role of P.I. Knocking in the creation of the organs of Soviet justice]. On the theoretical legacy of P.I. Stukki in the Soviet legal science: Sat. articles. Riga, 1965. (in Russ.).
3. Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj oblasti. [State Archive of the Tambov Region]. Foundation P-648. Inventory 1. (in Russ.).

4. Savrasov L. K voprosu o nakazanii. [On the question of punishment]. Proletarian revolution and law. 1919. No. 1. P. 42; Savrasov L. Motif in the Murder. Proletarian Revolution and Law. No. 2-4. 1919. Pp. 74-75. (in Russ.).
5. sude : dekret SNK RSFSR ot 24 nojabrja 1917 g. № 1. [On the court: the Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of November 24, 1917 No. 1]. Collected Legalization of the RSFSR. 1917. No. 4. Art. 50. (in Russ.).
6. Materialy NKJu. Vyp. 2. [Materials of the NKJU. Issue 2]. Moscow, 1918. P. 11. (in Russ.).
7. Krylenko N.V. Sudoustrojstvo RSFSR. [Courts of the RSFSR]. Moscow, 1924. P. 205. (in Russ.).
8. Reisner M. Pravo. Nashe pravo. Chuzhoe pravo. Obshee pravo. [Law. Our Law. Another's Law. General Law]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925. 276 p. (in Russ.).
9. SU of the RSFSR. 1917. No. 11.St. 166. (in Russ.).
10. Marx K., Engels F. Sochinenija. [Works]. 2nd ed. Vol. 6. Pp. 255-256. (in Russ.).
11. Stukka P. Na pochve zakonnosti ili na pochve revoljucii. [On the basis of legality or on the basis of the revolution]. Pravda. 1917. May 24. (in Russ.).
12. Tarnovsky A. Lichnyj sostav i repressii revtribunalov. [Personnel and reprisals of the Revolutionary Tribunals]. EEU. 1922. No. 11. Pp. 6-7. (in Russ.).
13. SU of the RSFSR. No. 66. 1919. Art. 590. (in Russ.).
14. Spiridonov L.I. Teorija gosudarstva i prava. [Theory of State and Law]. St. Petersburg, 1995. (in Russ.).
15. Cirkuljar Kassacionnogo otdela VCIK. [Circular of the Cassation Department of the All-Russia Central Executive Committee]. Izv. All-Russian Central Executive Committee. 1918. 6 Oct. (in Russ.).
16. Arbatov Z.Yu. Ekaterinoslav, 1917-1922. V kn.: Literatura russkogo zarubezh'ja. [Ekaterinoslav, 1917-1922. In: Literature of the Russian Diaspora]. Moscow, 1990. Vol. 1. Book 2. Pp. 104-109. (in Russ.).
17. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. [Full. collect. op.]. Vol. 40. Pp. 104-109. (in Russ.).
18. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. [Full. collect. op.]. Vol. 54. P. 144. (in Russ.).
19. Lenin V.I. Poln. sobr. soch. [Full. collect. op.]. Vol. 35. P. 503. (in Russ.).
20. Carr E. Bol'shevistskaja revoljucija. 1917-1923. [The Bolshevik Revolution. 1917-1923]. Vol. 1. Moscow, 1990. P. 146. (in Russ.).
21. SU of the RSFSR. No. 13. 1919. Art. 132. (in Russ.).
22. SU of the RSFSR. 1920. No. 22-23. Art. 115. (in Russ.).
23. Grigoryev O.V. Na opasnyh peregonah: voennoe pravosudie na zheleznyh dorogah (1918-1921). [On dangerous stages: military justice on the railways (1918-1921)]. Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl' = Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. No. 4-2. Pp. 18-23. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-18-23. (in Russ.).
24. SU of the RSFSR. 1921. No. 51. Art. 294. (in Russ.).
25. Pavlov D.B. Tribunal'nyj jetap sovetskoj sudebnoj sistemy. [Tribunal stage of the Soviet judicial system]. Voprosy istorii = Issues of History. No. 6. 2007. Pp. 1-17. (in Russ.).

Информация об авторе:

Григорьев Олег Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Новосибирский военный институт имени И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия
3411208@mail.ru

Получена: 21.10.2017

Для цитирования: Григорьев О.В. Сто лет спустя: революционные трибуналы в России (1917-1923 гг.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.21-27.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-21-27.

Information about the author:

Oleg V. Grigoryev, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, I.K. Yakovlev Novosibirsk Military Institute of the Russian National Guard Troops, Novosibirsk, Russia
3411208@mail.ru

Received: 21.10.2017

For citation: Grigoryev O.V. One hundred years later: the revolutionary tribunals in Russia (1917-1923). Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.6 Part. 1. Pp. 21-27.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-21-27. (in Russian)

УДК 791.1

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-28-34

ЛАВРЕНТЬЕВА Марина Андреевна
Кубанский государственный
технологический университет
г. Краснодар, Россия
tabar1@rambler.ru

Marina A. LAVRENT'EVA
Kuban State Technological University
Krasnodar, Russia
tabar1@rambler.ru

ГАЕВСКАЯ Инна Ивановна
Кубанский государственный
технологический университет
г. Краснодар, Россия
innagaevskaya@yandex.ru

Inna I. GAEVSKAYA
Kuban State Technological University
Krasnodar, Russia
innagaevskaya@yandex.ru

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1917 ГОД В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНЕМАТОГРАФА

REVOLUTIONARY YEAR OF 1917 IN THE HISTORY OF RUSSIAN CINEMA

В статье изучается вопрос о роли революционных событий 1917 г. в истории отечественного кинематографа. Вопрос о том, как оценить деятельность органов советской власти в сфере культуры и, в частности, отношение к кинематографу, является дискуссионным. Авторы дают характеристику начального этапа развития киноискусства в столице и провинциальных городах Российской империи. В статье освещается тематика первых фильмов, отмечены особенности и проблемы становления и развития дореволюционной киноиндустрии. Проведен анализ процесса формирования советского киноискусства. Определены его роль и место в политической, социальной и духовной жизни страны, формировании нового человека. Выявлены отличительные признаки советского кинематографа 20-х годов XX столетия, его нацеленность на освещение важных исторических событий и пропаганду идей социалистической революции. Кинопроекты были ориентированы на массовость, привлекая в первую очередь широкие слои неграмотного и малограмотного населения, пропагандировали всемирно известные образцы русской классической литературы, преломляя их через советские духовные ценности и ценностные ориентации. Показано, как советское правительство решало сложные вопросы, связанные с нехваткой кадров. Названы имена наиболее выдающихся деятелей культуры, оказавших влияние на прогрессивное развитие отечественного киноискусства, пропаганду классического и авангардного направлений. Сделан вывод о том, что дореволюционная Россия внесла определенный вклад в развитие мирового киноискусства, но всемирную известность приобрели работы, созданные советскими кинематографистами.

Ключевые слова: российский кинематограф, советский кинематограф, киноиндустрия, киноискусство, кинопродукция, кинотеатры, Октябрьская революция, формирование нового человека, Наркомпрос, советская пропаганда, история кинематографа

This article examines the question of the role of the revolutionary events of 1917 in the history of the national cinematography. The question of how to evaluate the activities of the Soviet authorities in the sphere of culture and, in particular, the attitude of the film, is debatable. The authors give a characterization of the initial stage of film development in the capital and provincial cities of the Russian Empire. The article highlights the subject of the first films, the peculiarities and problems of formation and development of the pre-revolutionary film industry. The analysis of the process of formation of the Soviet cinema art. Defined by its role and place in political, social and spiritual life of the country, the formation of the new man. Identified the distinctive features of the Soviet cinematography of the 20-ies of 20th century, its focus on highlighting important historical events and promoting the ideas of the socialist revolution. The film projects were focused on the mass involving primarily the wide layers of the illiterate and semi-literate population, promoted the world famous examples of Russian classical literature, refracting them through the Soviet spiritual values and value orientations. Shows how the Soviet government dealt with the complex issues associated with shortages of staff. The names of the most prominent cultural figures, which impact on the progressive development of domestic cinema, the promotion of classical and avant-garde directions. It is concluded that pre-revolutionary Russia has made a certain contribution to the development of world cinema, but has gained worldwide fame work, created by Soviet filmmakers.

Keywords: Russian cinema, Soviet cinema, cinema industry, cinema art, film production, cinema, the October revolution, the formation of the new man, Commissariat, Soviet propaganda, the history of cinema

Благодарность. Авторы выражают признательность профессору С.А. Чупрынникову и доценту Ю.Г. Благодер за оказанную помощь при написании настоящей статьи.

Acknowledgement. The authors are grateful to Professor S.A. Chuprynnikov and Associate Professor Yu.G. Blagoder for their assistance in writing this article.

Октябрь 1917 года кардинально преобразил все сферы жизни российского общества и стал отправной точкой принципиально нового, советского общества и, соответственно, формирования нового человека с принципиально другими ценностями и ценностными ориентациями. Стоит поразмыслить над тем, какое оказали влияние на историю, генезис кинематографа революционные события столетней давности.

В современном мире значение кинематографа в распространении информации, политической и социальной пропаганде не вызывает сомнения. Обращение к прошлому для определения степени влияния кинофильмов на формирование представлений россиян о текущих событиях является сегодня, как никогда, актуальным.

Исследованием истории дореволюционного российского и постреволюционного советского кинематографа занимались Н.М. Зоркая, А.А. Ханжонков, Б. Дюшен, Ю.Г. Цивьян, С.И. Фрейлих, И.В. Вайсфельд, А.В. Федоров, Ю.А. Богомолов, Н.А. Лебедев, В. Листов [1] и другие авторы. Историки выявили большой массив архивных материалов (делопроизводственных документов, отчетов), образцов эпистолярного жанра, которые дают возможность проследить все этапы зарождения и развития отечественного кинематографа. В настоящем исследовании поставлена задача обратить более пристальное внимание на процесс формирования нового подхода в развитии средств массовой информации и их использовании для идеологического воздействия на сознание широких слоев населения.

О кинематографе в Российской империи всерьез заговорили в 1896 г. Через несколько месяцев со дня триумфального показа в Париже первого сеанса в Министерство Императорского двора в Санкт-Петербурге В.И. Ребриков обращается с просьбой осуществить киносъемку торжеств, посвященных коронации императора Николая II. К слову, в первых числах мая 1896 г. в открытом театре столичного сада «Аквариум» россияне увидели первый фильм. Две недели спустя о новом виде искусства заговорили и москвичи.

Именно с Россией связывается история становления документального кино. Камиллу Серфу даруется позволение осуществить первые съемки мероприятий коронации российского императора [2, с. 9]. Созданная хроника вошла в историю как первый фильм-репортаж. С этого времени кинематограф начинает завоевывать умы и сердца россиян. В июне того же года «отрыли» для себя синематограф и посетители Нижегородской ярмарки. Показы фильмов стали популярным, модным и, что немаловажно, доходным развлечением. Ни один крупный российский город не остался в стороне: находились предприимчивые горожане, которые не жалели средств для строительства постоянных кинотеатров.

Провинциальная жизнь существенно оживляется и качественно меняется благодаря кинематографу. Это можно проследить на примере Екатеринодара.

Горожане узнали об этом искусстве в марте 1897 г. Фильмы Люмьера показывали в здании Общественного собрания. Первый постоянно действующий кинематограф начал работать только в 1907 г. Предприниматель Д.Х. Чеймазиди открыл «первый в России по обширности и богатству картин "Французский театр братьев Боммер"» [3]. Конечно, изначально все выглядело очень скромно: деревянные скамьи, причем невероятно низкие рядом с экраном. Зрителям или же владельцу зала позволялось комментировать происходящее на экране вслух.

В 1912-1913 гг. в Екатеринодаре можно было посещать кинопоказы в 10 маленьких, чуждых комфорту залах. Исключением стал зал в здании архитектора Козлова. В нем благодаря Д.Х. Чеймазиди открылся отличавшийся комфортом электробиограф «Мон Плезир». Этот кинозал поражал публику красотой интерьеров. Здесь можно было увидеть большие зеркала, бархатные портьеры, гирлянды цветов, очаровательные панно, дорогой паркет. Главное - в зале выстроились рядами удобные кресла и стулья. Такие нововведения, как буфетгардеробная, уборные, были по достоинству оценены посетителями. С 1920 г. «Мон-Плезир» получил наименование «Кинотеатр им. В.И. Ленина», но жители го-

рода продолжали именовать его по-старому. В 1914 г. в Екатеринодаре предприниматель Г.С. Паласов поручил архитектору Козлову строительство «Палас-Театра», внутреннее убранство которого было не менее роскошным. Позже появились и другие кинозалы.

Стоит обратить внимание на тот факт, что до 1908 г. российская промышленность не располагала возможностью производить киноаппаратуру и пленку. Техника и материалы поступали из-за рубежа. С помощью французских компаний «Братья Пате», «Гомон» и иных прокатчики закупали иностранные фильмы, а из отечественных снимали лишь документальные короткометражные ленты [4, с. 12]. Единственным исключением можно назвать увековеченные сюжеты из жизни императора и его семьи.

Фирма «Братья Пате» в 1908 г. рискнула снять документальную ленту о донских казаках. Огромный успех ее вдохновил на создание фильмов на российские сюжеты всех, кто в той или иной степени был связан с киноиндустрией. В основу сценариев были положены произведения М.Ю. Лермонтова («Песнь про купца Калашникова»), А.С. Пушкина («Бахчисарайский фонтан»), Ф.М. Достоевского («Идиот»), а также отдельные яркие фрагменты истории государства Российского и его самодержцев (Ивана IV Грозного, Петра I и др.).

Россияне быстро освоили искусство кинематографа: изменяется методика работы со светом, внедряется прием двойной экспозиции. А.А. Ханжонков и В.М. Гончаров в 1911 г. демонстрируют соотечественникам первый российский полнометражный фильм «Оборона Севастополя». С этого времени компания А.А. Ханжонкова завоевывает рынок отечественной кинопродукции в России. Этот же год был отмечен открытием «Научного отдела», благодаря деятельности которого выходят в прокат фильмы географического и этнографического содержания, ленты о достижениях российской медицины, развитии сельского хозяйства, промышленного производства.

К началу 1913 г. в России действовали уже несколько кинокомпаний, снимавших произведения различных жанров: наряду с комедиями, трагедиями, драмами зритель знакомится с детективами и мелодрамами.

Государственная власть берет на себя ответственность за выработку правил организации работы залов для просмотра фильмов с учетом безопасности и удобств. Со временем дело доходит и до содержания фильмов, то есть до цензуры. Вводится специальная должность цензора, контролировавшего кинопрокат. Сказала свое слово и церковь. Было запрещено снимать богослужения, церковные обряды, иконы.

Для полноты освещения рассматриваемой проблемы немного статистики: уже в начале XX столетия это развлечение становится весьма популярным как в среде аристократов, так и широких слоев общества. А в годы Первой мировой войны в Российской империи жители посещали 2000 залов, имевших технические возможности демонстрировать кинофильмы.

Революционные события начала 1917 г. заставили владельцев кинокомпаний задуматься о защите своего коммерческого предприятия. На территориях, где происходили основные революционные события, а впоследствии сражения Гражданской войны, кинематограф переживает кризис и из столичных центров перебирается на периферию. Так, например, А.А. Ханжонков снимает фильмы теперь только в Ялте [5, с. 110]. За ним в Крым переезжает И.Н. Ермолев и другие. До осени 1920 г. Ялта превращается в крупнейший центр киноискусства России. Окончательное поражение белогвардейцев вынуждает многих деятелей кино покинуть родину. И поэтому точное число фильмов, снятых в Российской империи, неизвестно. Из предположительно 2700 картин целиком или фрагментарно сохранились лишь около 300 [6]. Часть пленок была вывезена за рубеж.

Советская власть национализировала дореволюционную кинопромышленность. В журнале «Советское кино» были опубликованы воспоминания А.В. Луначарского. Он отмечал, что В.И. Ленин придавал особое значение киноискусству, которое определял как

важнейшее. Лидер революционного правительства обещал изыскать дополнительные финансовые средства [7, с. 10]. В условиях революционных преобразований, Гражданской войны и восстановления разрушенного ею хозяйства нужно было искать пути пропаганды идей большевистской партии, социализма. Исключительную роль мог сыграть кинематограф.

По мнению В.И. Ленина, особое внимание необходимо уделять хронике событий, которая поможет отразить факты и преподнести события с учетом формирующейся коммунистической идеологии. При этом не стоит забывать о фильмах, пропагандирующих достижения науки и техники, а также кинокартинах с увлекательными развлекательными сюжетами. Главное - сохранить необходимую пропорцию. В годы революционного перелома категорически запрещалось демонстрировать фильмы контрреволюционные и попирающие основы нравственности.

Программа победившей революционной партии не могла оставить в стороне вопрос о создании новой культуры, формирования нового человека. Это характерный, сущностный признак такого политического изменения, как революция. Поэтому начинает выработываться стратегия развития различных направлений в искусстве, как классических, так и авангардных, с помощью которых можно было бы приобщать представителей как высокообразованных, так и малообразованных слоев населения к тем идеям, которые пропагандировали революционные круги.

Победа позволила большевикам приступить к реализации своей просветительской программы. Под контроль Народного комиссариата просвещения, который возглавляет А.В. Луначарский, попадают все организации, так или иначе связанные с культурой.

В 1919 г. по инициативе В.И. Ленина Совет народных комиссаров РСФСР передал фотографическую и кинематографическую промышленность и торговлю под контроль Наркомпроса [8, с. 41]. Повышенное внимание уделялось подготовке кадров: режиссеров, художников, операторов, сценаристов, критиков. Открывались учебные студии. Начинает работу Петроградский институт экранного искусства (переименован: Кинотехникум).

После окончания гражданской войны около тысячи киноустановок иностранного производства были пригодны для использования. Именно социалистическая революция создала все необходимые условия ускоренного развития киноиндустрии, а именно: производства специального оборудования, пленки и проч. Киноподотдел, созданный при Государственной комиссии по народному просвещению, а также Петроградский, Московский кинокомитеты контролировали функционирование уже существующих предприятий и строительство новых, создание отечественных фильмов.

Не стоит упускать из виду информацию о финансовых расчетах, которые показывают, что прибыльность для Народного комиссариата просвещения национализированного нового вида искусства была существенной и регулярной.

В первые годы существования советской власти эстетические каноны не были определяющими. Фильмы делились на развлекательные и идеологические (пропагандистские). Активная деятельность трупп любительских театров, особенно в составе Красной Армии, - символ революционного времени. К слову, в период гражданской войны и пятилетие после ее завершения спектакли с простыми сюжетами, пропагандирующие идеалы революции, для малообразованного народа представляли более 2000 объединений. Просторы страны пересекали агитпоезда и агитпароходы.

Увлекательная тематика произведений различных жанров, постановочные трюки, изысканные интерьеры съемочной площадки позволяли кинотеатру завоевывать симпатии людей.

Для Страны Советов было важно рассказывать общественности обо всех важных событиях, происходивших в государстве. Съемки велись как в городах, далеких от театра военных действий, так и на передовой. В 1918 г. увидели свет хроники «Первый съезд

Комитета бедноты», «Похороны Плеханова», «Первый конгресс Коминтерна», художественные произведения «Барышня и хулиган» (по сценарию и при участии В.В. Маяковского), игровые агитационные фильмы «Уплотнение» (по сценарию А.В. Луначарского), «Восстание», «Чем ты был?», «На фронт!» и др. За период гражданского противостояния было снято более 50 агитационных фильмов. С использованием техники монтажа были созданы полнометражные документальные картины «История Гражданской войны» (1921 г., режиссер А.Д. Кауфман), «Падение династии Романовых» (1924 г., режиссер Э. Шуб).

Благодаря киноискусству мы можем увидеть государственных деятелей первой четверти XX в. (В.И. Ленин, М.И. Калинин, Л.Д. Троцкий) и услышать их выступления. Не было забыто и научно-популярное кино. В научных и учебных фильмах освещались научно-технические достижения (фильмы «Химическое оружие», «Вода в природе», «Строение материи»), затрагивались вопросы классического искусства.

Восстанавливая разрушенное гражданской войной хозяйство, не забывали и о ремонте кинотеатров. В текущем порядке временно быстро решить вопрос помогали сельские кинопередвижки. Радикальные перемены связывались с созданием Советом народных комиссаров РСФСР в 1922 г. «Государственного кино» (в 1926 г. переименовано: «Советское кино»). Число снятых фильмов начало быстро расти: 1921 г. - 7 наименований, 1922 г. - 8, 1923 г. - 16, 1924 г. - 52, 1925 г. - 65 [9]. Не прекращались поставки иностранных лент, которые в 1920-е годы занимали львиную долю всего кинопроката.

Активно использовалась и историческая тематика, особенно режиссерами ленинградской киностудии. В свет выходят фильмы «Крест и маузер» (1925 г.), «Девятое января» (1925 г.), «Поэт и царь» (1927 г.), «Степан Халтурин» (1925 г.), «Декабристы» (1926 г.), «Сын рыбака» (1929 г.).

Кинопродукция, как в дореволюционный период, так как и в первые годы советской власти, была адресована взрослому населению страны. Советская власть вносит свои коррективы. Первые политические графические мультфильмы появляются уже в 1923 г. («Наш ответ Чемберлену»). Лучшие работы для детей: «Почта» (1929 г.), «Мойдодыр» (1927 г.), «Тараканище» (1927 г.) и др. [10, с. 294-295].

Если говорить об именах, то особое место в среде творческой интеллигенции, занимающейся кинематографом, принадлежит С.М. Эйзенштейну. В 1925 г. на экраны выходит его фильм «Броненосец Потёмкин», который являет собой не только правдивый исторический источник, но и образец новаторских подходов монтажа, компоновки в сочетании с достойной изобразительной культурой [11, с. 24]. В 1927 г. режиссер в фильме «Октябрь» впервые создает на экране образ вождя революции. Образ революции, народа, простого человека с успехом реализует в кино режиссер В.И. Пудовкин (1926 г., экранизация романа М. Горького «Мать»; 1927 г., «Конец Санкт-Петербурга»). Творчество В.И. Пудовкина, С.М. Эйзенштейна оказало грандиозное влияние на развитие искусства социалистического реализма, отечественного и мирового киноискусства.

Подводя итог, отметим, что дореволюционная Россия внесла определенный вклад в развитие мирового киноискусства, но всемирную известность, несмотря на имманентно присущую заидеологизированность, упрощенную пропаганду идей социалистической революции, приобрели все же работы, созданные советскими кинематографистами. Учитывая опыт предшественников, но в то же время творчески относясь к нему, советские режиссеры, сценаристы, операторы, художники, административные работники продолжили работу: во-первых, по совершенствованию материально-технического оснащения киноиндустрии; во-вторых, предприняли шаги для расширения зрительской аудитории, превратив ее в массовую; в-третьих, способствовали пропаганде идеологических установок новой власти: совести, справедливости, высокой нравственности и морали; в-

четверых, пробуждали интерес к русской истории, приобщали к классической литературе и киноискусству широкие слои населения, в том числе неграмотных и малограмотных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Зоркая Н.М. История советского кино. - СПб.: Алетейя, 2005. - 544 с.; Ханжонков А.А. Первые годы русской кинематографии. - М.: Искусство, 1937; Дюшен Б. Беглые воспоминания // Киноведческие записки. - 2003. - № 64. - С. 175-184; Цивьян Ю.Г. История кино. - Рига: Зинатне, 1994; Фрейлих С.И. Путь первооткрывателей // Искусство кино. - 1967. - № 11. - С. 35-45; Вайсфельд И.В. Так начиналось искусство кино / И.В. Вайсфельд. - 2-е изд. - М.: Киноцентр, 1988. - 64 с.; Федоров А.В. Российское кино: очень краткая история // Total DVD. - 2002. - № 5. - С. 38-45; Федоров А.В. Советский кинематограф в зеркале журнала «Искусство кино» (на примере номеров юбилейного 1967 года) // Медиаобразование. - 2017. - № 3. - С. 143-159; Богомолов Ю.А. Книга длиною в 208 страниц и 65 иллюстраций // Искусство кино. - 1967. - № 6. - С. 91-95; Лебедев Н.А. Кино. Его краткая история, его возможности, его строительство в советском государстве. - М., 1924; Листов В. История смотрит в объектив. - М.: Искусство, 1973. - 224 с.
2. Зоркая Н.М. История советского кино. - СПб.: Алетейя, 2005. - 544 с.
3. Старый город. Первые кинотеатры Краснодара [Электронный ресурс] - <http://drugie-goroda.media/staryy-gorod-pervye-kinoteatry-krasnodara/> (дата обращения: 10.10.2017).
4. Лебедев Н.А. Очерк истории кино СССР. Немое кино. (1918-1934). - М.: Искусство, 1965. - 583 с.
5. История отечественного кино / Под ред. Л.М. Будяк. - М.: Прогресс - Традиция, 2005. - 523 с.
6. Кинематограф Российской империи [Электронный ресурс] - <http://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=381> (дата обращения: 15.10.2017).
7. Из беседы В.И. Ленина с А. Луначарским // Советское кино. - 1933. - № 1-2. - С. 10.
8. Листов В. История смотрит в объектив. - М.: Искусство, 1973. - 224 с.
9. Русский кинематограф 20-х гг. [Электронный ресурс] - <http://www.russkoe kino.ru/books/history/history-0002.shtml> (дата обращения: 17.10.2017).
10. Краткая история советского кино. 1917-1967 / А.Н. Грошев, С.С. Гинзбург, И.Л. ский. - М.: Искусство, 1969. - 704 с.
11. Вайсфельд И.В. Так начиналось искусство кино / И.В. Вайсфельд. - 2-е изд. - М.: Киноцентр, 1988. - 64 с.

REFERENCES

1. Zorkaya N.M. Istoriya sovetskogo kino [The history of Soviet cinema]. SPb: Aleteyya, 2005. 544 p.; Khanzhonkov A. A. Pervye gody russkoy kinematografii. [The first years of Russian cinematography]. M.: Iskusstvo, 1937; Dyushen B. Beglye vospominaniya [Runaway memories]. Kinovedcheskie zapiski = Kinovedcheskie 2003. No. 64. pp. 175-184; Tsiv'yan Y.G. Istoricheskaya retseptsiya kino [The historical reception of cinema]. Riga.: Zinatne, 1994; Freylikh S.I. Put' pervootkryvateley. [The path of the pioneers]. Iskusstvo kino = Art of cinema. 1967. No. 11. pp. 35-45; Vaysfel'd I. V. Tak nachinalos' iskusstvo kino. [Thus began the art of cinema]. 2-e izd. M.: Kinotsentr, 1988. 64 p.; Fedorov A.V. Rossiyskoe kino: ochen' kratkaya istoriya. [Russian cinema: very short history]. Total DVD, 2002.no.5. pp.38-45; Fedorov A.V. Sovetskiy kinematograf v zerkale zhurnala «Iskusstvo kino» (na primere nomerov yubileynogo 1967 goda) [Soviet cinema in the mirror of the magazine "Art of cinema" (for example, rooms jubilee 1967)] // Mediaobrazovanie = Media education, 2017. No.3. pp. 143-159; Bogomolov Y.A. Kniga dlinoyu v 208 stranits i 65 illyustratsiy. [Length book in 208 pages and 65 illustrations]. Iskusstvo kino = Art of cinema, 1967. No.6. pp. 91-95; Lebedev N.A. Kino. Ego kratkaya istoriya, ego vozmozhnosti, ego stroitel'stvo v sovetskom gosudarstve [Movie. Its brief history, its capabilities, its construction in the Soviet state.]. M., 1924; Listov V. Istoriya smotrit v ob'ektiv. [The story looks at the camera]. M.: Iskusstvo, 1973. 224p.
2. Zorkaya N.M. Istoriya sovetskogo kino. [The history of Soviet cinema]. SPb: Aleteyya, 2005. 544 p.
3. Staryy gorod. Pervye kinoteatry Krasnodara. [Old town. The first cinemas of Krasnodar]: Available at: <http://drugie-goroda.media/staryy-gorod-pervye-kinoteatry-krasnodara/> (accessed 10.10.2017)

4. Lebedev N.A. Ocherk istorii kino SSSR. Nemoe kino. (1918-1934) [Essay on the history of cinema of the USSR. Silent movie. (1918-1934)]. M.: Iskusstvo, 1965. 583p.
5. Istoriya otechestvennogo kino [History of Russian cinema]/ pod red. L.M. Budyak. M.: Progress - Traditsiya, 2005. 523 p.
6. Kinematograf Rossiyskoy imperii: Available at: <http://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=381> (accessed 15.10 2017)
7. Iz besedy V.I. Lenina s A. Lunacharskim [From the conversation of V.I. Lenin with A. Lunacharsky] .Sovetskoe kino = Soviet cinema, 1933. No. 1-2. p. 10.
8. Listov V. Istoriya smotrit v ob"ektiv. [The story looks at the camera]. M.: Iskusstvo, 1973. 224 p.
9. Russkiy kinematograf 20-kh gg. [Russian cinema in the 20-ies.]: Available at: <http://www.russkoekino.ru/books/history/history-0002.shtml> (accessed 17.10 2017)
10. Kratkaya istoriya sovetskogo kino, (1917-1967) [A brief history of Soviet cinema, (1917-1967)]. A.N. Groshev, S.S. Ginzburg, I.L. Dolinskiy. M.: Iskusstvo, 1969 . 704 p.
11. Vaysfel'd I. V. Tak nachinalos' iskusstvo kino. [Thus began the art of cinema]. - 2-e izd. M. : Kinotsentr, 1988. 64 p.

Информация об авторах:

Лаврентьева Марина Андреевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и философии, Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар, Россия
tabar1@rambler.ru

Гаевская Инна Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и философии, Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар, Россия
innagaevskaya@yandex.ru

Получена: 07.11.2017

Для цитирования: Лаврентьева М.А., Гаевская И.И. Революционный 1917 год в истории отечественного кинематографа. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.28-34.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-28-34.

Information about the authors:

Marina A. Lavrent'eva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russia
tabar1@rambler.ru

Inna I. Gaevskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russia
innagaevskaya@yandex.ru

Received: 07.11.2017

For citation: Lavrent'eva Marina A., Gaevskaya I.I. Revolutionary year of 1917 in the history of russian cinema. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part. 1. Pp. 28-34.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-28-34. (in Russian)

УДК 94(47)

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-35-41

МАТВЕЕВА Александра Михайловна
Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет
(МАДИ),
г. Москва, Россия
alexmatveeva828@mail.ru

Alexandra M. MATVEEVA
Moscow State Automobile and Road Technical
University (MADI)
Moscow, Russia
alexmatveeva828@mail.ru

**ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЕВРАЗИЙСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ: МЕЖДУ ГЕОПОЛИТИКОЙ И
ПОЛИТИЧЕСКИМИ УСТАНОВКАМИ
НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМА**

**THE OCTOBER REVOLUTION IN THE EURASIAN
CONCEPT: BETWEEN GEOPOLITICS AND
POLITICAL ATTITUDES OF NATIONAL
BOLSHEVISM**

Великая Октябрьская революция, как и все революционные события, потрясшие нашу страну в 1917 г., на протяжении вот уже ста лет вызывает самые разнообразные, подчас чрезвычайно спорные и неоднозначные оценки и суждения в историографии. Не утихают дискуссии о природе, движущих силах и закономерностях тех процессов, которые так решительно переменили лицо российского общества, изменили вектор российской истории. В статье автор развивает геополитическую точку зрения на причины этого величайшего события XX века. Данный подход был выдвинут и получил дальнейшую разработку в нескольких работах, написанных в эмиграции еще в 1920-е годы. П.Н. Савицкий. П.Н. Савицкий заслуженно считается лидером и одним из крупнейших теоретиков такого важного и оригинального движения русского зарубежья, как евразийство. В рамках этого направления группа отечественных мыслителей и политических деятелей предложили особую систему оценки исторических процессов с точки зрения географического фактора. Оригинальный ракурс позволил П.Н. Савицкому по-новому взглянуть на важнейшую веху в российской и мировой истории и переосмыслить ее. В своих трудах он много раз отмечал, что вся проблематика русской революции являлась для движения евразийцев стержневой в их геополитической концепции. Установив законы развития русской революции, П.Н. Савицкий претендовал на способность давать научные прогнозы, в которые на самом деле были заложены его собственные мировоззренческие приоритеты и политические цели. Он также претендовал на то, что сумел выявить и обосновать историко-географические корни Октябрьской революции, утверждая, что революции и тем более самого коммунистического эксперимента в России не могло бы возникнуть, если бы географическое положение страны было другим и толкало ее к автаркии. Проанализировав данные и другие теоретические положения творческого наследия П.Н. Савицкого, автор данной статьи показывает как ошибочность некоторых его выводов, так и те выводы Савицкого, которые отражали реальность происходившего в революционной России исторического процесса и могут быть востребованы в наши дни для формирования подлинно научной картины революции 1917 г. и ее воздействия на развитие отечественного гуманитарного знания, в том числе в среде русской эмиграции.

The Great October revolution, like all revolutionary events that rocked our country in 1917, for the past hundred years is the most diverse, sometimes extremely controversial and ambiguous estimates and judgments in historiography. Do not cease debate about the nature, driving forces and regularities of the processes that so strongly changed the face of Russian society have changed the vector of Russian history. In the article the author develops a geopolitical point of view on the causes of the greatest events of the 20th century. This approach was introduced and has been further developed in several works, written in exile in the 1920-ies. P.N. Savitsky. P.N. Savitsky deservedly considered a leader and one of the greatest thinkers of such important and original movements of the Russian Diaspora, as Eurasianism. In this regard, a group of Russian thinkers and politicians had proposed a special system of evaluation of historical processes from the point of view of the geographical factor. The original perspective has allowed P.N. Savitsky fresh look and rethink the most important landmark in Russian and world history. In his writings he mentioned many times that all the problems of the Russian revolution were the movement of Eurasians in their core geopolitical concepts. Installing the laws of the Russian revolution, P.N. Savitsky claimed the ability to make scientific predictions, which, in fact, was laid by his own ideological priorities and political objectives. He also claimed that he was able to identify and justify the historical-geographical origins of the October revolution, arguing that revolution and especially the Communist experiment in Russia could start if the geographical position of the country was different and pushed her to autarky. After analyzing the data and other theoretical principles of the creative heritage of P.N. Savitsky, the author of this article shows the fallacy of some of his insights, and those insights Savitsky, which reflect the reality of what was happening in the revolutionary Russia of the historical process and can be demanded for the formation of a truly scientific picture of the revolution of 1917 and its impact on the development of national humanitarian knowledge, including in the environment of Russian emigration.

Ключевые слова: Октябрьская революция, геополитика внутреннего пространства, этатизм, месторазвитие, П.Н. Савицкий, организационная

Keywords: October revolution, geopolitics of inner space, statism, mastersuite, P.N. Savitsky, organizational idea, ruling selection, ideocracy, Bolshevism,

идея, правящий отбор, идеократия, большевизм, Soviet Union, Eurasianism
СССР, евразийство

В этом году наступила памятная, знаковая дата - столетие Великой Октябрьской Социалистической революции. Юбилей Великого События вызвал всплеск научных дискуссий и публикаций. На этом фоне особый интерес приобретают оригинальные ракурсы, свежие подходы к оценке революции 1917 года. Однако на протяжении ста лет историография находится в клише категоричного полярного дуализма «катастрофа - величайшее событие XX века», «большевистский переворот - революция». В этой связи представляется актуальным обращение к наследию русской эмигрантской мысли - клондайку различных концепций и точек зрения.

Один из самых необычных и ярких подходов в оценке Великого Октября был представлен в работах лидера евразийского движения русского зарубежья Петра Николаевича Савицкого. Он подошел к оценке революции 1917 г. с позиции геополитического анализа. Суть данного подхода заключается в том, что определяющим фактором в развитии и функционировании государства является географическое пространство, или «месторазвитие», на котором оно (государство) исторически существует. Свойства территории государства: удаленность от морей, протяженность границ, климат и т.д., - определяя векторы его геополитического развития, оказывают также большое влияние и на социально-историческую среду.

Необходимым условием для поддержания целостности границ государства является соблюдение властью «правил», геоисторических законов внутреннего устройства, выработанных в ходе исторического развития самим месторазвитием-пространством.

Географическое расположение нашей страны между государствами Европы и Азии, открытость пограничных рубежей, отсутствие естественных защитных барьеров от военных вторжений, большая протяженность сухопутной границы, огромные расстояния - все это требовало концентрации народных усилий по созданию независимого, автракичного, или, как говорил Савицкий, «самодовлеющего» государства, что было возможно при наличии организующей их сильной и жесткой власти. А это предопределяло усиление этатистских позиций государства, а также принципов единоначалия и сакрализации власти в жизни страны.

Эти принципы, по убеждению Савицкого, были воплощены в жизнь Октябрьской революцией, поскольку ее творцы большевики осознавали геополитические задачи, выработанные логикой истории России. Они чувствовали дух пространства родной страны, его «организационную идею» как «властную», государственническую и имперскую. «Большевики пришли к власти в условиях уничтожения Идеи Отечества, когда кстати пришлась Идея Интернационализма», с помощью которой они стали проводить национальную и патриотическую политику [ГА РФ. Ф.5783. Оп.1. Д.173. Л.1]. Под лозунгами интернационализма они стали собирать распавшееся пространство Российской империи.

Объединительная политика большевиков соответствовала «традиции месторазвития» России и проистекала из особенностей ее пространства: преобладающая равнинность рельефа со сплошной уникальной полосой черноземов от Подолии до Минусинских степей; единый почти на всем протяжении климат; приблизительно одинаковое количество осадков на всем пространстве [1, с. 153-154]. Цельность, «всеединство» территории Российского государства выражались в ее качестве - синтезности. Это географическое свойство имело, сообразно с концепцией П.Н. Савицкого, «параллелизм» в истории месторазвития. Равнины России являли собой большой ассимиляционный природный котел. Получалось, что сама природа нашей страны обуславливала необходимость экономического, политического и культурного объединения и была «минимально благоприятна для разного рода сепаратизмов», в то время как «мозаически-дробное» строение Европы и Азии способствует возникновению «небольших, замкнутых, обособленных мирков» [2, с. 301].

В годы Гражданской войны советская власть воссоединила Белоруссию, Украину, прибалтийские области бывшей Российской империи. В этой связи Савицкий, несмотря

на свою белогвардейскую неприязнь к идеям большевиков, считал В.И. Ленина настоящим патриотом [ГА РФ. Ф. 5783. Оп.1. Д.82. Л.14].

Савицкий выявил историко-географические корни Октябрьской революции: «Не могло бы быть коммунистического эксперимента в России, если бы не было этой (географической. - А.М.) отрезанности России от всей окружающей среды (расположение в центре континента, удаленность от океана. - А.М.)» [ГА РФ. Ф.5783. Оп.1. Д.53. Л.45]. Особенности месторазвития предопределяли уникальный исторический «третий путь» нашей государственности, пролежавший через «отрыв» отечественного социально-экономического и политического строя от окружающего капиталистического мира.

Октябрь 1917 как уникальное историческое событие был созвучен неповторимым географическим особенностям России, «предопределяющим» автаркичность государства: «Русская революция, независимо от субъективных *умыслов* вождей, того или иного ее этапа, является освобождением России-Евразии от какой бы то ни было (политической, культурной или экономической) зависимости от окружающего мира, эмансипация, в самом широком смысле этого слова» [ГА РФ. Ф.5783. Оп.1. Д.177. Л.3]. Получалось, что геополитическая организационная идея существует сама по себе как некая ноосфера пространства. Та государственная власть, которая становится ей созвучна, улавливает дух пространства, успешно надстраивается над ним.

Данный подход характерен для классической геополитики, которая рассматривает государство как процесс в истории пространства страны. В концепции П.Н. Савицкого государство не связывалось ни с определенной территорией, ни с национальностью, а определялось «культурными заданиями и властью», сосредоточенной в руках политической элиты или «правлящего отбора», о чем речь пойдет ниже [ГА РФ. Ф.5783. Оп.1. Д.485. Л. 25]. Поэтому в исторической концепции евразийцев Российская империя являлась наследницей Монгольской Орды. Евразийцы ошибочно полагали, что Древняя Русь была частью, улусом Монгольской империи.

Одной из причин свершения революции 1917 г., по мнению Савицкого, являлось наличие в русской истории и действительности традиций и предшествующего опыта, которые могли бы быть поставлены на службу революционному замыслу большевиков и обеспечить его эффективность. Главным его источником был «государственный социализм русско-монгольского типа». Эта основа дала в свое время монголам возможность для «большого размаха исторических осуществлений», затем по наследству перешла к Московскому Царству, от него - Российской империи, и «тот же дух веял над складывающимся в революции русском государственном строе» [ГА РФ Ф.5783. Оп. 1. Д.225. Л. 15].

Опыт месторазвития рассматривался всеобъемлюще, даже с позиций историографических традиций как проявления «организационной идеи». И здесь, по мнению Савицкого, предшествующая историография удобрила идеологическую почву для принятия большевизма. Он подметил, что русская дореволюционная историография была полна «пророческого предчувствия революции», поскольку в ней наблюдался «сильный до одержимости» интерес к истории английской и французской революций [ГА РФ. Ф.5783. Оп. 1. Д.45. Л.1-2]. Также Савицкий выявлял непосредственную связь между направленностью отечественной историографии до 1917 г. к изучению социально-экономической проблематики и дальнейшей популярностью в русской среде марксизма.

Однако после свершения революции, по мнению Савицкого, историческая организационная традиция месторазвития стала влиять на советскую политическую систему, марксистский социализм и способствовать их перерождению. Это проявлялось в отходе от интернационалистических установок и в стремлении к построению особого самодостаточного мира России.

Автаркия определялась как необходимая предпосылка для погашения внутренних и внешних государственных конфликтов [ГА РФ Ф.5783. Оп.1. Д.189. Л.3]. Савицкий подчеркивал, что необходимость обретения автаркии для России обусловлена ее географией, поскольку наша страна обладает всем разнообразием важнейших природных ресурсов, которое есть на планете в рамках огромного геополитического пространства. Единственно верным способом достижения автаркии для нашей страны евразийский ученый счи-

тал государственно-плановую систему хозяйства, поскольку только она могла охватить полностью народнохозяйственное целое [ГА РФ Ф.5783. Оп. 1. Д.189. Л.7].

Удаленность России от океана и мирового океанического рынка, основанного на экономической конкуренции, также обуславливала монополистические тенденции и государственное вмешательство в жизни. Геополитические выводы подкреплялись исторической практикой - государственное регулирование экономики стало проявляться еще в торговых операциях русских князей, а затем в государственных монополиях московского царства и императорского периода.

Таким образом, обретение государством самодостаточности, по убеждению евразийского ученого, было возможно только при реализации важнейшего принципа организации внутреннего пространства месторазвития России - этатизма. Именно «взрывом необузданного этатизма» сопровождалась Октябрьская революция. Савицкий, подобно народникам, также говорил о традиционности социализма в России. Но в его представлении социализм не ограничивался крестьянской общиной, а охватывал весь строй русского «служилого» и «тяглового» государства, и вытекал не из свободного самоопределения коллектива, но «из высшего напряжения этатизма» [ГА РФ Ф.5783. Оп.1. Д.225. Л.12-13]. Таким образом, успех Октябрьской революции объяснялся ее созвучием природе особого мира России.

Получалось, что те политические силы, которые воспринимали и действовали соответственно правилам организации пространства России, оказывались победителями во внутрипартийной борьбе. Но, согласно евразийской политической концепции, географически сознательных большевиков должны были сменить левые национал-большевики, как именoval евразийцев сам П.Н. Савицкий.

Будучи не только ученым геополитиком, философом, он являлся также и политическим лидером евразийства, мечтавшим поучаствовать в «пластическом процессе истории». Политические амбиции евразийства подводились им под теорию геополитически предопределенного термидора в СССР. Основная причина такого перерождения заключалась в географически обусловленной «исторической необходимости» определенной внутренней организации пространства бывшей Российской империи. Собирая территорию бывшей Российской империи, большевики попадали под влияние этих законов, и под их воздействием начался бы процесс перерождения большевизма в некий евразийский национал-большевизм. Основание для утверждений о начале термидора Савицкий видел в попытках советской власти создать себе социальную опору, по примеру столыпинской России, в виде крепкого собственника [3, с. 391]. Далее, как представлялось Савицкому, продолжится «обуржуазивание» экономической политики большевиков.

С другой стороны, шел процесс диалектического возрождения русских культурных «струй» через революцию в большевизме, отход от принципов интернационализма и ортодоксального коммунизма. В частности, уже к 1921 г. П.Н. Савицкий, анализируя творчество советских поэтов и писателей, отмечал, что «они не славят интернационал, не отрицают Родину - и в этом - не просто поражение большевизма, но стихийное его преодоление. Родина, спаленная, казалось, на костре коммунистической разнузданности, - как феникс, воскресает из пепла. И крепнет, как драгоценное вино, - хмельной любовный напиток патриотизма» [4, с. 225]. Он отмечал, что «белые мысли» проникают из национально-го лагеря в большевистский, поэзия славит «живой образ России» как «географическое единство великодержавных пределов» - «все это признаки возникающего и возникшего национального возрождения России» [5, с. 235]. В итоге большевизм должен был переродиться в национал-большевизм - через восстановление национального образа России, устранение интернационалистических компонентов в политике советской власти при сохранении конкретных задач международной политики и через восстановление прав «лично-хозяйственного начала» в рамках государственной социалистической экономики [ГА РФ. Ф.5783. Д.335. Л.64а].

Однако завершение этого национального ренессанса, согласно концепции Савицкого, должно было наступить в связи с приходом к власти в СССР Евразийской партии. Эти

политические притязания определялись как геополитическая неизбежность, спрогнозированная научно.

Савицкий неоднократно подчеркивал, что проблема русской революции являлась для евразийцев стержневой в их научной концепции [6, с. 281]. Установив ее законы, евразийцы претендовали на научные прогнозы, которые обосновывали бы их политические цели. Согласно этим законам революционный процесс состоит из двух фаз. Первая фаза связана со сменой политической элиты; во второй - происходит эволюционная перегруппировка внутри этой элиты [7, с. 170]. Однако начинается вторая стадия от вмешательства извне, внешнего импульса, который должен внедриться в ряды правящих верхов. Такая теоретическая конструкция имела вполне очевидную политическую установку.

В 1925 г. Савицкий утверждал, что итоги Октябрьской революции подлежат проверке и пора готовить вторую ее фазу [ГА РФ. Ф.5783. Д.362. Л.36]. Для этого необходимо было содействовать разложению компартии, внедрив в нее свои идеи и, желательно, их носителей, а также организовав антикоммунистическое движение без привлечения широких народных масс.

Получалось, что советская власть, почувствовав логику месторазвития России, воссоздав пространственно Российскую империю в границах СССР, к середине 1920-х годов вдруг потеряла геоисторическое чутье. Несмотря на констатируемое Савицким национал-большевистское перерождение, советской власти не хватало помощи извне от русских эмигрантов, потерявших связь с Родиной. Эти политиканские тезисы тоже имели свое теоретическое обоснование в виде концепции идеократии и выражающего ее правящего отбора. Здесь мысль евразийского философа порывала с почвой, геополитикой и устремлялась в область абсолютного духа.

В представлении Савицкого, движущими силами исторического процесса являются идеи коллективного духа народа - Идеи-Правительницы [8, с. 119-120]. Смена исторических эпох объяснялась изменениями идеологических установок общества. Таким образом, русская революция стала возможна в силу прилагаемого к России европейского «просветительского обличительства», пришедшего из Европы. Его привнесли «духовно-интеллектуальные предстоятели народа» - элита, которая усваивает витающие в ноосферных слоях идеи народного духа и в переработанном, доступном виде доводит их до простых людей, обладающих лишь бессознательной стихийной волей [8, с. 128]. Такая форма правления чутких на улавливание идеи интеллектуалов именовалась идеалоправством, или идеократией. Подчеркивалось, что идеократия налаживает баланс между народными чаяниями и государственными приоритетами. В этой связи успех творцов Октябрьской революции объяснялся тем, что они восприняли и реализовали имперскую идею русского мирового призвания.

Процесс прихода к власти органичной и сознательной элиты евразийцы именовали «правлящим отбором», указывая что это свойственно российской государственности в силу ее геополитических особенностей. Огромное пространство страны нуждалось в особой скрепе общественно-государственного здания посредством отбора высоко организованных и понимающих историко-географические задания месторазвития элементов. Таким образом, смена движущих историю государства идей осуществлялась через динамику «правлящего отбора»: княжеская дружина, служилые люди московских государей, дворянство императорского периода и компартия [ГА РФ. Ф.5783. Д.362. Л.32].

Чередование правящих отборов объяснялось постепенной утратой ими функции «лиги действия», которую воспринимал новый ведущий слой. По прогнозам Савицкого, логичным этапом смены политических элит должен был быть евразийский национал-большевистский правящий отбор. Идея мирового призвания России, выдвигаемая компартией, должна была смениться идеей национального призвания России, а идея диктатуры пролетариата - идеей господства одного народа. Классовая идея должна была вытесниться национальной, поскольку Савицкий считал, что Идея-правительница «пассивного, малограмотного» советского народа - не классовая солидарность, а бессознательные «националистические инстинкты» и узколичные интересы [ГА РФ. Ф.5783. Д.362.

Л.34]. Поскольку народ России-СССР рассматривался эмигрантами-евразийцами как малограмотная бессознательная толпа, привлекать его к смене ведущего отбора не имело смысла. Вторая фаза революции сводилась в их представлении к вопросу о персональном укомплектовании политической элиты, руководства страны, что впоследствии приведет к смене всего строя.

Политический режим новой идеократии евразийцам виделся в рамках созданного советской властью «совершенного и гибкого» общественно-политического строя, максимально приспособленного к российским условиям. Перегруппировка должна была произойти внутри самой компартии посредством создания внутри нее двойника - Евразийской партии, который в удобный момент сменил бы последнюю, «инкорпорируя в себя ее определенные элементы» [ГА РФ. Ф.5783. Д.335. Л.92а]. В СССР носителями идей нового правящего отбора, по мнению Савицкого, были представители правого уклона - Бухарин, Рыков, Сырцов и Ломинадзе.

Историческая практика разбила политические планы евразийцев. Желая научно обосновать свои политические притязания, оторванные от русской действительности эмигранты не смогли понять смысл и значение Великого Октября как качественной смены не только способа производства, но и самого человека. Они не видели или не хотели понимать, что советский человек - это не бессознательная «биологическая особь», которая не умеет выражать свои мысли и которую может увлечь любой правящий отбор. Это активные, созидающие новый мир творцы, нацеленные на постоянное саморазвитие.

Желая обосновать закономерность прихода в СССР Евразийской партии, Савицкий приходил к весьма шатким выводам. Однако сама теория двухфазности революции реализовалась в середине 1980-х годов, когда в КПСС при помощи импульса извне произошла перегруппировка элит. Смена правящего отбора, никак не связанного с теми традициями месторазвития и историко-геополитическими установками, о которых писал Савицкий, привела к кардинальной смене строя и разрушению страны.

Однако были и конструктивные аспекты в евразийской концепции, касающиеся методов познания русской революции. П.Н. Савицкий представил оригинальную концепцию Октябрьской революции как поворота к выработанной исторически геополитике внутреннего пространства России, поддерживающей ее целостность, жизнеспособность и качественное развитие. Выявленные Савицким принципы эффективного контроля и рационального управления территорией нашей страны в контексте широкого конкретно-исторического анализа русской революции представляют большой практический интерес сегодня. Таким образом, геополитический подход может применяться не только к анализу пространственно-силовых взаимодействий, но и при исследовании внутренних процессов государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Савицкий П.Н. Европа и Евразия / Континент Евразия. - М.: Аграф, 1997.
2. Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства / Континент Евразия. - М.: Аграф, 1997.
3. Савицкий П.Н. Очерки международных отношений / Континент Евразия. - М.: Аграф, 1997.
4. Петроник. Идея Родины в советской поэзии / Русская мысль. - София, 1921. - Кн. I-II.
5. Наблюдатель. Народившийся патриотизм / Русская мысль. - София, 1921. - Кн. I-II.
6. Савицкий П.Н. Евразийство как исторический замысел / Основы евразийства. - М.: Арктогея-Центр, 2002.
7. Евразийство (Формулировка 1927 г.) / Основы евразийства. - М.: Арктогея-Центр, 2002.
8. Савицкий П.Н. Два мира / Континент Евразия. - М.: Аграф, 1997.

REFERENCES

1. 1.Savickij P.N. Evropa i Evrazija. [Europe and Eurasia]. Kontinent Evrazija = the Eurasian Continent. Moscow. Agraf. 1997. (in Russ).

2. 2.Savickij P.N. Geograficheskie i geopoliticheskie osnovy evrazijstva. [Geographical and geopolitical foundations of Eurasianism]. Kontinent Evrazija = the Eurasian Continent. Moscow. Agraf. 1997. (in Russ).
3. 3.Savickij P.N. Ocherki mezhdunarodnyh otnoshenij. [Essays on international relations]. Kontinent Evrazija = the Eurasian Continent. Moscow: Agraf. 1997. (in Russ).
4. Petronik. Ideja Rodiny v sovetskoj poezii. [The idea of the homeland in the Soviet poetry]. Russkaja mysl' = Russian thought. Sofia. Vol. I-II. 1921. (in Russ).
5. Nabljudatel'. Narodivshijsja patriotism. [Peoples patriotism]. Russkaja mysl' = Russian thought. Sofia. Vol. I-II. 1921. (in Russ).
6. 6 Savickij P.N. Evrazijstvo kak istoricheskij zamysel. [Eurasianism as historic design]. Osnovy evrazijstva = The foundations of Eurasianism. Moscow. ARCTOGAIA Center, 2002. (in Russ).
7. Evrazijstvo. (Formulirovka 1927 goda). [Eurasianism. (The wording 1927 Osnovy evrazijstva = The foundations of Eurasianism. Moscow. ARCTOGAIA Center, 2002. (in Russ).
8. Savickij P.N. Dva mira. [Two worlds]. Kontinent Evrazija = the Eurasian Continent. Moscow: Agraf. 1997. (in Russ).

Информация об авторе:

Матвеева Александра Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и культурологи, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), г. Москва, Россия
alexmatveeva828@mail.ru

Получена: 12.11.2017

Для цитирования: Матвеева А.М. Октябрьская Революция в евразийской концепции: между геополитикой и политическими установками национал-большевизма. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.35-41.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-35-41.

Information about the author:

Alexandra M. Matveeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Cultural Studies, Moscow State Automobile and Road Technical University (MADI), Moscow, Russia
alexmatveeva828@mail.ru

Received: 12.11.2017

For citation: Matveeva A.M. The October Revolution in the Eurasian concept: between geopolitics and political attitudes of national bolshevism. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part. 1. Pp. 35-41.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-35-41. (in Russian)

Исторические науки и археология

Historical Sciences and Archaeology

УДК 94.334.735 (470.344) «20»

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-45-51

ВЯЗОВА Ольга Георгиевна
Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова
г. Чебоксары, Россия
o-vyazova2008@mail.ru

Olga G. VYAZOVA
Chuvash state university of I.N. Ulyanov
to Cheboksary
Cheboksary, Russia
o-vyazova2008@mail.ru

**ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ
ЧУВАШИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
ЧУВАШСКОЙ ДЕРЕВНИ В 1990-2000-х гг.**

**TRADE ACTIVITY of CONSUMER COOPERATION
of CHUVASHIA IN THE CONDITIONS OF
TRANSFORMATION OF THE CHUVASH VILLAGE
IN THE 1990-2000th**

В статье исследуется торговая деятельность потребительской кооперации - одно из основных направлений ее работы. Проанализированы новые направления торговой деятельности потребительской кооперации Чувашии, (появление аптек и ветеринарных пунктов, реализация строительных материалов), появившиеся в 1990-2000-х гг. Показано как трансформационные процессы, происходящие в деревне, оказывают влияние на деятельность потребительской кооперации. Обращено внимание на усиление социальной направленности в работе кооперативных магазинов Чувашии (продажа товаров в кредит, в долг, открытие отделов по обслуживанию льготной категории населения со скидкой). Отмечается, что трансформационные процессы, происходящие в чувашской деревне в конце XX - начале XXI вв., оказывают сильное влияние и на торговую деятельность потребительской кооперации. Кооперативные магазины, поддерживая сельских жителей, начинают выполнять несвойственные им функции: занимаются реализацией личным подсобным хозяйствам граждан молодняка птицы, семенного картофеля, лука-севка и т.д., заготавливать сельхозпродукцию, техническое и лекарственное сырье, оказывать различные бытовые услуги, организовывать библиотеки и чайные столы, обустривать близлежащую территорию, организовывая детские и спортивные площадки. Чувашпотребсоюзом поддерживаются убыточные магазины в отдаленных сельских населенных пунктах, торгуя в них товаром по тем же ценам, что и в райцентрах. Сокращение числа специалистов сельского хозяйства, в первую очередь ветеринаров, подтолкнуло кооператоров к открытию ветеринарных аптек и пунктов. Кроме покупки препаратов в них можно получить консультацию специалистов по вопросам лечения и содержания домашних животных. В статье предложены рекомендации по расширению торговой деятельности потребительской кооперации в современных условиях.

Ключевые слова: потребительская кооперация, райпо, Чувашпотребсоюз, торговая деятельность, кредит, автолавки, трансформация, кооперативные библиотечки, чайные столы, детские площадки, ветеринарные пункты и аптеки, заготовительная деятельность

In article trade activity of consumer cooperation - one of the main directions of her work is investigated. The new directions of trade activity of consumer cooperation of Chuvashia, (emergence of drugstores and veterinary stations, realization of construction materials), appeared in the 1990-2000th are analysed. It is shown as the transformational processes happening in the village exert impact on consumer cooperation activity. The attention to strengthening of social orientation in work of cooperative shops of Chuvashia is paid (sale of goods on credit, on credit, opening of departments of service of preferential category of the population at a discount). It is noted that the transformational processes happening in the Chuvash village at the end of XX - the beginning of the 21st centuries, exert strong impact and on trade activity of consumer cooperation. Cooperative shops, supporting villagers, begin to perform functions unusual for them: are engaged in realization to personal subsidiary farms of citizens of young growth of a bird, seed potatoes, onion sets, etc., to prepare agricultural products, technical and medicinal raw materials, to render various household services, to organize libraries and tea tables, to equip the nearby territory, organizing nurseries and sports grounds. Chuvashpotrebsoyuz supports unprofitable shops in the remote rural settlements, trading in them in goods at the same prices, as in regional centers.

Reduction of number of experts of agriculture, first of all veterinarians, has pushed cooperators to opening of veterinary drugstores and points. Except purchase of medicines in them it is possible to get advice of specialists in questions of treatment and keeping of pets.

Keywords: consumer cooperation, raypo, Chuvashpotrebsoyuz, trade activity, credit, shop trailers, transformation, cooperative bibliotekhka, tea tables, playgrounds, veterinary stations and drugstores, procuring activity

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-11-21009 а(р).

Acknowledgement. The research is executed at financial support RFBR, research project No. 17-11-21009 а(R).

Возрождение значительного интереса к проблеме развития села наблюдается в начале XXI в. среди социологов, философов, историков [9]. Данную ситуацию можно объяснить осознанием значимости аграрного сектора экономики не только с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности страны, но и с точки зрения сохранения национальных традиций и культуры, носителями которых в первую очередь являются сельские жители. На первый план исследований выступают вопросы, связанные с экономическими, социальными, культурными, духовными последствиями реформ, проводившихся в нашей стране в 1990-х годах. Работы, в которых изучается жизнь современной деревни, носят не только всероссийский, но и региональный характер [5; 10; 17]. Многими учеными подчеркивается, что рыночные реформы привели к существенным трансформациям в российской деревне, «обострили многие аспекты жизнедеятельности сельских жителей, выявили необходимость выработки механизмов адаптации к новым условиям» [17, с. 160].

Неотъемлемой частью жизни советской деревни являлась потребительская кооперация. Именно она занималась организацией обеспечения сельских жителей товарами повседневного спроса, заготовкой и переработкой сельскохозяйственной продукции, оказанием бытовых услуг и некоторыми другими видами работ. С переходом к рыночной экономике коренным образом изменяются условия деятельности потребкооперации. Экономические аспекты работы организаций потребительской кооперации в условиях рынка являются предметом постоянного рассмотрения ученых России и Чувашии. Но ориентированные в первую очередь на работу в сельской местности потребительские общества испытывают влияние и тех изменений, которые происходят на селе под воздействием рыночных отношений. В связи с этим в статье предполагается рассмотрение торговой деятельности потребительской кооперации Чувашии в условиях трансформации деревни в 1990-2000-х годах. При написании работы были использованы полевые материалы автора, статистические и интернет-источники, данные периодической печати, а также издания, подготовленные Чувашпотребсоюзом в конце XX - начале XXI в. [14; 18]. Активизировавшая издательская деятельность организаций потребительской кооперации Чувашской Республики объясняется празднованием юбилейных дат. Появление таких изданий является ценным для исследователей, так как в них в первую очередь обращается внимание на современное состояние дел, а именно работа потребкооперации в 1990-2000-х годах не получила пока отражения в архивных источниках.

Как отмечают исследователи современной деревни, аграрные реформы, начавшиеся в 1990-е годы, «декларировавшиеся как рыночные и ведущие к всестороннему прогрессу, улучшению жизни крестьянина, привели к значительному сокращению количества сельскохозяйственных предприятий, объемов сельскохозяйственного производства, к снижению общего уровня занятости сельского населения в общественном производстве, росту безработицы, массовому перетоку трудоспособного населения в личное подсобное хозяйство. Ухудшение ситуации в сфере занятости ослабило экономическую базу формирования доходов жителей села, что, в свою очередь, непосредственно отразилось на материальном положении сельских семей, привело к падению уровня жизни крестьянства» [5, с. 85, 102].

В этих условиях особую значимость приобретает работа потребкооперации по социальной поддержке жителей села, появляются ее новые формы. Данным вопросам было посвящено несколько научно-практических конференций, организованных Чебоксарским кооперативным институтом Российского университета кооперации. Конференции про-

водились в рамках реализации решений Центросоюза Российской Федерации о регулярном проведении региональных научно-практических конференций, посвященных вопросам оказания социальной поддержки сельским жителям [12]. Как следует из статей, изданных в этих сборниках, сегодня почти все направления деятельности потребительских обществ на селе можно оценить как социальные.

К основным направлениям работы потребкооперации продолжает относиться торговая деятельность, она в 2016 г. занимала более 63,5% совокупного объема хозяйственной деятельности Чувашпотребсоюза, 90% кооперативных торговых предприятий расположено в сельской местности. В некоторых районах потребкооперация занимает существенную роль в торговом обороте, к примеру в Батыревском районе - 70%, в Комсомольском районе - 78% [16; 18, с. 86, 111]. Выполняя свою социальную миссию, кооператоры несут бремя по содержанию убыточных магазинов в глухих и малых деревушках, торгуя в них товаром по тем же ценам, что и в райцентрах. В 2003 г. Чувашпотребсоюзом содержалось 300 таких магазинов, которые дали 300 млн руб. убытка в год. В 2006 г. только в Порецком райпо убытки от этих операций составили 210 тыс. руб. [3, с. 189, 7].

Статистические данные свидетельствуют о постоянном растущем оттоке сельского населения Чувашии. Если в 2011 г. село покинули 18 788 чел., то в 2016 г. - уже 24 586 чел., всего с 2011 по 2016 г. только за счет миграции численность сельских жителей уменьшилась на 127 480 человек [11], что сокращает число людей, нуждающихся в торговых услугах потребкооперации, и уменьшает обороты торговых точек потребобществ. В силу своих финансовых возможностей потребительская кооперация не всегда имеет возможность поддерживать убыточные сельские магазины, что приводит к их закрытию. Так, численность кооперативных торговых заведений в республике сократилась с 1399 на 1 января 2004 г. до 1161 в 2016 г. [6, с. 234, 8].

Все же, заботясь о людях пожилого и преклонного возраста, которые, как правило, и проживают в небольших деревнях, где содержать магазины убыточно, кооператоры организуют выездную торговлю с помощью автолавок. Учитывая низкую платежеспособность сельских жителей, в магазинах потребкооперации отпускается товар в долг, в кредит, открываются отделы по обслуживанию льготной категории населения со скидкой. В том же самом Порецком райпо на эти нужды ежемесячно в 2006 г. тратилось до 150 тыс. руб., товаров в кредит было отпущено на 600 тыс. руб. [7]. Данная политика продолжалась и в последующие годы.

Большая часть магазинов потребительской кооперации в настоящее время, как и в советские годы, реализует товары повседневного спроса, но также вводится в практику прием заказов через магазины на строительные материалы, очень необходимые любому сельскому жителю, с последующей доставкой их до заказчика, в некоторых районах эта доставка осуществляется за счет средств кооперативов. К примеру, этим успешно занимаются в Моргаушском и Ишлейском райпо [18, с. 65, 100].

«Переход к рыночной экономике привел к закрытию многих образовательных, культурных учреждений (библиотек, клубов, домов культуры) на селе, сокращение доходов крестьян ограничило их возможности по выписыванию и покупке изданий периодической печати. Поэтому сельские магазины в связи с программой, получившей название «Магазин 21 века», стали выполнять роль не только торговой точки, но и центра социально-экономической и всей культурной и повседневной жизни села» [2, с. 149]. Многие магазины потребительской кооперации не только обеспечивают сельских жителей товарами повседневного спроса, но и занимаются заготовкой сельскохозяйственной продукции, лекарственного сырья, дроблением зерна, оказывают различные бытовые услуги, обустривают близлежащую территорию, организовывая детские и спортивные площадки. В 2003 г. детских площадок действовало 28, в системе Чувашпотребсоюза, как отмечалось в юбилейном сборнике, вышедшем в 2011 г. «из 1268 магазинов заготовительные пункты имеются при 733 торговых заведениях» [18, с. 64]. Именно эти пункты являются основной структурой в системе потребкооперации, занимающейся заготовкой сель-

хозпродукции. Для более эффективной работы в области заготовок многие продавцы закончили специальные курсы заготовителей. Основными видами заготавливаемой продукции являются мясо, молоко, яйца, картофель, овощи и плоды, лекарственно-техническое и кожевенное сырье.

К сбору лекарственных растений активно привлекаются школьники. Совместно с республиканским министерством образования и молодежной политики Чувашпотребсоюз проводит конкурс среди школьников по сбору лекарственно-технического сырья. В 2016 г. по сравнению с 2015 г. в два раза возросло число участников этого конкурса. Несмотря на неблагоприятную погоду, юные сдатчики собрали 6 т лекарственных трав.

В Чувашии наблюдается стабильный рост заготовительных операций. Если в 2008 г. объем закупок составил 300 млн руб., то в 2016 г. - уже 1 млрд руб., из них населению было выплачено 623 млн рублей, что позволило пополнить бюджет многим сельским семьям [4]. Расширение данной деятельности потребкооперации очень важно, так как она обеспечивает сбыт личным подсобным хозяйствам выращенной продукции и дополнительный источник дохода сельским жителям. Многие сельские магазины, особенно в отдаленных районах, занимаются реализацией личным подсобным хозяйствам граждан молодняка птицы, семенного картофеля и лука-севка, минеральных удобрений, фуражного зерна, комбикормов и отрубей, что является важным подспорьем для развития их хозяйств.

Забываясь об удовлетворении культурных потребностей сельских жителей, особенно в отдаленных населенных пунктах, в магазинах потребительской кооперации стали открываться кооперативные библиотеки, чайные столы, где можно почитать кооперативную и республиканскую прессу, обменяться книгами, за чашкой чая обсудить новости, узнать о работе райпо. Так, в 2006 г. только в Большесундырском райпо функционировало 6 библиотек и 33 чайных стола [14, с. 17].

Сокращение числа сельскохозяйственных предприятий, произошедшее в ходе аграрных реформ, ухудшение условий труда и быта, низкая заработная плата, неплатежеспособность хозяйств снижают престижность сельскохозяйственного труда, что привело к уменьшению количества специалистов разного профиля, задействованных в сельском хозяйстве. В результате сельчане стали испытывать сложности с получением ветеринарных и зоотехнических консультаций. Оказание частичной помощи населению в этом вопросе взяла на себя потребительская кооперация. В начале 2000-х годов в Чувашии стали открываться ветеринарные аптеки и пункты. В 2003 г. их действовало уже 29 [3, с. 189]. Возглавляли их лица с высшим и средним ветеринарным образованием. Кроме покупки препаратов, в них всегда можно было получить грамотную консультацию специалистов по вопросам лечения и содержания домашних животных. Ветеринарные аптеки стали принимать также заявки на ветпрепараты от фермерских хозяйств и от сельскохозяйственных производственных кооперативов. К 2016 г. не все кооперативные ветеринарные аптеки и пункты удалось сохранить. По данным Чувашпотребсоюза, в Чувашии действует 21 ветеринарный пункт [1].

Таким образом, трансформационные процессы, происходящие в чувашской деревне в конце XX - начале XXI в., оказывают сильное влияние на торговую деятельность потребительской кооперации. Кооперативные магазины, поддерживая сельских жителей, начинают выполнять несвойственные им функции: заготавливать сельхозпродукцию, техническое и лекарственное сырье, организовывать библиотеки и чайные столы, реализовывать товары в кредит. Чувашпотребсоюзом поддерживаются убыточные магазины. Сокращение числа специалистов сельского хозяйства, в первую очередь ветеринаров, подтолкнуло кооператоров к открытию ветеринарных аптек и пунктов.

Потребительская кооперация Чувашии занимает лидирующие позиции в системе потребкооперации России. Чувашпотребсоюз в 2016 г. занял третье место среди 76 республиканских и областных потребительских союзов за развитие розничной торговли [19]. Однако ежегодно уменьшается доля потребительской кооперации в обороте роз-

ничной торговли средних и крупных предприятий Чувашской Республики. Если в 2008 г. она составляла 28%, то в 2016 г. снизилась до 14% [15; 16].

На наш взгляд, в качестве мер, стимулирующих торговую деятельность, можно предложить: во-первых, попытаться вернуться к старому кооперативному принципу, с одного из которого началась история потребительской кооперации, а именно - распределение части прибыли в конце года в зависимости от закупок. Реализация данного принципа будет особо актуальна в тех населенных пунктах, где совместно с кооперативными магазинами работают частные. Возможность получения в конце года дополнительных выплат в зависимости от количества приобретенного в кооперативном магазине товара может заинтересовать пайщиков. Во-вторых, можно шире использовать интернет-технологии. Проведенное нами исследование потребительских потребностей студентов 1-го курса Чувашского государственного университета, приехавших из разных сельских районов Чувашии, в начале 2017 г. показало, что 57,7% опрошенных для приобретения различных товаров обращаются к интернет-магазинам, а вот среди их родителей - только 7,7% [13]. Тем не менее приведенные данные свидетельствуют, что и среди сельского взрослого населения есть люди, которые привлекают Интернет для приобретения товаров, следовательно, есть пусть и небольшая база, на которую можно опереться для расширения использования интернет-технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аптечная деятельность. Чувашпотребсоюз (Официальный сайт) / [Электронный ресурс] - URL: <http://www.coop21.ru/> (дата обращения: 09.11.2017).
2. Евдокимов Ф.И. Социальная миссия потребительской кооперации в современной России / Ф.И. Евдокимов / Потребительская кооперация: социальная инициатива и ответственность: Мат-лы науч.-практ. конф. - Чебоксары: Русика, 2003. - С. 147-154.
3. Егорова В.Н. Потребительская кооперация как фактор развития социальной инфраструктуры АПК / В.Н. Егорова / Проблемы повышения социальной эффективности деятельности потребительской кооперации... - Чебоксары: Русика, 2004. - С. 182 - 192.
4. Задача быть востребованными на рынке // Чувашпотребсоюз (Официальный сайт) / [Электронный ресурс] - URL: <http://www.coop21.ru/> (дата обращения: 07.11.2017)].
5. Ильин И.Е. Аграрная реформа в России на рубеже XX-XXI вв. / И.Е. Ильин. - Чебоксары, 2005. - 344 с.
6. Исаева Л.М. Заготовительная деятельность - важное направление реализации социальной миссии потребительской кооперации / Л.М. Исаева / Перспективы развития и духовно-нравственные основы социально-экономической деятельности потребительской кооперации: Мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. 26-27 января 2005 г. - Ч. 1. - Чебоксары: Русика, 2005. - С. 233-237.
7. Коваль В. Райпо: навстречу покупателю / В. Коваль // Поречские вести. - 2007. - 3 марта.
8. Материально-техническая база Чувашпотребсоюза // Чувашпотребсоюз (Официальный сайт) / [Электронный ресурс] - URL: <http://www.coop21.ru/> (дата обращения: 09.11.2017).
9. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки / Татьяна Нефедова; Российская акад. наук, Ин-т географии. - М.: Новое изд-во, 2003. - 403 с.; Пациорковский В.В. Сельская Россия, 1991-2001 / В.В. Пациорковский, РАН. Ин-т соц.-экон. проблем народонаселения. - М.: Финансы и статистика, 2003. - 366 с. и др.
10. Никитина Г.А. Сельское общество Удмуртии в условиях реформ рубежа XX-XXI веков: ресурсы и опыт адаптации / Г.А. Никитина / УИИЯЛ УрО РАН. - Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2015. - 320 с.
11. Общие итоги миграции населения Чувашской Республики // Чувашстат (Официальный сайт) [Электронный ресурс] - URL: http://chuvash.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chuvash/ru/statistics/population/ (дата обращения: 05.11.2017).
12. Потребительская кооперация: социальная инициатива и ответственность: Мат-лы науч.-практ. конф., посв. 90-летию Моск. ун-та потреб. кооперации 15 октября 2003 г. - Чебоксары: Русика, 2003. - 588 с.; Проблемы повышения социальной эффективности деятельности потребительской кооперации в условиях глобализации: Мат-лы итог. науч.-практ. конф. Ч. 2. - Чебоксары: Русика, 2004. - 475 с.

13. Полевые исследования автора.
14. Социально-экономическая деятельность Большесундырского райпо и перспективные направления ее развития: Препринт / Сост. Л.М. Корнилова, А.С. Агафонова, Е.Ю. Егорова, О.В. Мартыанова. - Чебоксары, 2006. - 80 с. и др.
15. Социально-экономическое положение Чувашпотребсоюза в Чувашской Республике в 2008 г. // Чувашпотребсоюз (Официальный сайт) / [Электронный ресурс] - URL: <http://chuvashpotrebsouz.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid> (дата обращения: 20.10.2009).
16. Торговая деятельность и общественное питание // Чувашпотребсоюз (Официальный сайт) / [Электронный ресурс] - URL: <http://www.coop21.ru/> (дата обращения: 20.10.2017).
17. Харитонов В.Г. Сельское общество Чувашии в начале XXI века: социокультурные факторы развития / В.Г. Харитонов // Вестник Чувашского университета. - 2017. - № 2. - С. 160-167.
18. Чувашпотребсоюз: Надежный партнер села. - Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. - 215 с.
19. Чувашпотребсоюз - лидер потребительской кооперации России // Знамя труда. - 2017. - 27 июля.

REFERENCES

1. Aptekhnaja dejatel'nost'. Chuvashpotrebsojuz. [Pharmaceutical activity. Chuvashpotrebsoyuz.]. Ofits. Website. Available at: URL: <http://www.coop21.ru/> (accessed: 09.11.2017). (in Russian)
2. Evdokimov F.I. Social'naja missija potrebitel'skoj kooperacii v sovremennoj Rossii. F.I. Evdokimov. Potrebitel'skaja kooperacija: social'naja iniciativa i otvetstvennost': Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. [Social mission of consumer cooperation in modern Russia. F.I. Evdokimov. Consumer cooperation: social initiative and responsibility: Materials scientifically-practical conference]. Cheboksary: Rusika, 2003. Pp. 147-154. (in Russian)
3. Egorova V.N. Potrebitel'skaja kooperacija kak faktor razvitija social'noj infrastruktury APK. V.N. Egorova. Problemy povyshenija social'noj jeffektivnosti dejatel'nosti potrebitel'skoj kooperacii... [Consumer cooperation as a factor of development of social infrastructure of agrarian and industrial complex. V.N. Egorova. Problems of increase in social efficiency of activity of consumer cooperation]. Cheboksary: Rusika, 2004. Pp 182-192. (in Russian)
4. Zadacha byt' vostrebovannyimi na rynke . Chuvashpotrebsojuz. [A task to be demanded in the market. Chuvashpotrebsoyuz.]. Ofits. website Available at: URL: <http://www.coop21.ru/> (accessed: 07.11.2017). (in Russian)
5. Ilyin I.E. Agrarnaja reforma v Rossii na rubezhe XX-XXI vv. I.E. Ilyin [Agrarian reform in Russia at a boundary of the 20-21st centuries. I.E. Ilyin]. Cheboksary, 2005. 344 p. (in Russian)
6. Isaeva L.M. Zagotovitel'naja dejatel'nost' - vazhnoe napravlenie realizacii social'noj missii potrebitel'skoj kooperacii. L.M. Isaeva. Perspektivy razvitija i duhovno-nravstvennye osnovy social'no-jekonomicheskoy dejatel'nosti potrebitel'skoj kooperacii: Materialy mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 26-27 janvarja 2005 g. [Procuring activity - the important direction of realization of a social mission of consumer cooperation. L.M. Isaeva. Prospects of development and spiritual and moral bases of social and economic activity of consumer cooperation: Materials of an interuniversity scientific and practical conference. On January 26-27, 2005. Part 1]. Cheboksary: Russika, 2005. Pp. 233-237. (in Russian)
7. Koval V. Rajpo: navstrechu pokupatelju. [Raypo: towards to the buyer. V. Koval]. Poretskiye of a message. 2007. March 3. (in Russian)
8. Material'no-tehnicheskaja baza Chuvashpotrebsojuz. Chuvashpotrebsoju. [Chuvashpotrebsoyuz material and technical resources. Chuvashpotrebsoyuz.]. Ofits. website. Available at: URL: <http://www.coop21.ru/> (accessed: 09.11.2017). (in Russian)
9. Nefedova T. G. Sel'skaja Rossiya na pereput'e: geograficheskie ocherki. Tat'jana Nefedova; Rossijskaja akad. nauk, In-t geografii. [Rural Russia at the crossroads: geographical sketches. Tatyana Nefedova; Russian academician of sciences, Institute of geography]. Moscow: New publishing house, 2003. 403 p.; Patsiorkovskij V.V. Sel'skaja Rossiya, 1991-2001. V.V. Patsiorkovskij, Ros. akad. nauk. In-t soc.-jekon. problem narodonaselenija. [Rural Russia, 1991-2001. V.V. Patsiorkovskij, Grew. academician of sciences. Institute of social-economic. population problems]. M.: Finance and statistics, 2003. 366 p., etc. (in Russian)
10. Nikitina G.A. Sel'skoe obshchestvo Udmurtii v uslovijah reform rubezha XX - XXI vekov: resursy i opyt adaptacii. G.A. Nikitina. Udmurt. UrO RAN. [Rural society of Udmurtia in the conditions of reforms of a turn of the XX-XXI centuries: resources and experience of adaptation. G.A. Nikitina. Udmurt. OURO RAN]. Izhevsk: Institute of computer researches, 2015. 320 p. (in Russian)

11. Obshhie itogi migracii naselenija Chuvashskoj Respubliki. Chuvashstat. [General results of population shift of the Chuvash Republic. Chuvashstat]. Ofits. website. Available at: URL: http://chuvash.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chuvash/ru/statistics/population/ (accessed: 11.05.2017). (in Russian)
12. Potrebitel'skaja kooperacija: social'naja iniciativa i otvetstvennost': Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 90-letiju Moskovskogo universiteta potrebitel'skoj kooperacii 15 oktjabrja 2003 g. [Consumer cooperation: social initiative and responsibility: Materials scientific and practical conference devoted to the 90 anniversary of the Moscow university of consumer cooperation on October 15, 2003. Cheboksary: Rusika, 2003. 588 p. (in Russian); Problemy povyshenija social'noj jeffektivnosti dejatel'nosti potrebitel'skoj kooperacii v uslovijah globalizacii: Materialy itogovoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Chast' 2. [Problems of increase in social efficiency of activity of consumer cooperation in the conditions of globalization: Materials of a total scientific and practical conference. Part 2.] Cheboksary: Rusika, 2004. 475 p. (in Russian)
13. Field researches of the author. (in Russian)
14. Social and economic activity of Bolshesundyrsky rajon and perspective directions of her development: Pre-print / Sost. L.M. Kornilov, A.S. Agafonov, E.Yu. Egorov, O.V. Martyanov. Cheboksary, 2006. 80 pages, etc. (in Russian)
15. Chuvashpotrebsoyuz economic and social situation in the Chuvash Republic in 2008//Chuvashpotrebsoyuz. [Ofits. website]. Available at: URL: <http://chuvashpotrebsoyuz.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid> (accessed: 20.10.2009). (in Russian)
16. Trade activity and public catering//Chuvashpotrebsoyuz. [Ofits. website]. Available at: URL: <http://www.coop21.ru/> (accessed: 20.10.2017) (in Russian)
17. Kharitonova V.G. Sel'skoe obshchestvo Chuvashii v nachale XXI veka: sociokul'turnye faktory razvitiya. V.G. Haritonova. [Rural society of Chuvashia at the beginning of the 21st century: sociocultural factors of development. V.G. Kharitonova.]. Messenger of the Chuvash university. 2017. No. 2. Pp 160-167. (in Russian)
18. Chuvashpotrebsoyuz: Reliable partner of the village. Cheboksary: Chuvash. prince publishing house, 2011. 215 p. (in Russian)
19. Chuvashpotrebsoyuz - the leader of consumer cooperation of Russia. A work Banner. 2017. July 27. (in Russian)

Информация об авторе:

Вязова Ольга Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова в г. Чебоксары, кафедра археологии, этнографии и региональной истории, историко-географический факультет,
г. Чебоксары, Россия
o-vyazova2008@mail.ru

Получена: 14.11.2017

Для цитирования: Вязова О.Г. Торговая деятельность потребительской кооперации Чувашии в условиях трансформации чувашской деревни в 1990-2000-х гг. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.45-51.
[doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-45-51](https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-45-51).

Information about the author:

Olga G. Vyazova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, The Chuvash State University of I.N. Ulyanov to Cheboksary, Department of Archeology, Ethnography and Regional History Historical and Geographical Faculty,
Cheboksary, Russia
o-vyazova2008@mail.ru

Received: 14.11.2017

For citation: Vyazova O.G. Trade activity of consumer cooperation of Chuvashia in the conditions of transformation of the chuvash village in the 1990-2000th. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.6 Part. 1. Pp. 45-51.
[doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-45-51](https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-45-51). (in Russian)

УДК 305.0(09)

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-52-61

ЗАВЬЯЛОВА Оксана Олеговна
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
oxana-z10@rambler.ru

Oksana O. ZAVYALOVA
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
oxana-z10@rambler.ru

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

В статье представлен историографический обзор современной отечественной литературы, авторы которой используют теоретико-методологический инструментарий теории модернизации для анализа проблем истории развития России в имперский период. Дана краткая характеристика процесса эволюции этой теории, который заключается в смещении интереса ученых, работающих в модернизационной парадигме, с анализа преимущественно экономических и институциональных изменений на изучение комплекса культурных и социальных трансформаций, протекавших в европейских странах в Новое время. Сделана попытка выявить основные тенденции, проанализировать выработанные отечественными обществоведами концепции и точки зрения в изучении исторических проблем Российской империи с применением модернизационной теории. Делается вывод о том, что общей тенденцией, характерной для исследователей, применяющих положения теории модернизации для объяснения исторического прошлого Российской империи, является признание ими «догоняющего» характера российской модернизации с учетом ее национальных, культурных и цивилизационных особенностей и при выделении определяющей роли государства в этом процессе. Благодаря своему мощному познавательному потенциалу и комплексному подходу модернизационная теория не утратила своего теоретико-методологического значения и продолжает выступать важным теоретическим обоснованием многих отечественных концепций исторического развития России в имперский период.

Ключевые слова: история России, имперский период, реформирование, самодержавие, историография, гуманитарные науки, теория модернизации, традиции, инновации, социокультурная модернизация

DOMESTIC EXPERIENCE OF STUDYING HISTORY OF RUSSIA OF THE IMPERIAL PERIOD IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF MODERNIZATION

The article presents a historiographic review of modern Russian literature, whose authors use the theoretical and methodological tools of the theory of modernization to analyze the problems of the history of development of Russia in the imperial period. The article briefly describes the process of evolution of this theory, which consists in shifting the interest of scientists working in the modernization paradigm from the analysis of predominantly economic and institutional changes to the study of the complex of cultural and social transformations taking place in European countries in the New Times. An attempt was made to identify the main trends, to analyze the concepts and points of view developed by Russian social scientists in studying the historical problems of the Russian Empire with the application of the modernization theory. It is concluded that the general trend characteristic for researchers applying the provisions of the theory of modernization to explain the historical past of the Russian Empire is their recognition of the "catching up" nature of Russian modernization, taking into account its national, cultural and civilizational features and in identifying the determining role of the state in this process. Thanks to its powerful cognitive potential and integrated approach, the modernization theory has not lost its theoretical and methodological significance and continues to be an important theoretical foundation for many domestic concepts of Russia's historical development in the imperial period.

Keywords: Russian history, imperial period, reforming, autocracy, historiography, humanitarian sciences, modernization theory, traditions, innovation, sociocultural modernization

Благодарность. Статья написана в рамках исследования при финансовой поддержке гранта Южного федерального университета (ЮФУ). Проект № ВнГр-07/2017-16 «Модернизация России: исследовательский опыт и образовательные практики».

Acknowledgement. The article is written in the framework of the research with the financial support of the grant from the Southern Federal University (SFU). Project No. VnGr-07 / 2017-16 «Modernization of Russia: Research Experience and Educational Practices».

В настоящее время изучение характера и темпов российской модернизации выступает одной из актуальных задач, влияющих на дальнейший ход развития нашей страны. Действующая российская власть, понимая под модернизацией «улучшение и обновление чего-либо» уделяет ей значительное внимание при планировании социально-экономического развития России в ближайшие годы [1, с. 232]. В связи с этим обращение

к историческому опыту осуществления модернизационных проектов в России позволит учитывать и преодолевать в будущем те проблемы, которые уже возникали перед российской властью в имперский период.

Исследовательская стратегия изучения российской истории с широким применением положений модернизационной теории имеет в России уже сложившуюся традицию. Начало ей было положено в 1990-е годы, что было связано с кардинальным эпистемологическим сдвигом, происходившим в нашей стране в этот период на фоне кардинальных политических и социально-экономических трансформаций. Теория модернизации и в настоящее время сохраняет свое теоретико-методологическое значение в отечественных исторических исследованиях, что вполне объяснимо ее мощным познавательным потенциалом и комплексным подходом, обеспечение которого осуществляется при помощи широкого привлечения методологического инструментария различных наук социально-гуманитарного цикла.

Следует отметить, что в современной гуманитарной науке существует множество различных интерпретаций понятия модернизация. В самом общем смысле под этим процессом понимается переход от традиционного общества к современному, включающий в себя комплекс изменений, начинающихся с духовной переориентации, неизбежным следствием которой с течением времени становятся трансформации в социальной, экономической и политической сферах жизни общества. Начало совокупности этих процессов было положено в странах Западной Европы с периода раннего Нового времени. По мнению ряда исследователей, модернизационные изменения в духовной сфере, в первую очередь способствовавшие вхождению общества модернизирующейся страны в русло общеевропейского развития, включают в себя переход от преобладания традиционного сознания к инновационному, усиление роли личности в жизни общества, распространение светского характера общественной жизни, преобладание инструментальных ценностей, распространение массовой грамотности, формирование активно-преобразующего психологического склада личности, стремящейся к участию в общественно-политических процессах [2].

Возникнув в 1950-е годы, теория модернизации прошла в своем развитии несколько этапов, на одном из которых началась конструктивная критика основных положений ее «классической» схемы [3, с. 471]. За последние десятилетия внимание зарубежных и отечественных исследователей при обращении к истории модернизации, выделении ее этапов, а также общих и специфических черт в модернизационных процессах разных стран, смещается в сторону изучения и учета социокультурной специфики модернизирующихся обществ [4]. Теоретики модернизации отходят от предшествующих теорий экономической и институциональной модернизации, выдвигая на первый план «классический комплекс культурных и социальных практик» [5, с. 101]. При этом ученые признают огромное влияние на темпы, характер и успешность модернизации национальных традиций, культуры и цивилизационных особенностей модернизирующейся страны.

Усиление интереса российских ученых к теории модернизации отразилось в публикации на страницах журнала «Вопросы философии» в 1993 г. материалов круглого стола «Российская модернизация: проблемы и перспективы», содержащих различные точки зрения на особенности и темпы модернизации в России [6]. В них отмечалось, что модернизационные процессы в России ведут свое начало с преобразовательной деятельности Петра I, при котором закрепились традиционная для российской власти инициативная и на начальном этапе принудительная роль верховной власти в осуществлении модернизационных проектов. Источником модернизационных импульсов в России становились скорее экзогенные факторы, связанные с определением места страны на мировой арене и поддержанием ее военно-технического потенциала во избежание отставания от передовых западноевропейских стран [6, с. 11].

За последние десятилетия отечественные историки, политологи и социологи разработали ряд авторских концепций изучения российской истории на основе модернизационной теории. Необходимо указать на некоторые из них, представляющие собой сформировавшиеся теоретические модели, применимые к интерпретации истории России пе-

риода империи. Так, в 1990-е годы появляются работы В.А. Красильщикова, в которых автором была поставлена проблема связи исторического развития России с процессом мировой модернизации [7]. Отмечая, что модернизация является порождением западно-европейской цивилизации, исследователь указывает на своеобразную зависимость России от стран Западной Европы, растущую по мере усиления военной и технической мощи страны [8, с. 70]. Автор, характеризуя модернизационные процессы в России, вводит понятие «догоняющей имперской модели модернизации», направленной исключительно на развитие и поддержание военно-стратегического положения и технического оснащения страны. Согласно данному подходу модернизация, осуществляемая государственной властью исключительно как экономический проект, не затрагивала глубинных оснований жизни общества. Но при этом Красильщиков указывает на важный аспект, связанный с использованием правительством достижений социокультурной модернизации, способствовавшей развитию индивидуалистического начала в узкой прослойке образованных людей. По мнению автора, имперское правительство на разных этапах модернизации было вынуждено обращаться к представителям общества, опираться на личную инициативу, идущую «снизу». В этом отношении исследователь приводит показательный пример преобразований, проводимых Петром I и модернизации середины XIX века, начатой Александром II, неосуществимых без стимулирования властью индивидуализма и предприимчивости в общественной среде [8, с. 70-71].

Со второй половины 1990-х гг. проблему применения теории модернизации к интерпретации комплекса процессов «обновления» в отечественной истории активно разрабатывают ученые научной школы академика РАН В.В. Алексеева. В работах этих исследователей подробно рассматривается трансформация теории модернизации из абстрактной теоретической модели в многомерную научно-исследовательскую программу, способную объяснить и свести многообразие эмпирического материала исторической реальности к целостному, закономерному процессу модернизационного перехода в России [9]. Алексеев и ученые его школы российскую модернизацию в целом характеризуют как постоянно воспроизводимый, универсальный алгоритм развития России, который с момента вхождения страны в число европейских держав, определял методы и основные направления в решении стоящих перед ней исторических задач во всех сферах общественной жизни и в своей динамике отличался цикличностью [10].

При этом большое внимание в работах представителей школы Алексеева уделяется опыту российских модернизаций XVIII – XX веков как на общероссийском, так и на региональном уровне. По мнению авторов коллективной монографии «Опыт российских модернизаций XVIII—XX века», российскую историю имперского периода определяли два наиболее важных процесса – имперский и модернизационный [11 с. 51]. Сами модернизационные процессы стали главным вызовом России в XVIII – XX веках, катализатором развития российского общества. В истории Российской империи авторы выделяют два цикла модернизаций, каждый из которых соответствовал определенному уровню развития имперских процессов, в итоге завершившихся гибелью традиционной империи. Первый цикл – доиндустриальная модернизация (XVIII – середина XIX века) традиционно связывается с деятельностью Петра I по всеохватному укреплению позиций России среди европейских держав и в целом представляет собой первую волну модернизации в России, выделенную учеными. Вторая волна модернизации, начатая «Великими реформами» Александра II, представляла собой попытку преодоления кризиса доиндустриальной модернизации во второй половине XIX века и стала началом разворачивания второго цикла – раннеиндустриальной имперской модернизации. Один из основных выводов, к которому приходят исследователи, и который затем будет неоднократно появляться в работах других авторов, заключается в том, что модернизация в России с самого начала была инициирована «сверху» самой государственной властью и повсеместно «насаждалась» благодаря наличию в стране огромных резервов экстенсивного экономического роста [11, с. 54-55].

Следует отметить, что исследователи школы В.В. Алексеева, изучая модернизационные циклы в истории России, применяют как эволюционистский, так и цивилизацион-

ный подход, опираясь при этом на концепцию социокультурной динамики российской истории социолога А.С. Ахиезера. Этот ученый напрямую связывает специфику российской модернизации с цивилизационными особенностями России, которую называет «расколотой цивилизацией» [12, с. 221-228]. По его мнению, социокультурный раскол в стране, возникший в начале XVIII века, в первую очередь представлял собой противоречие в понимании целей модернизации различными социальными группами и сформировал основу для конфликта между властью и обществом по вопросам реформирования страны, который продолжался на протяжении всего имперского периода [12, с. 10-11, 221-223.].

Особенностям российской модернизации в имперский период большое внимание уделяет историк Б.Н. Миронов. В своей масштабной работе, раскрывающий различные аспекты социального развития российского общества, автор помимо прочего выделяет социокультурные факторы, определившие характер и темпы модернизации в России XVIII-XIX веков. Среди них он указывает на раскол культурного пространства в Российской империи на народную и элитарную культуры, слабую секуляризацию общественного сознания и на противоречия между традиционными структурами российского общества и преобразовательной деятельностью имперского правительства. В итоге, по мнению Миронова, модернизационные изменения имели только внешний характер и привели российское общество к социальной и культурной асимметрии, выражавшейся в асинхронности развития его отдельных институтов [13, с. 141].

Против применения по отношению к модернизационным процессам в России пространственной среди отечественных исследователей модели «догоняющей модернизации» выступает философ С.Н. Гавров. Исследователь основывает свои доводы на том, что направления исторического развития России и Европы в многовековом взаимодействии являются разными и в цивилизационных основаниях, и в самих принципах развития [14, с. 41]. По его мнению, осмысление характера российской модернизации требует введения специальных терминов, объясняющих существование и постоянное воспроизводство амбивалентной исторической ситуации, сложившейся в России в условиях взаимодействия с западноевропейской цивилизацией. В результате этого взаимодействия в России на протяжении имперского периода ее истории формируется своеобразный маятниковый цикл, в котором происходит чередование имперской модели модернизации с компонентой либеральной модели [14, с. 42]. Автор оговаривает сущностные компоненты каждой из моделей, представляющих собой историко-культурные феномены. Первое понятие сближает исследователя во взглядах с В.А. Красильщиковым. Так, для имперской модернизации характерны количественные изменения внутри преимущественно тех сфер, которые связаны с потребностью поддержания военного потенциала страны. Но вместе с тем, автор вводит определение либеральной модели модернизации, которая по сравнению с имперской предполагает структурную трансформацию общества в либеральном направлении. Это процесс, по мнению философа, представляет собой проникновение в российское социокультурное пространство инокультурных элементов либерального характера, присущих цивилизации модерности (политической демократии, капиталистического рынка и др.), ослабляющих имперские основания государственной системы и вызывающих брожение в обществе, раскол его образованной части на противоположные лагеря, разделяющиеся по принятию или отторжению ценностей Запада, его политических и социальных институтов [14, с. 56].

По сравнению с исследованиями, посвященными характеру и особенностям российской модернизации в целом, объяснение процессов социокультурной модернизации в Российской империи представлено незначительным количеством специальной литературы. Определение «культурной модернизации» в ряде статей теоретически разрабатывается М.И. Евдокимовой. Она указывает на то, что, являясь частью модернизации в целом, «культурная модернизация» представляет собой «деятельность субъектов (в частности, индивидов, групп, общества в целом и государства) по изменению их ценностей и идентичности в целях адаптации для капиталистического устройства» [15, с. 86].

С точки зрения социально-культурной антропологии оценку модернизационным процессам в России дал философ В.Н. Шевелев. Он отмечает, что модернизация не может проводиться исключительно как экономический или технический проект. Для ее осуществления «требуется модернизация общества как такового, необходимо изменение системы ценностей» [16, с. 145]. В процессе именно социокультурной модернизации на первый план выдвигается человек, особенности его сознания и мировоззрения.

Современный философ В.Г. Федотова, рассматривая соотношение традиций и инноваций на разных этапах модернизации в социокультурной сфере, считает, что в России модернизационные процессы осуществлялись в форме «догоняющей» Запад модели. Согласно данной модели собственная культура, сохраняющая черты традиционности, «воспринималась как препятствие тому, чтобы догнать Запад и стать современным» и потому на ранних этапах модернизации совершенно не учитывалась [17, с. 81].

Историк К.В. Самохин, рассматривающий военный фактор как механизм российской модернизации в XVIII-XIX вв., указывает на ее неорганичность, сообщившую процессу перехода от традиционного общества к индустриальному в Российской империи затяжной и незаконченный характер. В своих работах он большое внимание уделяет процессам духовной модернизации. По мнению автора, она начинается в царствование Петра I вместе с модернизационными процессами в военно-технической и экономической сферах и состоит в «смене ценностей и социальных установок» преимущественно в слое высшего общества [18, с. 183]. Итоги духовной модернизации заключаются в установлении либеральных ценностей среди образованных слоев населения, в то время как крестьянское мировоззрение в конце XVIII-первой половине XIX века не подвергается существенным изменениям [19].

Структурирование российской исторической действительности имперского периода посредством анализа конкретных исторических фактов с применением концептуальных положений теории модернизации осуществляется в ряде работ современных отечественных историков. Например, К.Н. Тарасов на примере политической публицистики и переписки одного из идеологов русского консерватизма К.Н. Леонтьева анализирует отражение в общественной мысли проблем, которые были вызваны капиталистической модернизацией, протекавшей в России во второй половине XIX века. Автор отмечает, что Леонтьев являлся принципиальным противником изменений в России по европейскому образцу и вместе с тем на основе творческого наследия мыслителя выделяет те противоречия и негативные последствия, которые возникли от проникновения в традиционный российский социум европейских элементов, составляющих в своей совокупности общество Модерна. Главным из этих последствий стала потеря самодержавной властью монополии на управление общественно-политическими процессами, стремительно развивавшимися в этот период, что в итоге привело государство к системному кризису начала XX века [20, с. 119-120].

Оригинальную типологию реформационных процессов в истории России, исходя из особенностей взаимоотношений общества и государства на протяжении XVIII-начала XX вв., разработал А.Н. Медушевский [21]. Исследователь выделяет три основные стратегии осуществления модернизации путем реформ: модернизация «сверху» (петровские преобразования); осуществление модернизации совместными усилиями образованного общества и власти (Великие реформы 1860-х гг.); модернизация «снизу» (революции начала XX века).

По мнению автора, первый тип модернизации привел к эффективным, но ограниченным преобразованиям преимущественно в военно-технической и экономической сферах, позволившим быстро мобилизовать ресурсы страны, но при этом происходит резкое отделение власти от общества, что в исторической перспективе приводит к их взаимному отчуждению [22, с. 22]. Медушевский связывает необходимость перехода к новой стратегии модернизации с участием общественности, возникшую в середине XIX века, с развитием кризиса служилого государства и крепостного права, проявлением которого стало военно-техническое отставание России и ее поражение в Крымской войне.

Широкий спектр проблем, затрагивающих политические, социально-экономические и исторические аспекты модернизационных процессов в России имперского периода, освещает коллектив авторов ежегодного «Вестника Ростовского Межрегионального института общественных наук» на базе Южного федерального университета. Так, проблеме модернизации российской государственной власти в XIX веке и ее отражению в русской общественной мысли посвящен ряд статей А.И. Нарезного [23]. Понимая под политической модернизацией «обновление», реформирование российского самодержавия и попытки приспособить его к изменяющимся историческим условиям, автор анализирует теоретические концепции различных представителей русской общественной мысли на протяжении XIX-начала XX вв., их взгляды на сущностные черты самодержавия в России, пределах его реформистского потенциала, внешних стимулах и внутренних механизмах трансформации российской власти. Нарезный выделяет два противоположных течения в общественной мысли по вопросу модернизации самодержавной системы государственной власти, обозначившиеся в России в начале XIX века в деятельности двух разных мыслителей - М.М. Сперанского и Н.М. Карамзина [24, с. 193 -194]. По мнению исследователя, противостояние в среде русской общественности между сторонниками реформирования самодержавной власти по европейскому образцу и теми, кто отстаивал поиск самобытного варианта политического развития России, определяло интеллектуальный ландшафт эпохи и демонстрирует допустимый теоретически выработанный предел политической модернизации.

Влияние модернизационных процессов на развитие консервативной идеологии в России имперского периода анализирует другой постоянный автор вестника РМИОН М.Н. Крот. Понимая под модернизацией российского общества в Новое время «широкое обновление всех сторон общественной жизни», происходившее в русле общеевропейских процессов, исследователь напрямую связывает с ней развитие русского консерватизма [25, с. 109]. По его мнению, модернизация и те обновленческие тенденции, которые следуют из нее, порождает ответную реакцию у модернизирующегося общества в виде рефлексии над собственными цивилизационными основами, стимулирует развитие общественной мысли и вырабатывает «фильтры» из специфических, исторически сложившихся и присущих данному обществу социокультурных практик, через которые происходит осмысление и усвоение инноваций [26, с. 179]. Также исследователь при помощи модернизационной теории рассматривает политическую историю России второй половины XIX века, а именно период так называемых контрреформ 1880-1890-х гг., которые, по его мнению, представляли собой продолжение модернизационных инициатив самодержавной власти в форме консервативной модели модернизации, пришедшей на смену модели либеральной 1860-1870-х гг.

Следует отметить, что среди исследователей довольно распространено использование теории модернизации при изучении отдельных сюжетов российской истории имперского периода, что позволяет авторам связать процессы «обновления» и реформирования, протекавшие в России в этот период с общеевропейским контекстом и представить развитие страны в Новое время как закономерное движение по пути заимствования, усвоения, интерпретации, принятия и неприятия европейских идей, ценностей и институтов.

Таким образом, анализ работ отечественных обществоведов, связанных с применением теории модернизации по отношению к изучению истории России, позволяет сделать вывод о том, что несмотря на ее запоздалое вхождение в теоретико-методологический инструментарий российской гуманитарной науки ученые смогли не только осмыслить опыт, накопленный западноевропейскими коллегами, но и разработать собственные концепции для интерпретации российской истории имперского периода, включающие в себя в качестве основы теоретические положения модернизационной теории, а также весьма продуктивно использовать их для анализа частных сюжетов истории Российской империи. Общая тенденция, характерная для исследователей, работающих в русле модернизационной парадигмы, заключается в признании ими «догоняющего» характера российской модернизации с учетом ее национальных, культурных и ци-

визационных особенностей и при выделении определяющей роли государства в этом процессе. Признавая направленность российской модернизации в первую очередь на развитие промышленных технологий и укрепления военно-технического потенциала страны, ученые в то же время уделяют большое внимание культурным переменам, в частности, переменам в ценностных ориентациях и нравственных установках.

В целом теория модернизации, выступая одной из множества возможных объяснительных моделей исторического прошлого, позволяет современным исследователям применять комплексный структурно-системный подход к изучению истории России Нового времени, одновременно анализировать разные уровни исторической действительности и выявлять взаимозависимости между изменениями во всех сферах общественной жизни в период, когда протекал процесс слома традиционных структур и их трансформация, составивший основную траекторию развития российской истории имперского периода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Федотова М.Г. Означивание модернизации в поле общественных наук, поле политики и поле журналистики // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 1(17). С. 231-235.
2. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФ РАН, 1997. 256 с.; Х. ван дер Лоо, В. ван Райен. Модернизация. Проект и парадокс // *Ab Imperio* 1/2002. С. 33-64; Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. N.Y.; London, 1965. 466 p.; Comparative Modernization: A Reader. Ed. by C.E. Black. N.Y.; London, 1976. 441 p.; Levy M.J. Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966. 735 p.
3. Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации. Распад ранней парадигмы модернизации и пересмотр соотношения между традицией и современностью // Сравнительное изучение цивилизаций: учеб. пособие для студентов вузов / Сост. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998. 556 с. С. 470-479.
4. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под. ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.; Паин Э.А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // Общественные науки и современность. 2009. №6. С. 37-54; Матвеев Ю.И. Модернизация: теория и современность // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. №1-1 С.153-164.
5. Хильдермайер М. Российский «долгий XIX век»: «особый путь» европейской модернизации? // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 85-101.
6. Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3-39.
7. Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40-56; Красильщиков В.А., Белоусов А.Р., Гутник В.П., Клепач А.Н. и др. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М.: Таурус, 1994. 115 с.
8. Красильщиков В.А. Зависимость и отсталость в развитии России // Мир России. 1996. Т. 5. № 4. С. 67-96.
9. Алексеев В.В., Побережников И.В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Уральский исторический вестник. 2000. № 5-6. С. 8-49; Алексеев В.В., Побережников И.В. Модернизационная парадигма российской истории // Экономическая история. 2006. № 4. С. 7-17.
10. Алексеев В.В. Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы? // Уральский исторический вестник. 2000. № 5-6. С. 96-104; Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3-20; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
11. Опыт российских модернизаций. XVIII-XX века / Отв. ред. В.В. Алексеев. М.: Наука, 2000. 246 с.
12. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). В 2-х т. Т. I: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 804 с.
13. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х т. Т. 2. СПб: Дм. Буланин, 1999. 548 с.
14. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС, 2004. 352 с.
15. Евдокимова М.И. Культурная модернизация и культурная революция: дифференциация понятий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культуроло-

- гия и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8(34): в 2-х ч. Ч. I. С. 85-88.
16. Шевелев В.Н. Антропологический дискурс в изучении российской модернизации // Теория и практика общественного развития. 2009. №2 С.141-148.
 17. Федотова В.Г. Модернизация и традиция // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 80-91.
 18. Самохин К.В. Северная война: первый опыт российской модернизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8(14). С. 180-185;
 19. Самохин К.В. Процессы Российской модернизации в конце XVIII первой половине XIX веков [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. № 9(17). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/samokhin.pdf> (дата обращения: 13.09.2017).
 20. Тарасов К.Н. Проблемы модернизации пореформенного российского общества в политической публицистике и переписке К.Н. Леонтьева // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. №6/2(7). С. 118-121. Doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-118-121
 21. Медушевский А.Н. Ключевые проблемы российской модернизации. Курс лекций. М.: Директ-Медиа, 2014. 680 с.
 22. Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история. 2011. № 1. С. 3-27.
 23. Нарезный А.И. Проекты модернизации государственной власти России в период Великих реформ XIX века // Вестник РМИОН. Проблемы модернизации России. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2011. С. 3-24; Его же. Проект политических преобразований Н.И. Тургенева // Вестник РМИОН. Исторические и социальные аспекты модернизации России в XIX – начале XXI вв. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2015. С. 5-21.
 24. Нарезный А.И. Проблемы модернизации самодержавия в русской общественной мысли XIX века. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2014. 204 с.
 25. Крот М.Н. Многоликая идеология: основные направления русской консервативной мысли второй половины XIX века // Вестник РМИОН. Проблемы модернизации России. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2012. С. 109-126.
 26. Крот М.Н. Консерватизм как социокультурный феномен модернизационных процессов в обществе // Вестник РМИОН. Исторические и социальные аспекты модернизации России в XIX – начале XX в. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2016. С. 176-188.

REFERENCES

1. Fedotova M.G. Oznachivanie modernizatsii v pole obshchestvennykh nauk, pole politiki i pole zhurnalistiki. [Significance of modernization in the field of social sciences, the field of politics and the field of journalism]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l. [Historical and Social-Educational Ideas]. 2013. V. 17. No. 1. Pp. 231-235. (in Russ.).
2. Fedotova V.G. Modernizatsiya «drugoy» Evropy. [Modernization of the "other" Europe]. Moscow: IP RAS, 1997. 256 p. (in Russ.); Kh. van der Loo, V. van Rayen. Modernizatsiya. Proekt i paradoks. [Modernization. Project and paradox]. Ab Imperio. 2002. No. 1. Pp. 33-64. (in Russ.); Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. N.Y.; London, 1965. 466 p. (in English); Comparative Modernization: A Reader. Ed. by C.E. Black. N.Y.; London, 1976. 441 p. (in English); Levy M.J. Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966. 735 p. (in English).
3. Eyzenshtadt Sh. Novaya paradigma modernizatsii. Raspad ranney paradigmy modernizatsii i peresmotr sootnosheniya mezhdu traditsiei i sovremennost'yu. [A new paradigm of modernization. The disintegration of the early paradigm of modernization and the revision of the relationship between tradition and modernity]. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii [A Comparative Study of Civilizations]: Reading Book: Textbook for University Students. Ed. by B. S. Erasov. Moscow: Aspekt Press, 1998. 556 p. Pp. 470-479. (In Russ.).
4. Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu. [Culture matters. How values contribute to social progress]. Ed. By L. Harrison, S. Huntington. Moscow: Moscow School of Political Studies, 2002. 320 p. (in Russ.); Pain E.A. Mnogokul'turnaya modernizatsiya: evolyutsiya teoreticheskikh vzglyadov. [Multicultural modernization: the evolution of theoretical views]. Obshchestvennye nauki i sovremennost'. [Social sciences and modernity]. 2009. No. 6. Pp. 37-54. (in Russ.); Matveenko Yu.I. Modernizatsiya: teoriya i sovremennost'. [Modernization: theory and modernity]. Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki. [News TSU. Humanities]. 2012. No. 1-1. Pp.153-164. (in Russ.).

5. Khil'dermayer M. Rossiyskiy «dolgiy XIX vek»: «osobyi put'» evropeyskoy modernizatsii? [Russian "long XIX century": "a special way" of European modernization?] *Ab Imperio*. 2002. No. 1. Pp. 85-101. (in Russ.).
6. Rossiyskaya modernizatsiya: problemy i perspektivy. [Russian modernization: problems and prospects]. *Voprosy filosofii*. [Questions of philosophy]. 1993. No. 7. Pp. 3-39. (in Russ.).
7. Krasil'shchikov V.A. Modernizatsiya i Rossiya na poroge XXI veka. [Modernization and Russia on the threshold of the XXI century]. *Voprosy filosofii*. [Questions of philosophy]. 1993. No. 7. Pp. 40-56. (in Russ.); Krasil'shchikov V.A., Belousov A.R., Gutnik V.P., Klepach A.N. i dr. Modernizatsiya: Zarubezhnyy opyt i Rossiya. [Modernization: Foreign experience and Russia]. Moscow: Taurus, 1994. 115 p. (in Russ.).
8. Krasil'shchikov V.A. Zavisimost' i otstalost' v razvitii Rossii. [Dependence and backwardness in the development of Russia]. *Mir Rossii*. [The world of Russia]. 1996. V. 5. No. 4. Pp. 67-96. (in Russ.).
9. Alekseev V.V., Poberezhnikov I.V. Shkola modernizatsii: evolyutsiya teoreticheskikh osnov. [School modernization: the evolution of theoretical foundations]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. [The Urals Historical Herald]. 2000. No. 5-6. Pp. 8-49. (in Russ.); Alekseev V.V., Poberezhnikov I.V. Modernizatsionnaya paradigma rossiyskoy istorii. [Modernization paradigm of Russian history]. *Ekonomicheskaya istoriya*. [Economic history]. 2006. No. 4. Pp. 7-17. (in Russ.).
10. Alekseev V.V. Modernizatsiya i revolyutsiya v Rossii: sinonimy ili antipody? [Modernization and revolution in Russia: synonyms or antipodes?] *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. [The Urals Historical Herald]. 2000. No. 5-6. Pp. 96-104. (in Russ.); Alekseev V.V., Alekseeva E.V. Raspad SSSR v kontekste teorii modernizatsii i imperskoy evolyutsii. [The collapse of the USSR in the context of modernization theories and imperial evolution]. *Otechestvennaya istoriya*. [National history]. 2003. No. 5. Pp. 3-20. (in Russ.); Poberezhnikov I.V. Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu. Teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii. [The transition from the traditional to the industrial society. Theoretical and methodological problems of modernization]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 240 p. (in Russ.).
11. Opyt rossiyskikh modernizatsiy. XVIII – XX veka. [Experience of Russian modernization. XVIII - XX century]. Ed. By V.V. Alekseev. Moscow: Science, 2000. 246 p. (in Russ.).
12. Akhiezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii). [Russia: Criticism of Historical Experience (Sociocultural Dynamics of Russia)]. In 2 V. V. 1: Ot proshlogo k budushchemu. [From the past to the future]. Novosibirsk: The Siberian chronograph, 1998. 804 p. (in Russ.).
13. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII-nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. [Social history of Russia in the period of the empire (XVIII-early XX century.): The genesis of the individual, democratic family, civil society and the rule of law]. In 2 V. V. 2. Saint Petersburg: Dm. Bulanin, 1999. 548 p. (in Russ.).
14. Gavrov S.N. Modernizatsiya vo imya imperii. Sotsiokul'turnye aspekty modernizatsionnykh protsessov v Rossii. [Modernization in the name of the empire. Sociocultural aspects of modernization processes in Russia]. Moscow: Editorial URSS, 2004. 352 p. (in Russ.).
15. Evdokimova M.I. Kul'turnaya modernizatsiya i kul'turnaya revolyutsiya: differentsiatsiya ponyatiy. [Cultural modernization and cultural revolution: the differentiation of concepts]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. [Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice. Tambov: The diploma]. 2013. No. 8(34): in 2 p. P. I. Pp. 85-88. (in Russ.).
16. Shevelev V.N. Antropologicheskii diskurs v izuchenii rossiyskoy modernizatsii. [Anthropological discourse in the study of Russian modernization]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. [Theory and practice of social development]. 2009. No. 2. Pp.141-148. (in Russ.).
17. Fedotova V.G. Modernizatsiya i traditsiya. [Modernization and tradition]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. [Knowledge. Understanding. Skill]. 2014. No. 2. Pp. 80-91. (in Russ.).
18. Samokhin K.V. Severnaya voyna: pervyy opyt rossiyskoy modernizatsii. [The Northern War: the first experience of Russian modernization]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota. [Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice. Tambov: The diploma]. 2011. No. 8(14). Pp. 180-185. (in Russ.).
19. Samokhin K.V. Protsessy Rossiyskoy modernizatsii v kontse XVIII pervoy polovine XIX vekov. [The processes of Russian modernization in the late XVIII first half of the XIX century]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem: elektronnyy nauchnyy zhurnal*. Krasnoyarsk: Nauchno-innovatsionnyy tsentr. [Modern research of social problems: electronic scientific journal. Krasnoyarsk: Scientific and Innovation Center]. 2012. No. 9(17). Available at: <http://sisn.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/samokhin.pdf> (accessed 13 September 2017) (in Russ.).

20. Tarasov K.N. Problemy modernizatsii poreformennogo rossiyskogo obshchestva v politicheskoy publitsistike i perepiske K.N. Leont'eva. [Problems of modernization of post-reform Russian society in political journalism and K.N. Leontyev's correspondence]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l*. [Historical and social-educational ideas]. 2015. V. 7. No. 6/2. Pp. 118-121. Doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-118-121 (in Russ.).
21. Medushevskiy A.N. Klyuchevye problemy rossiyskoy modernizatsii. Kurs lektsiy. [Key issues of Russian modernization. Lecture course]. Moscow: Direct-Media, 2014. 680 p. (in Russ.).
22. Medushevskiy A.N. Velikaya reforma i modernizatsiya Rossii. [Great reform and modernization of Russia]. *Rossiyskaya istoriya*. [Russian history]. 2011. No. 1. C. 3-27. (in Russ.).
23. Narezhnny A.I. Proekty modernizatsii gosudarstvennoy vlasti Rossii v period Velikikh reform XIX veka. [Projects of modernization of the state authority of Russia during the Great reforms of the XIX century]. *Vestnik RMION. Problemy modernizatsii Rossii*. [Bulletin of RIIS. Problems of Russia's modernization]. Rostov-on-Don: SFU Publisher, 2011. Pp. 3-24. (in Russ.); Narezhnny A.I. Proekt politicheskikh preobrazovaniy N.I. Turgeneva. [N.I. Turgenev's project of political reforms]. *Vestnik RMION. Istoricheskie i sotsial'nye aspekty modernizatsii Rossii v XIX – nachale XXI vv.* [Bulletin of RIIS. Historical and social aspects of the modernization of Russia in the XIX - early XXI centuries]. Rostov-on-Don: SFU Publisher, 2015. Pp. 5-21. (in Russ.).
24. Narezhnny A.I. Problemy modernizatsii samodержaviya v russkoy obshchestvennoy mysli XIX veka. [The problems of modernization of the autocracy in the n social thought of the XIX century]. Rostov-on-Don: SFU Publisher, 2014. 204 p. (in Russ.).
25. Krot M.N. Mnogolikaya ideologiya: osnovnye napravleniya russkoy konservativnoy mysli vtoroy poloviny XIX veka. [Many-faced ideology: the main trends of Russian conservative thought of the second half of the XIX century]. *Vestnik RMION. Problemy modernizatsii Rossii*. [Bulletin of RIIS. Problems of Russia's modernization]. Rostov-on-Don: SFU Publisher, 2012. Pp. 109-126. (in Russ.).
26. Krot M.N. Konservatizm kak sotsiokul'turnyy fenomen modernizatsionnykh protsessov v obshchestve. [Conservatism as a socio-cultural phenomenon of modernization processes in society]. *Vestnik RMION. Istoricheskie i sotsial'nye aspekty modernizatsii Rossii v XIX – nachale XXI vv.* [Bulletin of RIIS. Historical and social aspects of the modernization of Russia in the XIX - early XXI centuries]. Rostov-on-Don: SFU Publisher, 2016. Pp. 176-188. (in Russ.).

Информация об авторе:

Завьялова Оксана Олеговна, аспирант, младший научный сотрудник, кафедра отечественной истории, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
oxana-z10@rambler.ru

Получена: 05.10.2017

Для цитирования: Завьялова О.О. Отечественный опыт изучения истории России имперского периода в контексте теории модернизации. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.52-61.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-52-61.

Information about the author:

Oksana O. Zavyalova, Postgraduate Student, Junior Researcher Fellow, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
oxana-z10@rambler.ru

Received: 05.10.2017

For citation: Zavyalova O.O. Domestic experience of studying history of Russia of the imperial period in the context of the theory of modernization. *Historical and Social-Educational Idea*. 2017. Vol . 9. no.6 Part. 1. Pp. 52-61.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-52-61. (in Russian)

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-62-66

ИВАНОВ Александр Гаврилович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
ivanov@kubsu.ru

Alexander G. IVANOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
ivanov@kubsu.ru

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СОВРЕМЕННЫЙ МИР. ОПЫТ ИСТОРИИ

THE SECOND WORLD WAR AND THE CONTEMPORARY WORLD. AN IMPACT OF HISTORY

Автор затрагивает проблему уроков истории на примере влияния Второй мировой войны на современный мир. Один из них заключается в том, что остановить агрессора можно лишь коллективными усилиями свободлюбивых держав. Это не удалось сделать накануне Второй мировой войны, чем воспользовалась нацистская Германия. Еще один урок истории, который имел тяжелые последствия для человечества, - политика умиротворения. Она обернулась попустительством агрессорам и способствовала эскалации агрессии. Ее инициатор Великобритания стремилась к поддержанию равновесия сил в Европе и мирному урегулированию противоречий с ревизионистскими державами - Германией и Италией, действуя по принципу «уступка за уступку». Подобным образом умиротворители рассчитывали обеспечить широкое соглашение с Гитлером и Муссолини и установить в Европе долгожданный мир. Однако эти расчеты оказались построенными на песке. Собственно, порочной являлась сама концепция умиротворения, которая предполагала разумный диалог с руководителями Германии и Италии. Но с диктаторами невозможно было договариваться на разумной основе, так как они всегда ставили силу выше права. Гитлер, как известно, рассматривал силу (а следовательно, и войну) как вполне легитимное средство достижения поставленных целей. В свою очередь, западные державы не раз проявляли пассивность в 1930-е годы, ухудшая тем самым свое стратегическое положение и усиливая своих потенциальных противников. Как результат - нарушение равновесия сил в Европе в пользу фашистских государств и разрушение мира. Эти уроки чрезвычайно важны в современных условиях, когда угроза международного терроризма стала глобальной. Один из уроков истории - антигитлеровская коалиция в годы Второй мировой войны. Она сложилась, несмотря на глубокие противоречия среди ее участников - СССР, Великобритании и США. Но эти противоречия были отодвинуты в сторону, так как главной угрозой для всех была нацистская Германия. В условиях глобального хаоса, который господствует в современном мире, опыт истории чрезвычайно актуален.

The author touches the problem of the lessons of history upon the example of the impact of the Second World War on the contemporary world. One of these is that to stop an aggressor is possible only by collective efforts of freedom-loving powers. It was not done before the Second World War and Nazi Germany made use of it. One more lesson of history, which had hard consequences for mankind, - the policy of appeasement. It turned out to be connivance to aggressors and thus favored escalation of aggression. Its initiator - Great Britain - was striving to maintain the balance of power in Europe and make a peaceful settlement of contradictions with the revisionist states - Germany and Italy using "concessions for concessions" principle. In such a way the appeasers hoped to secure wider agreements with Hitler and Mussolini and establish long-expected peace in Europe. But these calculations turned to be based on sand. Actually, the concept of the appeasement was faulty, which supposed a reasonable dialogue with the leaders of Germany and Italy. But it was impossible to come to an agreement with the dictators on a reasonable basis, since they always staked strength higher than law. Hitler, as it is known, considered force (and, consequently, war) as quite a legitimate means of reaching aims planned. The Western powers, in their turn, more than once demonstrated passiveness in 1930s and by this making worse their strategic position and strengthening their potential enemies. As a result of all this - breaking the balance of power in Europe in favor of the Fascist states and demolition of peace. These lessons are highly important in the present conditions, when a threat of international terrorism became global. One more lesson of history - anti-Hitler coalition in the Second World War. It was formed in spite of deep contradictions among its participants - the USSR, Great Britain and the USA. But these contradictions were pushed aside, because Nazi Germany was the main threat for all. In conditions of global chaos, which is dominating in the contemporary world, the impact of history is highly relevant.

Ключевые слова: война, кризис, агрессор, умиротворение, безопасность, коалиция, история

Keywords: war, crisis, aggressor, appeasement, security, coalition, history

Вторая мировая война оставила неизгладимый след в истории человечества. Она оказалась самой разрушительной из всех войн прошлого, унесла жизни более 60 млн чел., в том числе свыше 27 млн граждан СССР. Уроки войны имеют непреходящее значение в наше время - тревожное и непредсказуемое, поэтому забвение памяти о войне - это угроза настоящему и будущему.

Как писал академик Н.П. Шмелёв, «главный урок Второй мировой войны - неисчислимы бедствия и невосполнимые потери - на европейском континенте усвоили» [1, с. 12]. В годы холодной войны, жесткого противоборства сверхдержав - СССР и США - удалось избежать ядерного столкновения, несмотря на острые кризисы (прежде всего Карибский кризис 1962 г.). Таким образом, ядерное оружие, способное уничтожить все человечество, рассматривалось тогда непримиримыми противниками как средство не нападения, а сдерживания. Это один из важных уроков Второй мировой войны.

До сих пор не утихают споры, почему не удалось предотвратить Вторую мировую войну. Попытки создания системы коллективной безопасности, прежде всего СССР и Францией в начале 1930-х годов, оказались безуспешными, чем воспользовалась нацистская Германия, которая сумела в короткие сроки установить свое господство в Европе.

Одним из факторов, сыгравших негативную роль в развитии международных отношений в предвоенные годы, являлась политика умиротворения. Ее инициатор Великобритании стремилась к поддержанию равновесия сил в Европе и мирному урегулированию противоречий с ревизионистскими державами - Германией и Италией, действуя по принципу «уступка за уступку». Подобным образом умиротворители рассчитывали обеспечить широкое соглашение с Гитлером и Муссолини и установить в Европе долгожданный мир.

Однако эти расчеты оказались построенными на песке. Собственно, порочной являлась сама концепция умиротворения, которая предполагала разумный диалог с руководителями Германии и Италии. Но с диктаторами невозможно было договариваться на разумной основе, так как они всегда ставили силу выше права. Гитлер, как известно, рассматривал силу (а следовательно, и войну) как вполне легитимное средство достижения поставленных целей. В свою очередь, западные державы не раз проявляли пассивность в 1930-е годы, ухудшая тем самым свое стратегическое положение и усиливая своих потенциальных противников. Как результат - нарушение равновесия сил в Европе в пользу фашистских государств и разрушение мира.

В 1930-е годы Европа прошла через серию кризисов, которые, развиваясь по нарастающей, привели к возникновению Второй мировой войны. Одним из решающих в этом смысле стал Рейнский кризис 1936 г., когда Гитлер в нарушение постановлений Версаля и Локарно ввел войска в демилитаризованную Рейнскую зону. Франция тогда не рискнула действовать самостоятельно, а Великобритания не желала ссориться с Гитлером по пустякам или из-за вопросов, которые в любом случае требовали пересмотра (в данном случае вопрос о статусе зоны). Англичане полагали, что Гитлер готов к обсуждению спорных проблем за столом переговоров и пойдет на ответные уступки. Фюрер, в свою очередь, умело использовал тактику кнута и пряника. Он заявил, что готов подписать пакты о ненападении с Францией и Бельгией на 25 лет, пакт об ограничении ВВС (давнишняя мечта англичан) и не исключает возвращение Германии в Лигу Наций. Начались переговоры, которые, конечно, оказались безрезультатными [2, с. 76-85].

Рейнский кризис имел ключевое значение для Европы. Была разрушена система Локарно, а Германия получила возможность укрепить свою западную границу для проведения дальнейшей экспансии как на Запад, так и на Восток. Италия начала переориентироваться на Германию, как своего наиболее перспективного союзника. В лагере Малой Антанты усилились центробежные тенденции, а в Европе в целом - настроения неуверенности и страха. Позже, после аншлюса Австрии и чехословацкого кризиса 1938 г., эти настроения стали доминирующими.

Чехословацкий кризис, в отличие от всех предыдущих, был самым затяжным, но, что более важно, он обнажил готовность Великобритании и Франции идти на решающие уступки агрессору в надежде (пустой, как оказалось) на достижение с ним широкого соглашения. Архивные документы позволяют вскрыть подоплеку кризиса и истинные мотивы поведения правительств Чемберлена и Даладье. По сути, вопрос об отделении Судетской области от Чехословакии и передаче ее Германии был решен в Лондоне еще в марте 1938 г. Англичане попытались использовать несколько вариантов решения судет-

ского вопроса, прежде чем поехать в Мюнхен для участия в печально знаменитой конференции.

Ни один из этих вариантов, как известно, не был реализован в силу разных причин, и тогда (по предложению английского посла в Германии Гендерсона) была устроена конференция в целях разрешения затянувшегося кризиса.

После Мюнхена положение в Европе заметно ухудшилось. И дело не только в том, что Германия с поглощением Судетской области еще больше увеличила свой военно-экономический потенциал, а западные державы ослабили свои позиции. Поражение Чехословакии и распад Малой Антанты продемонстрировали многим европейским странам, что им уготована незавидная судьба. Верховенство над международным правом окончательно приобрели сила и угроза ее применения, что в условиях разрушения Версальской системы и разобщенности миролюбивых держав делало Вторую мировую войну неизбежной.

Политический кризис 1939 г., в отличие от предыдущих кризисов, имел ряд особенностей:

1. Он не был локальным, приобрел европейский масштаб и характер и перерос во Вторую мировую войну.
2. Если прежде Гитлер решал задачу расширения «жизненного пространства» «мирными» средствами, то на этот раз он сделал ставку на войну.
3. СССР в отличие от прежних лет, когда его сознательно оставляли «за бортом», был одним из наиболее активных участников драматических событий 1939 г.
4. Малые страны (Польша и Румыния) играли в 1939 г. довольно заметную роль, тогда как прежде такие страны в лучшем случае выступали в качестве пассивных наблюдателей, а в худшем - становились безропотными жертвами фашистских агрессоров и дипломатических комбинаций западных держав (Австрия, Чехословакия).

Эти отличительные особенности имеют свою подоплеку. Гитлер перешел Рубикон 15 марта 1939 г., когда немецкие войска оккупировали Чехию. Это была бесспорно вызывающая акция, которую ничем нельзя было оправдать. Одновременно эта акция способствовала сближению западных держав и СССР, началу англо-франко-советских переговоров. Однако они практически с самого начала оказались бесперспективными, что ускорило приближение войны. Для Англии (французское правительство следовало линии Лондона безоговорочно) предпочтительным было добиться от СССР оказания односторонней помощи Польше и Румынии, как наиболее вероятным жертвам германской агрессии, или же заполучить некое подобие тройственного союза. Но такой вариант не устраивал Сталина, который не испытывал никакого доверия к западным державам. Сталин, будучи прагматиком и оппортунистом, никогда не сбрасывал со счетов возможность замирения с Гитлером. Но инициатива должна была исходить от германской стороны. Гитлеру следовало умерить свой антибольшевизм и сделать конкретные предложения Сталину, которые могли бы его заинтересовать. И такая инициатива была проявлена [3, с. 750]. На решение Сталина повернуться лицом к Гитлеру и подписать пакт о ненападении с Германией, несомненно, повлияли неудачный ход и исход переговоров с Англией и Францией, а также предложение Гитлера о разграничении сфер интересов двух стран в Восточной Европе. Реальная политика великих держав в условиях острейшего кризиса 1939 г. окончательно переместилась за кулисы. Итак, с политикой коллективной безопасности формально было покончено, хотя фактически от нее отказались все державы, включая СССР, задолго до Второй мировой войны.

Уроки кризисов 1930-х годов наводят на некоторые размышления. Мир, построенный на вулкане, не может быть прочным и долговечным. Его разрушение - вопрос времени, а не сил, которые всегда найдутся для выполнения своей «исторической» миссии.

Обуздание агрессоров - проблема коллективной ответственности. Эгоизм и эгоцентризм (а именно они доминировали в Европе в межвоенный период) несовместимы с поддержанием мира, и в этой связи вопрос о его неделимости не потерял своей исторической значимости. Следовательно, напрашивается еще один вывод: в сознании руководителей миролюбивых стран общность интересов должна превалировать над различиями в

их взглядах, оценках и подходах, в противном случае потенциального агрессора вряд ли удастся остановить. И еще. Необходимо выстраивать подлинно партнерские отношения между державами, основанные на взаимном доверии, что особенно важно в наше время, когда глобализировалась угроза международного терроризма.

Рождение антигитлеровской коалиции в 1941 г. - еще один важный и непреходящий урок, который навсегда останется в памяти народов. Антигитлеровская коалиция - великий союз свободолюбивых стран и народов - возникла в самое тревожное и тяжелое время - после вероломного нападения Германии на СССР. К тому моменту угроза нацистского порабощения стала реальной практически для всех. Осознание этого факта руководителями великих держав - СССР, США и Великобритании - явилось важным условием образования коалиции, как равным образом и то, что Сталин, Рузвельт и Черчилль прекрасно понимали: разгромить Германию и ее союзников возможно только объединенными усилиями, прежде всего, великих держав.

Опыт и уроки антигитлеровской коалиции в 1941-1945 гг. - большая тема для отдельного обсуждения, поэтому ограничимся лишь несколькими выводами. Разумеется, в лагере союзников сохранялись неизжитые острые противоречия, которые на время войны отошли как бы на задний план, к тому же возникли новые, связанные, в частности, с затягиванием открытия второго фронта, недопоставками по ленд-лизу, сложным польским вопросом и т.д. Но, к чести союзников, несмотря на споры и даже кризисы, возникавшие между ними, им удалось сохранить боевой союз вплоть до победного мая 1945 года.

Партнерские отношения выстраивать довольно сложно, ибо помимо амбиций у каждой страны есть свои интересы, и они чаще всего не совпадают с интересами других. Тем полезнее опыт антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны, когда Сталин, Рузвельт и Черчилль посредством взаимных уступок умели договариваться по принципиальным вопросам. Примеры такого рода весьма убедительны: вопрос о восточной границе Польши был решен в пользу СССР, как и вопрос о коалиционном польском правительстве, Курильские острова и Южный Сахалин были переданы Советскому Союзу в обмен на его участие в войне против Японии и т.д. Главное перевесило все остальное: необходимо было разгромить нацистскую Германию и ее союзников, избавить человечество от фашистского порабощения, обеспечить прочные основы послевоенного мира. В этом смысле незаменимой остается деятельность Организации Объединенных Наций, создание которой в 1945 г. было огромной заслугой стран-участниц антигитлеровской коалиции.

Холодная война - это также один из итогов Второй мировой войны. Начиная с 1945 г. на протяжении нескольких десятилетий СССР и США с подвластными им военно-политическими блоками - Организацией Варшавского Договора и НАТО - вели непримиримую борьбу друг с другом, которая сопровождалась беспримерной гонкой вооружений и воинственной риторикой.

Авторитетный английский исследователь П. Кальвокоресси дает такую оценку: «Корни холодной войны следует искать в недоверии, которое из-за непонимания и просчетов обрело масштабы великого страха. Этот раздутый страх и стал истинным виновником холодной войны. Соединенные Штаты и СССР разделяла глубокая пропасть в области политической и экономической философии, но ни одна из держав не имела намерения воевать с другой, хотя каждая из них пребывала в страхе, подозревая противоположную сторону в подобных намерениях. Эти опасения не имели под собой рациональной основы» [4, с. 10]

Современная эпоха разительно отличается от довоенной и послевоенной. Взаимная вражда и отчуждение держав стали достоянием прошлого, конфронтация сверхдержав - СССР и США в период холодной войны - канула в лету. На смену этим опасным тенденциям в мировой политике пришло понимание необходимости тесного сотрудничества государств в их борьбе с общим злом - международным терроризмом. Но путь к взаимопониманию и осознанию общности интересов оказался непростым. Так, в 1990-е годы Россия и НАТО с трудом преодолевали завалы прошлого, а их партнерство выглядело

хрупким. Отношения между Западом и Россией осложнили кризис на Балканах и особенно несанкционированные Советом Безопасности ООН натовские бомбардировки Югославии в 1999 г.

Сегодня это украинский кризис и проблема мирного урегулирования в Сирии.

События середины и второй половины XX в. не потеряли своей значимости в новом тысячелетии. Сила или угроза ее применения вопреки международному праву способны эскалировать, порождать конфликты, чреватые непоправимой бедой. В термоядерную эпоху, как никогда ранее, на передний план выступают дипломатические методы предотвращения конфликтов и кризисов, превентивная дипломатия, коллективная ответственность. В противном случае XXI век мало чем будет отличаться от века XX.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шмелёв Н.П. Россия и Европа 65 лет спустя: возможные пути развития / Опыт Второй мировой войны для Европы XXI века. - М., 2011.
2. Иванов А.Г. Рейнский кризис 1936 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - Т. 9. - № 5 - 1.
3. Эванс Р. Третий рейх. Дни триумфа: 1933-1939. - М., 2012.
4. Кальвекоресси П. Мировая политика после 1945 года. Кн. 1. - М., 2000.

REFERENCES

1. Schmelev N.P. Rossija i Evropa 65 let spustja: vozmozhnye puti razvitia. Opyt Vtoroy mirovoy vojny dlja Evropy XXI veka. [Russia and Europe 65 years later: possible ways of development. The Impact of the Second World War for Europe of the XXI Century]. Moscow. 2011. (in Russ.)
2. Ivanov A.G. Rejniskij krizis 1936 goda. [The Reinland Crisis of 1936]. Istoricheskaja i sotsialno-obrazovatel'naja mysl= Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. 5 /1.
3. Evans R. Tretij reich. Dni triumfa: 1933-1939. [The Third Reich in Power: 1933-1939]. Moscow. 2012. (in Russ.)
4. Kalvokoressi P. Mirovaja politika posle 1945 goda. [World Politics since 1945]. Vol.1. Moscow. 2000.

Информация об авторе:

Иванов Александр Гаврилович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
ivanov@kubsu.ru

Получена: 08.11.2017

Для цитирования: Иванов А.Г. Вторая Мировая Война и современный мир. опыт истории. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.62-66.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-62-66.

Information about the author:

Alexander G. Ivanov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of General History and International Relations, Kuban State University, Krasnodar, Russia
ivanov@kubsu.ru

Received: 08.11.2017

For citation: Ivanov A.G. The Second World War and the contemporary world. an impact of history. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.6 Part. 1. Pp. 62-66.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-62-66. (in Russian)

UDC 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-67-75

Ludmilla Alekseevna KARTACHOVA
membre titulaire de l'Académie Malgache
Moscou, Russie
adavidson@yandex.ru

КАРТАШОВА Людмила Алексеевна
действительный член Малагасийской
академии
г. Москва, Россия
adavidson@yandex.ru

CONTES MERVEILLEUX DE MADAGASCAR

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ МАДАГАСКАРА

L'isolement de Madagascar a aidé à préserver l'originalité du patrimoine des contes de fées. La singularité des contes de fées malgaches est un mélange du merveilleux et de l'ordinaire, de l'attitude prosaïque envers le miraculeux comme l'élément de la vie quotidienne. Beaucoup de fabuleux motifs sont semblables à ceux qui existent dans d'autres civilisations: le motif de la conception miraculeuse, la lutte contre les monstres, le «matchmaking difficile». Les motifs populaires: héroïne persécutée; libération des princesses enlevées du monde souterrain; une naissance merveilleuse. Il y a aussi des motifs de légendes bibliques: la création de l'homme et le premier péché; l'origine d'une femme de la côte d'un homme; à propos du déluge universel. Et les motifs étiologiques: la création du monde et l'apparition de l'homme. Les contes de fées reflètent des éléments de la vie réelle: des animaux et des oiseaux, connus seulement à Madagascar; les noms des personnes historiques; les noms des localités; les noms des ancêtres des rois malgaches et des fondateurs des anciens royaumes malgaches. Un trait distinctif des contes de fées est leur imagerie: les textes regorgent de paroles et de dictons, de poèmes et de chants, qui sont souvent inclus dans le texte en prose.

В силу естественной изоляции Мадагаскар сохранил оригинальность сказочного наследия. Своеобразие малагасийских волшебных сказок – смешение чудесного с обыденным, прозаическое отношение к чудесному как к элементу повседневной жизни. В сказках много мотивов, сходных с распространенными у других народов: мотив чудесного зачатия, борьба с чудовищами, «трудное сватовство». Популярны мотивы: преследуемая героиня; освобождение похищенных принцесс из подземного царства; чудесное рождение. Встречаются и мотивы библейских легенд: о создании человека и первом грехе; о происхождении женщины из ребра мужчины; о всемирном потопе. И этиологические мотивы: о сотворении мира и появлении человека. Интересны сказки, объясняющие старинные обычаи и табу: обычай полигамии; суеверие по отношению к кайманам, нелюбовь к фусе. В сказках отражаются элементы реальной жизни: фигурируют животные и птицы, известные только на Мадагаскаре; упоминаются имена исторических лиц, названия местностей; имена предков малагасийских королей и основателей древних малагасийских королевств. Отличительная черта сказок – их образность: тексты изобилуют поговорками и изречениями, стихами и пением, которые зачастую включаются в прозаический текст.

Mots clés: Madagascar; les contes de fées; les motifs fabuleux; les animaux et des oiseaux, connus seulement à Madagascar; les noms des localités; les fondateurs des anciens royaumes malgaches; l'imagerie des contes de fées

Ключевые слова: Мадагаскар; волшебные сказки; популярные мотивы; животные и птицы, известные только на Мадагаскаре; названия местностей; основатели древних малагасийских королевств; образность сказок

Grâce à son isolation naturelle l'île de Madagascar évolua loin des influences extérieures et sut conserver non seulement sa flore et sa faune uniques mais aussi un patrimoine folklorique très original. L'étude de la tradition populaire orale représente un grand intérêt si l'on veut comprendre l'héritage spirituel du peuple.

Durant des siècles les contes se transmettaient oralement de génération en génération. N'ayant pas leur propre écriture au cours de plusieurs siècles, les Malgaches utilisèrent le graphique arabe depuis à peu près le XIIe siècle. Mais c'est seulement avec l'adoption de l'alphabet malgache à base des caractères latins (1823) et l'organisation de l'imprimerie que commença l'histoire de la collecte et de l'exploration du folklore malgache.

Les premières publications sur Madagascar – dans les livres de E. de Flacourt et R.P. Callet [1] – contiennent déjà des exemples des textes folkloriques. Quelques contes figurent également dans les ouvrages de S. Copland, W. Ellis, E. Baker, J. Kessler [2].

Le premier Malgache à compiler les contes fut Rainandriamampandry (1836–1896) – homme politique et intellectuel de Madagascar [3]. J. Cameron (1800–1875), missionnaire de “London Missionary Society”, traduisit en anglais quelques contes de ses contes qu'il publia en 1871 à Cape Town [4]. Un livret de 42 pages de Rainandriamampandry donnant la version complète du conte de Ikotofetsy et Imahaka parut en 1876 [5].

On trouve des contes dans les travaux des folkloristes (Ar. Marre de Marin, J. Richardson, J. Sibree,...) [6], dans les journaux spécialisés de France, Angleterre, Afrique du Sud, l'île Maurice

[7], "The Antananarivo Annual" [8], les éditions de "The Malagasy Folk-lore Society" [9] et de la Société folklorique britannique "The folklore record" (rebaptisée en "The folklore journal") [10].

Mais la collecte systématique du folklore malgache commença par la parution du recueil de L. Dahle (1843–1925), pasteur de la Mission luthérienne de Norvège. L. Dahle débarqua à Madagascar en 1870 et y resta jusqu'à 1887. De 1873 à 1887, il travailla sur la révision de la traduction en malgache de la "Bible" parue en 1835. Connaissant l'hébreu, L. Dahle se basa sur les textes originaux dans cette langue, vérifia et corrigea la traduction de la "Bible", du "Vieux Testament" avant tout.

Son recueil "Specimens of Malagasy Folk-Lore" parut en 1877 [11]. Les textes sont transcrits dans la langue originale, les commentaires des conteurs sont conservés. En 1908, un missionnaire de la FFMA [12] J. Sims compléta et rédigea les textes et le recueil sortit sous le titre de "Anganon'ny Ntaolo" [13]. Il fut réédité plusieurs fois sans modifications et garda sa valeur jusqu'à présent. Il fut traduit en français en 1992 [14]. Quelques contes du recueil furent publiés en russe [15].

G. Ferrand (1864–1935) fit paraître, en 1893, un recueil de contes muni de traduction parallèle en français [16].

Le recueil de contes en trois volumes de Ch. Renel (1866–1925) est la plus grande réunion de contes malgaches [17]. Il contient des textes qui ne répètent pas les sujets des éditions précédentes. On y trouve des variantes de sujets ainsi que la classification par genre.

Dans la première moitié du XXe siècle, on coucha sur le papier un grand nombre de contes des ethnies différentes de Madagascar: menabe, skalava, tsimihety, antaisaka... [18]. Les contes recueillis par J. Faublée (1912–2003) sont parmi les meilleures publications de ce genre [19]. C'est un ouvrage folklorique fondamental de bara. Le texte malgache est donné en dialecte bara et traduit en français (la traduction est presque littérale, sans ajouts ni embellissements littéraires).

L'activité des folkloristes fut intense dans la deuxième moitié du XXe siècle. Les chercheurs malgaches Z.R. Bemananjara, Rabearison et certains autres publièrent quelques recueils [20]. Les éditions de L. Molet, R. Decary, O.C. Dahl, O.B. Sambo et d'autres furent largement propagées [21]. Une bonne quantité de contes entrèrent dans les séries de "Contes malgaches" (Angano malagasy) [22].

Le professeur français N.J. Gueunier, chercheur dans le domaine des langues et du folklore, occupa une place toute particulière. Il publia quelques éditions scientifiques de contes malgaches dont ceux de Madagascar d'Ouest [23].

On vit apparaître les premières recherches folkloriques [24], et les comparaisons des contes malgaches avec ceux des autres peuples [25].

* * *

*Le conte, tel un miroir,
reflète l'âme du peuple*

V. Belinski

Les folkloristes répartissent ordinairement les contes de Madagascar en mythologiques, merveilleux et ceux d'animaux. Cette répartition est pourtant assez conventionnelle car les genres ne sont pas toujours nettement exprimés.

Les contes merveilleux ou contes de fées représentent un groupe le plus intéressant. Leur particularité consiste dans un mélange de l'extraordinaire et du quotidien où l'extraordinaire est traité comme un élément de la vie quotidienne, ce qui est propre, selon You. Rodman [26], à la première période de la tradition orale.

Un fantastique surprenant apparaît de façon naturelle et spontanée. Le merveilleux est interprété comme une chose très ordinaire: les arbres et les herbes savent parler; les animaux raisonnent comme les hommes; un héros qui se change en un autre; les personnages se transportent par air au-dessus des mers et des montagnes; la femme du héros tombe du ciel sous forme d'une fleur... On trouve ces métamorphoses bien naturelles.

Il n'y a pas de frontières nettes séparant le monde humain et le monde animal, les animaux se transforment en hommes sans aucune aide surnaturelle ("Andamohamy", "Rasoanoromanga

et Telovohalogosy”, “Fille d’oiseau devenue épouse du roi”), tandis que les hommes se transforment en animaux (“Rasoandranovola et Rasoandranomanga”, “Le Serpent à sept têtes”).

On retrouve dans les contes malgaches beaucoup de sujets qui se répètent souvent chez d’autres peuples.

Le motif de la conception miraculeuse est fréquent: l’héroïne a avalé cinq grains de riz et a accouché de cinq fils (“Le roi Ravohimena ou les graines magiques”); ou la conception mystérieuse après que la femme a mangé du poisson (“Le roi Andrianonibe et sa femme stérile”) ou du miel et des légumes (“Zanakaminamina”) ou bien grâce à la force magique de l’eau (“Le roi qui voulait avoir des enfants”).

Le motif de «matchmaking difficile» est très répandu. Le sujet remonte aux rituels de mariage malgaches, comme le note encore E.M. Meletinski [27]. S’y rattache le motif de reconnaissance impliquant que le père accueille le fiancé de sa fille par un coup de lance que celui-ci doit parer. Il y a des contes où l’homme doit reconnaître sa fiancée dans un groupe de jeunes filles (“Ramanongavato”, “Les sept frères qui veulent épouser Ramitoviamandreniny”, “Andamohamy”).

Nombreux sont les contes de la «femme miraculeuse» (“Rafara, fille des eaux”, “Faralahy, le riche héritier”). Ce sujet inclut souvent le motif de jalousie et de substitution de la femme (“Rasoandranovola et Rasoandranomanga”, “Andamohamy”) ou le motif de disparition de la femme si une condition posée n’est pas respectée: le héros a bu du toaka [28] (“Ratolandohamivolana”), le mari n’a pas gardé le secret de son apparition (“Besorongola”) ou bien a prononcé les mots que la femme lui avait interdit de dire (“Le Roi du nord”).

L’un des motifs des plus populaires est celui de fuite: les pourchassés jettent des objets différents (parfois il s’agit des grains de riz pris spécialement à cet effet), le poursuivant s’arrête pour les ramasser et les fugitifs en profitent pour se sauver (“La Vache sans cornes”, “La peau de bœuf devenant une vache pleine”, “Bibiolo, le monstre géant et les garçons malins”); comme variante: le héros fait danser ses persécuteurs en battant le tambour (“Les sept frères”).

Le sujet assez fréquent est la lutte contre les monstres. Il renferme des motifs tels que la ruse (“Isilakolona, moitié homme, moitié bois”), le serpent à sept têtes (“Les deux frères du roi”), la délivrance des gens avalés par le monstre (“La Vieille femme et le monstre cruel”).

Tout un cycle est consacré à l’affrontement des enfants et des monstres où les enfants triomphent des monstres terribles (“Bibiolo, le monstre géant et les garçons malins”, “Rabibibe et Kifondry ou la grande bête et le garçon subtil”, “Ifaramalemy et Ikotobekibo ou la fille paralysée et le garçon au gros ventre”).

Les monstres des contes malgaches sont souvent privés d’apparence extérieure précise étant mi-hommes, mi-animaux (Bibiolo, Rabibibe, Itsihitanantso, Kinolo, Le tsy aomby aomby). Certains chercheurs font remarquer que les Malgaches croient en existence réelle des personnages de leurs contes en affirmant même d’avoir vu Le tsy aomby aomby, Les Kinoly, Le nain Kalanoro [29].

Un grand groupe de contes est lié aux transformations magiques: les morts se transforment en papillons ou oiseaux (“L’enfant d’Antsaly, ou le petit oiseau qui continuait à chanter dans le ventre de l’homme”), la fleur se transforme en une jeune fille très belle (“Faralahy, le riche héritier”), la petite sœur calomniée – en lémurien babakoto (“Le roi Ravohimena ou les graines magiques”), le fils se change en finampitoloho (“Le serpent à sept têtes”), les grandes sœurs – en lézards (“Les trois princesses et Andriamohamona”). La métamorphose est souvent liée à la force magique de l’eau (“Le roi, qui voulait avoir un enfant”).

Les métamorphoses ne se produisent pas par un sortilège, mais par la volonté de Dieu Créateur Zanahary ou des bons génies (“Le roi Ravohimena et les graines magiques”).

Les motifs les plus populaires sont: l’héroïne poursuivie (“Ivorombé”), souvent par la marâtre méchante (“Rafaranomby”); la libération des princesses enlevées du royaume souterrain (“Ramanongavato”); la nourriture obtenue par la magie (“Rafaranomby”); «le jugement de Dieu» (“Ivolameitso, Faralahy et Faravavy”, “Les deux frères et Zanahary”); «la moitié d’homme» (“Isilakolona, moitié homme, moitié bois”; “Zatovo qui n’a pas été créé par Dieu”). Ou bien: le bananier, signe de la vie, devient sèche quand le héros est en danger (“Isilakolona, moitié homme, moitié bois”); la plante périt si le héros est mort (“Le roi

Andrianonibe et sa femme stérile"); la naissance miraculeuse ("Ivorombe, Madame l'Oie"); le ravissement de la princesse (cycle des contes de Ibonia); la recherche de la fiancée ("Fille du ciel").

Le rôle des «méchants» dans les contes malgaches tient le caméléon ("Andamohamy"), le crocodile ("Soafara"), fanampitoloho ("Le serpent à sept têtes") ou l'orge géant Trimobe ("Ifaramalemy et Ikotobekibo").

Le héros n'affronte pas ouvertement les monstres et ne se bat pas contre eux, mais il l'emporte grâce à son habilité et son esprit ingénieux. Les enfants ou les vieux, c'est-à-dire les faibles qui ne peuvent s'opposer à la force qu'en usant de ruse et d'intelligence, prennent le dessus ("Bibiolo, le grand monstre et les garçons malins", "Rabibibe et Kifondry ou La grande Bête et le Garçon subtil", "Isilakolona, moitié homme, moitié bois", "La Vieille femme et le monstre cruel", "Itsihitanantso, ou le garçon changé en bête et la poupée de glu").

Les contes de Faralahy représentent un groupe à part. «Il y a des contes malgaches dont les sujets rappellent étonnamment les contes malaysiens où figurent les orphelins, seulement c'est le frère cadet (faralahy) qui occupe invariablement leur place dans le folklore malgache» [30]. L'idéalisation de Faralahy s'exprime en l'opposition de la bonté et de la sagacité du petit frère à l'orgueil et à la niaiserie des grands. Le héros «humble» dès sa naissance, infortuné, défavorisé et pourchassé par les grands, sort honorablement vainqueur de toutes les épreuves. Faralahy est toujours le plus courageux des frères, le plus intelligent, le plus bon et juste. Il surmonte les obstacles parce qu'il se comporte bien avec les animaux, respecte les lois des ancêtres et vénère les génies ("Rataolandohamivolana", "Ramanongavatoy", "Isilakolona, moitié homme, moitié bois", "Les sept frères qui veulent épouser Ramitoviamandreniny", "Besorongola").

Plusieurs contes merveilleux reflètent les représentations populaires du bien et du mal: le roi des oiseaux est élu pour son bon caractère et son beau plumage ("Le Roi des oiseaux", "Les oiseaux qui veulent élire un roi"); et bien souvent c'est seulement par une ruse qu'on peut avoir le dessus du malheur ("Rafaranomby", "Trois frères qui ont des queues", "Ifaramalemy et Ikotobekibo", "Les deux frères et le dieu", "La Vieille et la Bête méchante", "Razatovo et Ranonera"). La compassion et la pitié sont des vertus; il en est de même pour l'amour familial et la vie domestique qui est imprégnée de respect (haja).

Les punitions infligées aux «méchants» sont perçues comme le triomphe naturel de la justice ("Rabibibe et Kifondry, ou La grande Bête et le Garçon subtil").

Le protagoniste est soumis aux épreuves difficiles dans sa voie vers le but. Il trouve souvent l'aide des oiseaux ou des animaux: oie ("Ivorombe"), tsintsina [31] ("Le serpent à sept têtes"), bœuf ("Rafaranomby"), le chien ("Le serpent à sept têtes"), porc ("Les sept frères qui veulent épouser Ramitoviamandreniny")...

Parfois ce sont les ancêtres, les parents morts ou les dieux et les esprits qui lui prêtent leur concours. Le fils cadet trouve une femme merveilleuse grâce à la protection de l'esprit Zavatra ("Besorongola"). «Le fils cadet déshérité est l'objet de soins et de compassion des esprits» [32]. Le retour du héros sur la terre se fait grâce à Dieu-Créateur Zanahary ("Ramanongavato"). Zanahary transforme la fleur en une belle jeune fille ("Faralahy, le riche héritier").

Les contes merveilleux comportent également des motifs étiologiques tels que la création de l'univers, l'origine de l'homme ("Zatovo qui n'a pas été créé par Dieu", "Origine de l'homme") ou des phénomènes naturels ("Zatovo qui n'a pas été créé par Dieu", "Vatomandry").

Il est intéressant de citer les contes qui expliquent les traditions et les tabous anciens – polygamie ("Ravohimena ou les graines magiques"); interdiction de manger l'oiseau railovy ("La Vieille et le monstre cruel"); mauvais augure ("Takatra et vorondolo") [33]; superstition liée aux caïmans, antipathie envers fosa ("Rafosa, Rafanaloka et Ravoantsira"); peur de ne pas tenir la parole donnée ("La Vieille et le monstre cruel").

Le comportement par rapport à la pauvreté est assez curieux. Malgré la sympathie envers les pauvres et les poursuivis, la pauvreté en elle-même ne suscite ni pitié, ni compassion. Elle est redoutable et condamnable ("Les deux frères et Zanahary"). Et, au contraire, si le pauvre arrive à la richesse, il gagne en amour et en respect ("Ifaramalemy et Ikotobekibo").

*«Tel est le conte, notre histoire
des temps anciens malgaches,...»*

Bien que pleins de fantaisie, les contes merveilleux malgaches reflètent les éléments de la vie réelle.

L'action ne se passe pas dans un lointain royaume quelconque mais sur le sol de Madagascar.

Toute l'ambiance est reconnaissable et concrète même sans donner le nom du pays. Y figurent des animaux et des oiseaux qui n'habitent qu'à Madagascar (fosa, takatra, tsintsina...). Sont évoqués des personnages historiques (Andriamanelo, Andrianjaka) [34], des divers paysages distinctifs, des noms géographiques locaux: rivières (Matitana, Ampanobe), lacs (Rasoabe et Rasoamasay), cités (Vatomandry, Andranoro, Antambola)...

On y retrouve les traces de l'histoire très ancienne: le héros combat contre les monstres maritimes et terrestres: animaux et oiseaux géants ("Le Bœuf d'eau", cycles des contes de Rapeto et Ibonia). Certains chercheurs estiment que cela reflète la lutte contre les espèces animales préhistoriques aujourd'hui éteintes (épyornis, tokandia, hippopotames géants...). On voit même dans le géant Rapeto qui pouvait toucher la lune un descendant des êtres extraterrestres [35].

Il est intéressant toutefois que les contes ne contiennent aucune mention de la traversée odysseenne de l'océan Indien (théorie du peuplement de Madagascar).

On peut aussi y trouver d'autres reflets historiques de l'évolution de la société. D'aucuns croient, par exemple, que les nains kalanoro sont l'ancienne représentation de la population Vazimba [36].

Ou, par exemple, les sujets des premiers ancêtres: «l'ancêtre céleste» (Zanahary/Zanaharibe, Andriamanitra Andriananahary) [37], le père de la caste «andriana» et le fondateur de la monarchie malgache. Le conte de Ibonia dit que Rainilanitra fut l'un des fils de Dieu. Il épousa les filles de l'homme. La fille de Rainilanitra fut la mère des cinq andriambahoaka (souverains) de cinq parties du pays – Est, Nord, Ouest, Sud et Centre) qu'on croit être ancêtres des rois malgaches et fondateurs des royaumes anciens à Madagascar [38].

Une autre version dit qu'ils descendent des hommes [39] et que les hommes eux-mêmes sont d'origine terrestre. Zatovo qui n'a pas été créé par Dieu (Ramosa, letse dans d'autres contes) fit deux figurines d'argile qui se transformèrent en un homme et une femme. Étant des humains, ils devinrent sujets du roi. Leur vocation fut de labourer la terre et d'élever le bétail.

Une particularité intéressante des contes de rois est leur démocratisme: il n'y a ni de luxe, ni de descriptions pompeuses de la vie royale, les héros et les héroïnes ne vivent pas dans des palais mais dans des chaumières pauvres; les rois vont travailler dans les champs avec leurs serviteurs et se marient avec les jeunes filles pauvres ("Les trois frères qui ont des queues", "Rafaranomby"). Le motif de mariage avec la fille du roi, bien répandu chez les autres peuples, est absent dans les contes malgaches.

* * *

*Voilà ce que disent les vieux,
C'était vrai ou pas vrai,
Je n'y suis pour rien,
Je raconte ce qu'on m'a raconté.*

Le trait distinctif des contes malgaches est leur manière narrative très imagée et pittoresque. D'innombrables vers et chants inclus dans le texte prosaïque les rendent particulièrement poétiques et émotionnels.

Les formules d'ouverture et de clôture sont aussi bien particulières. La narration commence par: «Il était une fois...», «Il y avait une fois, dit-on...», «Dit-on, raconte-t-on...». Parfois ce préambule indique l'ancienneté de l'action: «Il y a bien longtemps...».

La plupart des contes se terminent par les formules: «Conte, conte, ce n'est pas moi qui mens, mais les anciens d'autrefois». «Voilà ce que racontent les vieux!»... Les fins typiques sont aussi: «Mon bref récit est terminé» ou «Mon long récit est terminé», «Maintenant, c'est à quelqu'un d'autre à raconter, et moi, je suis fatigué»...

Les formules finales expriment souvent l'attitude du conteur envers le récit. Il cherche par là à souligner son impartialité vis-à-vis de la narration prétendant que ce n'est pas lui qui ait inventé le conte, mais les gens d'autrefois. C'est une manière de se distancier du récit, ainsi que tous ces «on dit» qui le protègent d'improbation.

Beaucoup des contes ont des conclusions étiologiques: «voilà pourquoi les gens disent: les parents aiment ceux qui sont beaux et riches» ("Ifaramalemy et Ikotobekibo"); «et depuis les Tsimihety ont le proverbe: Zanahary n'aime pas les pauvres» ("Les deux frères et Zanahary"); «c'est pourquoi les Malgaches ne tuent pas vorondreo, dit-on» ("Razatovo et Ranonera"); «et depuis les Hova et les Andriana ne sont plus ennemis» ("Trois frères qui ont des queues")...

Encore une particularité des contes malgaches exprime la perception imagée du monde propre aux Malgaches: les textes abondent en proverbes et dictons: «on a beau s'efforcer de s'enrichir si le destin est contre», «une bonne affaire n'est jamais vaine», «de bons amis s'entraident en malheur», «la patience est toujours couronnée de succès»... Parfois ils sont parsemés dans le texte ("Razatovo et Ranonera"), parfois ils concluent le récit ("Les sept frères qui veulent épouser Ramitoviamandreniny"), parfois ils en font la trame ("Le Vieillard et les sept fils").

* * *

Les scientifiques notent la similitude des thèmes (ce qu'on appelle «sujets errants») dans le répertoire de contes des peuples qui habitent dans différents coins d'Asie, d'Europe ou d'Afrique. On trouve dans les contes malgaches les motifs communs avec les contes malayo-indonésiens, arabes et africains [40].

Certains motifs sont semblables à ceux des contes européens. Le cycle de contes de Faralahy rappelle ainsi ceux des frères cadets et les contes de Ikotofetsy et Imahaka relatent les sujets bien reconnaissables où figurent des malins adroits.

Plusieurs chercheurs soulignent une influence littéraire évidente. Ch. Renel note avec amertume que le sujet et les personnages des contes "Les Grenouilles qui demandent un chef" et "Le chien et le corbeau" rappellent étonnamment les fables de La Fontaine, célèbre fabuliste français [41]. G. Ferrand affirme cependant que ces contes lui sont venus des Malgaches âgés et illettrés et que, par conséquent, ils ne pouvaient pas être empruntés au recueil publié par les jésuites encore en 1834 [42]. Il y a d'autres sujets rappelant les fables de La Fontaine: «Le loup et l'agneau», «Le loup et le corbeau», «La Fourmi qui fraternisait avec l'oiseau».

Le thème bien connu de Cendrillon de Ch. Perrault se reconnaît dans le conte ("Les trois princesses et Andriamohamona", "Le roi qui voulait avoir des enfants").

Le conte très répandu de Rafara ("Rafara, fille des eaux") représente, selon le folkloriste P. Delarue, une variante simplifiée d'un des contes des "Mille et Une Nuits" [43]. Le conte "Les deux époux" rappelle celui du poisson rouge des frères Grimm [44], et "Le loup et le héron" – la fable d'Ésope "Le Renard et la Grue".

* * *

Certaines sentences morales des contes malgaches sont qualifiées d'influence chrétienne.

Le pasteur luthérien J. Rajoharivelo fut frappé par la similitude entre le conte qu'il recueillit et l'histoire biblique d'Adam et d'Eve et de leurs fils Caïn et Abel. Dans les contes de sakalava trois noms de Dieu rappellent le dogme de la Trinité chrétienne (Andriananahary, Andriantombo, Andriamanitra) [45].

On y retrouve également d'autres motifs bibliques: la création de l'homme et le péché originel ("Le Serpent Menarana"); la création de la femme de la côte prise de l'homme ("L'origine de la femme"); le déluge universel: quand Dieu fit tomber une grosse pluie, Ratoavana construisit un bateau de bois [46].

On y trouve également les commandements bibliques: celui qui menait une vie juste, vivrait bien au-delà ("Nanontany ny maty"), et les motifs de la providence – le destin de chacun est prédéterminé: et le riche peut devenir malheureux et pauvre, et le pauvre peut devenir tout d'un coup riche et heureux.

* * *

Les contes malgaches s'étaient transmis de génération en génération durant des siècles et, sans aucun doute, les conteurs apportaient aux personnages et aux sujets des motivations nouvelles et des traits de la vie quotidienne qui leur étaient familiers. En comparant les nouvelles variantes des contes avec plus anciens, on peut remarquer l'évolution et les changements qu'elles subissent en reflétant la nouvelle réalité sociale. Par exemple, à la question «qui est le plus fort?» les contes recueillis par L. Dahle, G. Ferrand, Ch. Renneel répondent: «Dieu est le plus fort»; tandis que les "Contes de Madagascar" publiés par Z. Bemananjara en 1981 donnent une nouvelle interprétation: «C'est l'homme qui est le plus fort».

Voilà un exemple d'interprétation contemporaine: la mère raconte à son fils l'histoire d'une petite fille Sohitika enlevée par l'Ogre Trimobe qui l'a emportée dans une voiture roulant aussi vite que celle de «papa»... [47].

La langue change elle aussi au cours de l'évolution. C'est pourquoi les contes sont souvent adaptés et modernisés. Dès le milieu du siècle passé, les contes malgaches paraissent en rédaction littéraire. Les recueils les plus connus sont ceux de J. de Longchamps, N. Leenhardt-Randriamantsoa, F. Fanony, B. Claverie et M. Claverie [48].

La traduction adaptée est destinée au large milieu des lecteurs, aux enfants en premier lieu. Il y a beaucoup d'écrivains qui produisent aujourd'hui les contes pour enfants: E. Randriamamonjy, I. Rakotovao, E. Ravaorivalo et les autres. Les livres sont souvent bien illustrés, parfois par les auteurs eux-mêmes.

Bien que certains auteurs estiment que les contes malgaches sont en train de disparaître [49], on continue de les conter. Ils sont exécutés par les chanteurs-narrateurs professionnels (mpitantara) sous accompagnement des instruments musicaux, ils sont diffusés par radio [50]. Les chaînes de télévision nationales et privées montrent les films tournés d'après les contes, on en fait les dessins animés. Les théâtres malgaches donnent avec succès des pièces sur les sujets des contes.

RÉFÉRENCES BIBLIOGRAPHIQUES

1. Flacourt E. de. L'Histoire de la Grande Île de Madagascar. Paris: J. Hénault, 1658. P. 46-63; Callet R.P. Tantara ny Andriana eto Imerina. Antananarivo: notontaina ny Presy Katolika, 1873.
2. Copland S. History of the Island of Madagascar. London: Burton and Smith, 1822; Ellis W. History of Madagascar. 2 vols. London: Fisher, 1838; Baker E. An outline of a grammar of the malagasy language as spoken by the Hovas. Port-Louis: E. Baker, 1845; Kessler J. An Introduction to the Language and Literature of Madagascar. London: Society for Promoting Christian Knowledge, 1872.
3. Son vrai nom est Rabezandrina. Rabezandrina. Tantara sy fomban-drazana. Nangonina sy nalaha-dRainandriamampandry. Antananarivo: LMS Press, 1896.
4. Cameron James. Ikotofetsy and Imahaka, Two Rogues from Madagascar. Cape Magazine. Cape Town, 1871. P. 334-344.
5. Rabezandrina. Kotofetsy et Mahaka et autres histoires. Antananarivo, 1876.
6. Ny rahalahy roa: conte malgache. Publié et traduit en français par Ar. Marre de Marin. Revue orientale et américaine. Nouv. série. № 1. Paris, 1877; The Folk-Lore of Madagascar. Specimens of Malagasy Folk-Lore, by Rev. J. Richardson. Antananarivo: LMS Press, 1885; Sibree J. & Richardson J. Folk-tales and Folk-lore of Madagascar. Antananarivo: LMS Press, 1886.
7. Madagascar à Vol d'Oiseau, par M. Désiré Charnay. Le Tour du monde. Paris, 1862; Blanchard E. Le Kibou. Revue des Deux-Mondes. T.102. Paris, 1872; Rafotsibe and Ikotofetsy and Imahaka. South African Folklore journal. T. II. Part III. Cape-Town, 1880; Basset R. The wild dog and the Chameleon. Bulletin de Correspondance africaine. Alger, 1884; Laidlaw S.W. Le crocodile amoureux. Mélusine. T. IV, № 3. Paris, 1888; Larrouy P. Comment Andrianoro prit une femme venue du ciel. Revue des traditions populaires. T. IV, № 6. Paris, 1889.
8. The Folk-Lore of Madagascar. Specimens of Malagasy Folk-Lore, By Rev. J. Richardson. The Antananarivo Annual and Madagascar Magazine. № III. Antananarivo, 1877; More Folk-lore, By Rev. J. Richardson. The Antananarivo Annual... № IV, 1878.
9. Folk-lore and Folk-tales of Madagascar (textes malgaches). Antananarivo, 1887; Folk-tales and Folk-lore of Madagascar. Vol. 1. Antananarivo: The Publications of the Malagasy Folk-lore Society, 1899.

10. Sibree J. Malagasy Folk-lore and Popular Superstitions. The folk-lore record. Vol. II. London, 1879; Idem. Some additional folk-lore from Madagascar. The folk-lore record. Vol. IV, 1881; Idem. The oratory, songs, legends and folk-tales of the Malagasy. The folk-lore journal. Vol. 1, № 1. London, 1883; Idem. Malagasy folk-tales. The folklore journal. Vol. II, № 6, 1884; Folk-lore and folk-tales of Madagascar: selections from the traditionary lore of the Malagasy people, in the native language. Vol. 1. prefatory note by J. S[ibree], R. B[aron]. Antananarivo: Malagasy Folk-lore Society, 1887.
11. Dahle L. Specimens of Malagasy Folk-Lore. Antananarivo: A. Kingdon, 1877.
12. FFMA – Friends Foreign Mission Association.
13. Anganon'ny Ntaolo: Tantara mampiseho ny fomban-drazana sy ny finoana sasany nananany, nangonin-dRév. L. Dahle; nalahatra sy nahitsy ary nampian'i John Sims. Tananarive: Imprimerie FFMA, 1908.
14. Contes des Aïeux malgaches [Anganon'ny Ntaolo]. trad. Dorian & Molet. Paris: Institut des langues et civilisations orientales, 1992.
15. Origine de l'humanité. P. 35-36; Comment commença la vente des esclaves. P. 117; Ibonia. P. 276-282; Ifaramalemy et Ikotobekibo. P. 362-363; Fara et ses enfants. P. 385-392.; Сказки народов Африки, Сост. А.А. Жуков, Е.С. Котляр; предисл. Е.С. Котляр. М.: Наука, ГРВЛ, 1976 (Перевод сделан по: Anganon'ny Ntaolo. Tantara mampiseho ny fomban-drazana sy ny finoana sasany nananany. Nangonin-dRév. L. Dahle. Natonta fanimpitony. Tananarive: Impr. Luthérienne, 1962).
16. Ferrand G. Contes Populaires Malgaches. Paris: E. Leroux, 1893.
17. Renel Ch. Contes de Madagascar. Vol. 1. Contes merveilleux. Vol. 2. Fables et fabliaux. Paris: Leroux. 1910; Vol. 3. Contes populaires. Paris: Leroux, 1930.
18. Rey H. Le folk-lore Menabe. Bulletin de l'Académie Malgache. Vol. XII. Tananarive, 1912; Dandouau A. Contes populaires des Sakalava et des Tsimihety Recueillis dans la région d'Analalava. Alger: Jules Carbonel, 1922 (Publications de la Faculté des Lettres d'Alger); Birkeli E. Folklore Sakalava recueilli dans la Région de Morondava. Bulletin de l'Académie Malgache. Nouv. série. Tome VI, 1922-1923; Deschamps H. Folklore antaisaka. Bulletin de l'Académie Malgache. Nouv. série. Tome XXI, 1939.
19. Faublée J. Récits Bara. Paris: Institut d'Ethnologie, 1947.
20. Bemananjara Z.R. Contes malgaches. Fleuve et flamme. Paris: Conseil international de la langue française, 1979; Rabearison. Contes et légendes de Madagascar. Angano sy lovan-tsofina tranainy eto Madagasikara. [Tananarive]: [Fanontam-boky Malagasy], [1969].
21. Molet L. Quelques contes Makoa et Antaimoro. Bulletin de l'Académie Malgache. Nouv. série. Tome XXX, 1951-1952; Decary R., Faublée J. Contribution au folklore des populations côtières. Bulletin de l'Académie Malgache. Nouv. série. Tome XXXVI, 1960; Decary R. Contes et légendes du sud-ouest de Madagascar. Paris: Maisonneuve et Larose, 1964; Dahl O.C. Contes malgaches en dialecte Sakalava: textes, traduction, grammaire et lexique. Oslo: Universitetsforlaget, 1968; Mamelomana E. Recueil des Contes Antesaka. Bulletin de Madagascar. № 269. Tananarive, 1968; Sambo O.B. Contes et légendes Tandroy. Paris: L'Harmattan, 1999.
22. Contes Antakarana. Contes du nord de Madagascar, recueillis, traduits et présentés par R.P. M. Schrive. Antananarivo: Foi et Justice (Alliance française d'Antsiranana), 1990 (Coll. Angano Malagasy, Série Arts et culture malgaches); L'origine des choses. Récits de la côte ouest de Madagascar, textes recueillis et transcrits par C. et M.-C. Paes, J.-F. Rabedimy, N. Rajaonarimanana, Velonandro. Antananarivo: Foi et justice, 1991 (Coll. Angano Malagasy, Série Arts et culture malgaches); Contes betsimisaraka. Contes du nord-est de Madagascar, recueillis, traduits et présentés par R.P. M. Schrive. Antananarivo: Foi et Justice (Alliance françaises de Tamatave), 1992 (Coll. Angano Malagasy, Série Arts et culture malgaches); Contes Masikoro. Tsimamanga et autres contes malgaches en dialecte Masikoro, textes recueillis et transcrits par F.Q. Andrianirinarivo, C. Mandihitsy, A. Odon, C. et M.-C. Paes, Velonandro. Antananarivo: Foi et Justice, 1995 (Coll. Angano Malagasy).
23. Gueunier N.J. Contes de la côte ouest de Madagascar. Ambozontany-Karthala, 1960; Le conte de la Princesse faite esclave sakalava du Menabe et masikoro, Tsiokantimo. III-IV. Tuléar, 1977 (Avec J.-L. Rabemanantsoa); Contes de la côte ouest de Madagascar. Recueillis et trad. par N.J. Gueunier; avec la collab. de J.M. Katupha. Paris: Karthala; Antananarivo: Ambozontany, 1991; Gueunier N.J. L'arche de Noël dans l'Océan Indien, un thème origine de l'homme dans les contes malgaches et Comoriens. Études Océan Indien. №16. Paris: INALCO, 1993.
24. Ottino P., Vogel C. La reproduction du merveilleux dans le conte malgache. Paris: ASEMI, 1976; Haring L. Malagasy Tale Index. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 1982.
25. Contes et mythes de Madagascar et des Comores. Vérin P. éd. Études Océan Indien. № 8. Paris: INALCO, 1987; Rabenilaina B.R. Les Takahotsy, contes bara des origines in Contes et mythes de Madagascar et des Comores. Études Océan Indien. № 8. Paris, 1987.
26. Rodman You. Madagascar, les Malgaches et leurs contes. Contes de Madagascar. M.: Réd. de la littérature orientale, 1965 (Série: Contes et Mythes des peuples d'Orient). P. 12.
27. Meletinski E.M. Le héros du conte merveilleux. M.: Réd. de la littérature orientale, 1958. P.118.

28. Toaka est le rhum de Madagascar.
29. Ferrand G. Op. cit... P. V.
30. Meletinski E.M. Contes et Mythes d'Océanie. M.: Naouka, Réd. de la littérature orientale, 1970. P. 17.
31. Tsintsina est un petit oiseau (costicola madagascariensis).
32. Meletinski E.M. Le héros du conte merveilleux... P. 117.
33. Vorondolo – hibou, takatra (scopus umbrete).
34. Dahle L. Anganon'ny Ntaolo., 1962. P. 196.
35. Molet L. Origine chinoise possible de quelques animaux fantastiques de Madagascar. Journal de la Société des Africanistes. T. XLIV, fasc. 2. Paris, 1974. P. 123-138.
36. Dahle L. Anganon'ny Ntaolo., 1962. P. 196-197.
37. Je partage l'opinion qu'il faut traduire Andriamanitra plutôt comme «Seigneur céleste» et non comme «Seigneur odorant» comme on le fait maintenant. Il est bien probable qu'initialement le mot se prononçait comme Andriandanitra («Seigneur céleste») (Hébert J.-C. La cosmologie malgache. Taloha. № 1. Antananarivo, 1965. P. 89).
38. Zanahary, Andriamanitra Andriananahary, Ilay Mpahary ny Lanitra sy ny Tany no fototry ny Fanjakan'i Madagasikara.
39. «Loharanon'andriana, olombelona: Ny andriana tsy nitsororoka avy tany an-danitra, ary tsy nitrebona avy tamin'ny tany, fa loharanon'andriana, olombelona» («Les Andriana ne sont pas descendus du ciel et n'ont pas poussé de la terre, la source de leur origine est humaine»).
40. Contes de Madagascar... P. 231-232, 241; Delarue P. Le Conte populaire français: Catalogue raisonné des versions de France et des pays de langue française d'outre-mer. Paris: G.-P. Maisonneuve et Larousse, 1957.
41. Renel Ch. Préface. Op. cit.
42. Ferrand G. Op. cit. P. IV.
43. Delarue P. Op. cit.
44. Dandouau A. Conte malgache. Rainipatsa et la fille des eaux. La Revue de Madagascar. № 6. Paris, 1934. P. 63-67.
45. Rajoharivelo J. L'origine des devins-guérisseurs et des arts de guérison. Fiainana. Tananarive, 1932. P. 213-217.
46. Dandouau A. Contes populaires des Sakalava et des Tsimihety de la région d'Analalava. Alger: Jules Carbonel, 1922. P.150, 302.
47. Rakotomalala Malanjaona. Notes sur le mécanisme des traditions historiques malgaches. Études Océan Indien. № 40-41. Paris, 2008. P. 11-22.
48. Longchamps J. de. Contes malgaches. Paris: Éd. Érasme, 1955; Leenhardt-Randriamitantsoa N. Contes et histoire de l'île-rouge. Paris: Éditions des Écrivains, 2001; Fanony F. L'Oiseau Grand-Tison et autres contes des Betsimisaraka du Nord (Madagascar). T. 1. Paris: L'Harmattan, 2001; Claverie B., Claverie M. Angano: contes et histoires de Madagascar. Lettres de l'Océan Indien. Paris: L'Harmattan, 2005.
49. Blot B. Contes et légendes malgaches. [Tananarive]: [Secrétariat d'État à l'Information et au Tourisme], 1960. P. 36.
50. La plus célèbre conteuse est Marthe Rasoanantenaina.

Information about the author:

Ludmilla Alekseevna Kartachova, membre titulaire
de l'Académie Malgache,
Moscou, Russie
adavidson@yandex.ru

Received: 02,10,2017

For citation: Kartachova L.A. Contes merveilleux
de Madagascar. Historical and Social-Educational
Idea. 2017. Vol. 9. no.6 Part. 1. Pp. 67-75.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-67-75. (in
Frensh)

Информация об авторе:

Карташова Людмила Алексеевна, действительный член Малагасийской академии,
г. Москва, Россия
adavidson@yandex.ru

Получена: 02,10,2017

Для цитирования: Карташова Л.А. Волшебные
сказки Мадагаскара. Историческая и социаль-
но-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6.
Часть 1. с.67-75.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-67-75.

УДК 94(47).084.8.

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-76-81

КУНЦЕВИЧ Юрий Мирославович
г. Санкт-Петербург, Россия
kuntsevich.1967@mail.ru

Yuri M. KUNTSEVICH
Saint-Petersburg, Russia
kuntsevich.1967@mail.ru

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА
ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА И
ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ ЕМУ ВОЕННЫХ
ТРИБУНАЛОВ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

**HISTORIAN ASPECTS OF THE FORMATION AND
ACTIVITY OF THE MILITARY TRIBUNAL TO THE
LENINGRAD FRONT AND THE MILITARY
TRIBUNALS SUBORDINATED TO IT DURING THE
GREAT PATRIOTIC WAR**

В целом исторические аспекты строительства и деятельности военно-судебной системы СССР отражены в научных трудах «Судебная власть России» под общей редакцией В.М. Лебедева, О.Е. Кутафина и Г.Ю. Семигина и «История военных судов России» под редакцией Н.А. Петухова.

Однако исследуемому периоду в данных трудах уделено немного внимания. Тем более что ни в одном печатном издании не отражена деятельность непосредственно Военного трибунала Ленинградского фронта в период Великой Отечественной войны.

Во многом данная статья является в своем роде первым за период с 1945 г. по настоящее время сугубо историческим исследованием – отражением деятельности не только Военного трибунала Ленинградского фронта в период войны, но и на его примере – всей военно-судебной системы СССР. Основными источниками статьи являются документальные материалы, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (далее – архив ЦАМО) и архиве Ленинградского окружного военного суда (далее – архив ЛОВС. Материалы работы ВТЛФ). В работе также содержатся ссылки на труды вышеуказанных ученых и на Ведомости Верховного Совета СССР.

Ключевые слова: Военный трибунал, Ленинградский фронт, Материалы работы военных трибуналов Ленинградского фронта, Великая Отечественная война, военно-судебная система СССР, Военный совет Ленинградского фронта

In general, the historical aspects of the construction and operation of the military-judicial system of the USSR are reflected in the scientific works "The Judicial Power of Russia" under the general editorship of V.M. Lebedev, O.E. Kutafin and V.M. Semigina and "The History of Military Courts of Russia" edited by N.A. Petukhova. However, the study period in these works paid little attention. Moreover, none of the printed publications reflects the activities of the Military Tribunal of the Leningrad Front itself during the Great Patriotic War. In many ways, this article is the first in its kind since 1945 to the present time, a purely historical study - a reflection of the activities not only of the Military Tribunal of the Leningrad Front in the period of the war, but also of the whole military-judicial system of the USSR. The main sources of the article are documentary materials kept by the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (here in after referred to as the CAMD Archive) and the archive of the Leningrad District Military Court (here in after - the Archive of the LDMC). There will also be references to the works of the above-mentioned scientists and the Gazette of the Supreme Soviet of the USSR.

Keywords: Military tribunal, Leningrad front, Materials of work of military tribunals of Leningrad front, Great Patriotic War, military-judicial system of USSR, Military Council of Leningrad front

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз, вероломно произведенное 22 июня 1941 года, в первый же день войны продиктовало необходимость немедленно реализовать мероприятия, намеченные мобилизационным планом, в том числе и по развёртыванию сети военных трибуналов.

В чрезвычайной обстановке военного времени со всей остротой встал вопрос о внесении изменений в существующую мирную судебную систему. Война диктовала свои значительно повышенные требования как к законодательству, так и к тем институтам, которые обеспечивали его выполнение [1, с. 458-466].

Мобилизационным планом было предусмотрено комплектование существующих военных трибуналов Ленинградского военного округа на военное время в разрезе каждого из трибуналов и персонально по каждой из должностей. Благодаря этому в первые дни войны было произведено укомплектование трибуналов по штатам военного времени. Однако предстояла большая работа по развёртыванию сети военных трибуналов одновременно с формированием новых соединений и объединений на всем Ленинградском

фронте.

Основная организационная работа по развертыванию сети военных трибуналов Ленинградского фронта была проведена в июле - августе 1941 г., когда боевые действия велись уже на подступах к Ленинграду и в спешном порядке формировались новые воинские части и части Народного ополчения. В общем в подведомственности Военного трибунала Ленфронта в разные периоды войны находилось от 26 до 70 военных трибуналов воинских соединений и объединений [2, Л.8].

22 июня 1941 г. Военный трибунал Ленинградского военного округа (так он именовался до начала войны; в настоящее время - Ленинградский окружной военный суд) был переименован в Военный трибунал Северного фронта, а с 24 августа 1941 г. стал называться Военным трибуналом Ленинградского фронта. Общая протяженность последнего составляла 2300 км, из них: сухопутная - 1300 км; морская - 1000 км [2, Л.2].

На период военного времени вся власть в пределах Ленинградского фронта и города Ленинграда, а также частично Ленинградской области была сосредоточена в руках Военного совета фронта, который, помимо командования войсками, руководил деятельностью всех учреждений и предприятий, включая фронтовой военный трибунал [3, Ф.217, Оп.1258, Л.5.]

В соответствии с приказом Военного совета Ленинградского фронта от 24 августа 1941 г. № 02 и на основании директивы Ставки Верховного Главнокомандования № 001199 от 23 августа 1941 г. в целях удобства управления Северный фронт был разделен на два фронта - Карельский и Ленинградский - с подчинением Карельского фронта Ставке Верховного Главнокомандования. Ленинградский фронт остался в составе 8, 23 и 48 армий, Красногвардейского УР, Копорской и Южной оперативных групп и всех частей и учреждений в границах Ленинградского фронта. Разграничительная линия между Карельским и Ленинградским фронтами была установлена по линии: Воскресенское, Радогща, Еремина Гора, Свирица, Сортавала, Варкаус, все пункты для Карельского фронта включительно [3, Ф.217, Оп.1221, Д.5, Л.2].

Все мероприятия, связанные с созданием военных трибуналов в новых воинских формированиях, подбор кадров начальствующего состава трибуналов, переключение их на решение задачи, ставшей перед ними в связи с развивавшейся войной, обеспечение трибуналов всем необходимым для практической работы - были сосредоточены в Военном трибунале Ленинградского фронта [2, Л. 3-4].

В условиях многократного возрастания судебной нагрузки, несмотря на формирование новых трибуналов (создавались и упразднялись по мере образования и ликвидации воинских соединений и объединений фронта), оказалось невозможным обеспечить оперативное осуществление правосудия постоянным судебным составом из трех военных судей, в связи с чем к осуществлению правосудия установленным законом порядком были привлечены народные заседатели из числа военнослужащих.

Председатель военного трибунала Ленинградского фронта генерал-майор юстиции И.Ф. Исаенков в «Материалах о работе военных трибуналов Ленинградского фронта в период Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг». указывал: «Мы испытывали трудности с комплектованием военных трибуналов, особенно в первые месяцы войны. Хотя Ленинград и располагал квалифицированными юристами, но в начале войны большинство из них ушли в ополчение или были мобилизованы и направлены на другие фронты. Поскольку источники кадров для пополнения резерва уже к августу 1941 года были значительно исчерпаны, я обратился в Главное управление военных трибуналов по вопросу о присылке юрсоостава на фронт; в Обком и Горком ВКП(б) - о мобилизации юристов-коммунистов для оперативной работы в военные трибуналы; в воинские части и части Народного ополчения - об откомандировании юристов в распоряжение Военного трибунала Ленфронта. В результате этих чрезвычайных мер, все военные трибуналы были

своевременно укомплектованы, но по сокращенному против штатов военного времени варианту (3 судьи и 1 секретарь). Впоследствии, в 1942 году, штаты были сокращены до 2-х судей. Одновременно с этим военный трибунал фронта создал резерв оперативного и секретарского состава, который в числе, соответственно, 15 и 10 человек продолжал сохраняться на протяжении всей войны» [2, Л.7].

Отход частей Красной Армии под натиском вражеских войск отдельными трусами воспринимался панически, они пытались спастись бегством с поля боя, дезертировали из отходящих частей либо занимались членовредительством, распространяли ложные и панические слухи. К этому добавлялось такое обстоятельство, как массовая эвакуация населения вглубь страны, нередко сопровождаемая беспорядочным движением от линии фронта. Поэтому количеств дел в военных трибуналах увеличилось значительно.

В самые критические дни обороны Ленинграда, в сентябре 1941 г., НКО издал приказ № 0064, в котором говорилось: «Военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу» [3, Ф.208, Оп.2524, Д.3, Л.52].

Директивой Генерального штаба Красной Армии в начале августа 1941 г. во всех стрелковых дивизиях были созданы военные трибуналы, которые продолжали действовать на протяжении всей войны. Уместно здесь же, основываясь на практике истекшей войны, сказать, что основным звеном первой инстанции военно-судебных органов в военное время должен быть военный трибунал дивизии [2, Л.4].

В соответствии с Положением о военных трибуналах от 22 июня 1941 г. городской суд Ленинграда и подведомственные ему районные народные суды города были переименованы в военные трибуналы и на основании постановления Военного совета Ленинградского фронта от 4 декабря 1941 г. № 00441 организационно вошли в состав Военного трибунала Ленинградского фронта в качестве нижестоящих поднадзорных судов [4, с. 208-209].

На этом основании в суде города Ленинграда были ликвидированы коллегии по кассационному рассмотрению уголовных и гражданских дел; он фактически действовал как суд первой инстанции, а все контрольные функции по проверке его приговоров и решений были переданы Военному трибуналу Ленинградского фронта.

Также были переименованы в военные трибуналы и включены в состав Военного трибунала Ленфронта линейные и транспортные суды Октябрьской и Ленинградской железной дороги и Балтийского бассейна.

Эта реорганизация судебной системы г. Ленинграда была объективно вызвана военной обстановкой и непосредственной блокадой города, требовавшими оперативного рассмотрения уголовных дел, связанных с преступлениями на предприятиях и в прифронтовой полосе.

С началом войны была установлена подсудность дел военным трибуналам. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. на рассмотрение военных трибуналов передавались [5]:

- 1) дела о государственных преступлениях;
- 2) дела о преступлениях, совершенных военнослужащими;
- 3) дела о разбое (статья 167 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик);
- 4) дела об умышленных убийствах (статьи 136-138 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик);
- 5) дела о насильственном освобождении из домов заключения и из-под стражи (статья 81 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик);

6) дела об уклонении от исполнения всеобщей воинской обязанности (статья 68 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик) и о сопротивлении представителям власти (статья 73 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик);

7) дела о незаконной покупке, продаже и хранении оружия, а также хищении оружия (статьи 164-а, 166-а и 182 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик).

В ходе войны подсудность дел военным трибуналам была еще более расширена.

Таким образом, применительно к статье 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» в местностях, объявленных на военном положении», все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, были подсудны военным трибуналам.

Подсудность уголовных дел между трибуналами не определялась составом совершенного преступления, а зависела от занимаемой воинской должности субъекта, его совершившего, что непосредственно было закреплено в статьях 8 и 9 Положения [6, с. 213-220].

В период войны военные трибуналы рассматривали дела в отношении:

- при дивизиях (отдельных бригадах) - до командира роты включительно и приравненных к нему по служебному положению лиц;
- при корпусах - до командира батальона включительно и ему соответствующих лиц;
- при армиях (флотилиях) - до помощника командира полка и ему соответствующих лиц;
- при военных округах, фронтах и флотах - от командира полка и выше.

Председатель Военного трибунала Ленинградского фронта был наделен полномочиями по истребованию любого дела из подведомственных ему трибуналов для рассмотрения по существу, а также по передаче дел для рассмотрения из нижестоящих в вышестоящие трибуналы (дивизия - корпус - армия - фронт). Как правило, это были сложные и резонансные дела, которые находились на контроле у политического руководства страны и города Ленинграда [5].

Практика работы военных трибуналов Ленинградского фронта, как периода отхода частей, периода жесточайших битв за Ленинград, так и периода блокады и разгрома немецких войск под Ленинградом, а равно последующих наступательных операций, свидетельствует, что военные трибуналы на всех этапах войны умело и по деловому строили взаимоотношения с командованием. Все данные проверок и ревизий деятельности военных трибуналов армий, корпусов, дивизий на протяжении всего военного времени неизменно подтверждают этот вывод. Этот же факт, как положительную сторону в работе Военного трибунала Ленфронта, неоднократно констатировали приказы, документы и лично руководящие работники Главного управления военных трибуналов и Народного комиссариата юстиции СССР [2, Л.45].

Командование, начиная от Военного совета Ленфронта и кончая командирами дивизий и полков, без исключения с удовлетворением отмечали тесную повседневную связь с ними со стороны военных трибуналов [2, Л.15-18].

Кроме непосредственно судебной работы, военно-судебные работники проводили большую профилактическую работу по предупреждению преступности в войсках Ленинградского фронта, разъясняли законы советского государства, уголовные законы военного времени и ответственность по ним военнослужащих, вопросы текущей политики.

Объявление приговоров в приказах по фронту, армиям, корпусам, дивизиям и частям практиковалось широко на протяжении всего периода войны. Как правило, объявлялся полностью приговор, с припиской «довести до сведения» определенной категории

личного состава войск. Ряд приказов лишь кратко излагали объективную сторону преступления, совершенного военнотружеником, осуждение его и меру наказания.

Значительное количество приказов, проекты которых готовили военные трибуналы, наряду с изложением приговоров, включали и ряд требований, вытекающих из конкретного факта осуждения военнотруженика. Это делалось по актуальным делам [3, Ф.217, Оп.1258, Д.13, Т.2, Л. 78, 79].

До войны в Военном трибунале Ленинградского военного округа и подведомственных ему трибуналах трудилось 102 члена трибунала и работника аппарата, а уже к концу 1941 г. их количество возросло до 588, из которых за период блокады Ленинграда погибло и пропало без вести 34 человека [2, Л.15-18].

Так, 26 сентября 1941 г. трагично закончилась передислокация военного трибунала 10-го стрелкового корпуса из г. Таллина в Ленинград: в результате торпедирования пароход затонул. Весь личный состав военного трибунала считается погибшим, в том числе: председатель Г.В. Демин, члены трибунала М.П. Давыдович, М.И. Юрков, И.В. Паничкин, секретари военного трибунала С.М. Корольков, В.А. Шульц, П.В. Отважников, С.К. Себеневский.

Из личного состава военного трибунала 41-го стрелкового корпуса и входивших в корпус дивизий 6 человек оперативного состава, 4 секретаря, комендант и 10 других работников в районе города Луги оказались отрезанными и числятся пропавшими без вести.

26 сентября 1941 г. на командном пункте 10-й стрелковой дивизии при артобстреле со стороны противника погиб председатель военного трибунала дивизии Романов. Обуглившийся труп его был извлечен из-под обломков разрушенного здания, в котором размещался командный пункт дивизии.

13 августа 1941 г. председатель военного трибунала 128-й стрелковой дивизии М.И. Задорин и оперативный работник И.Я. Михеев были убиты непосредственно в бою.

Член военного трибунала 115-й стрелковой дивизии П.В. Алексеев 22 апреля 1942 г. при передислокации трибунала вместе с двумя бойцами попал на минное поле. При взрыве мины бойцы были убиты, а П.В. Алексеев тяжело ранен и на третий день в госпитале умер.

6 августа 1941 г. умер от ран, полученных при артобстреле Ленинграда, военный юрист 2-го ранга А.Н. Семенов.

Председатель Военного трибунала Ленинградского фронта генерал-майор юстиции И.Ф. Исаенков писал: «Трибунал фронта размещался вместе со штабом фронта в центре города - на улице Герцена (ныне - Большая Морская), в доме № 1. Личный состав находился на казарменном положении, работали и спали в тех же помещениях. Температура зимой в комнатах доходила до минус 4-8 градусов. Некоторых работников зимой 1941/1942 гг. из-за истощения приходилось освобождать от работы для восстановления сил, помещать в госпиталь, часть из них стали жертвами голода. В декабре 1941 года были случаи, когда и обвиняемые, и конвоиры, обессиленные голодом, падали по дороге и их приходилось вместе отправлять в госпиталь» [2, Л.37].

Таким образом, за период Великой Отечественной войны в условиях Ленинградского фронта была проведена огромной важности работа по подбору, расстановке и подготовке кадров военных юристов. Все руководство этой работой было непосредственно сосредоточено в руках председателя военного трибунала фронта. На протяжении всей войны Военным трибуналом Ленинградского фронта беспрерывно руководил генерал-майор юстиции Исаенков Иван Фролович, награжденный боевыми наградами: двумя орденами «Красного знамени», орденом «Кутузова 2 степени», орденом «Отечественной войны 1 степени», орденом «Красной Звезды», а также медалями «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией» [3, ВТЛВО, 609204с, Д.331, Л.84].

В заключении статьи считаю необходимым сделать выводы о том, что важнейшая роль в укреплении воинской дисциплины и борьбе с преступностью на Ленинградском фронте принадлежала органам военной юстиции, к которым, в частности, были отнесены военные трибуналы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть России. История, документы: В 6 т. Т. 4 / Науч. конс. Е.А. Скрипилев. - М.: Мысль, 622 с.
2. Архив Ленинградского окружного военного суда (ЛОВС). Материалы работы ВТЛФ.
3. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ).
4. История судебных органов в Санкт-Петербурге: лица, события, факты / Под ред. В.Н. Епифановой. - СПб.: Галатея, 2014. - 564 с.
5. Ведомости Верховного Совета СССР. - 1941. - № 29.
6. Петухов Н.А. История военных судов / Под ред., с предисл. В.М. Лебедева. - М.: Норма, 2003. - 438 с.

REFERENCES

1. Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.YU. Sudebnaya vlast' Rossii. Istoriya, dokumenty: [The judicial power of Russia. History, documents], V 6 t. T. 4. Nauch. kons. Skripilev E.A. M.: Mysl'. 622 p. (in Russian)
2. Arhiv LOVS [Archive of the Leningrad District Military Court], Materialy raboty VTLF. (in Russian)
3. Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation] (CAMO RF). (in Russian)
4. Istoriya sudebnyh organov v Sankt-Peterburge: lica, sobytiya, fakty [History of the judiciary in St. Petersburg: persons, events, facts]/ pod red. V.N.Epifanovoj. SPb.: Galateya, 2014. 564 p. (in Russian)
5. Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1941. № 29. (in Russian)
6. Petuhov N.A. Istoriya voennyh sudov [History of military courts]. Pod red., s predisl.: Lebedev V.M.: M.: Norma, 2003. 438 p. (in Russian)

Информация об авторе:

Кунцевич Юрий Мирославович, судья Ленинградского окружного военного суда, Ленинградский окружной военный суд, Санкт-Петербург, Россия
kuntsevich.1967@mail.ru

Information about the author:

Yuri M. Kuntsevich, Judge of the Leningrad District Military Court, Leningrad District Military Court, Saint-Petersburg, Russia
kuntsevich.1967@mail.ru

Получена: 15.10.2017

Received: 15.10.2017

Для цитирования: Кунцевич Ю.М. Исторические аспекты формирования и деятельности Военного трибунала Ленинградского фронта и подведомственных ему военных трибуналов в период Великой Отечественной войны. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.76-81.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-76-81.

For citation: Kuntsevich Yu. M. Historian aspects of the formation and activity of the Military Tribunal to the Leningrad Front and the military tribunals subordinated to it during the Great Patriotic War. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part. 1. Pp. 76-81.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-76-81. (in Russian)

УДК 371 (571.52) (09) + 002

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-82-87

ОЧУР Надежда Михайловна
Тувинский государственный университет
г. Кызыл, Россия
n.ochur@mail.ru

Nadezhda M. OCHUR
Department of National History
Tuvan State University
Kyzyl, Russia
n.ochur@mail.ru

**ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ТУВЫ НА
СТРАНИЦАХ РЕСПУБЛИКАНСКИХ ГАЗЕТ
(80-90-е годы XX в.)**

**SCHOOL EDUCATION OF TUVA IN THE
REPUBLICAN NEWSPAPERS (THE 1980-1990s OF
THE XX CENTURY)**

Рассматриваются вопросы освещения региональными периодическими печатными изданиями актуальных проблем школьного образования Тувы в 1980-1990-е годы. Отмечено, что периодическая печать как один из популярных и доступных средств массовой информации становится главным инструментом освещения работы образовательных учреждений по осуществлению школьных реформ. Охарактеризовано основное содержание, тематика, периодичность публикаций в газетах «Тувинская правда», «Шын» (Правда) и «Центр Азии», которые были и остаются ключевыми изданиями, освещающими общественно-политические, социально-экономические и культурные события региона. На основе анализа опубликованных материалов делается следующий вывод об уровне освещения в печати вопросов образования. В газетах 1980-х годов выходило очень мало статей о ходе реализации в республике основных направлений реформ общеобразовательной школы, партийными и государственными органами слабо использовались агитационные возможности печати. Основное число опубликованных статей посвящалось вопросам семейного и нравственного воспитания, деятельности первичных комсомольских и пионерских организаций, первому и последнему звонку, выпускным экзаменам, летней трудовой практике школьников, лучшим учителям. Они носили информационный и кратковременный характер и появлялись в преддверии Дня Учителя, начала учебного года, к юбилею какого-нибудь учебного заведения. В 1990-е годы главными темами публикаций становятся усиление роли родного языка, система билингвизма в школах Тувы, обеспечение образовательных учреждений учебно-методической литературой и компьютерной техникой, поднятие престижа учительской профессии, улучшение качества образования, инновационная и экспериментальная деятельность школ в новых условиях. По-прежнему активными авторами статей были сами педагогические работники, ответных публикаций на острые и проблемные материалы со стороны ответственных работников не поступало.

This work examines coverage by regional periodicals of urgent problems of Tuvan school education in the 1980-1990s. The periodical press is noted as one of the most popular and accessible mass media, becoming the main tool for covering the work of educational institutions in implementing school reforms. The main content, themes, periodicity of publications in the newspapers "Tuvinskaya Pravda", "Shyn" (Pravda) and "Center of Asia", which have been and remain the key publications covering socio-political, socio-economic and cultural events of the region, are characterized. Based on the analysis of published materials, the following conclusion is made about the level of media coverage of education issues. In the newspapers of the 1980s, there were very few articles on the progress in the implementation of the main direction of the reform of the general education school in the republic, and the campaigning opportunities of the press were poorly used by party and government agencies. The majority of published articles was devoted to issues of family and moral education, the activities of primary "Komsomol" and "Young Pioneer" organizations, the first bell at school and the last, final examinations, summer labor practices for schoolchildren, and the best teachers. They were informational and short-term in nature and appeared on the eve of Teacher's Day, the beginning of the school year, the anniversary of an educational institution. In the 1990s the main themes of publications were the strengthening of the role of the mother tongue, the bilingualism system in Tuvan schools, the provision of educational institutions with educational and methodical literature and computer technology, raising the prestige of the teaching profession, improving the quality of education, and the innovative and experimental activities of schools in the new conditions. The active authors of the articles were the pedagogical workers. There were no reciprocal publications on acute and problematic materials from the responsible workers.

Ключевые слова: реформа, история общего образования, периодическая печать, газета, статья, школы Тувы

Keywords: reform, history general education, periodical press, newspaper, article, schools of Tuva

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Тыва в рамках научного проекта №16-11-17001.

Acknowledgement. This research was supported by grant from the Russian Foundation for Basic Research and Republic of Tuva as part of a science project № 16-11-17001.

Вопросы развития системы общего образования были и остаются одним из приоритетных направлений в деятельности российского государства. Особенно важное значение эта деятельность приобретает в период перехода общества в качественно новое состояние.

Таковыми периодами для образования в конце XX в. были 1984 и 1992 гг. На эти годы выпадают принятие основных решений партии и государства, преобразования в системе школьного образования. Особенностью данных лет является их противоречие: с одной стороны, 80-е годы связаны с застойными явлениями, деятельностью КПСС, с другой стороны, 90-е годы - это время возникновения и развития новой политической системы, поиска новых вариантов в обновлении всех сфер общественной жизни, в том числе и в образовании.

На апрельском (1984) Пленуме ЦК КПСС и Верховным Советом СССР были одобрены «Основные направления реформы образовательной и профессиональной школы». Документ сформулировал новую концепцию обучения и воспитания молодежи, ее подготовки к жизни и труду в современных условиях, наметил стратегическую линию партии в области народного образования. Февральский (1988) Пленум ЦК КПСС проанализировал ход реализации школьной реформы, отметил недостатки и меры по их устранению. Пленум также выдвинул новый принцип развития школы - отказ от командно-административных указаний и переход к демократическому образованию. В конце 1988 г. состоялся Всесоюзный съезд учителей, который дал оценку процессам, происходившим в системе образования. Участники съезда подтвердили решение реформировать школу в направлении ее демократизации, осуществить переход от единообразной, унифицированной школы к вариативному, личностно ориентированному обучению, развитию национальной и сельской школ [1, с. 41].

В начале 1990-х годов в стране началась масштабная реформа образования, которая коренным образом меняла облик, содержание, всю внутреннюю часть системы образования.

Периодическая печать, как один из популярных и доступных средств массовой информации в рассматриваемый период, становится главным инструментом освещения работы по осуществлению школьных реформ, призванным передавать атмосферу преобразований, которая происходила в системе общего образования.

Для анализа проблемы были рассмотрены республиканские газеты «Тувинская правда», «Шын» (на тувинском языке «Правда») и «Центр Азии» за 1980-1990-е годы. Данные газеты были и остаются ключевыми периодическими изданиями, освещающими общественно-политические, социально-экономические и культурные события региона.

Как показал обзор содержания периодической печати 1980-х годов, в практической деятельности по реализации основных направлений реформ общеобразовательной школы партийными и государственными органами слабо использовались возможности печати.

Значительное число материалов в газетах, опубликованных к началу учебного года, посвящалось проведению августовских педагогических совещаний, ко Дню знаний и носило кратковременный характер. Если в 1984 г., в период обсуждения проекта ЦК КПСС о школьной реформе, количество материалов в газетах по проблемам народного образования увеличивалось в среднем в 3-4 раза, то в 1985 г. оно снижается, и составляет 1-2 публикации в месяц [2, с. 16]. Решения XXVII съезда КПСС, XX съезда ВЛКСМ, подготовка к февральскому Пленуму ЦК КПСС и Всесоюзному съезду работников народного образования вновь способствовали увеличению публикаций по школьным проблемам. Тематика корреспонденций стала многообразней, для освещения хода реформы в печати вводятся

новые рубрики - «Школа: время перемен», «Педагогические размышления» в газете «Тувинская правда», «Школа: сегодня и завтра» в «Шын».

В конце 1980-х годов в печати появляются интересные и серьезные статьи, рассматривающие актуальные и наиболее важные вопросы в системе общего образования: «Двуязычие: важное средство взаимопонимания» ученого-филолога К. Бичелдея [3], «Чем живет школа сегодня?» директора кызылской школы № 3 В. Виденкина [4], «Что тревожит педагогов?» общественного деятеля, журналиста С. Козловой [5] и др.

Однако следует отметить, что большинство статей носило информационный характер, не отражало сути и решения проблем. Отсутствовали публикации, написанные руководителями партийных и государственных органов, шефских и базовых организаций. Еще меньше внимания периодическая печать уделяла материалам о принятых мерах после критических выступлений в ходе реализации реформы. Этот факт говорил о том, что ответственные органы не понимали возможностей использования печатных СМИ для формирования общественного мнения в решении вопросов развития школы или не хотели заниматься проблемами школьного образования.

Основное число опубликованных статей в газетах посвящалось вопросам семейного, нравственного, трудового воспитания, укреплению материальной базы школ, деятельности первичных комсомольских и пионерских организаций. Традиционными для страниц газет были повседневные события школьной жизни: первый и последний звонок, выпускные экзамены, летняя трудовая практика, лучшие учителя. Как правило, публикации появлялись в преддверии Дня Учителя, начала учебного года, к юбилею какого-нибудь учебного заведения.

Газеты имели свои постоянные рубрики, посвященные школе и учителям. Положительным моментом в газете «Тувинская правда» в 1980-е годы было открытие странички «Наш педагогический совет», которая выходила один раз в месяц и рассказывала о разных школьных событиях. Так, например, январский «педсовет» 1988 г. свою тематику посвятил вопросам воспитания и воспитательной работе в школах, февральский - педагогам-новаторам республики. Проведение школьниками летних каникул стало главной темой июльского выпуска. В ноябрьский номер были включены статьи, посвященные деятельности родительских комитетов и совету школьных дел. Авторы работ делились своим опытом, рассказывали о новшествах, приводили интересные примеры и факты. Но, к сожалению, эта страница позже была закрыта.

Следующая волна активности авторов публикаций о народном образовании приходится на начало 1990-х годов. Это было связано с начавшейся в стране реформой образования, которая провозгласила принципы демократизации, вариативности, открытости, регионализации, национального самоопределения, гуманизации, гуманитаризации, дифференциации. Большое влияние на дальнейший ход развития и модернизации системы общего образования оказал Закон РФ «Об образовании», который был принят в 1992 г.

В газетах меняются содержание, тематика, количество статей и рубрик. Главными темами публикаций становятся усиление роли родного языка, система билингвизма в школах Тувы, обеспечение образовательных учреждений учебно-методической литературой и компьютерной техникой, поднятие престижа учительской профессии, улучшение качества образования, инновационная и экспериментальная деятельность школ в новых условиях. Много материалов посвящалось традициям и обычаям народов, живущих на территории республики. Большое внимание в газетах также уделялось вопросам текущего и капитального ремонта школ, подготовки образовательных учреждений к отопительному сезону, состоянию школьных библиотек и спортивных площадок.

На страницах газет появляются новые рубрики «Горячая тема», «Накипело», «Реформа - в действии», «Теперь - не новость!», отражающие кризисные явления в обществе и системе общего образования: правонарушения среди подростков, социальное сирот-

ство, трудоустройство молодежи, социальная защита педагогических работников. Так, острой оказалось интервью в газете «Тувинская правда» председателя стачечного комитета педагогов г. Кызыла, учителя истории школы № 15 Л. Белоусовой. Она рассказала о трудном материальном положении городских учителей, которые не получают заработную плату несколько месяцев [6].

Интересной оказалась публикация представителя республиканского комитета профсоюза работников образования М. Ооржак «Когда в корзине не закрыто дно...» [7]. Автор говорит о возникших трудностях в системе общего образования, нехватке кадров, положении молодых учителей.

Директор Кызылского УПО «Аныяк» А. Безъязыков в своей статье «Со школьной скамьи в ...безработные» поднимает проблему безработицы в городе, говорит о сложностях трудоустройства молодежи в условиях рынка [8].

Вопросы повышения квалификации учителей республики, тематика курсов и методическая помощь работникам образования в условиях модернизации школы стали темой статьи директора республиканского Института усовершенствования учителей М. Борбай-оола [9].

Актуальными в периодической печати до конца 1990-х годов оставались материалы о задержке и невыплате заработной платы работникам бюджетной сферы, забастовках учителей. Например, о самой крупной акции протеста работников образования г. Кызыла, проходившей в октябре-декабре 1999 г., постоянно сообщали газеты «Центр Азии» [10] и «Шын» [11].

В начале 1990-х годов большой спор и отклик читателей на страницах газеты «Тувинская правда» вызвала рубрика «Педагогические размышления». Авторы статей пытались акцентировать внимание читателей на проблемах национальной школы, введения двуязычия в школах республики, преподавания русского языка в сельских школах. Интересными в этом отношении были публикации заведующей Тувинской лабораторией НИИ национальных проблем образования Г. Селиверстовой [12] и кандидата педагогических наук, доцента кафедры педагогики Кызылского государственного педагогического института К. Салчак [13]. Авторы статей поднимали проблему развития билингвизма в республике, акцентировали внимание общественности и министерства образования республики на вопросе нехватки школьных учебников и учебно-методической литературы на родном языке, подготовки учителей родного и русского языков.

Об упрочении связи вузовского и общего образования говорили преподаватели Кызылского ГПИ О. Бузур-оол [14] и А. Очур в «Тувинской правде» [15]. Они также затронули проблему слабой подготовки выпускников школ к поступлению вузы, отмечали актуальность создания национального университета.

После опубликования проекта Закона Республики Тыва «Об образовании» (1994) в периодической печати началось обсуждение документа. Этому были посвящены публикации «Бегство от одинаковости: мысли о будущем Законе» [5], «Закон? Нет, пока - проект Закона» [9]. Авторы отмечали недостатки будущего Закона - дублирование федерального документа, отсутствие социальных гарантий учителям, одновременно они указывали на достоинства документа.

Таким образом, периодическая печать была самым доступным и эффективным средством влияния на общество, основным инструментом освещения хода реализации школьных реформ конца XX в. Как показывает анализ республиканских периодических печатных изданий, тематика и периодичность материалов о реализации реформ образования в Туве были разнообразными. Но, к сожалению, они носили кратковременный и информационный характер. Руководящими органами слабо использовались агитационные и пропагандистские возможности печати по осуществлению школьных реформ. Ак-

тивными авторами публикаций были работники образования, ответных статей на острые и проблемные материалы педагогов со стороны ответственных работников не было.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Доржу З.Ю., Очур Н.М. Школы Тувы в годы перемен (80-е годы XX - начало XXI в.). - Кызыл, 2015. - 188 с.
2. Стародубцев В.В. Школа: время выбора (опыт и проблемы развития общеобразовательных школ Восточной Сибири в 1980-е гг.). - Красноярск, 1992. - 141 с.
3. Бичелдей К. Двужычие: важное средство взаимопонимания // Тувинская правда. - 1988. - № 121. - С. 3.
4. Виденкин В. Чем живет школа сегодня? // Тувинская правда. - 1988. - № 149. - С. 3.
5. Козлова С. Что тревожит педагогов? // Тувинская правда. - 1988. - № 181. - С. 3; Бегство от одинаковости: мысли о будущем Закона // Тувинская правда. - 1994. - № 49. - С. 3.
6. Жиц Л. В расписании на завтра ... забастовка // Тувинская правда. - 1992. - № 30. - С. 3.
7. Ооржак М. Когда в корзине не закрыто дно... // Тувинская правда. - 1992. - № 128. - С. 3.
8. Безъязыков А. Со школьной скамьи в ...безработные // Тувинская правда. - 1992. - № 90. - С. 3.
9. Борбай-оол М. Кому учительствовать на селе // Тувинская правда. - 1993. - № 135. - С. 3; Закон? Нет, пока - проект Закона // Тувинская правда. - 1994. - № 53. - С. 3.
10. Хопров В. Вот и прибыл, наконец, из столицы наш гонец // Центр Азии. - 1999. - № 48. - С. 1-2; Учителя Кызыла намереваются бастовать до полной победы народного образования // Центр Азии. - 1999. - № 43. - С. 2.
11. Сат К. Угаап корунер! Башкыларнын ажыл соксадыышкыны. (Одумайтесь! О забастовке учителей) // Шын. - 1999. - № 134. - С. 3.
12. Селиверстова Г. Был, да ушел... Или как в русских школах Кызыла учат тувинскому языку // Тувинская правда. - 1992. - № 3. - С. 3.
13. Салчак К. Искать и находить // Тувинская правда. - 1992. - № 51. - С. 3.
14. Бузур-оол О. Реформы? Да. Но чтобы на пользу // Тувинская правда. - 1992. - № 87. - С. 3.
15. Очур А. Замкнутый круг. Подготовка выпускников школ // Тувинская правда. - 1992. - № 99. - С. 3.

REFERENCES

1. Dorzhu Z.Yu., Ochur N.M. Shkoly Tuvy v gody peremen (80-e gody XX - nachalo XXI vv.) [Schools of Tuva in the years of change (the 80s of XX - the beginning of the XXI centuries)] Kyzyl, 2015. 188 p.
2. Starodubtsev V.V. Shkola: vremya vybora (opyt i problemy razvitiya obshcheobrazovatel'nykh shkol Vostochnoy Sibiri v 1980-e gg.). [School: time of choice (experience and problems of the development of secondary schools in Eastern Siberia in the 1980s)]. Krasnoyarsk, 1992. 141p.
3. Bicheldey K. Dvuyazychie: vazhnoe sredstvo vzaimoponimaniya [Bilingualism: important means of mutual understanding]. Tuvinskaya Pravda. 1988. No. 121. p. 3.
4. Videnkin V. Chem zhivet shkola segodnya? [Than the school lives today?]. Tuvinskaya Pravda. 1988. No. 149. p. 3.
5. Kozlova S. Chto trevozhit pedagogov? [What worries teachers?]. Tuvinskaya pravda. 1988. No. 181. p.3; Begstvo ot odinakovosti: mysl' o budushchem Zakone. [Escape from sameness: thinking about the future of the Law]. Tuvinskaya pravda. 1994. No. 49. p.3.
6. Zhits L. V raspisanii na zavtra ... zabastovka. [The schedule for tomorrow ... strike]. Tuvinskaya pravda. 1992. No. 30. p. 3
7. Oorzhak M. Kogda v korzine ne zakryto dno...[When the basket is not closed by the bottom]. Tuvinskaya pravda. 1992. No. 128. p. 3.
8. Bez'yazykov A. So shkol'noy skam'i v ...bezrabotnye [At school ...unemployed]. Tuvinskaya pravda. 1992. No. 90. p. 3.
9. Borbay-ool M. Komu uchitel'stvovat' na sele. [Who to teach in the village]. Tuvinskaya pravda. 1993. №135. S.3; Zakon? Net, poka - proekt Zakona The law? [No, not yet - the draft Law]. Tuvinskaya pravda. 1994. No. 53. p. 3.
10. Khoprov V. Vot i pribyl, nakonets, iz stolitsy nash gonet. [Finally, the messenger arrived from the capital]. Tsentr Azii. 1999. No. 48. p.1-2; Uchitelya Kyzyla namerevayutsya bastovat' do polnoy

pobedy narodnogo obrazovaniy. [Kyzyl teachers intend to strike until the final victory of national education]. Tsentr Azii. 1999. No. 43. p. 2.

11. Sat K. Ugaap koruner! Bashkylarnyn azhyl soksadyyshkyny. (Odumaytes'! O zabastovke uchiteley). [About the teachers ' strike]. Shyn. 1999. No. 134. p. 3.
12. Seliverstova G. Byl, da ushel... Ili kak v russkikh shkolakh Kyzyla uchat tuvinskomu yazyku. [As in the Russian schools of Kyzyl teach Tuvan language]. Tuvinskaya pravda. 1992. No. 3. p. 3.
13. Salchak K. Iskat' i nakhodit'. [Search and find]. Tuvinskaya pravda. 1992. No. 51. p. 3.
14. Buzur-ool O. Reformy? Da. No chtoby na pol'zu. [Reform? Yes. But in order to benefit]. Tuvinskaya pravda. 1992. No. 87. p. 3.
15. Ochur A. Zamknuty krug. Podgotovka vypusknikov shkol. [A vicious circle. Training school graduates]. Tuvinskaya pravda. 1992. No. 99. p. 3.

Информация об авторе:

Очур Надежда Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Тувинский государственный университет,
г. Кызыл, Россия
n.ochur@mail.ru

Получена: 09.11.2017

Для цитирования: Очур Н.М. Школьное образование Тувы на страницах республиканских газет (80-90-е годы XX в.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 5. Часть 2. с.82-87.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-82-87.

Information about the author:

Nadezhda M. OCHUR, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of National History, Tuvan State University,
Kyzyl, Russia
n.ochur@mail.ru

Received: 09.11.2017

For citation: Ochur N.M. School education of Tuva in the republican newspapers (the 1980-1990s of the xx century). Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.5 Part. 2. Pp. 82-87.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-82-87. (in Russian)

УДК 9.94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-88-94

ПИСЬМЕННАЯ Татьяна Геннадьевна
Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет» в
г. Славянске-на-Кубани
г. Славянск-на-Кубани, Россия
pismennayat@mail.ru

Tatiana G. PISMENNAYA
Kuban State University
(Branch in Slavyansk-on-Kuban)
Slavyansk-on-Kuban, Russia
pismennayat@mail.ru

РЯБИКОВ Александр Николаевич
Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет» в
г. Славянске-на-Кубани
г. Славянск-на-Кубани, Россия
riybicov@mail.ru

Alexander N. RYABIKOV
Kuban State University
(Branch in Slavyansk-on-Kuban)
Slavyansk-on-Kuban, Russia
riybicov@mail.ru

ГРЕЧИШКО Дмитрий Николаевич
Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет» в
г. Славянске-на-Кубани
г. Славянск-на-Кубани, Россия
me_eum_esse@mail.ru

Dmitriy N. GRECHISHKO
Kuban State University
(Branch in Slavyansk-on-Kuban)
Slavyansk-on-Kuban, Russia
me_eum_esse@mail.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ Юрий Николаевич,
Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет» в
г. Славянске-на-Кубани,
г. Славянск-на-Кубани, Россия
emelanov@list.ru

Yury N. YEMELYANOV
Kuban State University
(Branch in Slavyansk-on-Kuban)
Slavyansk-on-Kuban, Russia
emelanov@list.ru

**К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СССР В 40-
Х - НАЧАЛЕ 50-Х гг. XX в.**

**TO THE QUESTION OF CHANGING THE
POLITICAL SITUATION OF THE RUSSIAN
ORTHODOX CHURCH IN THE USSR IN THE
40S - EARLY 50S OF THE 20th CENTURY**

В статье рассматриваются направления советской государственной конфессиональной политики в отношении Русской Православной Церкви, реализовавшиеся в 40-х - начале 50-х годов XX в. Отмечается, что главной причиной начала сближения религии и власти стал внешнеполитический фактор. В 1941 г. прошли переговоры СССР о союзнничестве с США и Англией. Уполномоченные представители этих стран на встрече в Москве выдвинули условие - прекратить притеснения Русской Православной Церкви. В работе подчеркивается отрицательное влияние фашистской оккупации на внутрицерковную стабильность. Анализируется передача части приходов Молдавии и юга Украины в ведение Румынского патриархата, поощрение автокефалии церквей Украины и Белоруссии, деятельность на территории России духовенства Русской Православной Церкви Заграницей, имевшего собственную иерархию, не входившую в юрисдикцию предстоятеля РПЦ митрополита Сергия. Особое внимание в работе уделено вопросу подготовки партийного и церковного руководства к проведению Всеправославного собора, который должен был закрепить за Московским патриархом титул Вселенского и упрочить позиции Русской Православной Церкви на мировой арене. В статье формулируется вывод о направленном использовании советским руководством идеологического потенциала РПЦ для поднятия уровня патриотизма граждан. Дается оценка деятельности Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР - координационному звену между советской властью и РПЦ. Отмечается, что благодаря его деятельности

The article examines the directions of the Soviet state confessional policy towards the Russian Orthodox Church, realized in the 40s - early 50s of the 20th century. It is noted that the main reason for the beginning of convergence of religion and power has become a foreign policy factor. In 1941, the USSR negotiated the alliance with the United States and Britain. Authorized representatives of these countries at a meeting in Moscow put forward a condition - to stop the oppression of the Russian Orthodox Church. The article emphasizes the negative impact of Nazi occupation on the Church internal stability. Analyzes the transfer of part of the parishes of Moldova and southern Ukraine under the jurisdiction of the Romanian Patriarchy, the promotion of autocephaly churches in Ukraine and Belarus, activity on the territory of Russia of the clergy of the Russian Orthodox Church Abroad, which had its own hierarchy, is not included in the jurisdiction of the Primate of the Russian Orthodox Church Metropolitan Sergius. Particular attention in the work is paid to question of the preparation of party and church leadership for the holding of the All-Orthodox Council, which was to consolidate over Moscow Patriarch the title of the Ecumenical and strengthen the position of the Russian Orthodox Church on the world arena. The article formulates a conclusion about the directed use by the Soviet leadership the ideological potential of the ROC for raising the level of patriotism of citizens. Assesses the activities of the Council on the affairs of the Russian Orthodox Church at the Council of People's Commissars (CM) of the USSR - the coordination link between the Soviet authorities and the ROC. It is noted that due to council activities, the Church has ceased to be considered exclusively an

Церковь перестала считаться исключительно объектом надзора и обрела положение важного общественного института. На основе рассмотренных материалов делается вывод о том, что причиной ужесточения государственного конфессионального курса явились ограниченные возможности влияния РПЦ на мировую политику.

object of supervision and has acquired the status of an important public institution. On the basis of the materials reviewed, it is concluded that the reason for the tightening of the state confessional course was the limited possibilities for the ROC to influence the world politics.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, конфессиональная политика, Великая Отечественная война, Ближний Восток, Балканы, религия, советская власть

Keywords: Russian Orthodox Church, religious policy, Great Patriotic War, Middle East, Balkans, religion, Soviets

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается активизация сотрудничества государственной власти с традиционными религиозными организациями, что обусловлено постепенным переходом к кооперационной модели конфессиональной политики. В этой связи заметно возрастает интерес к истории становления религиозных объединений, их социальной роли в различные периоды прошлого. Особую дискуссионность имеет тема положения Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы, что связано как с существующими пробелами ее исследования, так и попыткой некоторых авторов переосмыслить военную историю.

В настоящей статье автор преследует цель проанализировать изменение политического положения РПЦ в Советском Союзе в 40-х - начале 50-х годов XX в., выявить его причины и характер.

Изучение положения Православной Церкви в СССР нашло отражение в трудах В. Цыпина, Т.А. Чумаченко, Д.В. Поспеловского [7; 8; 9]. Значительный вклад в осмысление проблемы внес М.В. Шкаровский [10], посвятивший свое исследование деятельности Русской Православной Церкви при Сталине и Хрущеве. Высокую научную ценность имеет труд А.Б. Онищенко, в котором автор анализирует работу Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР в первые годы его существования [6].

В 1939-1940 гг. в состав СССР вошли территории Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Прибалтики, где имелось большое количество православных церквей. Данное обстоятельство вынудило советское руководство несколько ослабить борьбу с религией, поскольку местное духовенство предполагалось использовать для сохранения политической стабильности на присоединенных землях.

Потепление в отношениях между РПЦ и советской властью ярко обозначилось в начале Великой Отечественной войны. Церковь обладала мощными идеологическими рычагами для воодушевления народа на борьбу с врагом. 22 июня патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) составил «Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви», в котором говорилось об антихристианской деятельности фашистов [7, с. 282]. А 3 июля 1941 г. И.В. Сталин в обращении к советским гражданам употребил обычное для верующих приветствие «Братья и сестры!».

Архиереи, произносившие патриотические речи, перестали подвергаться преследованиям. Временно свернул свою деятельность Союз воинствующих безбожников. Высокое патриотическое значение Церкви был вынужден публично отметить главный идеолог атеизма Емельян Ярославский. 2 сентября 1941 г. под псевдонимом «Каций Адамиани» он опубликовал статью, отражающую причины неприятия российскими верующими политики Гитлера. Труд должен был заинтересовать иностранных граждан, в нем высоко оценивалась антифашистская позиция вероисповедных объединений СССР [10, с. 196].

Главной причиной сближения государства и Церкви стал внешнеполитический фактор. В 1941 г. начались переговоры СССР о союзнничестве с США и Англией. Уполномоченные представители этих стран на встрече в Москве выдвинули условие - прекратить притеснения Русской Православной Церкви.

До 1943 г. в советском государстве уверенную позицию занимали обновленцы. В первые годы войны им разрешили возобновить деятельность нескольких десятков храмов и рукоположить в сан новых епископов. Так, во время эвакуации в 1941 г. советские

власти помогли с переездом из Москвы в Ульяновск как руководителю патриаршей Церкви - митрополиту Сергию, так и обновленческому иерарху Александру Введенскому. Однако к 1943 г. И.В. Сталин, решивший использовать авторитет Православия на международной арене, начал уверенно поддерживать патриаршую Церковь. Это привело к постепенному упразднению обновленчества, которое к 1960-м годам практически перестало существовать. Большая часть обновленческого духовенства воссоединилось с Русской Православной Церковью. В это же время упразднился и григорианский раскол [10, с. 183].

На оккупированных землях фашисты, стремившиеся показать преимущества германского режима перед советским, возобновляли работу закрытых храмов, наделяли священников свободой действий. Таким образом они пытались разобщить общины РПЦ с ее руководством. Ярким примером тому может служить передача части приходов Молдавии и юга Украины в ведение Румынского патриархата, а также поощрение автокефалии церквей Украины и Белоруссии. Фашисты приветствовали деятельность на территории России духовенства Русской Православной Церкви Заграницей, имевшего собственную иерархию, не входившую в юрисдикцию предстоятеля РПЦ митрополита Сергия.

Закон о веротерпимости, вышедший 19 июня 1942 г. в Берлине, определил основные направления вероисповедного курса рейха. В первую очередь он предписывал всем религиозным группам, действовавшим на землях Германии, пройти процедуру обязательной регистрации в управлении комиссара дистрикта. Вероисповедным организациям приказывалось ограничивать свою деятельность исключительно религиозными целями. Нарушение этого условия каралось заключением под стражу духовных лиц и упразднением общины. Главными органами контроля над выполнением религиозного законодательства стали особые войсковые подразделения - айнзатцгруппен, которые также занимались искоренением еврейского и других «неполноценных» народов.

Следует отметить, что в среде православного духовенства складывалось различное отношение к фашистскому режиму. Большая часть священнослужителей заняла непримиримую позицию, активно поддерживала партизанские отряды, собирала средства на нужды фронта.

В то же время в некоторых случаях духовенство во имя спасения жизни паствы шло на вынужденное сближение с фашистами. Ярким примером может служить дело митрополита Виленского и Литовского, экзарха Латвии и Эстонии Сергия (Воскресенского), который принял решение в 1941 г. не эвакуироваться из Латвии в Москву. Проявив искусство дипломатии, архиерей смог за три года служения возродить религиозную жизнь в Прибалтике, Псковской и Новгородской епархиях. Деятельность митрополита вызвала противоречивое отношение как советских лидеров, так и германских спецслужб. 28 апреля 1944 г. православный подвижник был убит при невыясненных обстоятельствах.

В марте 1942 г. по разрешению И.В. Сталина в Ульяновске состоялся архиерейский собор, на котором осуждению подверглась деятельность Украинской Автокефальной Православной Церкви. На этом же заседании обсуждалась проблема нехватки духовных лиц, в результате чего были определены новые кандидаты в епископы. Восполнению недостающего количества священников способствовало решение И.В. Сталина освободить из тюрем и лагерей священнослужителей согласно списку, представленному митрополитом Сергием. В результате чего к сентябрю 1943 г. свободу обрели десятки иереев, шесть архиепископов и пять епископов [10, с. 126].

В феврале 1942 г. Московская патриархия возобновила издательскую деятельность. Ею была опубликована книга «Правда о религии в России», вышедшая тиражом 50 000 экземпляров, но имевшая успех, в основном за границей. Также в 1943 г. к печати был подготовлен труд «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война».

Об упрочении позиций РПЦ в Советском Союзе свидетельствовало возвращение в 1943 г. Московской патриархии статуса юридического лица. И.В. Сталин позволил Церкви иметь особый банковский счет, средства которого, формировавшиеся из пожертвований верующих, шли на помощь фронту. В частности, на них было создано 40 танков Т-34.

Накануне Тегеранской конференции, 4 сентября 1943 г., советское руководство в лице И.В. Сталина, Г.М. Малинкова, Л.П. Берии, Г.Г. Карпова провело встречу с иерархами РПЦ - митрополитом Сергием (Страгородским), митрополитом Ленинградским Алексием (Симанским), митрополитом Киевским, Экзархом Украины Николаем (Ярушевичем).

За столом переговоров обсуждались проблемы открытия новых церквей, семинарий, издательство церковной периодики и, разумеется, самая главная тема - избрание Патриарха. 8 сентября 1943 г. в Москве состоялся архиерейский собор, на котором митрополит Сергей был официально назначен предстоятелем Русской Православной Церкви. В это же время прошли выборы в Синод. Участники Собора безоговорочно осудили пособников фашистов, лишили сана иереев, сотрудничавших с германской властью. В сентябре этого же года возобновился выпуск журнала Московской патриархии.

Координационным звеном между советской властью и РПЦ стал Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР, начавший деятельность осенью 1943 г. Таким образом, Церковь перестала считаться исключительно объектом надзора и обрела положение важного общественного института. Новый орган власти позволил иерархам беспрепятственно обращаться за помощью к чиновникам, делать запросы нужных сведений [6]. Председателем Совета был назначен Г. Карпов, занимавший данную должность с 1943 по 1945 гг. и отчитывавшийся по вопросам деятельности ведомства лично заместителю председателя СНК СССР В.М. Молотову. В непосредственном подчинении Г. Карпова находились его заместитель, два члена Совета и ответственный секретарь. Кандидатуры на указанные посты представлялись председателем и утверждались ЦК ВКП(б). На местах работа велась институтом областных уполномоченных по делам РПЦ. В их ведении находились вопросы об открытии новых храмов, регистрации общин и священнослужителей, контроль над исполнением религиозного законодательства гражданами [2, с. 45-51].

Возникновение особого ведомства, сосредоточившего внимание исключительно на делах Русской Православной Церкви, свидетельствует о том, что именно Православию среди прочих религий И.В. Сталин уделял главное внимание. Совет по делам религиозных культов, регулировавший государственное взаимодействие с остальными вероисповедными объединениями, возник несколько позже.

В то же время начало конструктивного диалога между Церковью и советской властью не означало глубокой заинтересованности государства в укреплении церковных позиций и отказ от атеистической пропаганды. Руководство страны стремилось открыть храмы во время военных действий, однако на освобожденных землях церкви нередко закрывались сразу же после изгнания захватчиков. Предлогом служили подозрения иереев и верующих в сотрудничестве с немцами. Сама процедура возвращения прихожанам закрытых храмов требовала времени и поэтому не носила массовый характер.

Ужесточение контроля государства над деятельностью РПЦ стало очевидным во время проведения с 31 января по 4 февраля 1945 г. Поместного собора, основной целью которого являлось избрание нового патриарха после смерти 15 мая 1944 г. Сергия (Страгородского). Новым предстоятелем был назначен митрополит Ленинградский Алексей (Симанский). Однако, помимо основного вопроса, на Соборе по инициативе Совета по делам РПЦ рассматривалось и «Положение об управлении Русской Православной Церкви». Документ предусматривал возможность Совета по делам РПЦ принимать участие в церковном управлении [8, с. 136]. Несмотря на утверждение указанного Положения, к концу 1945 г. РПЦ имела возможность самостоятельно снабжать себя всеми нужными для богослужения предметами, иереи не привлекались на военную службу. Произошли изменения в налоговой сфере, улучшившие экономическое положение РПЦ и других вероисповедных объединений. Собор был призван показать православному сообществу других стран плодотворное сотрудничество советской власти с Московской патриархией. Демонстрация политической и финансовой поддержки РПЦ должна была произвести положительное впечатление на Восточных патриархов и помочь им определиться с политическими приоритетами.

В 1946 г. при содействии РПЦ произошла ликвидация Украинской Греко-Католической Церкви на Западной Украине. Ее приходы перешли к РПЦ, тем самым Святой Престол потерял здесь свое влияние. Авторитет РПЦ активно использовался чиновниками для налаживания взаимодействий с различными патриотическими организациями, с религиозными обществами на Балканах, в Северной Африке, на Ближнем Востоке. РПЦ помогла установить важные контакты с влиятельными лицами в Англии, Канаде и США.

Превращение Русской Православной Церкви во влиятельного игрока на мировой арене требовало поднятие ее авторитета среди других поместных церквей. Для этой цели было решено перехватить инициативу у Константинопольского патриархата, безуспешно пытавшегося с 20-х годов XX в. провести Вселенский Православный собор [1, с. 52-54]. Последний должен был не только дать ответ на назревшие богословские вопросы, но и признать за Константинополем роль центра, объединяющего все православное сообщество. Воспользовавшись удачным политическим моментом, И.В. Сталин совместно с Алексием I решили в 1947 г. устроить всеправославное предсоборное совещание с участием Восточных патриархов, приурочив его к празднованию 500-летия автокефалии РПЦ [4]. На данном мероприятии предполагалось убедить гостей передать титул Вселенского патриарха Алексию I. Следующим шагом должен был стать Вселенский Православный Собор 1948 г. под эгидой РПЦ. Однако данные планы не увенчались успехом, поскольку Константинопольская, Элладская и Кипрская Церкви не отправили своих представителей в СССР [3].

Таким образом, к 1948 г. советскому руководству стало понятно, что Московская патриархия имеет ограниченное влияние на внешнеполитическую ситуацию. Переменам в отношениях с РПЦ также способствовало смещение политических интересов И.В. Сталина в Восточную Европу.

В 1948-1949 гг. вышли новые нормативные документы, определившие важные изменения в работе Совета по делам РПЦ. Указанное ведомство было напрямую подчинено Отделу пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), что отрицательно сказалось на его статусе [9, с. 125].

С 1948 г. РПЦ практически не возвращались церкви, местные руководства стремились отклонять просьбы верующих. В 1949 г. под запрет попали богослужения, проводившиеся вне культовых зданий. Исключение составили пасхальные службы. Запрещалось проводить крестные ходы, ограничивались поездки священнослужителей по населенным пунктам. Коммунисты и комсомольцы, участвовавшие в церковных обрядах, осуждались и подвергались дисциплинарным взысканиям.

В 1948 г. последовали притеснения священнослужителей, хотя и не такие масштабные, как в 1920-1930-е годы. В частности, в распространении антисоветских идей был обвинен епископ Мануил (Лемешевский). Из ссылки в Потемских лагерях Мордовской АССР архиерей вернулся только в 1955 г. [5, с. 101-102]. В заключение попали некоторые лекторы и студенты духовных семинарий. В 1948-1949 гг. массовые аресты коснулись мирян и священников катакомбных православных общин, обособившихся от РПЦ по причине ее сотрудничества с советскими властями.

В 1950 г. призыву в армию стали подлежать студенты духовных учебных заведений, не рукоположенные в священнический сан. Под давлением Совета по делам РПЦ Патриарх издал указ, запрещавший монастырям принимать в обители новых лиц, не имеющих патриаршего благословения. В 1951 г. для религиозных объединений были подняты налоги, кроме того, РПЦ обязали выплатить долги за предыдущие два года.

Указанная политика привела к тому, что к 1953 г. в Советском Союзе насчитывалось 13 555 официально зарегистрированных храмов и молитвенных домов, причем 120 из них использовались в качестве зернохранилищ. Число иереев уменьшилось до 12 254, монастырей - до 62 (за 1951 г. закрылось 8 обителей), в монастырях проживало 4 639 монахов и послушников [10, с. 346].

Таким образом, главными причинами, определившими изменение отношения советского руководства к Русской Православной Церкви в 40-х - начале 50-х годов XX в. стали внутривластные и внешнеполитические факторы. Государственная власть нуждалась в идеологическом потенциале РПЦ для поднятия уровня патриотизма, утверждения в народе веры в скорую победу над врагом. Церковь должна была сыграть роль медиатора между западными странами и СССР, стать проводником политического влияния руководства страны на Ближнем Востоке и Балканах. Поняв после окончания Великой Отечественной войны ограниченные возможности Церкви влиять на мировые политические процессы, И.В. Сталин начал свертывание программы сотрудничества, что привело к ухудшению положения РПЦ в советском государстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и II Ватиканский Собор. Факты. События. Документы. - М.: Лепта, 2004.
2. Гераськин Ю.В. Возникновение и становление института уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР // Известия Алтайского государственного университета. - 2008. - № 4.
3. Гусев А. История подготовки Всеправославного собора / [Электронный ресурс] - URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/istoriya-podgotovki-vsepravoslavnogo-sobora> (дата обращения: 23.10.2017).
4. Деяния совещания глав и представителей автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. 8-18 июля 1948 г. / [Электронный ресурс] - URL: http://krotov.info/history/20/1940/1948_01.htm (дата обращения 27.10.2017).
5. Кривошеева Н.А., Королева Е.Н. Роль епископа Мануила (Лемешевского) в разгроме обновленчества в Петрограде // Вестник ПСТГУ. - 2009.- Вып. 2.
6. Онищенко А.Б. Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР. Первые годы существования // Богослов.RU Научный богословский портал / [Электронный ресурс] - URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1415465.html> (дата обращения: 22.10.2017).
7. Пospelовский Д.В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. - М.: ББИ, 1996.
8. Цыпин В. История русской православной Церкви. 1917-1990. М.: Изд-во Преображенского монастыря, 1997.
9. Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941-1961 гг. - М. : АИРО-XX, 1999.
10. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. - М.: Вече, Лепта, 2010.

REFERENCES

1. Vasil'eva O.Yu. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' i II Vatikanskiy Sobor. Fakty. Sobytiya. Dokumenty. M.: Lepta, 2004.
2. Geras'kin Yu.V. Vozniknovenie i stanovlenie instituta upolnomochennykh Soveta po delam Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi pri Sovete Ministrov SSSR. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 4.
3. Gusev A. Istoriya Podgotovki Vsepravoslavnogo sobora. Available at: URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/istoriya-podgotovki-vsepravoslavnogo-sobora> (accessed: 23.10.2017).
4. Deyaniya soveshchaniya glav i predstaviteley avtokefal'nykh Pravoslavnykh Tserkvey v svyazi s prazdnovaniem 500-letiya avtokefalii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. 8-18 iyulya 1948 g. Available at: URL: http://krotov.info/history/20/1940/1948_01.htm (accessed: 27.10.2017).
5. Krivosheeva N.A., Koroleva E.N. Rol' episkopa Manuila (Lemeshevskogo) v razgrome obnovenchestva v Petrograde. Vestnik PSTGU. 2009. Vyp. 2.
6. Onishchenko A.B. Sovet po delam Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi pri SNK (SM) SSSR. Pervye gody sushchestvovaniya. Bogoslov.RU Nauchnyy bogoslovskiy portal. Available at: URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1415465.html> (accessed: 22.10.2017).
7. Pospelovskiy D.V. Pravoslavnaya tserkov' v istorii Rusi, Rossii i SSSR. M.: BBI, 1996.
8. Tsypin V. Istoriya russkoy pravoslavnoy Tserkvi. 1917-1990 [Tekst]. M.: Izd-vo Preobrazhenskogo monastyrya, 1997.

9. Chumachenko T.A. Gosudarstvo, pravoslavnaya tserkov', veruyushchie. 1941-1961 gg. M.: AIRO-KhKh, 1999.
10. Shkarovskiy M.V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke. M.: Veche, Lepta, 2010.

Информация об авторах:

Письменная Татьяна Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и методики ее преподавания, факультет экономики, истории и права, Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани, Россия
pismennayat@mail.ru

Рябиков Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и методики ее преподавания, факультет экономики, истории и права, Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани, Россия
riybicov@mail.ru

Гречишко Дмитрий Николаевич, канд. ист. наук, доцент, кафедра истории и методики ее преподавания, факультет экономики, истории и права, Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани, Россия
me_eum_esse@mail.ru

Емельянов Юрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и методики ее преподавания, факультет экономики, истории и права, Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани, Россия
emelanov@list.ru

Получена: 08.11.2017

Для цитирования: Письменная Т.Г., Рябиков А.Н., Гречишко Д. Н., Емельянов Ю.Н. К вопросу об изменении политического положения русской православной церкви в СССР в 40-х - начале 50-х гг. XX в. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.88-94.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-88-94.

Information about the authors:

Tatiana G. Pismennaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Methods of Teaching, Faculty of Economics, History and Law, Kuban State University (Branch in Slavyansk-on-Kuban), Slavyansk-on-Kuban, Russia
pismennayat@mail.ru

Alexander N. Ryabikov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Methods of Teaching, Faculty of Economics, History and Law, Kuban State University (Branch in Slavyansk-on-Kuban), Slavyansk-on-Kuban, Russia
riybicov@mail.ru

Dmitriy N. Grechishko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Methods of Teaching, Faculty of Economics, History and Law, Kuban State University (Branch in Slavyansk-on-Kuban), Slavyansk-on-Kuban, Russia
me_eum_esse@mail.ru

Yury N. Yemelyanov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Methods of Teaching, Faculty of Economics, History and Law, Kuban State University (Branch in Slavyansk-on-Kuban), Slavyansk-on-Kuban, Russia
emelanov@list.ru

Received: 08.11.2017

For citation: Pismennaya T.G., Ryabikov A.N., Grechishko D.N.
Yemelyanov Yu.N. To the question of changing the political situation of the Russian orthodox church in the USSR in the 40s - early 50s of the 20th century. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.6 Part. 1. Pp. 88-94.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-88-94. (in Russian)

УДК 94(470)

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-95-103

РОЖКОВ Александр Юрьевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
avro14@mail.ru

Alexander Yu. ROZHKOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
avro14@mail.ru

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЮНОГО
АРЕСТАНТА ОГПУ (КРАСНОДАР, 1928 г.)**

**EMOTIONAL EXPERIENCES OF THE YOUNG MAN
PRISONER OF OGPU (KRASNODAR, 1928)**

В статье представлен опыт междисциплинарного анализа индивидуальных эмоций юноши, попавшего в экстремальную ситуацию (тюрьму) в конце 1920-х годов. Работа основана на автобиографических нарративах Георгия Синдаровского, написанных в одиночной камере ОГПУ. Статья подготовлена в теоретических рамках культуральной истории эмоций. Методологический подход автора статьи сочетает концепцию К. Изарда о сложных эмоциональных комплексах в критических жизненных ситуациях с исследовательской «оптикой» культуральной истории эмоций. Подробно исследуются эмоциональный репертуар, особенности эмоционального кодирования, природа эмоциональных страданий арестанта. Автобиографические тексты Синдаровского анализируются в методологических рамках интерпретативного подхода. Применение методики кодирования данных по А. Страуссу позволило выявить «осевую» категорию «одиночество», пронизывающую оба текста. Работа структурно содержит два плана выражения чувств Синдаровского: автобиографические реминисценции в эмоционально окрашенных тонах и эмоциональные переживания тюремной реальности «здесь и сейчас». Судя по нарративам Синдаровского, отображенные в них эмоции были обусловлены как внутренними интенциями его личности, так и важными для него внешними обстоятельствами. Вместе с тем остается неясным, были ли его меланхолические реминисценции чрезмерно омрачены контекстом одиночной камеры ОГПУ или он вполне аутентично реконструировал палитру реальных переживаний в дотюремный период. Синдаровский предстает перед нами как чувствительная натура, человек с высоким уровнем эмоциональной компетентности, выходец из образованного сословия, воспитанный на «публичных образах чувствования» (Клиффорд Гирц).

Experience of the interdisciplinary analysis of individual emotions of the young man who got to an extreme situation in the late 1920s is presented in article. This paper is based on the autobiographical narratives of Georgy Sindarovsky, who wrote it being in a solitary confinement of OGPU. The article is composed in accordance with the theoretical framework of the cultural history of emotions. Author's methodological approach combines Carroll Izard's concept about difficult emotional complexes in critical life situations with research "optics" of cultural history of emotions. The prisoner's emotional range, his features of emotional coding and the nature of the emotional suffering are particularly explored in the article. Sindarovsky's texts are analyzed in the methodological framework of the interpretative approach. The employment of the data coding technique by A. Strauss makes it possible to identify the "axial" category of "loneliness" that enters both texts. The work contains two kinds of Sindarovsky's feelings: emotionally colored autobiographical reminiscences on one side and emotional experiences of prison reality "here and now" on the other. According to Sindarovsky's narratives, his emotions were due to inner intentions of his personality and significant to him external circumstances. At the same time, it remains unclear whether his melancholic reminiscences were due to context of the single cell of the OGPU or he quite authentically reconstructed the set of real experiences during the pre-war period. Sindarovsky appears as sensitive nature, the person with the high level of emotional competence, the native of educated estate who was brought up on "public images of sentiment" (Clifford Geertz).

Ключевые слова: эмоциональный поворот, история эмоций, эмоциональные переживания, базовые эмоции, автобиографические нарративы

Keywords: emotional turn, history of emotions, emotional experiences, basic emotions, autobiographical narratives

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-01-00239а «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920-1930-х годов в ракурсе культурной истории эмоций».

Acknowledgement. The research was carried out with the financial support of the Russian Research Foundation in the framework of the research project No. 14-01-00239a "Feelings under control: the daily life of the provincial city of 1920-1930 in the perspective of the cultural history of emotions".

С 1980-х годов в западной социогуманитаристике наметился так называемый «эмоциональный поворот» ("emotional turn"). Если прежде эмоции изучались в биологическом

аспекте и являлись исследовательской прерогативой психологов, эволюционистов и физиологов, то в конце 1980-х стали появляться работы, в которых эмоции рассматриваются как культурно и исторически обусловленные величины. Примерно в этот же период «эмоциональный бум» затронул философию, литературоведение, музыковедение, социологию, культурную антропологию, культурную историю и т.д. [1, с. 11-20]. Антрополог Э. Ричард Соренсон подверг сомнению универалистскую концепцию Пола Экмана о всеобщем внешнем выражении эмоций, на которой зиждется популярная теория «базовых» эмоций. Выводы социального конструктивиста Сары Торлоу дают основание рассматривать эмоции не только как область человеческой психики, но и как явления «неограниченные, существующие только в культурных значениях, особые в каждой культуре, и способные на изменения или исчезновения во времени» [2, р. 7-9].

Методологические подходы и источники

Исследователи эмоций нередко рассматривают их как дискретные состояния, в результате чего в психологической научной литературе переживания людьми десяти «базовых» эмоций (интереса, радости, удивления, печали, гнева, отвращения, презрения, страха, стыда, вины), а также иных эмоциональных состояний описываются дифференцированно. Между тем Кэррол Изард справедливо полагает, что в жизни каждого человека бывают «критические жизненные ситуации», когда он одновременно переживает *сложный комплекс* эмоций. При этом одна эмоция может мотивировать его совершать одни поступки, а другая побуждает к противоположным мыслям и действиям. Чем более экстремальна ситуация, в которой оказался индивид, тем более сложным является его эмоциональный комплекс, поскольку у человека заметно усложняется организация перцептивных и когнитивных процессов, становится неоднозначной стимуляция, воздействующая на него из окружающей среды и социального пространства [3, с. 60-63]. Под «индивидуальными эмоциями» мною понимается «конкретное чувство, владеющее индивидом... или проявляющееся в его действиях» [4, р. 116].

Бесспорно, к числу наиболее экстремальных жизненных ситуаций относится тюремное заключение. Поэтому идея Изарда о сложном эмоциональном комплексе показалась мне концептуально продуктивной для изучения двух автобиографических текстов, написанных 21-летним студентом Георгием Синдаровским в мае 1928 г. в одиночной камере № 4 Кубанского окружного отдела ОГПУ.

Первый источник представляет собой машинописную копию автобиографического рассказа Синдаровского «Моя жизнь». Второй документ - машинописная копия письма Г. Синдаровского начальнику Кубанского окружного отдела ОГПУ С.Н. Миронову. Между написанием первого и второго текстов прошло примерно 7-8 дней. Если первый текст больше соответствует хронологически выстроенной рефлексивной автобиографии, то второй нарратив представляет собой типичную исповедь, рассказание психологически надломленного человека. Складывается впечатление, что во втором тексте автор был менее свободен в выстраивании повествования и вынужденно следовал заданной кем-то извне логике рассказа. Несмотря на эти различия, в обоих текстах обнаруживаются две основные стороны автобиографии как жанра - исповедальная и оправдательная [5, с. 17].

Автобиографические тексты Синдаровского анализируются мною в методологических рамках интерпретативного подхода. Применение методики кодирования данных по А. Страуссу [6] позволило выявить «осевую» категорию «*одиночество*», пронизывающую оба текста. В ракурсе культуральной истории эмоций нас будут интересовать не столько биологические аспекты эмоций Синдаровского, сколько его эмоциональный репертуар, особенности эмоционального кодирования, природа эмоциональных страданий и т.д. В обоих нарративах заметны два плана выражения чувств: автобиографические реминисценции в эмоционально окрашенных тонах и эмоциональные переживания тюремной реальности «здесь и сейчас». Каждому из этих планов отведена структурная часть работы.

Эмотивные реминисценции

Периоду, когда на свет появились оба нарратива Синдаровского, предшествовала цепь драматических событий [7]. В конце января 1928 г. он был арестован по обвинению (весьма спорному) в соучастии в убийстве при попытке группового изнасилования Зинаиды Крыловой. Вскоре обвинение было перекалфицировано на статью 59-3 УК РСФСР (бандитизм), и суд приговорил Синдаровского к расстрелу. Однако Верховный суд отменил приговор и назначил ему 10 лет лишения свободы. После массового протеста студентов против расстрельного приговора делом Синдаровского заинтересовалось ОГПУ, которое предъявило ему обвинение в руководстве «контрреволюционной» организацией молодежи «Антипартийный комитет». В этот момент Георгий и пишет свои нарративы.

В ракурсе данного исследования интерес вызывает не насыщенная событиями фактографическая канва нарративов Синдаровского, а его эмотивные ретроспекции. Под эмотивом, эмотивным здесь понимается речевой акт или иной способ выражения (описания) эмоции, в отличие от самой эмоции как реакции на внутреннее или внешнее воздействие и эмоционального, вызываемого эмоциями [8, p. 128].

О самом авторе нарративов известно немного. Георгий Синдаровский родился в Киеве в 1906 г. в семье будущего председателя Нежинской Земской управы, выходца из черниговского дворянского рода. Мать Георгия преподавала в гимназии. У него был старший брат Николай 1905 года рождения. Сам Георгий на момент ареста считался успешным студентом 2-го курса Кубанского сельхозинститута. Его детство совпало с крутыми поворотами российской истории. Когда он пошел в школу, началась Первая мировая война, затем Гражданская. *«Я видел всю кровь Гражданской войны, слышал и чувствовал канонаду, разрывы снарядов, наступление одних и отступление других»* [Архив УФСБ по Краснодарскому краю (далее - АУФСБ КК), Д.П-71049, Л.2, 55 об.], - в таких ужасающих красках Георгий описывает свои переживания того времени. После революции его семье пришлось сменить три места жительства, перебираясь из Киева вначале в Ростов-на-Дону, затем в Екатеринодар. Вероятно, постоянная бытовая неустроенность эмоционально отразилась на его детской психике. Синдаровский ни разу в автобиографии не помнит добрым словом хозяев арендованных квартир: *«Я слышал очень частые упреки со стороны хозяев, порой переходящие в озлобление. <...> Я начинаю не доверять им с каждым днем сильнее. Я прямо становлюсь человеконенавистником...»* [АУФСБ КК, Д.П-71049, Л.56-56 об.].

Воспоминания Синдаровского о своих детских лишениях можно интерпретировать как базовую эмоцию *печали* в паттерне эмоций *«горе-печаль-страдание»*. Эмоция печали переживается Синдаровским как грусть, уныние, хандра. Но это не печаль от утраты кого-то из близких людей. Скорее всего, данная эмоция ретроспективно переживается Георгием как ощущение печали от несостоявшегося детства, прерванного войной, революцией, голодом, тифом, вынужденной миграцией, от потери тепла семейных отношений. Переживания Георгием печали включают в себя комплекс чувств, обычно сопровождающихся конкретными образами, мыслями, воспоминаниями [9, с. 199]. В воспоминаниях о съемных квартирах обнаруживаются устойчивые эмоциональные интеракции *«печаль-гнев»* и *«печаль-отвращение-презрение»*. Эти эмоции срастаются в детской памяти Георгия в так называемую *«враждебную триаду»* (*гнев-презрение-отвращение*) [10, с. 240]. Даже годы спустя он испытывал чувство затаенной ненависти, желания отомстить своим хозяевам. Одновременно с этим у него активизируется чувство жалости к себе (*«саможалость»*), обостренное чувствами пустоты и одиночества.

Воспоминания Синдаровского о своих близких порой воспринимаются как тактика поведения с целью отмежевания от своей семьи как «бывших людей». Буквально с первых строк нарратива «Моя жизнь» Георгий утверждает, что он не родной сын для своих родителей: *«Я совершенно случайно в одной из бумажек <...> узнаю, что я не сын своих родителей. <...> Я теперь почувствовал себя вполне одиноким и все обстоятельства до этого очень способствовали подобному настроению»* [АУФСБ КК, д. П-71049, л. 57 об.]. Эту же версию Георгий развивает, когда пишет о своем брате, с которым у него с детства якобы не сложились отношения: *«В то время как брат располагал всем тем, что могли ему*

дать - я не имел этого. <...> У меня даже явилась ненависть к брату за то, что [он] мог чувствовать себя таким свободным. Это окончательно меня бесило...» [АУФСБ КК, Д.П-71049, Л.56 об.-57]. Был ли он действительно приемным сыном и какими были его отношения с братом, установить не удалось. Вполне возможно, что он, как человек начитанный, использовал сюжет романа Ф.М. Достоевского «Подросток» для конструирования ложной автобиографии, чтобы спасти свою семью и себя от преследований ОГПУ. Чувства Георгия к брату, возможно, относятся к типу эмоционально сложных братско-сестринских отношений между детьми в одной семье, обозначаемому как «любовь и ревность». Но не исключено, что юный арестант искусно «прикрывал» брата своими надуманными упреками. Описывая историю своей жизни, арестант Синдаровский не мог не понимать, кому адресованы его тексты и как следует излагать автобиографию с максимальной выгодой для себя. Следовательно, резонно предположить, что он хотел таким способом вызвать вполне понятные жалость и снисхождение к себе со стороны следователя.

Синдаровский репрезентирует свои переживания по поводу стигматизации его сверстниками, что якобы превратило его в изгоя с ранимой и сверхчувствительной натурой: «Я был все время совершенно одиноким и никому никогда не высказывал своих чувств, своих настроений. <...> я стал очень чувствительным не только к оскорблениям, но и к насмешкам <...> Обыкновенный смех, шепот я принимал на свой адрес и при малейшем предположении о подозрении других - стал краснеть» [АУФСБ КК, д. П-71049, л. 2, 56]. Свой аутсайдерский статус в школе Георгий объясняет в основном физическим несовершенством и тяжелым материальным положением семьи. Можно предположить, что этими самоуничижительными характеристиками Георгий пытался убедить чекистов, что он не мог быть ни убийцей и насильником, ни тем более организатором подпольной группы.

В эмоциональном аспекте эти автохарактеристики Синдаровского можно трактовать как переживание им базовых эмоций *смушения и стыда*, со временем ставших основными в его эмоциональном репертуаре. Эти эмоции у Георгия связаны с переживанием обиды, собственной несостоятельности, неловкости, что неизбежно сказывалось на его социальном взаимодействии. С другой стороны, в исповеди Георгия иногда обнаруживаются фундаментальные эмоции *презрения и отвращения*, прежде всего к самому себе, а также к окружающим. Складывается впечатление, что он одновременно зол на собственную замкнутость и недоволен действиями других людей, не способных понять его своеобразную натуру. Вероятно, так можно интерпретировать постепенно развивавшуюся у него *печаль*, канализированную в эскапизм, стремление погрузиться в воображаемый мир грез или реальный мир природы. Возможно, его действия стоит понимать в той же логике, что и признание ученого Роберта Бёртона из Оксфорда: «Я пишу о меланхолии, будучи занят тем, чтобы избежать меланхолии» [11, р. 23].

Эти пассажи в текстах Синдаровского указывают на схожесть его личности с «обидчиво-подозрительным» типом одиноких юношей, описанным психологами в 1920-е годы. Одиночество данного типа они связывали с «известными физиологическими переживаниями» переходного возраста [12, с. 132]. Судя по нарративам, Георгий с детства приучался скрывать обиду, принимать благополучный вид, чтобы не вызвать дополнительных насмешек. Такая тактика эмоционального сдерживания, контроля над своими эмоциями (я бы назвал ее «эмоциональной мимикрией») свидетельствует о высоких адаптивных способностях Синдаровского.

Эмоции в контексте тюрьмы

«Один, как всегда один. Даже сейчас в камере один» [АУФСБ КК, Д.П-71049, Л. 67, 72], - сообщает о себе арестант Синдаровский. Как заметил Мишель Фуко, одиночество арестанта располагает к размышлениям и угрызениям совести. Чем больше заключенный способен к рефлексии, тем сильнее, по мнению Фуко, он *чувствует* себя виновным в преступлении, и чем живее его раскаяние, тем *болезненнее* для него будет одиночество [13, с. 346].

Верна ли эта теория в отношении Синдаровского? С одной стороны, действительно,

в текстах Георгия явно обнаруживаются признаки угрызений совести, выражения эмоций *стыда и вины*. Он искренне переживает смерть девушки, принимает на себя определенную долю вины за этот трагический финал, не хочет навредить другим фигурантам по уголовному делу. Одновременно с этими переживаниями Георгий стыдится и своих прежних негативных представлений о «всесильном и кровавом ГПУ», в чем с нескрываемым оттенком *вины* признается чекисту Миронову: «*Когда тов. Евдокимов говорил о... Шахтинском деле, я понимал его, мне было до слез стыдно своего поступка <...> в ГПУ я не увидел <...> рыскающих, рвущих на части людей*» [АУФСБ КК, Д.П-71049, Л.71-72].

Вместе с тем не совсем понятна самоидентификация Георгия по инкриминируемым ему двум преступлениям. Формально называя себя преступником, он очень путанно излагает состав своего «преступления», что оставляет впечатление о нем как о человеке «без вины виноватом», не понимающем истинных причин стигматизации его как убийцы, насильника и контрреволюционера. Ярлык контрреволюционера, с одной стороны, слишком оскорбителен для него, поскольку свои идеи и поступки он интерпретирует в логике Февраля 1917, в системе представлений об идеальной модели советской власти. С другой стороны, этот ярлык оказывается для него предпочтительнее позорной стигмы «чубаровца». Показательно, что отношение к своим «преступлениям» он описывает отнюдь не в покаянной модальности. Даже признание в убийстве Зины Крыловой сформулировано им весьма туманно: «*Факт, сам факт - есть убийство. А с другой стороны и нет <...> Я безусловно виновен в нем, хотя физическим или духовным убийцей не был. Я был там, знал, как и другие, следовательно, не менее виноват в нем*» [АУФСБ КК, Д.П-71049, Л. 60, 70-71].

Вот эта неопределенность в своем статусе и роли преступника, загадочная формулировка «и да, и нет» наталкивают на предположение о том, что многое из того, что было вменено Синдаровскому на следствии и на суде по делу об убийстве Крыловой, на самом деле далеко от действительности. Как юноша с чувственной, рефлексивной натурой, Георгий признает *факт* убийства, ибо девушка оказалась мертва. Для него это неоспоримо. Но он тут же отвергает версии о своей роли в преступлении, утверждая, что ни физическим, ни духовным убийцей он не был. Он просто *был там*, значит - виновен в том, что там произошло. Но самое главное, что вытекает из этих строк Синдаровского - его отвержение обвинения в преднамеренности убийства Крыловой. Если это действительно так, тогда разваливается вся конструкция обвинения Синдаровского и его товарищей в организации убийства Крыловой по версии устранения опасного для их «нелегальной организации» свидетеля. В таком случае под сомнение попадает вся схема контрреволюционного заговора, тесно связанная в один узел с сюжетом о «спланированном» убийстве девушки. Одна эта оговорка Синдаровского разваливает все его многостраничные «признательные» показания на допросах в ОГПУ.

Почему же тогда Георгий пишет об этом полунамеками? Ответ представляется вполне очевидным, если учитывать его зависимое положение арестанта и психоэмоциональное состояние («*за все время это я так устал, так истрепался*»). Тем более еще за месяц до написания этих строк он жил в психическом напряжении от ежеминутного ожидания расстрела: «*Что я за это время переживал, перенес. <...> Я помимо всего чувствовал какую-то прибитость. <...> А высшая мера, она совсем переполнила края. <...> Не могу описать переживания. Их сказать только можно. Чересчур разнообразны и сложны были они. <...> Мне было жаль и других, и себя. Что с того, что я... понял ошибки свои. Не могу же я их исправить скоро. Когда это будет - через каких-то 10-15 лет, а не то и 20 лет. Мысль об этом наводит ужас. Она гнетет*» [АУФСБ КК, Д.П-71049, Л. 67, 70-71].

Здесь мы наблюдаем переживание Георгием *страха*, переходящего в сложный эмоциональный паттерн *тревоги* вкупе с *печалью* и *одиночеством*. Он будто теряет чувство защищенности, ощутив нависшую угрозу смерти или длительного заключения. Эти переживания напоминают известный эффект «*туннельного восприятия*», когда страх ограничивает восприятие, мышление и свободу поведения человека [14, с. 311]. Судя по вышеприведенным строкам, мы можем только догадываться, какое психологическое давление оказывалось на Георгия сотрудниками ОГПУ. Прав был Фуко, отмечая, что «изоляция

обеспечивает разговор с глазу на глаз между заключенным и воздействующей на него властью» [15, с. 347]. Вероятно, именно «задушевный» разговор тет-а-тет с чекистским руководством (Г.Е. Евдокимовым и С.Н. Мироновым) психологически надломил его. Ведь таких длительных сроков заключения (15-20 лет), о которых пишет Синдаровский, тогда в УК не существовало [16, с. 34]. Вероятно, чекисты пригрозили Георгию простым сложением двух максимальных сроков заключения по 10 лет за оба «преступления», пытаясь добиться «признательных» показаний. Возможно, последующее осознание этого обмана и спровоцированного им самооговора еще больше травмировало психику юного арестанта.

Косвенным подтверждением состояния полной душевной надломленности Георгия являются его признания Миронову в суицидальных намерениях: *«Я не вижу смысла дальше быть, существовать. Быть прегражденным решеткой, от всего, быть заплеванным, испачканным. <...> Не чувствую охоты жить. К чему. Мало пожил, но что же. Сам виноват. <...> мои нервы не выдержали бы и я бы разревелся, как ребенок. Мне это стыдно, не могу. <...> Я смотрю на еду уже 9-й день и не беру ничего абсолютно. <...> Передо мной и хлеб, и колбаса, и суп, но сдерживаюсь и вчера, а сегодня еще больше чувствую какой-то шум и темнота. <...> Поневоле мысль пришла к самоубийству... Жалею и больно»* [АУФСБ КК, Д.П-71049, Л.71-72]. Это были последние слова Георгия в письме чекисту Миронову. В них отчетливо видно депрессивное настроение Синдаровского. Не желая дальше жить и не найдя в одиночной камере ОГПУ другого способа совершить суицид, он решил покончить с жизнью путем голодовки.

Важно заметить, что в концепции дифференциальных эмоций депрессия трактуется как «сложный паттерн базовых эмоций, включающих в себя, прежде всего, эмоцию печали, а также различные комбинации гнева, отвращения и презрения..., эмоции страха, вины и смущения. Кроме того, учитывается роль других аффективных факторов, таких как снижение сексуального интереса, повышенная утомляемость и ухудшение физического самочувствия» [17, с. 238]. Все вышеперечисленные компоненты сложного эмоционального состояния Синдаровского в той или иной мере обнаруживаются в текстах его жизнеописания, особенно в письме Миронову. Между тем всего несколькими страницами ранее (очевидно, написанными в более спокойной эмоциональной фазе) Георгий прямо противоположным образом относился к идее самоубийства, критикуя своих товарищей за бессмысленность такого исхода. Что же привело к таким резким переменам в витальных установках Синдаровского? Внезапное осознание целенаправленности и осмысленности своего ухода из жизни? Желание демонстративно доказать чекистам свою непричастность к преступлениям? Стремление вызвать у них жалость? Или это попытка банального шантажа? Попытка громко заявить общественности из застенков ОГПУ о себе как о праведном великомученике? К сожалению, нам никогда не узнать истинных мотивов Георгия. Однако обратим внимание на сам факт его девятидневной голодовки и связанные с ней эмоционально-психические последствия.

Питирим Сорокин в фундаментальном труде «Голод как фактор» описывает комплексные изменения, происходящие в организме голодающего человека. Он отмечает, что при голодании падает температура тела, ослабевает работа сердца, дыхание становится поверхностным и слабым, меняются выделительные процессы, исчезает жир, атрофируется ряд мышц, нарастает усталость, утрачивается память, понижаются когнитивные способности, изменяется морфологический состав крови (снижение лейкоцитов), что в итоге ведет к ослаблению иммунитета и последующему летальному исходу. Сорокин говорит о прямой корреляции голода и роста самоубийств, объясняя это тем, что «голод лобовой атакой аннулирует все защитные рефлексы, подавляет волю к жизни» [18, с. 81-82, 94-115, 159-160]. Некоторые современные исследователи связывают прямую понижение содержания лейкоцитов в крови с нарастанием депрессии и ростом самоубийств [19].

Не менее значимы в контексте нашего исследования комплексные деформации в области самоощущений голодающего человека и изменения в его чувственно-эмоциональной сфере, описанные Сорокиным: «Если абсолютное голодание продолжает-

ся более двух-трех дней или длительное относительно-дефицитное голодание весьма дефицитно, то *субъективные ощущения принимают новый оттенок: специфическое чувство голода исчезает или, вернее, растворяется в общей массе мучительных ощущений, которые в совокупности придают новый "аккорд" жизне- и самоощущению*; этот аккорд состоит из смеси таких ощущений, как слабость, тупая боль в голове, суставах и во всем теле, "ощущение пустоты", отсутствие эмоций, временами сонливость, тошнота, головокружение, погружающих в итоге в *состояние апатии, безразличия, тусклой безжизненности*, временами прерываемой разрядом *раздражительности, вспышкой гнева*, быстро тонущей снова в этом море апатии. С продолжением голодания в ряде случаев начинают появляться бредовые состояния, ясность сознания мутнеет, наступает "голодный психоз", короче говоря - душевная жизнь резко расстраивается» [20, с. 90. Курсив П.А. Сорокина. - А.Р.].

Резонно предположить, что письмо Миронову Георгий писал несколько дней с перерывами, постепенно приближаясь к пику голодной депрессии. Тональность этого письма местами сильно отличается от первого текста. Это свидетельствует о происшедших изменениях в личностных чертах Синдаровского. Во-первых, отмечено снижение уровня интеллекта автора, что совпадает с описаниями Сорокиным последствий голода. Во-вторых, снизился уровень его необычности (мир для Георгия стал более заурядным, и, возможно, он понял, что чекистов не интересуют оригинальные черты его личности). В-третьих, стал явно заметен рост раздражительности (мир для него стал более агрессивным, психоэмоциональное состояние вследствие голодовки стало резко ухудшаться). Наконец, в письме Миронову наблюдается рост доминантности, экстраверсии, деятельности, правдивости и независимости (вероятно, чувствуя приближение конца своей жизни, он решил откровенно поделиться с чекистами некоторыми своими чувствами и оценками ситуации). Следует понимать, что у Синдаровского не было никакой уверенности в том, что безапелляционное отклонение предъявленных обвинений не навредит ему, уже пережившему один суд и смертный приговор, находившемуся полгода в тюремных застенках. Поэтому, вероятно, он и выбрал тактику кажущегося очевидным признания в преступлении с малозаметными оговорками, эмоционально окрашенными отступлениями, расставляя в разных местах плотной ткани «признательного» текста едва уловимые знаки своей невиновности. Вопрос в том, *для кого* он расставлял эти знаки?

Итак, подведем итоги. Попавший в экстремальную ситуацию юноша Георгий Синдаровский в своих нарративах стремился подробно рассказать о себе и посредством сложного комплекса эмотивов вызвать вполне понятное в его ситуации сочувствие у сотрудников ОГПУ. Его рефлексия, местами наивная и запутанная, характерна для юношеского возраста, что отмечал М.М. Рубинштейн: «...юный человек склонен окутывать эти свои переживания довольно непроницаемой завесой, а главное - он при всем своем желании не мог бы и передать многого с достаточной надежностью» [21, с. 5-6]. Судя по нарративам Синдаровского, отображенные в них эмоции были обусловлены как внутренними интенциями его личности, так и важными для него внешними обстоятельствами. Вместе с тем остается неясным, были ли его меланхоличные реминисценции чрезмерно омрачены контекстом одиночной камеры ОГПУ или он вполне аутентично реконструировал палитру реальных переживаний в дотюремный период. Георгий предстает перед нами как чувствительная натура, человек с высоким уровнем эмоциональной компетентности, воспитанный на «публичных образах чувствования» (Клиффорд Гирц), прежде всего на классической литературе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Плампер Я. Эмоции в русской истории / Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. - М., 2010. - С. 11-36.
2. Rosenwein B. Problems and Methods in the History of Emotions // Passions in Context I. - 2010. - № 1. - Рр. 2-32.
3. Изард К.Э. Психология эмоций. - СПб., 2006.

4. Young G. Emotions, Contentious Politics, and Empire: Some Thoughts About the Soviet Case // *Ab Imperio*. - 2007. - № 2. - Pp. 113-151.
5. Безрогов В.Г., Кошелева О.Е., Мещеркина Е.Ю., Нуркова В.В. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. - М., 2001.
6. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. - М., 2007.
7. Рожков А.Ю. Кубанская молодежь и ОГПУ: «Дело Синдаровского» (Опыт микроисторического исследования) / Другие времена. - Краснодар, 2004. - С. 188-213.
8. Reddy W. The Navigation of Feeling. A Framework For the History of Emotions. - Cambridge, 2001. - 380 p.
9. Изард К.Э. Указ. соч. - С. 199.
10. Изард К.Э. Указ. соч. - С. 240.
11. Rosenwein B. Op. cit. - P. 23.
12. Рубинштейн М.М., Игнатъев В.Е. Психология, педагогика и гигиена юности. - М., 1926.
13. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. - М., 1999.
14. Изард К.Э. Указ. соч. - С. 311.
15. Фуко М. Указ. соч. - С. 347.
16. Ганин А.А. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. в вопросах и ответах. - М., 1927.
17. Изард К.Э. Указ. соч. - С. 238.
18. Сорокин П.А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. - М., 2003.
19. Что еще есть в арсенале наших спецслужб? // Комсомольская правда. - 2008. - 10-17 января.
20. Сорокин П.А. Указ. соч. - С. 90.
21. Рубинштейн М.М. Юность по дневникам и автобиографическим записям. - М., 1928.

REFERENCES

1. Plamper J. Emotsii v Russkoy Istorii. [Emotions in the Russian History]. Rossiyskaya Imperiya Chuvstv. Podkhody k Kul'turnoy Istorii Emotsiy = The Russian Empire of Feelings. Approaches to Cultural History of Emotions. Moscow. 2010. Pp. 11-36. (in Russian).
2. Rosenwein B. Problems and Methods in the History of Emotions. Passions in Context I. 2010. No 1. Pp. 2-32. (in English).
3. Izard C.E. Psikhologiya Emotsiy [Psychology of Emotions]. Saint Petersburg. 2006. (in Russian).
4. Young G. Emotions, Contentious Politics, and Empire. Some Thoughts About the Soviet Case. *Ab Imperio*. 2007. No 2. Pp. 113-151. (in English).
5. Bezrogov V.G., Kosheleva O.E., Meshcherkina E.Yu., Nurkova V.V. Pedagogicheskaya Antropologiya: Fenomen Detstva v Vospominaniyakh [Pedagogical Anthropology. A Childhood Phenomenon in Memoirs]. Moscow. 2001. (in Russian).
6. Strauss A., Corbin J. Osnovy Kachestvennogo Issledovaniya. Obosnovannaya Teoriya, Protsedury i Tekhniki [Basics of Qualitative Research. Grounded Theory, Procedures and Techniques]. Moscow. 2007. (in Russian).
7. Rozhkov A. Yu. Kubanskaya Molodezh' i OGPU. «Delo Sindarovskogo» (Opyt Mikroistoricheskogo Issledovaniya) [Kuban Youth and OGPU. "Sindarovsky's Case" (Experience of Microhistorical Research)]. *Drugie Vremena* = Other Times. Krasnodar. 2004. Pp. 188-213. (in Russian).
8. Reddy W. The Navigation of Feeling. A Framework For the History of Emotions. Cambridge, 2001. (in English).
9. Izard C.E. Op. cit. (in Russian).
10. Izard C.E. Op. cit. (in Russian).
11. Rosenwein B. Op. cit. (in English).
12. Rubinstein M. M., Ignatyev V. E. Psikhologiya, Pedagogika i Gigena Yunosti [Psychology, Pedagogy and Hygiene of Youth]. Moscow. 1926. (in Russian).
13. Foucault M. Nadzirat' i Nakazyvat'. Rozhdenie Tyur'my [Supervise and Punish. Birth of Prison]. Moscow. 1999. (in Russian).
14. Izard C.E. Op. cit. (in Russian).
15. Foucault M. Op. cit. (in Russian).
16. Ganin A.A. Ugolovnyy Kodeks RSFSR v Redaktsii 1926 g. v Voprosakh i Otvetakh [The Criminal Code of RSFSR in Edition of 1926 in Questions and Answers]. Moscow. 1927. (in Russian).
17. Izard C.E. Op. cit. (in Russian).

18. Sorokin P. A. Golod kak Factor. Vliyanie Goloda na Povedenie Lyudey, Sotsial'nuyu Organizatsiyu i Obshchestvennuyu Zhizn' [Hunger as Factor: Influence of Hunger on Behavior of People, Social Organization and Public Life]. Moscow. 2003. (in Russian).
19. Chto Eshche Est' v Arsenale Nashikh Spetssluzhb? [What is in an Arsenal of our Intelligence Services?] Komsomol'skaya Pravda = Komsomol Truth. 2008. 1-17 January. (in Russian).
20. Sorokin P. A. Op. cit. P. 90. (in Russian).
21. Rubinstein M. M. Yunost' po Dnevnikam i Avtobiograficheskim Zapisyam [Youth According to Diaries and Autobiographical Records]. Moscow. 1928. (in Russian).

Информация об авторе:

Рожков Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
avro14@mail.ru

Получена: 27.10.2017

Для цитирования: Рожков А.Ю. Эмоциональные переживания юного арестанта ОГПУ (Краснодар, 1928 г.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.95-103.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-95-103.

Information about the author:

Alexander Yu. Rozhkov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Sociology, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
avro14@mail.ru

Received: 27.10.2017

For citation: Rozhkov A.Yu. Emotional experiences of the young man prisoner of OGPU (Krasnodar, 1928). Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.6 Part. 1. Pp. 95-103.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-95-103. (in Russian)

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-104-117

ТЕБЕНКО Вячеслав Александрович
ООО «Компания Сталь Сервис»
г. Петрозаводск, Россия
stal12h18n@mail.ru

Vyacheslav A. TEBENKO
Stal Service Company LTD
Petrozavodsk, Russia
stal12h18n@mail.ru

ЕЩЕ РАЗ О ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА

ONCE AGAIN ABOUT THE MANNERHEIM LINE

В статье рассмотрены события советско-финской войны, в частности самый важный и трагический ее эпизод - штурм линии Маннергейма. В публикации делается вывод, что Красная Армия не была готова ни в техническом, ни в оперативном отношении к подобным штурмовым операциям. Цель статьи - проанализировать неудачи, которые потерпела РККА в ходе Зимней войны, в том числе и по таким причинам, как забвение, невнимательность и халатное отношение к научным исследованиям военных, ученых, а также к теоретической подготовке со стороны высшего руководства. Заострено внимание на игнорировании высшим командованием опыта Первой мировой войны, в подтверждение чему в публикации приводятся цитаты советских военных теоретиков-практиков, которые подробно разбирали сражения Первой мировой войны, в том числе прорывы и фронтальные удары, в своих научно-исследовательских трудах для ограниченного круга читателей. Эти работы были опубликованы за несколько лет до начала Зимней войны. В основе исследования лежит сравнительно-исторический метод, когда на основе одних событий, в нашем случае Первой мировой войны, мы пытаемся более детально, глубже осмыслить то, что происходило уже позднее, в годы советско-финской войны. На анализе отдельных материалов выступлений высшего руководства по итогам Зимней войны показано, что со стороны советского руководства штурм линии Маннергейма больше был похож на импровизацию, граничащую с авантюрой.

Ключевые слова: война с Финляндией, Карельский перешеек, неудачи РККА в ходе Зимней войны, советско-финская война, штурм линии Маннергейма, финская линия обороны

The subject of the article is the events of the Winter War (Finnish - Soviet war), in particular, the most significant and tragic episode of it - the storming of the Mannerheim Line. The publication concludes that the Red Army was not prepared in either technical or operational terms for such storming activities. The purpose of the article is to analyze the failures of the Red Army during the Winter War, including for such reasons as oblivion, inattention and negligence in dealing with military scientific researches and theoretical trainings provided by the Top leadership. Attention is focused on disregarding the experience of the First World War by the High Command, in support of what the Publication includes the quotations of the Soviet military theorists and practices, the First World War and Civil war veterans who analyzed in detail the battles of the First World War, including breakthroughs and frontal attacks in the research works for a limited readership. These works have been published for several years prior to Winter war. The comparative-historical method when on the basis of one events, in our case of World War I, we try in more detail, more deeply to comprehend what occurred already later, in the years of the Soviet-Finnish war is the cornerstone of a research. The analysis of the selected materials of the top leadership's speeches about the results of the Winter War showed that from the side of the Soviet leadership the assault of the Mannerheim Line looked more like an improvisation bordering on an adventure.

Keywords: War with Finland, Karelian Isthmus, Red Army's failures during Winter War, Finnish-Soviet war, storming of Mannerheim Line, Finnish line of defense

Как известно, события советско-финской войны для Красной Армии складывались крайне неудачно или, по крайней мере, совсем не так, как того ожидало высшее советское руководство. Достаточно вспомнить доклад К.В. Ворошилова на Пленуме ЦК в марте 1940 г., где он признал, что военные «не представляли себе всех трудностей, связанных с данной войной». По сути, Ворошилов должен был объяснить членам партии, которые, безусловно, были в курсе событий, почему финны оказались серьезным препятствием на пути Красной Армии.

Если мы обратимся к опубликованным архивным документам, а именно к протоколам совещаний начальников Красной Армии и комиссий Главного военного совета Красной Армии, то увидим, что итоги и ход Зимней войны вызывали массу вопросов у военачальников и к военачальникам. Уже в ходе совещаний были выявлены значительные проблемы советских войск и приняты решения по отдельным вопросам. Этот момент, в принципе, исследователями не оспаривается [1; 2]. Здесь историки, говоря о значительных просчетах в действиях пехоты, танков, авиации, штабов, снабжения и т.д., во многом

солидарны с командирами Красной Армии, В ходе этих совещаний и выступлений командиров возникали серьезные дискуссии, смысл которых сводился к тому, «кто виноват и что нужно сделать».

На подобных партийных и военных совещаниях, как правило, указывали на второстепенные причины провалов, выявляли отдельные недостатки, находили крайних из руководителей, командиров на всех уровнях, кроме самого высшего.

На совещании военачальников РККА в марте 1940 г., к материалам которого мы не раз еще будем обращаться, были сформулированы многие проблемы ведения боевых действий в условиях севера, тактики наступления, вооружений, взаимодействия различных родов войск, боеприпасов и т.д. Вопросы стратегического порядка озвучил сам Сталин. Итак, «первый вопрос о войне с Финляндией: правильно ли поступило наше правительство и партия, что объявило войну Финляндии? Нельзя ли было обойтись без войны? Мне кажется, что нельзя... Второй вопрос: а не поторопилось ли наше правительство, наша партия, что объявили войну именно в конце ноября, в начале декабря, нельзя ли было отложить этот вопрос, подождать месяца два-три-четыре, а потом ударить? Нет. Третий вопрос. Ну, война объявлена, начались военные действия. Правильно ли разместили наши военные руководящие органы наши войска на фронте? Я думаю, что правильно» [3, с. 272-273].

Вопросы целесообразности войны и размещения войск на фронтах, стратегические направления ударов РККА ни у кого не вызвали ни замечаний, ни возражений. Но вот самый важный и трагический эпизод - штурм линии Маннергейма - Сталин как бы обошел стороной. Хотя, конечно, и по мнению современников, и по мнению участников событий, именно линия Маннергейма стала главным стратегическим направлением в ходе Зимней войны.

В ходе совещаний в марте 1940 г. по итогам Зимней войны много сказано о других участках фронта в Карелии, в Приладожье, в Заполярье, на Ребольском направлении, где долгое время была в окружении 54-я с. д. Однако тема линии Маннергейма стала главной благодаря многочисленным выступлениям на совещании полевых командиров, что, в общем-то, понятно, ведь количество живой силы, танков, самолетов, артиллерии здесь было в десятки раз больше, чем на других направлениях. Из этих докладов - выступлений командиров сложилась картина абсолютной, можно сказать, комплексной, неподготовленности высшего командования к войне.

Неудачи были очевидны и масштабны. В обсуждении итогов Зимней войны вместе с Ворошиловым, Сталиным, Тимошенко участвовали полковые и батальонные командиры в звании майоров и полковников. Все эти факты, по нашему мнению, косвенно свидетельствуют о том, что идея прорыва с ходу линии Маннергейма оказалась провальной и, наверняка, подвергалась критике на всех уровнях.

В настоящей статье мы попробуем показать читателю, что неудачи РККА на линии Маннергейма происходили в том числе и по таким причинам, как забвение, игнорирование, невнимательность или халатное отношение к опыту Первой мировой войны, научным исследованиям военных, ученых, служивших в РККА, а также к теоретической подготовке со стороны высших начальников РККА. Почему так происходило в Красной Армии - вопрос уже иного порядка, не касающийся нашего исследования. Полагаем, читатель сможет ответить на него самостоятельно.

Еще раз акцентируем внимание на халатном отношении и забвении. Выступления-оправдания военачальников РККА относительно отсутствия понимания вопросов штурма и прорыва укрепленного района (УР) не совсем соответствует истине. Разумеется, аргументировать свою точку зрения мы будем на конкретных примерах.

Начнем с выступления Сталина, который сообщает о стратегическом замысле расположения войск на Карельском перешейке: «создать серьезный заслон против всяких возможностей и случайностей против Ленинграда со стороны финнов» и называет три цели.

Одну из целей Сталин аргументирует так: «Мы знали, что финнов поддерживает Франция, Англия, исподтишка поддерживают немцы, шведы, норвежцы, поддерживает

Канада и Америка. Надо в войне предусматривать всякие возможности, и особенно не упускать из виду наиболее худшие возможности. Исходя из этого и надо было создать большую колонну на Карельском перешейке, что могло, прежде всего, обеспечить Ленинград от всяких случайностей» [4, с. 273]. Во-вторых, как указывал Сталин, колонна нужна для того, чтобы «разведать штыком состояния Финляндии на Карельском перешейке». Третья цель звучала так: «создать плацдарм для того, когда подвезем побольше войск, чтобы они имели плацдарм для прыжка».

В следующем тезисе Сталин отмечает, что штурм линии укреплений - это не совсем забота верховного командования. Процитируем слова из его выступления: «Следующий участок - севернее Ладожского озера. Наши войска преследовали две цели, тоже цель разведки, собственно три цели. Цель разведки войсковой, я говорю о разведке штыковой, это очень серьезная и наиболее верная из всех видов разведки. Создание плацдарма для того, чтобы с подвозом войск выйти в тыл линии Маннергейма. Вторая основная цель - создание плацдарма и выхода в тыл, если это удастся» [5, с. 274]. Подчеркнем: создать плацдарм и выйти в тыл линии Маннергейма, но никак не штурм. Штурм проводили командиры и бойцы РККА - неудачи на их совести. Верховное командование здесь «ни при чем», оно как бы косвенно снимает с себя ответственность. Сталин это хорошо умел делать - достаточно вспомнить итоги коллективизации.

Известно, что взять укрепленные районы на Карельском перешейке не удалось ни в самом начале военных действий, ни даже спустя несколько недель, когда по замыслу советских стратегов Красная Армия должна была быть на подступах к Хельсинки. Но реальные события развивались совсем иначе. Прорыв линии Маннергейма был осуществлен только в феврале 1940 г.

В ходе закрытого совещания начальники Красной Армии попытались оправдать РККА, объясняя, почему так произошло. Суть этих объяснений сводилась к тому, что виноваты бойцы Красной Армии, которые не умели воевать и не были готовы, комсостав, который не знал, как вести подобные бои, командиры батальонов, полков, которые не имели опыта современной войны (ниже мы еще приведем примеры и цитаты). Основной упор в выступлениях делался на то, что линия Маннергейма оказалась неприступной, и приходилось осваивать науку наступления непосредственно на поле боя. Этим обусловлены медленные темпы наступления и большие потери.

Предлагаем читателю ознакомиться с рядом тезисов и фактов, изложенных командирами РККА в ходе закрытого совещания. А.Ф. Хренов (комбриг, начальник инженеров Северо-Западного фронта) выступал первым): «На Карельском перешейке плотность заграждений значительно сильнее, чем плотность заграждений, которую имели немцы в предполье на линии Зигфрида (1914-1918 гг.)... Помимо этих данных нужно учесть и данные такого порядка, что сам рельеф местности и природные условия Карельского перешейка в значительной степени усиливали всю систему указанных укреплений». Хренов считал главным упущением то, что недооценили мощност финских укреплений, в том числе не было понимания о необходимом качественном и количественном превосходстве артиллерии при штурме укрепленной полосы.

М.А. Парсегов (комкор, начальник артиллерии 7-й армии): «Бой и попытки прорвать УР противника с ходу. Это сделать не удалось и не удастся никогда. Я хочу подчеркнуть, что не нужно с ходу брать УР, а нужно сначала провести огневую разведку, вскрыть систему огня противника. Мы это в ряде мест проделали, и в результате у нас были неплохие успехи. До 10 февраля с. г. мы обнаружили все сооружения противника и основательно их разрушили и поэтому 11 февраля успешно после артподготовки атаковали УР».

И.П. Рослый (полковник, командир 245-го стр. полка: «... дал командирам приказ, и не только приказ: в течение месяца воспитывал пехоту, чтобы до конца артиллерийской подготовки начать движение пехоты и подойти к огненному артиллерийскому валу, так как в этом случае противник находился под огнем нашей артиллерии и не мог вести огня по нашей пехоте».

П.С. Пшенников (комбриг, командир 142-й стр. дивизии): «На совещании начальствующего состава частей дивизии мы установили, что если бы дивизия наступала на

фронте не в 45 км, а в 18-20, результаты были бы другие, т.е. полосу прикрытия мы преодолели бы не в семь суток, а максимум в трое». По мнению командира дивизии, будь у него за собой вторые и третьи эшелоны, то можно было бы сломить оборону финнов с ходу после соответствующей артподготовки, не нужно было бы 2-3 месяца и значительных потерь.

А.П. Синицын (полковой комиссар, военком АБТ фронта) докладывал, что, будучи давно в танковых войсках, он ни разу на учениях с пехотой не взаимодействовал, а это крайне необходимо - ввести в состав стрелкового корпуса хотя бы одну танковую бригаду, если нужно по-настоящему слаженное взаимодействие.

С.И. Оборин (комбриг, начальник артиллерии 19-го стр. корпуса) докладывал, что артиллерия вынуждена была использовать орудия 203 мм с открытой позиции, так как снаряды 152-мм не берут броню в 7 листов толщиной 44,5 мм стали каждый, которыми покрыты доты, 152-мм снаряды просто скользят.

Ф.Ф. Алабушев (комбриг, командир 123-й стр. дивизии): «Около 12 декабря части дивизии подошли к переднему краю укрепленного района, к так называемой линии Маннергейма, и 17 декабря дивизия вела наступление, не подготовившись к прорыву как следует». Эта неготовность заключалась в отсутствии четкого взаимодействия между родами войск, самостоятельных действиях, в итоге очень большие потери танков, но передний край укрепленного района не был прорван. Успех прорыва спустя время обеспечила плановость выполнения всех боевых операций и согласованность между пехотой и танками.

Ф.Д. Гореленко (комкор, командир 50-го корпуса): «После этого боя перед командующим 7-й армии я поставил вопрос о том, что для прорыва УР требуется дать корпусу больше дивизий, так как при двух дивизиях, состав которых к тому же был слабым, решить задачу нельзя... Я считаю, что при прорыве укрепленных районов корпус должен наступать двумя эшелонами». Именно такой боевой порядок давал бы командиру быстро расширять и углублять участок прорыва фронта.

На выступлении К.А. Мерецкова, командующего 7-й армией, действовавшей на Карельском перешейке, нужно заострить внимание, чтобы была ясна логика наших дальнейших рассуждений: «Как могло случиться, что это оказалось для нас неожиданным, что мы не имели ни практического, ни теоретического представления о возможности построения таких полос... Наши уставы основаны на опыте маневренного периода мировой войны, и совершенно не давали представления о войне в позиционных условиях при наличии долговременных сооружений. Мировая война на Западе развивалась в позиционных условиях, и там, в этом направлении, имеется богатый опыт, который получил большое развитие после мировой войны, но этот опыт до нас полностью не дошел». Мерецков, обращаясь к присутствующим, говорил: французы и немцы давно издали свои архивы мировой войны, а когда это будет сделано в СССР, совершенно неизвестно. Поэтому основное, с чем мы не встречались в свое время и о чем не имели в свое время представления, - это глубокие оборонительные полосы, с наличием бетона и других технических средств современной обороны.

Наверное, финская линия обороны была не разведана, поэтому возникла масса затруднений для полевой армии и Генерального штаба. Однако в ходе совещания выяснилось, что это не совсем так. Вот отрывок из выступления начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба И.И. Проскурова: «Что мы знали о белофиннах? Мы считаем, что для общих расчетов сил подавления противника разведка имела необходимые отправные данные. Разведка эти данные доложила Генштабу. Это не заслуга теперешнего состава Разведывательного управления, так как основные данные относятся к 1937-1938 гг. Мы знали к 1 октября 1939 г., что Финляндия создала на Карельском перешейке три оборонительных рубежа и две отсечных позиции». Далее Проскуров сообщал, что был первый оборонительный рубеж для частей прикрытия, непосредственно около границы между Ладожским озером и Финский заливом, укрепления которого - в основном сооружения полевого типа: окопы стрелковые, пулеметные, артиллерийские. Второй оборонительный рубеж, который был известен разведке уже на 1 октября

1939 г., - общая система обороны, державшаяся на создании 13 узловых сопротивлений, так называемых центров сопротивлений по использованию рек и озер. Третий оборонительный рубеж был представлен узлом сопротивления в районе Выборга, в котором имелось до 10 артиллерийских железобетонных точек. Как докладывал Проскуров, «всего было 210 точек. Эти точки нанесены на схемы, был альбом, который, как говорил сам товарищ Мерецков, все время лежал у него на столе». Мерецков на это возражал, но как-то не очень.

Какой можно сделать вывод? Линия Маннергейма имела значительные бетонные укрепления, сотни километров проволочных заграждений, и все это усиливалось естественным ландшафтом местности, что позволило инженерам РККА сравнивать ее с линией Зигфрида (Гинденбурга) времен Первой мировой войны. Красная Армия, со слов Мерецкова, не имела понятия, как брать штурмом подобные бастионы, ведь опыт мировой империалистической войны был командованию неизвестен, что привело к неудачам и огромным потерям.

Считаем нужным сообщить читателю, что в 1931 г. (в декабре) вышла книга советского военного теоретика-практика, участника Первой мировой и Гражданской войн, Абрама Мироновича Вольпе, который одно время был преподавателем Военной академии РККА. Книга называлась «Фронтальный удар. Эволюция форм оперативного маневра в период мировой войны». В этой книге, рассчитанной, разумеется, на средний и высший комсостав, подробно разбираются сражения Первой мировой войны, в том числе прорывы и фронтальные удары. Фактические и теоретические сведения из этой книги во многом предвосхищают и подтверждают выводы командиров Красной Армии по итогам Зимней войны.

В своей работе Вольпе описал операцию Антанты против немцев на р. Эн, на так называемой линии Гинденбурга, или Зигфрида, о чем мы говорили выше. Удар на р. Эн планировался как один сокрушительный удар, который позволит покончить с Германией [6, с. 110].

Нет возможности перечислять все детали, приводимые Вольпе. Мы дадим лишь те, которые ярко отражают суть последующих сравнений. План французского командующего Нивеля предполагал прорыв за счет численного превосходства. В течение 24-48 часов без остановки пехота должна следовать за непрерывным артиллерийским огнем на оставшиеся очаги сопротивления немецкой армии. Нивель не хотел считаться ни с малоподвижностью артиллерии, ни с тем, что глубина оборонительных сооружений имеет 15 км. В общем, для прорыва линии укреплений французы сосредоточили в первой линии 27 дивизий, во второй линии - 14 пехотных и 2 кавалерийские дивизии, в третьей линии - 9 пехотных и 5 кавалерийских дивизий. Плюс резерв в 9 дивизий. Это все на участке фронта в 42 км. В первой полосе обороны французам противостояло всего 12 дивизий. Количество артиллерии у французов колоссальное - 5285 орудий разной мощности, что давало в среднем 123,7 орудия на 1 км фронта. Причем калибр в 155 мм находился посередине, были орудия 220, 270, 280, 305, 320, 340, 370 и 400 мм. Перед атакой, вернее, сокрушительным ударом была проведена артподготовка, которая продлилась несколько дней. Как пишет Вольпе, в течение 5 дней (12-16 апреля) расход снарядов составлял 600 тыс. шт./день. Кроме этого, 500 самолетов и 128 танков. В итоге, несмотря на такие силы, французы потерпели неудачу. Как только началась атака, немцы ответили заградительным огнем, уцелевшие пулеметы выкашивали пехоту, наступление захлебнулось - и никакого прорыва не вышло [7, с. 125-132].

Вновь перенесемся к событиям 1939 г. Данные несколько разнятся, а историки порой обвиняют друг друга в неправильных подсчетах. Тем не менее В.Н. Барышников приводит данные, что 7-я армия РККА, действовавшая на Карельском перешейке, состояла из 169 тыс. человек, а финнов было 133 тыс. [8, с. 77].

П.А. Аптекарь приводит другие данные - 200 тыс. советских солдат, 1,5 тыс. орудий, более тысячи танков и около 700 самолетов. Финская «армия Эстермана» - 100 тыс. личного состава, 360 орудий и минометов, 200 самолетов и 25 танков. Данные в принципе

схожи, хотя трактовки событий Зимней войны у этих исследователей различны и полны взаимной критики.

Маннергейм в своих мемуарах сообщает о шести финских дивизиях (86,5 тыс. чел.) и силах «русских» в семь дивизий - 140 тыс. чел. и более тысячи танков [9, с. 292-298]. В любом случае понятно соотношение сил на фронте в 130 км. Как указывает Барышников, войскам 7-й армии после 30-минутной артподготовки ставилась задача перейти госграницу и безостановочно двигаться вперед, чтобы сокрушить финскую армию [10, с. 78].

Не станем разбирать подробно бои на линии Маннергейма. Уделим внимание отдельным деталям. 6 декабря была попытка штурма основной линии обороны финнов, а именно правого берега р. Тайпалеен-йоки, силами 19-го стр. полка (142-й стр. дивизии), где в высоких скалистых берегах были расположены долговременные укрепления.

Артиллерийская подготовка продолжалась всего четыре часа. Можно предположить, что это была полковая артиллерия, а это максимум орудия 76 мм. По материалам совещания командиров РККА известно, что и 203-мм орудия разрушали долговременные укрепления после значительного расхода снарядов, а 152-мм орудия порой были малоэффективны. Кстати, 142 стр. дивизия - это та самая дивизия, которая наступала на участке фронта в 45 км. Возможно, сравнение комбрига А.Ф. Хренова УРов на Карельском перешейке с линией Гинденбурга (Зигфрида) преувеличено. Тем не менее это дает четкое представление о том, насколько бездарно высшее военное командование отнеслось к штурму линии Маннергейма, хотя бы в вопросах соотношения сил, орудий, ширины прорыва и наступления. Возможно, поражение французов - это частный случай, к тому же немцы использовали колоссальные ресурсы и выучку армии, которая может быть не предполагалась у финнов.

Конечно, нужно иметь в виду, что речь идет о разных масштабах, местности, времени - и все не может происходить один в один. Однако позволим привести еще несколько примеров из работы Вольпе, которая, повторяем, была написана для высшего и среднего состава РККА. Проанализируем операцию против германских войск в провинции Шампань в 1915 г.

В сентябре 1915 г. французы сосредоточили для прорыва немецкого фронта порядка 25 дивизий против 5 немецких. Удар предполагался на ширине фронта в 30 км, количество артиллерии было значительным, только тяжелых пушек и тяжелых гаубиц - 589 и 292 соответственно. Всего 2271 орудий, плотность - 70-75 орудий на км фронта. Тяжелая артиллерия - это калибры 220-270 мм и выше. На линии Маннергейма, кстати, самый большой калибр был 203 мм (280 мм - система БР-5 - использовалась мало). Артиллерийская подготовка против германских войск длилась с 22 по 27 сентября. Было выпущено 1 683 160 снарядов, из них 30 317 из 220-270-мм орудий. Результат подобной артподготовки - укрепления первой линии оказались лишь частично разрушены, вторая линия полностью уцелела. В результате атаки французам удалось продвинуться на 1-3 км. Уже к 6 октября наступление захлебнулось, уцелевшие на обратных скаках пулеметные гнезда вновь выкашивали французские цепи. Мешала дождливая погода и плохая разведка. Наступающие части перемешались, французская пехота не могла пройти по лабиринтам немецких окопов церемониальным маршем. Однако решающим фактором, определившим неудачу французского фронтального удара, была тщательно укрепленная вторая полоса линии укрепления немцев, расположенная на 3-5 км позади первой [11].

Позволим процитировать французского офицера: «Несмотря на то, что ко времени атаки окопы не были завершены, зато фланкирующие построения были все на местах, так же как и проволочные заграждения, которые отличались даже необычной силой и густотой. Эта позиция была хорошо применима к местности, а сила ее удваивалась тем, что она была расположена на обратном скате, что делало ее абсолютно невидимой для наших земных наблюдателей» [12]. Аналогичным образом все происходило, когда немцы пытались осуществить фронтальный удар под Верденом, сосредоточив значительное количество орудий, в том числе 175 единиц 420 мм, однако в конечном счете французские позиции уцелели. Вообще, Вольпе указывает на то, что огромное количество артиллерии не дает ожидаемого результата, если точнее, «потребовалось огромное количество огня для

разрушения искусственных сооружений, препятствий и фортификаций противника. Бетон и проволока стали для артиллерии такой же целью, как и живые силы» [13].

Начальник артиллерии 7-й армии, штурмовавшей линию Маннергейма, комкор Парсегов говорил насчет артиллерийского огня, что до прорыва применение мелкокалиберной (45 мм) и полковой артиллерии было недостаточным. Относительно тяжелых систем Б-4 (203 мм) и БР-5 (280 мм) он отметил, что они отлично показали себя в боях, причем Б-4 дали свыше 4 тыс. выстрелов каждая.

Единственное, следует учесть, что всего было использовано 144 гаубицы Б-4, а система БР-5 дала всего 414 выстрелов [14]. Разумеется, характеристики мощности снарядов за 20 лет изменились, но в целом артиллерийская мощь была недостаточной для прорыва сплошной линии укреплений из бетона и гранита.

Вольпе в своей работе говорит о более или менее удачной операции французов и англичан на Сомме, но этой операции предшествовала длительная инженерная подготовка. Был учтен неудачный опыт фронтальных ударов, о чем говорили и писали в специальных инструкциях французские военачальники. В частности, принимается во внимание то, что необходима массированная артиллерийская подготовка 100 и более орудий на 1 км атакуемого фронта, продвижение пехоты сопровождается подвижным огнем валом, продвижение пехоты возможно на 3-5 км, дальнейшее продвижение невозможно без подготовки новых артиллерийских позиций. Позволим себе процитировать Ф. Фоша: «Опыт показал: где разрушение артиллерий было действительным, там наступление пехоты было успешным и стоило небольших потерь в людях; там же, где разрушение было произведено частично, наступление пехоты немедленно останавливается, а последующие усилия, несмотря на количество сил, не представляют собой ничего, кроме неуспеха и сильных потерь. Другими словами, атака неразрушенных позиций недоступна» [15].

Мерецков по поводу одной из неудачных попыток штурма говорил, что артогонь был мощный, что финские солдаты бежали из окопов, но наступление тем не менее было отбито. Почему? Ответ Мерецкова прост: «Потому, что не сделали главного, не был разрушен бетон» [16, с. 58].

Начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников в связи с этим вспоминал свой боевой опыт. По его словам, подобных укрепрайонов не было за всю мировую войну, даже на последнем этапе. Поэтому нормы и методы по прорыву, которые были в мировую, благодаря тому количеству бетона, которое вложила Финляндия в свою оборону на трех линиях, оказались явно недостаточны.

Однако в Генеральном штабе есть разведка, данные которой, хотя и неполные, могли давать представление о силе финской обороны. Если эти данные и занижали количество и качество укреплений, советское командование все равно должно было понимать, что даже по меркам Первой мировой войны предложенные РККА артиллерийские нормы были явно недостаточны для штурма укрепленного района.

Допустим, работа Вольпе осталась незамеченной «широким» кругом читателей. Но в сентябре 1933 г. вышла книга Н.Е. Варфоломеева «Ударная армия». Как сказано в аннотации, «книга является исследовательской и предназначается в качестве пособия для старшего и высшего начсостава РККА по изучению боевых операций на Западном фронте последнего периода мировой войны». Варфоломеев, кстати, был сам участником Первой мировой, долгое время преподавал в Академии им. Фрунзе, а в 1925 г. стал заместителем Главного руководителя по стратегии всех военных академий РККА. Варфоломеев, описывая операции прорыва на Западном фронте, подробно останавливается на таких вопросах, как соотношение артиллерии, пехоты на 1 км атакуемого фронта. Военный исследователь, в частности, указывает, что для прорыва тактической линии обороны противника требовалось 12 батарей (76 орудий), 22 танка, 10-12 самолетов-штурмовиков и бомбардировщиков [17, с. 160].

Исследуя более или менее удачный прорыв французов 18 июля - 4 августа, автор указывает, что французы имели в среднем на 1 км фронта: 2,4 дивизии, 50 орудий, 10 танков, 22 самолета, при том танков при существующем уровне потерь должно было быть раза в два больше [18, с. 160]. И тем не менее это далеко не всегда обеспечивает

успех наступления. Даже орудия калибра свыше 280 мм не обеспечивают прорыв линии укреплений. Хотя таковых было достаточно и в армиях Антанты, и в немецкой армии. Но, видимо, этот опыт не дошел до командиров РККА. Вот, что говорил на совещании Грендаль (комкор, командующий 13-й армией): «РККА для разрушения использовала артиллерию калибра 203 мм. Но этот калибр для финских укреплений был слаб, и нужно усиливать артиллерию более крупным калибром - 305 мм. Орудия 305 мм в будущем будут играть такую же роль, как играли сейчас 203 мм, а 203 мм останутся для вспомогательных задач. Поэтому в Красной Армии как можно раньше необходимо создавать 305-мм артиллерию в достаточном количестве».

В работах как Варфоломеева, так и Вольпе высказывается мнение о том, что даже мощнейшая артиллерийская подготовка не позволяет пехоте сразу захватить первую окопную линию укреплений, не говоря уже о более серьезных бетонированных блиндажах второй линии. Артиллерия просто выкашивала атакующую пехоту.

Снова несколько слов о штурме линии Маннергейма в районе Сумма. После неудачных попыток 15 и 17 декабря взломать линию финской обороны, 19 декабря советские войска вновь пошли на прорыв там, где находился железобетонный узел укреплений. В начале укрепления бомбила авиация, потом проходила четырехчасовая артиллерийская подготовка, но, как пишет Барышников, стоило пехоте двинуться вместе с танками в атаку, как большинство «огневых» точек оживало. Штурм захлебывался, атаки становились бессмысленным делом [19, с. 160].

Можно приводить еще много сравнений и цитат по поводу действий РККА, касаясь отдельных деталей и эпизодов, которые давно уже были обозначены военными исследователями Варфоломеевым и Вольпе, однако советским командирам стали понятны и очевидны лишь в ходе неудач на линии Маннергейма.

Если мы посмотрим материалы совещания начальников РККА, то там достаточно говорится о недостатке вооружения и автоматического оружия. Стоит процитировать Кирпоноса (комдив, командир 70-й стрелковой дивизии.): «Все это, и плюс отсутствие у нас автоматов (легких пулеметов) и минометов в ротах, позволяло противнику безнаказанно почти расстреливать нашу пехоту, которая в это время не могла уже поддерживаться артогнем. Вот причина, почему наша пехота не шла».

Вот что писал Варфоломеев за шесть лет до Зимней войны, предполагая картину современной войны в сравнении с 1918 г.: «Пехота - вероятно замена магазинной винтовки авторужьями, облегчение веса пулеметов (германский «максим» - 64 кг, современный американский и польский «браунинг» - 35 кг, ручные пулеметы с 16-17 кг снизили свой вес до 5-7-9 кг), отсюда увеличение наступательных свойств станковых пулеметов и реальное сопровождение пехоты в бою... Вместе с тем подвижные пулеметы, легко меняющие свои позиции, а потому и трудно устанавливаемые и мало уязвимые для артиллерии, еще более усилили стойкость пехоты в обороне» [20, с. 184].

Вновь обратимся к Мерецкову. На совещании он утверждал, что армии необходимы автоматические винтовки, пистолеты-пулеметы, облегченные ручные пулеметы и вместо «максима» - более легкий станковый пулемет. Возможно, здесь сыграло свою роль то, что не только в РККА, но и во многих европейских армиях были противники пистолетов-пулеметов как оружия полиции, но не автоматических винтовок, образцы которых появились в русской армии еще в 1916 г. (автомат Федорова).

Про минометы, вернее их нехватку-отсутствие, говорилось по итогам Зимней войны достаточно. П.И. Батов (комдив, командир 3-го стр. корпуса) утверждал: «И минометов, они у нас были, но в недостаточном количестве. Эти средства мы использовали неправильно, так как всю тяжесть боя переложили на артиллерию... Минометной подготовкой мы не занимались...».

Варфоломеев, подробно описывая действия германской армии против союзников, постоянно подчеркивает роль минометов. В частности, он говорит, что ценную поддержку германской пехоте оказывали легкие (7,5 см) минометы на специальных лафетах. Артиллерия и легкие минометы быстро приходили пехоте на помощь в борьбе с пулеметными гнездами и при атаке эшелонированных укреплений [21, с. 125-126]. Варфоломеев

даже указывает среднюю плотность минометов, необходимых для прорыва вкуче с артиллерией: «1 средний или тяжелый миномет на 20-30 м атакуемого фронта» [22, с. 60]. В.Н. Курдюмов (командарм 2-го ранга, командующий 13-й армией) настаивал, что минометы нужно иметь в составе взвода, а не только в отдельных подразделениях в ротах, их было мало. А про пистолеты и автоматы Курдюмов говорил, что их в начальный период не имели.

Что касается связи и управления, нужно отметить также частные детали, например второе германское наступление на р. Эн. Как пишет Варфоломеев, «перед наступлением, прорывом позиций Антанты, пехота до рот включительно получила фотоснимки неприятельского расположения, рельефные карты и глазомерные кроки. Тяжелой артиллерии были выданы фотоснимки выгодных целей. Отдельно нужно сказать о связи: проволоочная связь дублировалась радио, оптической связью, голубями, самокатчиками и бегунами» [23, с. 105].

Относительно связи: в 1939 г. начальник Управления связи РККА Муравьев, отмечая недостатки, говорил о халатном отношении военнослужащих к средствам связи и приводил конкретные примеры о 20-й танковой бригаде, которая, перейдя госграницу, совершенно потеряла связь - и пришлось посылать специального командира с радиостанцией. Аналогично было с 10-м танковым корпусом, который разыскивали на дорогах и посылали туда специального командира с рацией: «18-я стрелковая дивизия бросила радиостанцию на своей еще территории и перешла госграницу без радиосредств».

Еще позволим процитировать Мухина, командира 473-го гаубичного артиллерийского полка (имел в своем составе 122-мм и 152-мм дивизионные гаубицы), относительно связи и разведки. Он сказал, что всего за два дня боев, 7 и 8 марта, из-за неправильного понимания связи, неправильной локтевой связи его потери во время боя составили 60% командиров батарей и 70% командиров взводов управления, а что касается аэрофотоснимков, по его свидетельству, он лично не имел ни единого за все время военных действий, как и площадной съемки.

В целом, успешные наступления на позиции Антанты характеризуются Варфоломеевым как очень продуманные операции, где отработано взаимодействие между пехотой и артиллерией. О недостатках во взаимодействии между родами войск в РККА сказано в источниках и исследованиях достаточно. «В значительной степени неуспех войск объяснялся неточным огнем артиллерии 139-й стрелковой дивизии, которая вела огонь по заявкам командиров стрелковых полков, не имея корректировщиков огня в ротах на передовой линии. В результате огонь не корректировался и снаряды ложились далеко от цели. После начала контратаки противника вся артиллерия начала вести беспорядочный, неуправляемый огонь, не имея целей» [24, с. 70-71]. «Главной причиной была недооценка финских укреплений, о которых тогда не сумели еще добыть достоверных разведывательных данных. Не было налажено также должного взаимодействия пехоты, артиллерии, авиации и танков, а эффективность артиллерийской подготовки оказалась низкой» [25]. Или еще: «Более того, организация участвовавших в боях дивизий не соответствовала особенностям театра военных действий, что отрицательно сказалось на их действиях. Отягощенные большим количеством техники и обозов, соединения были привязаны к ограниченному количеству дорожных направлений. Танки, автомашины, тракторы и орудия зачастую оказывались обузой, их колонны растягивались на многие километры, образуя пробки. Танки вне дорог вязли в сугробах и останавливались перед искусно созданными препятствиями, являясь удобной мишенью для финской противотанковой артиллерии» [26, с. 33-39].

Кроме того, как Варфоломеев, так и Вольпе постоянно подчеркивают роль инженерной и механизированной подготовки в обеспечении прорыва и в тыловом обеспечении наступающих войск. Ведь без обеспечения боеприпасами, продуктами, без обеспече-

ния переброски резервов войско обречено на неудачу. В частности, анализируя операцию Антанты на Сомме, Вольпе пишет о подготовке плацдарма задолго до наступления, строительстве дополнительных дорог, складов, хранилищ, железнодорожных путей для маневрирования тяжелой артиллерии: «3 госпитальных городка, способных одновременно принять 15 000 человек каждый» [27, с. 97]. Значительную роль Вольпе отводит автотранспорту, благодаря которому обеспечивалась наступательная операция или, напротив, перебрасывались резервы для того, чтобы держать фронт. А Варфоломеев указывает, что одной из причин провала операции немцев был недостаток механизированной артиллерии, недостаток автотранспорта для подвоза огнеприпасов. Командир 142-й стрелковой дивизии Пешенников, например, по этому поводу говорил, что его соединение было погружено в вагоны к месту дислокации с недокомплектом личного состава - 10%, конского - 23%, автотранспорта - 60%. Или вот начальник инженеров 13-й армии, майор Бычевский, выступая на совещании, сетовал на плохое инженерное обеспечение боевых действий 13-й армии.

В целом, средства транспортировки артиллерии для военных операций - это достаточно серьезный вопрос. Его подготовка и проработка, с точки зрения как Вольпе, так и Варфоломеева, имела не меньшее значение, чем количество дивизий и калибры орудий, кроме того, много внимания отводится средству передвижения пехоты (железные шоссейные дороги, автотранспорт) и обеспечению ГСМ. Отдельные детали, эпизоды, примеры можно перечислять довольно долго, но справедливости ради надо сказать, что многие из них сопровождают проведение любого крупного мероприятия, будь-то строительство метро или размещение учебного лагеря в полевых условиях.

Нужно понимать, что идеальных операций не бывает - многие недостатки возникают постоянно, по причине объективных условий, как-то: местность, погода, новые технические средства. Поэтому не следует уходить в детали, однако в целом читателю, наверное, понятна суть дела в отношении линии Маннергейма. Вновь позволим себе процитировать командующего ЛВО, а потом и 7-й армией Мерецкова: «Наши уставы основаны на опыте маневренного периода мировой войны, и совершенно не давали представления о войне в позиционных условиях при наличии долговременных сооружений. Мировая война на Западе развивалась в позиционных условиях, и там, в этом направлении, имеется богатый опыт, который получил большое развитие после мировой войны, но этот опыт до нас полностью не дошел». Объективно говоря, это никак не тянет на правду, потому что даже если Мерецков и кто-то еще из высшего командования не был знаком с работами Варфоломеева и Вольпе, по объективным причинам колоссальной занятости, что нельзя отрицать, то Георгий Самойлович Иссерсон, военный теоретик и практик, в свое время начальник кафедры оперативного искусства при Генеральном штабе, а с 17 по 20 декабря 1939 г. начальник штаба 7-й армии, прекрасно разбирался в этих вопросах. Мы не можем утверждать, читал ли Иссерсон работы Варфоломеева, однако с уверенностью можно сказать, что он читал массу отечественной и зарубежной литературы по истории Первой мировой войны. Варфоломеев даже цитирует произведение самого Иссерсона, которое называется «Мартовское наступление германцев в Пикардии в 1918 г.» [28].

В конце концов, линию Маннергейма захватили. Произошло это, на наш взгляд, по причине колоссальных усилий Красной Армии и истощения резервов финской армии. Термин «сражение на истощение» советские военные теоретики использовали, когда ставка в поражении противника делалась на материальное превосходство [29]. У финнов не было резервов на контратаки, не было возможности состязаться с 200-миллионным тоталитарным государством в количестве пушек, танков, снарядов, а тем более численности солдат. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что командиры дивизий неоднократно говорили, как в феврале, после длительных боев, их орудия калибром

152, 203 мм с расстояния 200-500 м буквально расстреливали финские укрепления. Красная Армия вводила в бой все новые и новые резервы.

Кроме того, было абсолютное господство советской авиации. Процитируем командующих ВВС. Копец (комбриг, командующий ВВС 8-й армии) докладывал, что советские ВВС поставили финнов на колени, они были разбиты потому, что авиация не давала финнам ни минуты покоя и буквально парализовала их ж/д перевозки [30, с. 111]. Птухин (комкор, командующий ВВС северо-западного фронта) был более конкретен: «Всего мы имеем 53 тыс. самолето-вылетов, из них 27 тыс. ложится на бомбардировщиков, сделавших 19,5 тыс. самолето-вылетов по УРам (*линия Маннергейма*) и сбросивших 10,5 тыс. т бомб» [31, с. 134]. О том, что современная война - это война экономики, промышленности и человеческих ресурсов, читателю хорошо известно.

В начале статьи был упомянут Ворошилов и его доклад на пленуме ЦК ВКП(б). В заключение хотелось бы перечислить тезисы этого доклада, которые даже не косвенно, а прямо указывают на полное игнорирование высшим военным и политическим руководством практического и теоретического опыта военных специалистов РККА и собственно подтверждают правильность их военно-прикладных исторических исследований. Ворошилов, выступая на пленуме ЦК ВКП 28 марта 1940 г., говорил следующее:

1. «Стрелковых войск, артиллерии и танков, сосредоточенных на Карельском перешейке и в Карелии к началу военных действий, было явно не достаточно для того, чтобы прорвать укрепленную линию на Карельском перешейке и разгромить финляндскую армию».

2. «Не зная как следует противника и театра военных действий, мы считали возможным применение наших тяжелых дивизий и танковых войск на всех участках финляндского театра».

3. «Начиная войну зимой, войска не были должным образом обмундированы, оснащены и снабжены для действий в суровых зимних условиях».

4. «На вооружении наших стрелковых войск не оказалось легкого пистолета-пулемета и ротного 50-мм миномета».

Эти и ряд других недостатков, как сказал далее Ворошилов, не замедлили сказаться в процессе войны самым тяжелым образом [32].

Наши комментарии уже, наверное, будут излишними - читатель сделает выводы сам. А что касается блестящих военных теоретиков, Вольпе и Варфоломеева, то они долгое время служили в РККА. Вольпе с 1933 по 1935 г. занимал должность начальника штаба Московского военного округа, а впоследствии был начальником мобилизационного отдела РККА, секретарем военной секции Комакадемии. Варфоломеев с 1933 по 1938 г. был начальником штаба Приволжского военного округа. Впоследствии их судьба сложилась трагично. Как и многие командиры и «военспецы» РККА, они были репрессированы и расстреляны: Вольпе - 14 июля 1937 г., Варфоломеев - 8 мая 1939 г. Их богатый опыт, таланты, знания и труды «вдруг» оказались забыты.

Мы не беремся судить, сознательно ли высшее командование и лично Сталин проигнорировали опыт Первой мировой войны - и потом как бы оправдывались, о чем говорят материалы выступлений. Если они не знали об этом опыте, то исторические «заслуги» этих деятелей и «полководцев» явно завышены. Если знали, но проигнорировали, надеясь на мощь оружия, то это чудовищная халатность, полное пренебрежение к жизням собственных солдат, которых отправили на войну. Собственно, слова Клима Ворошилова на мартовском пленуме - это расписка коротко и ясно в полной неподготовленности к войне.

Со стороны советского руководства это, наверное, была в чистом виде импровизация, граничащая с авантюрой. Красная Армия не была готова ни в техническом, ни в оперативном отношении к такого рода штурмовым операциям. Но справедливости ради надо сказать, что прорыв УРов по сути своей предполагает значительные затруднения и

потери у наступающих, что далеко не всегда заканчивается достижением результата, даже при значительном превосходстве наступающей стороны - чему мы привели уже массу примеров. Возникает вопрос: возможны ли были другие военные альтернативы действиям РККА на линии Маннергейма? Альтернативы, скорее всего, были, но, так сказать, иного рода, требующие большей оперативной, теоретической подготовки, других кадров, более сложного характера, чем просто навалиться всей мощью-массой на неприступную линию Маннергейма. Этот вопрос мы постараемся разобрать в следующем материале.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дайк К.В. Легко отделались: какие уроки извлекло партийное и военное руководство [СССР] из финской кампании // Родина. - 1995. - № 12. - С. 113-115.
2. Арутюнян В.М., Назарий А.В. Уроки, извлеченные советским командованием в ходе советско-финляндской войны / Карелия, Заполярье и Финляндия в ходе Второй мировой войны. Тезисы докладов междунар. науч. конф. (6-10 июля 1994 г., Петрозаводск). - С. 11-12.
3. Зимняя война 1939-1940. Книга вторая. И.В. Сталин и финская кампания / Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б). - М.: Наука, 1999. - 295 с.
4. Там же. - С. 273.
5. Там же. - С. 274.
6. Вольпе А.М. Фронтальный удар. Эволюция форм оперативного маневра в позиционный период мировой войны. - М.: Госвоениздат Наркомата обороны СССР, 1937. - 490 с.
7. Там же. - С. 125-132.
8. Барышников В.Н. Этапы штурма советскими войсками в 1939-1940 гг. «Линии Маннергейма» // От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939-1940 гг.: Сб. статей. - СПб.: Санкт-Петербургский университет, 2006. - 454 с.
9. Маннергейм К.Г. Мемуары. - М.: Астрель, 2011 / Пер. Б.С. Злобина. - 571 с.
10. Барышников В.Н. Указ. соч. - С. 78.
11. Вольпе А. Фронтальный удар. Эволюция форм оперативного маневра в позиционный период мировой войны / [Электронный ресурс] - http://militera.lib.ru/science/0/pdf/volpe_am01.pdf
12. Там же. - С. 81.
13. Там же. - С. 85.
14. [Электронный ресурс] - <http://fun-space.ru/voennaya-texnika/9939-280-mm-mortira-obr-1939-g-br-5>
15. Вольпе А. Указ. соч. - С. 89.
16. Зимняя война 1939-1940. Книга вторая. ... - С. 58.
17. Варфоломеев Н. Ударная армия. 1918 г. На западном фронте мировой империалистической войны / [Электронный ресурс] -
18. http://militera.lib.ru/science/0/pdf/varfolomeev_ne01.pdf.
19. Там же. - С. 151.
20. Барышников В.Н. Указ. соч. - С. 87-88.
21. Варфоломеев Н. Указ. соч. - С. 184.
22. Там же. - С. 125-126.
23. Там же. - С. 60.
24. Там же. - С. 105.
25. Килин Ю.М. Решающий этап сражения. Толвоярви 11-24 декабря 1939 г. - С. 70-71 / [Электронный ресурс] - http://carelica.petrus.ru/2015/Killin_2_15.pdf.
26. Соколов Б.В. Пиррова победа: новое о войне с Финляндией / [Электронный ресурс] - <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/HIST/sokolov.txt>.
27. Чевела П.П. Итоги и уроки советско-финляндской войны // Военная мысль. - 1990. - № 4. - С. 33-39 / [Электронный ресурс] - <http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/1990-vm/8296-itogi-i-uroki-sovetsko-finljandskoj-voyny>.
28. Вольпе А. Указ. соч. - С. 97.
29. Иссерсон Г.С. Мартовское наступление германцев в Пикардии. - М.: Госвоениздат, 1926.
30. Стратегия. - М.: Госвоениздат, 1926.
31. Зимняя война 1939-1940. Книга вторая. ... - С. 111.
32. Там же. - С. 134.
33. [Электронный ресурс] - <http://heninen.net/raatteentie/dokumentit/voroshilov.htm>.

REFERENCES

1. Daik K.V. They easily got off: what lessons did the Party and military leaders of the [USSR] learn from the Finnish campaign [Legko otdealalis: kakiye uroki izvleklo partijnoye i voyennoye rukovodstvo SSSR iz finskoj kampanii]. *Rodina* [Homeland], 1995, no. 12, pp. 113-115.
2. Arutyunyan V.M., Nazarij A.V. Lessons learned by the Soviet command during the Soviet-Finnish war [Uroki, izvlechyonnyye sovetskim komandovaniyem v hode sovetско-finlyandskoj vojny]. *Karelia, the Arctic and Finland during the Second World War. Theses of the reports of the international scientific conference (July 6-10, 1994) [Kareliya, Zapolyarye i Finlyandiya v hode Vtoroj mirovoj vojny. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (6-10 iyulya 1994 g.)]*. Petrozavodsk, pp. 11-12.
3. Winter War 1939-1940. Second Book. JV Stalin and the Finnish campaign [Zimnyaya vojna. 1939-1940. Kniga vtoraya. I.V. Stalin i Finskaya kampaniya]. *Stenogramma soveshchaniya pri TSK VKP (b)* [Transcript of the meeting of the Central Committee of the CK VKP (b)]. Moscow, 1999, p. 295.
4. Winter War 1939-1940. Second Book. JV Stalin and the Finnish campaign [Zimnyaya vojna. 1939-1940. Kniga vtoraya. I.V. Stalin i Finskaya kampaniya]. *Stenogramma soveshchaniya pri TSK VKP (b)* [Transcript of the meeting of the Central Committee of the CK VKP (b)]. Moscow, 1999, p. 273.
5. Winter War 1939-1940. Second Book. JV Stalin and the Finnish campaign [Zimnyaya vojna. 1939-1940. Kniga vtoraya. I.V. Stalin i Finskaya kampaniya]. *Stenogramma soveshchaniya pri TSK VKP (b)* [Transcript of the meeting of the Central Committee of the CK VKP (b)]. Moscow, 1999, p. 274.
6. Volpe A.M. Frontal impact. Evolution of the forms of operational maneuver in the positional period of World War II [Frontalnyj udar. Evolyutsiya form operativnogo manyovra v pozitsionnyj period mirovoj vojny]. Moscow, 1937, p. 490.
7. Volpe A.M. Frontal impact. Evolution of the forms of operational maneuver in the positional period of World War II [Frontalnyj udar. Evolyutsiya form operativnogo manyovra v pozitsionnyj period mirovoj vojny]. Moscow, 1937, pp. 125-132.
8. Baryshnikov V.N. Stages of assault by Soviet troops in 1939-1940 Mannerheim Lines [Etapy shturma sovetskimi voyskami v 1939-1940 gg. "Linii Mannergejma"]. *Ot vojny k miru: SSSR i Finlyandiya v 1939-1940 gg* [From war to peace: the USSR and Finland in 1939-1940]. SPb, 2006, p. 454.
9. Mannergejm K.G. Memoirs [Memuary]. Moscow, 2011, p. 571.
10. Baryshnikov V.N. Stages of assault by Soviet troops in 1939-1940 Mannerheim Lines [Etapy shturma sovetskimi voyskami v 1939-1940 gg. "Linii Mannergejma"]. *Ot vojny k miru: SSSR i Finlyandiya v 1939-1940 gg* [From war to peace: the USSR and Finland in 1939-1940]. SPb, 2006, p. 78.
11. Volpe A.M. Frontal impact. Evolution of the forms of operational maneuver in the positional period of World War II [Frontalnyj udar. Evolyutsiya form operativnogo manyovra v pozitsionnyj period mirovoj vojny]. Available at: URL: http://militera.lib.ru/science/0/pdf/volpe_am01.pdf (accessed 03 December 2017).
12. Volpe A.M. Frontal impact. Evolution of the forms of operational maneuver in the positional period of World War II [Frontalnyj udar. Evolyutsiya form operativnogo manyovra v pozitsionnyj period mirovoj vojny]. Moscow, 1937, p. 81.
13. Volpe A.M. Frontal impact. Evolution of the forms of operational maneuver in the positional period of World War II [Frontalnyj udar. Evolyutsiya form operativnogo manyovra v pozitsionnyj period mirovoj vojny]. Moscow, 1937, p. 85.
14. Available at: URL: <http://fun-space.ru/voennaya-texnika/9939-280-mm-mortira-obr-1939-g-br-5>
15. Volpe A.M. Frontal impact. Evolution of the forms of operational maneuver in the positional period of World War II [Frontalnyj udar. Evolyutsiya form operativnogo manyovra v pozitsionnyj period mirovoj vojny]. Moscow, 1937, p. 89.
16. Winter War 1939-1940. Second Book. JV Stalin and the Finnish campaign [Zimnyaya vojna. 1939-1940. Kniga vtoraya. I.V. Stalin i Finskaya kampaniya]. *Stenogramma soveshchaniya pri TSK VKP (b)* [Transcript of the meeting of the Central Committee of the CK VKP (b)]. Moscow, 1999, p. 58.
17. Varfolomeev N. Shock army. 1918 On the western front of the world imperialist war [Udarnaya armiya. 1918. Na zapadnom fronte mirovoj imperalisticheskoj vojny]. Available at: URL: http://militera.lib.ru/science/0/pdf/varfolomeev_ne01.pdf.
18. Varfolomeev N. Shock army. 1918 On the western front of the world imperialist war [Udarnaya armiya. 1918. Na zapadnom fronte mirovoj imperalisticheskoj vojny]. p. 151. Available at: URL: http://militera.lib.ru/science/0/pdf/varfolomeev_ne01.pdf.

19. Baryshnikov V.N. Stages of assault by Soviet troops in 1939-1940 Mannerheim Lines [Etapy shturma sovetskimi voyskami v 1939-1940 gg. "Linii Mannergejma"]. Ot vojny k miru: SSSR i Finlyandiya v 1939-1940 gg [From war to peace: the USSR and Finland in 1939-1940]. SPb, 2006, pp. 87-88.
20. Varfolomeev N. Shock army. 1918 On the western front of the world imperialist war [Udarnaya armiya. 1918. Na zapadnom fronte mirovoj imperialisticheskoy vojny]. p. 184. Available at: URL:http://militera.lib.ru/science/0/pdf/varfolomeev_ne01.pdf.
21. Varfolomeev N. Shock army. 1918 On the western front of the world imperialist war [Udarnaya armiya. 1918. Na zapadnom fronte mirovoj imperialisticheskoy vojny]. pp. 125-126. Available at: URL:http://militera.lib.ru/science/0/pdf/varfolomeev_ne01.pdf.
22. Varfolomeev N. Shock army. 1918 On the western front of the world imperialist war [Udarnaya armiya. 1918. Na zapadnom fronte mirovoj imperialisticheskoy vojny]. p. 60. Available at: URL:http://militera.lib.ru/science/0/pdf/varfolomeev_ne01.pdf.
23. Varfolomeev N. Shock army. 1918 On the western front of the world imperialist war [Udarnaya armiya. 1918. Na zapadnom fronte mirovoj imperialisticheskoy vojny]. p. 105. Available at: URL: http://militera.lib.ru/science/0/pdf/varfolomeev_ne01.pdf.
24. Kilin Yu. M. The decisive stage of the battle. Tolvajarvi December 11-24, 1939 [Reshayushchij etap srazheniya. Tolvajarvi 11-12 dekabrya 1939 g.]. p. 70-71. Available at: URL: http://carelica.petrus.ru/2015/Killin_2_15.pdf
25. Sokolov B.V. Pyrrhic victory: the new about the war with Finland [Pirrova pobeda: novoye o vojne s Finlyandiyej]. Available at: URL: <http://lib.ru/MEMUARY/1939-1945/HIST/sokolov.txt>.
26. Chevela P.P. Results and lessons of the Soviet-Finnish war [Itogi i uroki sovetsko-finlyandskoj vojny]. Voyennaya mysl [Military thought], 1990, no. 4, pp. 33-34. Available at: URL: <http://militaryarticle.ru/voennaya-mysl/1990-vm/8296-itogi-i-uroki-sovetsko-finljandskoj-vojny>.
27. Volpe A.M. Frontal impact. Evolution of the forms of operational maneuver in the positional period of World War II [Frontalnyj udar. Evolyutsiya form operativnogo manyovra v pozitsionnyj period mirovoj vojny]. Moskva, 1937, p. 97.
28. Isserson G.S. The March offensive of the Germans in Picardy [Martovskoye nastupleniye germantsev v Pikardii]. Moscow, 1926.
29. Strategiya [Strategy]. Moscow, 1926.
30. Winter War 1939-1940. Second Book. JV Stalin and the Finnish campaign [Zimnyaya vojna. 1939-1940. Kniga vtoraya. I.V. Stalin i Finskaya kompaniya]. Stenogramma soveshchaniya pri TSK VKP (b) [Transcript of the meeting of the Central Committee of the CK VKP (b)]. Moscow, 1999, p. 134.
31. Winter War 1939-1940. Second Book. JV Stalin and the Finnish campaign [Zimnyaya vojna. 1939-1940. Kniga vtoraya. I.V. Stalin i Finskaya kompaniya]. Stenogramma soveshchaniya pri TSK VKP (b) [Transcript of the meeting of the Central Committee of the CK VKP (b)]. Moscow, 1999, p. 111.
32. Available at: URL: <http://heninen.net/raatteentie/dokumentit/voroshilov.htm>.

Информация об авторе:

Тебенко Вячеслав Александрович, ООО «Компания Сталь Сервис»,
г. Петрозаводск, Россия
stal12h18n@mail.ru

Information about the author:

Vyacheslav A. Tebenko, Stal Service Company LTD,
Petrozavodsk, Russia
stal12h18n@mail.ru

Получена: 13.11.2017

Received: 13.11.2017

Для цитирования: Тебенко В.А. Еще раз о линии Маннергейма Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.104-117.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-104-117.

For citation: Tebenko V.A. Once again about the Mannerheim line. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.6 Part. 1. Pp. 104-117.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-104-117.
(in Russian)

***Социологические
и гуманитарные науки***

***Sociological
and Humanities Sciences***

УДК 81'272

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-121-126

АНДРЕЕВА Людмила Анатольевна
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия

Ludmila A. ANDREEVA
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia

ХОПИЯЙНЕН Ольга Анатольевна
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия

Olga A. HOPIAYNEN
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia

ФИЛИМОНОВА Наталья Владимировна
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
nota1606@mail.ru

Natalia V. FILIMONOVA
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
nota1606@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУХНЯ КАК ФРАГМЕНТ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

NATIONAL CUISINE AS A CONSTITUENT PART OF ETHNIC IDENTITY

В настоящее время существует много возможностей для понимания иных культур, особенностей их менталитета и мировоззрения, социальной и культурной жизни, исторического развития. Методология социально-гуманитарных наук предлагает обширный инструментарий исследования этнической идентичности, находящей свое отражение в различных элементах практической и духовной жизни народа, социальной жизни.

Предлагаемое исследование ориентировано на изучение особенностей национальной культуры питания как важного фрагмента этнической идентичности. В статье показано, что через особенности национальной кухни тонко и аутентично раскрывается этническая уникальность народов, а посредством пищевых реалий определенного этноса раскрываются специфические способы культурного самовыражения и самоутверждения. Национальная кухня представляет собой совокупность представлений о пищевых предпочтениях определенного народа, считающихся репрезентативными и одновременно специфическими для данного этноса. Представления о пищевых привычках разделяются всеми носителями культуры и транслируются далеко за ее пределы.

В системе культурных маркеров определенного этноса кухня выступает естественным национальным феноменом, развивающимся стихийно, но в соответствии с внутренними закономерностями, и представляет собой механизм формирования этнической идентичности на уровне повседневности. В культуре конкретного народа именно национальная кухня далека от конструирования и способна сохранять свою уникальную специфику даже на протяжении определенного периода времени. В данной работе предлагаются к рассмотрению теоретические предпосылки исследования национальной кухни как культурного феномена. Представлены культурная, социальная и межкультурная составляющие проводимого исследования, а также раскрываются методы анкетирования и тематического интервьюирования в изучении традиционных кулинарных практик народов, населяющих Ханты-Мансийский автономный округ - Югру.

At present there are many opportunities for understanding other cultures, their mentality and worldview, social and cultural life, and historical development. The methodology of the social sciences and humanities offers an extensive tool for the study of ethnic identity, which is reflected in various elements of the practical and spiritual life of the people, social life. The proposed research is focused on studying the features of the national food culture as an important fragment of ethnic identity. The article shows that through the features of the national cuisine the ethnic uniqueness of peoples is delicately and authentically revealed and through the food realities of a certain ethnos specific ways of cultural self-expression and self-affirmation is revealed. National cuisine is a set of ideas about food preferences of a certain people, considered representative and at the same time specific for this ethnos. Representations of food habits are shared by all cultural bearers and are broadcast far beyond its limits. In the system of cultural markers of a certain ethnic group, the cuisine is a natural national phenomenon that develops spontaneously, but in accordance with internal laws, and represents a mechanism for the formation of ethnic identity at the level of everyday life. In the culture of a particular people, it is the national cuisine that is far from constructing and is capable of preserving its unique specificity even for a certain period of time. In this paper, the authors propose to consider the theoretical prerequisites for the study of national cuisine as a cultural phenomenon. The cultural, social and cross-cultural components of the research are presented, and the methods of questioning and thematic interviewing are disclosed in the study of traditional culinary practices of the peoples inhabiting the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra.

Ключевые слова: этническая идентичность, национальная кухня, культурный маркер, диалог культур, анкетирование, тематическое интервью

Keywords: ethnic identity, national cuisine, cultural marker, dialogue of cultures, survey, thematic interview

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ № 17-13-86004 и Правительства ХМАО-Югры №06/17.0252 "Национальная кухня как фрагмент этнической идентичности в диалоге культур народов Югры".

Acknowledgement. The project is supported by the Russian Foundation for Basic Research Grant No.17-13-86004 and the Government of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra Grant No.06/17.0252 "National Cuisine as a Fragment of Ethnical Identity in Cultural Interaction of Yugra Peoples".

Проблема и ее актуальность

Вопросы этнической идентичности получили широкое освещение в исследовательской литературе. Философы, этнографы, психологи, социологи, культурологи, лингвисты пытаются осмыслить происходящие в обществе процессы, обращая внимание на разные аспекты этой многогранной проблемы. В фокусе внимания оказываются вопросы, затрагивающие не только философское понимание сущности данного явления [1; 2], а также ее социальной обусловленности [3], связи с языком [4], но и психологические факторы ее проявления, влияние географических факторов на ее специфику [5], ее особенности в условиях поликультурного общества [6; 7], социальное конструирование на основе манипулирования знаками [8].

В условиях полиэтничного общества осознание этносом своей общности и целостности, своей самобытности и уникальности приобретает особое значение, прежде всего, с точки зрения сохранения этнической группы. Основа общности формируется признаками, состав и содержание которых являются предметом научных дискуссий. К этнодифференцирующим признакам относят происхождение, язык, религию, внешность, традиции и обычаи, культуру и т.д.

Этническую уникальность народов можно проследить и через особенности национальной кухни, которая тонко и аутентично раскрывает особенности национальной культуры питания, специфические способы культурного самовыражения и самоутверждения.

Изучение особенностей национальной культуры питания в рамках данного исследования рассматривается как важный фрагмент этнической идентичности, поскольку, как справедливо замечает А.В. Павловская, в эпоху повсеместной мобильности и массовых миграций «национальная еда нередко остается единственной связующей нитью с исторической родиной и не дает почувствовать себя безродным и лишенным корней» [9, с. 11]. Автор подчеркивает мысль о том, что «вкус к еде сохраняется дольше и адаптируется труднее, чем другие культурные составляющие», поэтому страну происхождения людей, ассимилировавшихся в условиях иной культуры, могут иногда выдавать «только кулинарные пристрастия» [9, с. 10].

Предлагаемое исследование ориентировано на изучение особенностей пищи, ее смыслового содержания, способов приготовления, а также на выяснение степени сохранности традиционной системы питания народов, проживающих на территории Ханты-Мансийского округа - Югры, переселившихся из привычной исторической среды и оказавшихся на территории другого этноса.

Его актуальность в научном аспекте заключается в возможности ввести в научный оборот новый фактический материал об особенностях национальной кухни народов, населяющих Югру, полученный эмпирическим путем с помощью методов анкетирования и тематического интервьюирования.

На данном этапе проведения исследования *целью* является выполнение подготовительных и проектировочных процедур по сбору и систематизации данных о трансформациях, происходящих в традициях питания этноса в условиях непрерывного культурного диалога. Соответственно, определение первостепенных задач связано с необходимостью теоретического обоснования роли национальной кухни в осознании этнической идентичности, разработки моделей работы с информантами для сбора, описания и анализа эмпирических данных, системного описания и представления информации о националь-

ных особенностях приготовления пищи народов, населяющих территорию Ханты-Мансийского округа - Югры.

В целом же, круг *задач*, на решение которых направлено исследование, шире:

- исследовать теоретический и эмпирический материал с целью его системного описания и обеспечения возможности для распространения информации о национальных особенностях приготовления пищи народов, населяющих территорию Ханты-Мансийского округа - Югры;

- придать описанию национальной кухни более целостный характер и способствовать удовлетворению информационных потребностей всех существующих и потенциальных пользователей.

- содействовать изучению и признанию ценности элементов этнической идентичности Югры в соответствии с реализацией принципов языкового и культурного разнообразия.

Методы исследования

Методология исследования представляет собой комплекс исследовательских процедур, направленных на достижение задач проекта.

Метод анкетирования предполагает использование для опроса представителей народов специально разработанных анкет, содержащих упорядоченные по тематическому принципу формулировки вопросов, допускающих близкие к тексту перефразировки применительно к каждому респонденту.

Тематические интервью позволяют получить богатый и разнообразный материал для исследования. Интервьюирование проводится в нескольких фокусах: личный опыт приготовления национальных блюд информантов, конкретные кулинарные техники приготовления, контекст их реализации, комментарии о застольях, празднествах, представления информантов о кулинарной культуре настоящего времени и взгляд на исторические особенности развития пищевых традиций народов, которые они представляют.

Проведение тематического интервью основано на ряде методических принципов:

1. Принцип недирективности, заключающийся в применении техники расспрашивания, нацеленного на минимизацию вмешательства интервьюера в нарративы информантов.

2. Принцип апелляции к естественному ходу мыслей респондентов, заключающийся в поощрении свободных высказываний по теме вопросов.

3. Принцип полной записи вербальных ответов с целью последующего цитирования при необходимости подтверждения фактического описания кулинарных практик.

4. Принцип нестандартизированной фиксации невербальной реакции респондентов на отдельные вопросы и тему в целом. Для реализации этого принципа от интервьюера требуется тщательное наблюдение за информантами и фиксация в дневнике общего отношения к теме, заинтересованности в вопросах темы, степень активности в процедуре демонстрации кулинарных практик. На основе анализа особенностей проведения интервью и реакций респондентов можно сделать выводы о степени готовности к сообщению важных характеристик блюд и рецептов их приготовления.

Теоретические предпосылки исследования

В системе культурных маркеров определенного этноса кухня выступает естественным национальным феноменом, развивающимся стихийно, но в соответствии с внутренними закономерностями, и представляет собой механизм формирования этнической идентичности на уровне повседневности. Процесс приготовления пищи и ее принятие выступают своеобразным культурным ритуалом, выполняя который человек осознает себя частью своей культуры и обособляет себя от другой, признавая тем самым свою идентичность. Так, отмечая, что традиции питания выполняют связующую роль между биологическим началом и культурой, Э. Лич подчеркивает их значимость как элемента материальной культуры, имеющего символический характер в социуме: 'Food is an espe-

cially appropriate mediator because when we eat, we establish, in a literal sense, a direct identity between ourselves (culture) and our food (nature)' [10, p. 57].

Важно отметить, что представления о пищевых привычках разделяются всеми носителями культуры и транслируются далеко за ее пределы. Совокупность представлений о пищевых предпочтениях народа, считающихся репрезентативными и одновременно специфическими для данного этноса, формирует понятие «национальная кухня».

Национальная кухня выступает одним из важных элементов, благодаря которым человек осознает себя частью той или иной культуры, этноса. Так, в одном из номеров журнала ЮНЕСКО «Курьер», посвященном проблемам питания, его главный редактор Э. Глиссан пишет о том, что пища не только призвана удовлетворять потребность человека, но и является «важнейшим элементом его культурной принадлежности». Раскрывая свою мысль, Э. Глиссан подчеркивает, что культура питания позволяет понять культурные ценности семьи, общества, находит отражение в языке, религиозных обрядах и пр.: "Meals convey social messages. Through eating together as a family cultural values are transmitted from generation to generation. Symbolic meanings are attached to food and drink by the major world religions, and eating is associated with initiation and burial rites and other ceremonies. Finally, the importance of food and eating is reflected in proverbs, folk wisdom and metaphor in many languages" [11, p. 3].

Исследователи отмечают, что в отношении к еде, табуировании пищевых ресурсов и блюд проявляются «характеристики фундаментальных сторон человеческой жизни» [12, с. 150].

Е.В. Сергеева, занимающаяся вопросами культуры питания чувашей отмечает, что «система питания представляется сложным, многогранным явлением, исследование которого необходимо для глубокого анализа этнокультурных процессов в прошлом и настоящем» [13, с. 3].

В настоящий момент, однако, в национальной культуре питания наблюдается тенденция к традиционализму. Как показывают данные проведенных тематических интервью, национальные особенности питания и приготовления пищи не всегда имеют большое значение в повседневном рационе (и это не уход от традиций, а скорее неизбежное влияние современного образа жизни), но обязательно сохраняются как элемент праздничной культуры, как некий инструмент этнического определения. В этом смысле культура питания становится средством, которое позволяет выразить свою индивидуальность в условиях активных миграционных процессов.

Область интересов данного исследования включает в себя культурную, социальную и межкультурную составляющие. Культурная составляющая связана с рассмотрением традиций питания как части культуры, духовной и художественной жизни людей. Она включает изучение праздничных обрядов, пищевой символики, запретов и разрешений, связанных с приготовлением и питанием.

Социальная составляющая предполагает изучение роли еды в общественном и гендерном делении этнической группы, в системе семейных отношений в различные исторические периоды, совместные трапезы и правила гостеприимства, ритуалы приема гостей и т.д.

Межкультурная составляющая показывает роль культуры питания в межкультурном общении в разные исторические периоды, значение современных региональных и национальных традиций питания с точки зрения общения представителей разных культур, объединенных территориальным признаком.

Значение исследования поставленных вопросов связано с тем, что, с одной стороны, «распространение научных знаний о еде, традициях и культуре питания способствует воспитанию толерантности, что особенно важно в мультикультурной среде, а также продвижению идеи семейных ценностей, приобретающее в современном мире особый смысл для молодого поколения. С другой стороны, знакомство с особенностями национальной кухни, по мнению В.В. Похлебкина [14, с. 16], можно рассматривать как самый лучший и короткий путь к взаимопониманию наций, поскольку оно дает возможность близко соприкоснуться с материальной культурой народа.

Выводы

Участники межкультурного диалога в силу различий по целому ряду факторов (базовые ценности, уровень развития языка и культуры, демографический и др.) не могут находиться в равном положении. Однако основой конструктивного межэтнического и межкультурного взаимодействия является позитивная этническая идентичность, фрагментом которой выступает национальная кухня. Несмотря на то, что национальная кухня относится к маркерам межкультурных различий, именно знакомство с ней, проникновение ее отдельных элементов, способствует повышению интереса к иной культуре и взаимодействию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Делез Ж. Различие и повторение. - СПб., 1998.
2. Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. - Донецк, 1999.
3. Mead G.H. Mind, self, and society: from the Standpoint of a social behaviorist / G.H. Mead; Ed. and with an introduction by C.W. Morris. - Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992. - 401 с. (Works of George Herbert Mead; Vol.1).
4. Gudykunst W.B., Schmidt K.L. Language and ethnic identity: An overview and prologue // Journal of Language and Social Psychology. - 1987. - V. 6. - Pp. 157-170.
5. Гумилёв Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. - М., 2008.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. - М.: Издательство АСТ, 2003. - 603 с.
7. *Huntington Samuel P. Who Are We?: The Challenges to America's National Identity.* - New York: Simon & Schuster, 2004. - 448 p.
8. Кириленко С. Особенности символизации пищи в современном обществе // *Studioculturae*. - Вып. 3. - С. 109.
9. Павловская А.В. Нужна ли нам наука о еде? / Еда и культура: Сборник статей. - М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2015. - 362 с.
10. Leach E.R. Culture and Communication. - Cambridge: Cambridge University Press, 1976. - 116 p.
11. E. Glissant Editorial // *The Courier*. - 1987. - May.
12. Амбарова П.А. Пища людей: межкультурные различия и культурные универсалии // *Известия Уральского государственного университета*. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. - 2010. - № 4 (81). - С. 150-154.
13. Сергеева Е.В. Культура питания низовых чувашей (конец XIX - начало XXI в.) / автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Самара, 2013.
14. Похлебкин В.В. Национальные кухни наших народов (Основные кулинарные направления, их история и особенности. Рецептура). - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Агропромиздат, 1991. - 605 с.

REFERENCES

1. Delez Zh. Razlichie i povtorenie [Difference and Repetition]. SPB., 1998. (In Russ).
2. Habermas Ju. V poiskah nacional'noj identichnosti. Filosofskie i politicheskie stat'i [In the search for national identity. Philosophical and political articles]. Doneck, 1999. (In Russ).
3. Mead G.H. Mind, self, and society: from the Standpoint of a social behaviorist. G. H. Mead; Ed. and with an introduction by C.W. Morris. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992. 401 p. (Works of George Herbert Mead; Vol.1) .
4. Gudykunst W.B., Schmidt K.L. Language and ethnic identity: An overview and prologue. Journal of Language and Social Psychology. 1987. V. 6. P. 157-170.
5. Gumil'ov L.N. Jetnosfera: istorija ljudej i istorija prirody [Ethnosphere: The history of people and the history of nature]. M., 2008. (In Russ).
6. Hantington S. Stolknovenie civilizacij [The Clash of Civilizations]. M.: Izdatel'stvo AST, 2003. 603 s. (In Russ).
7. Huntington, Samuel P. Who Are We?: The Challenges to America's National Identity. New York: Simon & Schuster, 2004. 448 p.
8. Kirilenko S. Osobennosti simvolizacii pishhi v sovremennom obshchestve [The peculiarities of food symbolization in modern society]. *Studioculturae*. Vypusk 3. S. 109. (In Russ).

9. Pavlovskaja A.V. Nuzhna li nam nauka o ede? [Do we need science about food?]. Eda i kul'tura [sbornik statej]. M.: Centr po izucheniju vzaimodejstviya kul'tur, 2015. 362p. (In Russ).
10. Leach, E. R. Culture and Communication. Cambridge: Cambridge University Press. 1976. 116p.
11. E. Glissant Editorial. The Courier. 1987. May.
12. Ambarova P.A. Pishha ljudej: mezhkul'turnye razlichija i kul'turnye universalii [People's food: intercultural differences and cultural universals]. Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2010. N 4 (81). S. 150-154. (In Russ).
13. Sergeeva E.V. Kul'tura pitaniya nizovyh chuvashей (konec XIX - nachalo XXI v) [The food culture of the grass-root Chuvash people (the end of XIX - beginning of XXI cent.)]. avtoref. dis. ... k. ist. n., Samara, 2013. (In Russ).
14. Pohlebkina V.V. Nacional'nye kuhni nashih narodov (Osnovnye kulinarne napravleniya, ih istoriya i osobennosti. Receptura) [National cuisines of our peoples (The main culinary directions, their history and peculiarities. Recipes)]. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Agropromizdat, 1991. 605 p. (In Russ).

Информация об авторах:

Андреева Людмила Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Югорский государственный университет

Хопияйнен Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Югорский государственный университет

Филимонова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Югорский государственный университет
nota1606@mail.ru

Получена: 13.11.2017

Для цитирования: Андреева Л.А. Хопияйнен О.А., Филимонова Н.В. Национальная кухня как фрагмент этнической идентичности. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.121-126.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-121-126.

Information about the authors:

Ludmila A. Andreeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Modern Languages Department, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia

Olga A. Hopiaynen, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Modern Languages Department, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia

Natalia V. Filimonova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Modern Languages Department, Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia
nota1606@mail.ru

Received: 13.11.2017

For citation: Andreeva. A., Hopiaynen O.A., Filimonova N.V. National Cuisine as a Constituent Part of Ethnic Identity. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part. 1. Pp. 121-126.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-121-126.
(in Russian)

УДК 316.344.55:001.8(470+571)

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-127-136

БЫЛИНА Светлана Геннадиевна
Институт аграрных проблем Российской
академии наук
г. Саратов, Россия
svbylina@rambler.ru

Svetlana G. BYLINA
Institute of Agrarian Problems of the Russian
Academy of Sciences
Saratov, Russia
svbylina@rambler.ru

**ИНФОРМАЦИОННЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ
ПОТЕНЦИАЛЫ
СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РФ: ОЦЕНКА
СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ**

**INFORMATION AND COGNITIVE POTENTIAL OF
THE RURAL POPULATION OF THE RUSSIAN
FEDERATION: ESTIMATION AND DEVELOPMENT
PROSPECTS**

В статье рассматриваются информационный и когнитивный потенциалы сельского населения РФ с позиций потребностей информационного общества как две разновидности познавательной деятельности человека, в результате которой происходит создание и передача знаний. Предлагается собственный подход к оценке уровня когнитивного и информационного потенциалов сельского населения России. На основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения ВШЭ (RLMS-HSE) за период с 2005 по 2015 гг. рассчитаны и проанализированы параметры, характеризующие уровень информационного и когнитивного потенциалов сельского населения РФ. Анализ показателей, характеризующих информационный потенциал сельского населения, свидетельствует о росте уровня освоения информационно-коммуникационных технологий сельскими жителями, а также уровня применения данных инновационных форм для профессиональной деятельности, получения образования и в справочно-информационных целях. Несколько иную динамику демонстрируют факторы, характеризующие когнитивный потенциал сельского населения. Определено, что рост индекса, характеризующего информационный потенциал сельского населения, сопровождается ниспадающей тенденцией индекса когнитивного потенциала. Рост потребности в увеличении уровня информированности сельского населения РФ с использованием средств информационно-коммуникационных технологий сопровождается снижением мотиваций в получении новых знаний и повышении уровня своей квалификации. Данная тенденция может послужить серьезным барьером на пути устойчивого развития сельских территорий.

The paper addresses the cognitive and informational potential of the rural population of the Russian Federation from the standpoint of the demands of the information society. Based on the analysis of the existing methods of assessing the informational and cognitive potentials, we suggest our own approach to their quantitative definition for the rural population of Russia. The basis of the study was the data of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population (RLMS-HSE) for 2005-2015. The paper also calculates and analyzes the parameters determining the level of information and cognitive potentials of the rural population of Russia. Analysis of the parameters characterizing the informational potential of the rural population shows the growing level of mastering of information and communication technologies by rural residents, as well as the level of application of these innovative forms for professional activities, education and advice and information purposes. The factors characterizing the cognitive potential of the rural population demonstrate a somewhat different dynamics. There is a clear trend of decrease in the share of those rural residents who wish to continue their education. The gradual growth of the interest in raising the level of their education and the desire to invest in their educational potential in 2011-2013 was replaced by a sharp fall in 2014-2015. It is noted that the growth of the index characterizing the information potential of the rural population is accompanied by a decrease in the cognitive potential index. Being clearly able and ready to perceive the innovations of the information society, the rural population of the Russian Federation demonstrates a reduced need for increased knowledge. This contradictory fact indicates a decrease in the quality of the human potential of the Russian countryside and may serve a serious barrier on the way to sustainable development of rural areas.

Ключевые слова: сельское население, человеческий потенциал, информационный потенциал, когнитивный потенциал, информационно-коммуникационные технологии, сельские территории

Keywords: rural population, human potential, information potential, cognitive potential, information and communication technologies, rural areas

Переход российской экономики на инновационный путь развития, заявленный в Концепции социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года [1, с. 8], означает вступление нашей страны в эпоху информационного общества, которое позиционируется как общество, где «информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан» [2, с. 2]. В информационном обществе первостепенное значение приобретают

знание, опыт и система ценностей личности. В новой Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, принятой 9 мая 2017 г. и призванной создать «условия для формирования пространства знаний и предоставления доступа к нему, совершенствования механизмов распространения знаний, их применения на практике в интересах личности, общества и государства», одним из важнейших приоритетов сферы национальных интересов Российской Федерации обозначено развитие человеческого потенциала [2, с. 5].

Как отмечают многие специалисты [3, с. 1938; 4, с. 131-132; 5, с. 91], с позиций потребностей информационного общества возникает необходимость исследования новых подходов к качеству человеческого потенциала. В современных экономических условиях ведущую роль при решении производственных задач и создании новых знаний будет играть уровень когнитивного потенциала работника. Когнитивный потенциал, являясь одной из качественных характеристик человеческого потенциала, согласно концепции специалистов Института социально-экономических проблем народонаселения РАН - ИСЭПН РАН [6, с. 18-19], наряду с творческими способностями рассматривается как часть интеллектуального потенциала и обозначает способность к познанию, сохранению знания и обмену им с другими. Уровень когнитивных способностей может свидетельствовать о возможностях человека воспринимать знание и информацию и прорабатывать их. В данном исследовании будем рассматривать когнитивный потенциал личности как способность к познанию, стремление к приобретению новых знаний.

Вместе с тем развитие современного человеческого потенциала происходит в информационной среде. Исследователи отмечают возникновение новых инновационных форм человеческого потенциала, которые в совокупности можно обозначить как информационный потенциал, определяемый умением ориентироваться в информационном поле, находить и усваивать необходимую информацию, способностью личности «обобщать, искать, хранить и передавать информацию» [7, с. 64].

По сути, информационный и когнитивный потенциалы представляют собой две разновидности познавательной деятельности человека, в результате которой происходит создание и передача знаний. Данные качественные характеристики человеческого потенциала необходимо рассматривать в тесной взаимосвязи, поскольку накопление знаний и пользование знаниями представляют собой в сущности единый процесс. По мнению исследователей, именно информационно-когнитивным потенциалом личности во многом будет определяться уровень развития информационного общества [7, с. 64].

Одной из важнейших стратегических целей государственной политики при переходе на инновационный путь развития является создание условий для устойчивого развития сельских территорий, обеспечивающих эффективное использование имеющегося потенциала экономики страны, и в первую очередь человеческого потенциала села. Решение проблем сельского развития и обеспечения роста уровня жизни сельских жителей, диверсификация сельской экономики, способствующая росту занятости и повышению доходов сельских жителей, выравнивание межрегиональных уровней экономического и социально-культурного развития сельских территорий, преодоление информационного неравенства сельских жителей - решение этих проблем, перечисленных в Концепции устойчивого развития сельских территорий [8, с. 18], невозможно без использования человеческого потенциала сельского населения, и, прежде всего, информационного и когнитивного потенциалов.

Существует несколько подходов к количественному определению когнитивного и информационного потенциалов. Исследователи в большинстве своем предлагают различные системы факторов, отражающие, по их мнению, уровень когнитивного или информационного потенциала населения. Так, Д.Д. Цыреновым [9, с. 807-808] предлагается блок из 16 показателей, характеризующих в основном состояние образовательной сферы.

А.С. Бородин в качестве характеристик человеческого капитала, непосредственно связанных с информационной безопасностью, предлагает показатели, отражающие как уровень использования средств информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), так и системы подготовки и использования кадров в области ИКТ [10, с. 206]. Означенные подходы опираются в основном на данные официальной статистики. Иная методика используется специалистами Института социально-экономического развития территорий РАН. На основе ежегодного мониторинга качества трудового потенциала Вологодской области определяется также и когнитивный потенциал трудоспособного населения. Методика оценки предложена специалистами Института социально-экономических проблем народонаселения [11, с. 17] и основана на использовании шкалы Лайкерта с помощью блока вопросов с балльной оценкой. Уровень когнитивного потенциала определяется в виде индекса со значением от 0 до 1. Аналогичную методику с применением рейтинговых шкал использовали Emily B. Rhoades и др. [12, с. 47-48] для определения уровня когнитивного потенциала учащихся колледжей сельскохозяйственных и несельскохозяйственных специальностей.

В настоящем исследовании, основываясь на рассмотренных подходах, использована следующая методика определения уровня информационного и когнитивного потенциалов сельского населения. Основой исследования послужили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, (RLMS-HSE) [13] за период 2005-2015 гг. (14-24 волн). Из общего массива данных выделено сельское население: от 2341 до 5737 респондентов. На стадии постановки задачи определения уровня информационного и когнитивного потенциалов сельского населения из данного исследования были выделены отдельные вопросы, позволяющие оценить потребность сельских жителей в получении новых знаний и повышении своей профессиональной квалификации, а также использование средств ИКТ для данных целей.

В качестве показателей, характеризующих уровень когнитивного и информационного потенциалов сельского населения, рассчитаны доли от числа респондентов:

- имеющих законченное высшее образование;
- желающих продолжить свое образование (респонденты старше 22 лет);
- участвующих в повышении своей квалификации с помощью курсов (респонденты старше 22 лет);
- использующих средства Интернет для учебы, работы, получения справочных материалов.

Полученные данные использованы для расчета индексов уровня информационного и когнитивного потенциалов сельского населения РФ. При расчете индексов применен методический подход, опирающийся на показатели, взятые в долях от всего сельского населения, их значения находятся в интервале от 0 до 1 и не требуют специальной нормировки. На первом этапе исследования построена матрица парных корреляций временных рядов показателей. Установлено, что внутри каждой группы показатели высоко скоррелированы с коэффициентами корреляции не ниже 0,8. С использованием метода главных компонент процедуры факторного анализа статистического пакета STATISTICA показатели каждой группы агрегированы в факторы. Получено два фактора, каждый из которых объединяет не менее 90% суммарной дисперсии исходных переменных. Следовательно, показатели каждой группы могут быть использованы для определения индексов, характеризующих информационный и когнитивный потенциалы сельского населения РФ. Полученные индексы являются по сути композитными, так как одно число характеризует ситуацию целого направления в развитии человеческого потенциала сельского населения. В качестве индексов взяты евклидовы расстояния векторов-показателей за каждый год. Динамика полученных значений индексов представлена на рис. 1.

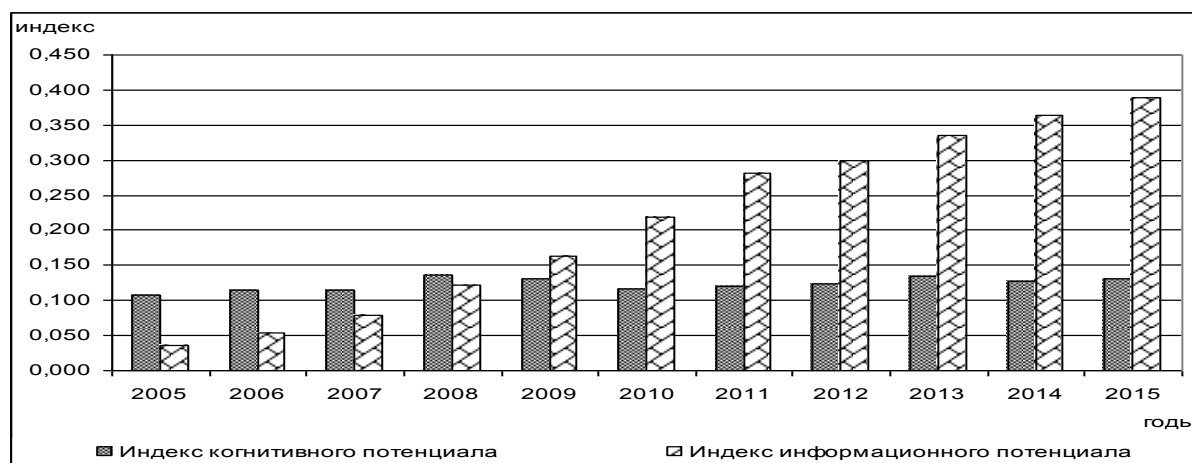

Рис. 1. Динамика индексов информационного и когнитивного потенциалов сельского населения РФ

Fig. 1. Dynamics of the indices of informational and cognitive potentials of the rural population of RF

Источник: составлено автором.

Source: completed by the author.

Очевиден стабильный рост индекса информационного потенциала сельского населения, который за рассматриваемый период вырос более чем в 11 раз. В то же время индекс, характеризующий когнитивный потенциал сельского населения за тот же период, увеличился в общей сложности лишь в 1,2 раза, причем его динамика весьма нестабильна. Так, заметны периоды роста к 2008, 2013 гг. и периоды спада 2009-2010 и 2014-2015 гг.

Динамика рассчитанных композитных индексов объясняется динамической структурой составляющих компонентов. Отмечается рост факторов, характеризующих информационный потенциал сельского населения (рис. 2). В настоящее время Интернет является одним из основных способов получения информации. За рассматриваемый период доля сельских жителей, пользующихся средствами Интернет в любых целях, выросла в 1,9 раза.

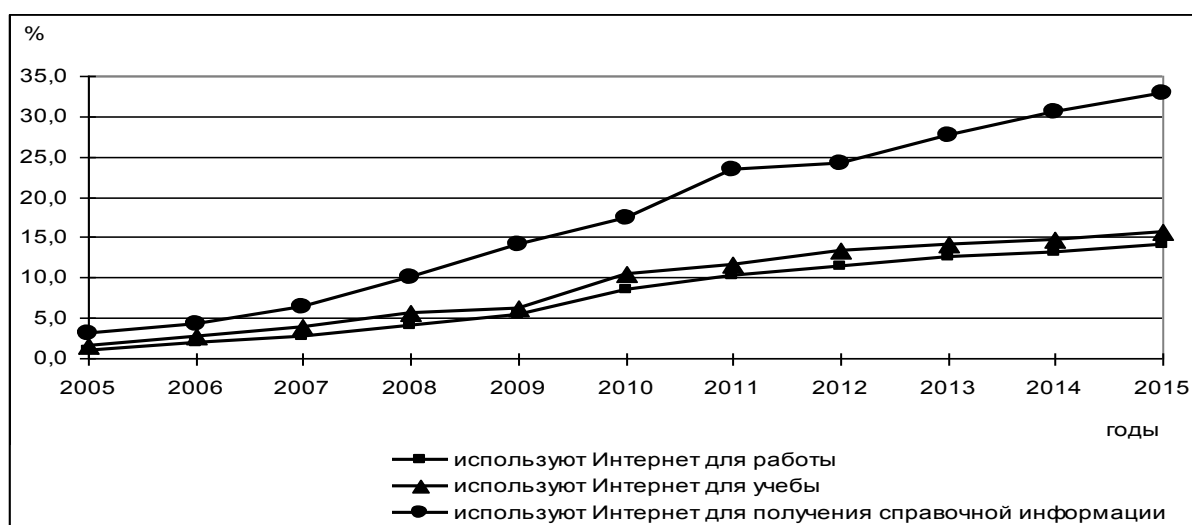

Рис. 2. Динамика показателей, характеризующих информационный потенциал сельского населения РФ, % от числа респондентов

Fig. 2. Dynamics of the parameters characterizing the informational potential of the rural population of RF, % of the respondents

Источник: составлено автором.
Source: completed by the author.

При этом рост доли сельских жителей, использующих средства Интернет в своей работе с 2005 по 2015 гг., составил 15,8 раза. Анализ образовательной структуры пользователей сети Интернет в профессиональных целях за последние пять лет (табл. 1) показывает, что наибольшая их доля, как и ожидалось, приходится на сельских жителей с законченным высшим образованием.

Таблиц 1. Структура сельских пользователей сети Интернет по уровню образования и целям использования, %

Table 1. Structure of the rural Internet users by levels of education and purposes of use, %

в профессиональных целях
 for professional purposes

Уровень образования	2011	2012	2013	2014	2015
Неполное среднее	0,9	1,4	1,7	2,0	0,9
ПТУ на базе неполного среднего	4,3	6,6	4,3	3,9	4,6
Законченное среднее образование	18,4	17,1	19,8	22,0	21,4
Законченное среднее специальное образование	28,8	29,6	28,5	26,3	30,3
Законченное высшее образование	47,7	45,3	45,7	45,7	42,8

в учебных целях
 for educational purposes

Уровень образования	2011	2012	2013	2014	2015
Ниже неполного среднего	1,4	0,9	0,2	0,6	0,6
Неполное среднее	16,0	17,5	17,2	19,1	16,6
ПТУ на базе неполного среднего	26,1	25,3	27,4	26,5	26,8
Законченное среднее образование	32,9	29,1	25,8	28,2	15,6
Законченное среднее специальное образование	10,9	12,7	13,4	11,2	25,5
Законченное высшее образование	12,7	14,5	16,0	14,4	14,9

в информационных целях
 for informational purposes

Уровень образования	2011	2012	2013	2014	2015
Ниже неполного среднего	0,3	0,2	0,3	0,2	0,1
Неполное среднее	6,0	7,4	6,0	6,7	6,2
ПТУ на базе неполного среднего	14,3	18,5	15,2	15,1	15,4
Законченное среднее образование	29,5	25,7	29,7	31,4	26,3
Законченное среднее специальное образование	21,9	23,0	23,0	22,0	27,7
Законченное высшее образование	28,0	25,3	25,9	24,6	24,3

Источник: составлено автором.
Source: completed by the author.

Однако динамика образовательной структуры пользователей позволяет сделать вывод о росте потребности в использовании средств ИКТ в профессиональных целях среди групп сельского населения со средним, средним специальным и профессиональным образованием на базе неполного среднего. За период с 2011 по 2015 гг. их доля в структу-

ре пользователей выросла на 5,5-16,4%, что несколько снизило долю респондентов с законченным высшим образованием.

Анализ возрастной структуры пользователей сети Интернет в профессиональных целях (табл. 2), по данным за 2015 г., показывает доминирование возрастной группы от 41 до 54 лет, то есть наиболее старшего и предпенсионного возрастов. Причем за последние пять лет произошло смещение данного структурного максимума с возраста 31-40 лет на более старшую когорту, что во многом, видимо, связано с естественным демографическим процессом перехода данной категории респондентов в группу старших возрастов.

Таблица 2. Структура сельских пользователей сети Интернет по возрасту и целям использования в 2015 г., %

Table 2. Structure of the rural Internet users by the age and purposes of use in 2015, %

Возраст	В профессиональных целях	В учебных целях	В информационных целях
до 22 лет	6	75,9	30,3
22-30 лет	23,8	9,5	19,1
31-40 лет	29,7	8,5	24,0
41-54 года	32,4	5,3	18,6
55-65 лет	7	0,4	6,6
старше 65 лет	1	0,4	1,4

Источник: составлено автором.

Source: completed by the author.

Второй показатель, характеризующий уровень информационного потенциала сельского населения, демонстрирует растущую динамику доли сельских респондентов, использующих средства Интернет в образовательных целях. За период с 2005 по 2015 гг. данный показатель вырос в 10,1 раза, что показывает, с одной стороны, растущую потребность в средствах ИКТ для получения знаний, с другой стороны, рост доступности дистанционного образования для сельских жителей.

Вполне очевидно, что максимальная доля пользователей сети Интернет для учебных целей приходится на возрастную категорию школьников и студентов, однако следует отметить достаточно высокую потребность в средствах ИКТ для обучения и в более старших возрастных группах, что свидетельствует о стремлении получать дополнительное образование. Возрастная структура данной категории пользователей подтверждает высокую потребность в средствах ИКТ для получения среднего специального и высшего образования.

Доля сельского населения, использующего средства Интернет для получения справочной информации с 2005 по 2015 гг., выросла в 10,8 раза. При этом имеется в виду информация, которая может быть практически использована респондентом в процессе жизнедеятельности. Весьма активно данной возможностью средств ИКТ пользуются сельские жители среднего возраста (34-40 лет), то есть самая работоспособная часть сельского населения. Понятно, что максимальная доля пользователей приходится на молодой возраст до 22 лет, но здесь накладывается, вероятнее всего, и информация, используемая в учебных целях. Образовательная структура пользователей сети Интернет в информационных целях свидетельствует о наиболее активном поведении сельских жителей со средним и средним специальным образованием, которые испытывают большую потребность в получении необходимой информации для своей деятельности посредством информационно-коммуникационных технологий.

Таким образом, анализ показателей, характеризующих информационный потенциал сельского населения, свидетельствует о росте уровня освоения информационно-

коммуникационных технологий сельскими жителями в общем и целом, а также уровня применения данных инновационных форм для профессиональной деятельности, получения образования и в справочно-информационных целях.

Несколько иную динамику демонстрируют факторы, характеризующие когнитивный потенциал сельского населения (рис. 3).

Рис. 3. Динамика показателей, характеризующих когнитивный потенциал сельского населения РФ, % от числа респондентов

Fig. 3. Dynamics of the parameters characterizing the cognitive potential of the rural population of RF, % of the respondents

Источник: составлено автором.

Source: completed by the author.

Показатель доли сельского населения, имеющего законченное высшее образование, является наиболее распространенным при количественном определении уровня когнитивного потенциала населения. Для сельского населения РФ за рассматриваемый период его значение выросло в 1,9 раза. Однако следует иметь в виду, что на данный показатель определенное влияние оказывает динамика численности и возрастной структуры сельского населения. Общее снижение численности сельского населения, наблюдаемое с 1993 г., сопровождается ростом доли старших возрастов [14, с. 306], имеющих достаточно высокий уровень образования.

Непрерывное обучение в настоящее время рассматривается как один из существенных факторов повышения качества человеческого потенциала. При этом большая часть знаний приобретается самостоятельно посредством использования обучающих программ, специальной литературы и т.д. Намерение сельских жителей продолжить свое образование определялось в возрастной группе старше 22 лет, то есть в большинстве своем уже получивших профессиональное образование определенного уровня, по положительным ответам на вопрос: «Собираетесь ли Вы продолжить образование на курсах, в техникуме, вузе в течение ближайших трех лет?». Результаты показывают, что доля желающих продолжить свое образование с 2005 по 2015 гг. в общей сложности выросла в 2 раза, хотя динамика данного показателя за рассматриваемый период неоднозначна. До 2010 г. наблюдался стабильный рост данной группы респондентов с 2,9% до 5,7% от числа сельских жителей. В 2011 г. произошло резкое падение желающих продолжить образование, в первую очередь среди молодежи от 22 до 30 лет. Постепенный рост интереса к повышению уровня своего образования и желания инвестировать в свой образовательный потенциал с 2011 по 2013 гг. сменился резким падением 2014-2015 гг. По всей видимости, данное явление можно объяснить, с одной стороны, снижением возможности сельских

жителей оплачивать образовательные услуги на фоне разгорающегося экономического кризиса, с другой - резким снижением мотиваций для продолжения образования.

Основная доля желающих продолжить образование приходится на возрастную категорию от 22 до 30 лет, что вполне объяснимо, но в то же время за рассматриваемый промежуток времени в возрастной структуре данной группы респондентов выросла доля 31-40-летних, что видимо, свидетельствует о наличии серьезных мотиваций в продолжении образования.

Анализ причин, по которым сельские жители хотели бы повысить свой образовательный уровень, показывает существенное изменение мотиваций. Так, если в 2005 г. основными причинами для продолжения образования были желание смены профессии и поиска работы по другой специальности, то к 2011 г. основными мотивами названы требования руководства продолжить образование с целью более профессионального подхода к выполнению своих обязанностей.

Намерение сельских жителей повысить имеющуюся квалификацию с помощью профессиональных курсов определялось по результатам ответа на вопрос: «В течение последних 12 месяцев Вы учились или учитесь на профессиональных курсах, курсах повышения квалификации или любых других курсах, включая курсы иностранных языков, обучение на рабочем месте?». Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о достаточно стабильном (с 2008 по 2013 гг.) поведении данного показателя, существенно выросшего с 2005 по 2008 гг., исключая кризисный 2009 г. Однако тенденция снижения доли сельских жителей, желающих продолжить образование, прослеживается и в данном случае. С 2013 по 2015 гг. на 25,2% уменьшилась доля сельчан, выражающих желание повысить свою квалификацию с помощью курсов. Характерно, что по данным за 2015 г. в возрастной структуре сельского населения, выразившего желание повысить свою квалификацию, преобладают респонденты в возрасте 41-54 лет (41,9%), несколько меньше доля возрастной группы 31-40 лет (31,1%), а доля молодых возрастов 22-30 лет составляет 14,9%. Следует отметить, что в возрастной структуре данной группы респондентов 10,8% составляют сельские жители в возрасте 55-65 лет и 1,4% - старше 65 лет.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующий вывод. Рост потребности в увеличении уровня информированности с использованием средств ИКТ сельского населения РФ сопровождается снижением мотиваций в получении новых знаний и повышении уровня своей квалификации. Как отмечает В.М. Баутин [15, с. 14], «наличие знаний, опыта и умений без эффективной мотивации поступков снижает практическую ценность человеческого потенциала и его непосредственное воздействие на развитие инновационного общества».

Налицо рассогласованность внутренних компонент человеческого потенциала. При явном наличии способностей и готовности к восприятию инноваций информационного общества, сельское население РФ демонстрирует снижение потребностей в расширении своего познавательного уровня, что свидетельствует о снижении качества человеческого потенциала российского села и может служить серьезным барьером на пути устойчивого развития сельских территорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. / [Электронный ресурс] - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (Дата обращения: 24.04.2017).
2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы / [Электронный ресурс] - <http://kremlin.ru/acts/bank/41919> (Дата обращения: 24.06.2017).
3. Валиахметов Р.М. Традиционные и новые подходы к исследованию человеческого потенциала // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 г.) / [Электронный ресурс]. Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А.Мансуров - Электрон. дан. - М.: Российское общество социологов, 2016. - С. 1935-1940. (DVD ROM).

4. Крутий И.А., Красина О.В. Человеческий капитал: эволюция представлений // Социологические исследования. - 2007. - № 8. - С. 127-130.
5. Иванов О.И. Человеческий потенциал: вопросы теории и методологии исследования // Социологические исследования. - 2014. - № 6. - С. 89-95.
6. Римащевская Н.М. Качество человеческого потенциала в условиях инновационной экономики // Народонаселение. - 2009. - № 3. - С. 16-29.
7. Споране Б. Личность в информационном обществе // Научные и технические ки. - 2002. - № 10. - С. 64-72 / [Электронный ресурс] - http://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb2002/10/f10_07.htm (Дата обращения: 24.04.2017).
8. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р / [Электронный ресурс] - <https://rg.ru/2010/12/14/sx-territorii-site-dok.html> (Дата обращения: 24.04.2017).
9. Цыренов Д.Д. Оценка когнитивного потенциала региональной экономики в условиях развития экономики знаний // Фундаментальные исследования. - 2014. - № 3. - С. 805-809.
10. Бородин А.С. Влияние качества человеческого капитала на информационную безопасность // Политическая экспертиза. - 2009. - № 3. - С. 192-207.
11. Гулин К.А., Шабунова А.А., Чекмарева Е.А. Трудовой потенциал региона. - Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. - 84 с.
12. Rhoades Emily B., Ricketts John, Friedel Curt. Cognitive potential: how different are agriculture students? // Journal of Agricultural Education. - 2009. - V.50. - N 3. - Pp. 43-55 / [Электронный ресурс] - URL: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ871214.pdf>. (Дата обращения: 24.04.2017).
13. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE) (проводится Национальным исследовательским университетом - Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН) / [Электронный ресурс] - <http://www.hse.ru/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms-hse/sitemap> (Дата обращения: 24.04.2017).
14. Блинова Т.В., Былина С.Г. Сценарный прогноз численности и структуры сельского населения РФ на среднесрочную перспективу // Экономика региона. - 2014. - № 4. - С. 298-308.
15. Баутин В.М. Человеческий капитал - основа долгосрочного социально-экономического развития АПК // Известия ТСХА. - 2012. - Вып. 1. - С. 8-16.

REFERENCES

1. Konceptiya dolgosrochnogo social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda. [The concept of long-term social and economic development of the Russian Federation for the period until 2020]. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 noyabrya 2008. No 1662-r. [Approved by the decree of the Government of the Russian Federation of November 17, 2008. No 1662-r.] Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (Accessed: 24 April 2017). (In Russ.).
2. Strategiya razvitiya informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federacii na 2017-2030 gody. [The strategy of the Information Society Development in the Russian Federation for 2017-2030]. Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>. (Accessed: 26 June 2017). (In Russ.).
3. Valiahetov R.M. Tradicionnye i novye podhody k issledovaniyu chelovecheskogo potentsiala. [Traditional and new approaches to human potential research]. Sociologiya i obshchestvo: social'noe neravenstvo i social'naya spravedlivost'. [Sociology and Society: Social Inequality and Social justice]. Proceedings of the V All-Russian Sociological Congress Justice (Ekaterinburg, October 19-21, 2016). M.: Russian Society of Sociologists. 2016. P. 1935-1940. (DVD ROM). (In Russ.).
4. Krutij I.A., Krasina O.V. Chelovecheskij kapital: evolyuciya predstavlenij. [Human capital: the evolution of representations]. Sociologicheskie issledovaniya. [Sociological research]. 2007. No 8. P. 127-130. (In Russ.).
5. Ivanov O. I. Chelovecheskij potencial: voprosy teorii i metodologii issledovaniya. [Human potential: questions of theory and methodology of research]. Sociologicheskie issledovaniya. [Sociological research]. 2014. No 6. P. 89-95. (In Russ.).
6. Rimashevskaya N.M. Kachestvo chelovecheskogo potentsiala v usloviyah innovacionnoj ehkonomiki. [Quality of human potential in the conditions of innovative economy] Narodonaselenie. [Population]. 2009. No 3. P. 16-29. (In Russ.).
7. Sporane B. Lichnost' v informacionnom obshchestve. [Personality in the Information Society]. Nauch. i tekhn. b-ki. [Scientific and technical libraries]. 2002. No 10. P. 64-72. Available at: http://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb2002/10/f10_07.htm. (Accessed: 24 April 2017). (In Russ.).

8. Konceptiya ustojchivogo razvitiya sel'skih territorij Rossijskoj Federacii. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 2010 g. № 2136-r. [The concept of sustainable development of rural areas of the Russian Federation. Approved by the decree of the Government of the Russian Federation of November 30, 2010 No. 2136-r]. Available at: <https://rg.ru/2010/12/14/sx-territorii-site-dok.html>. (Accessed: 24 April 2017). (In Russ.).
9. Cyrenov D.D. Ocenka kognitivnogo potentsiala regional'noj ehkonomiki v usloviyah razvitiya ehkonomiki znaniy. [Assessment of the cognitive potential of the regional economy in the conditions of the development of the knowledge economy]. Fundamental'nye issledovaniya. [Fundamental research]. 2014. No 3. P. 805-809. (In Russ.).
10. Borodin A.S. Vliyanie kachestva chelovecheskogo kapitala na informacionnuyu bezopasnost'. [Influence of the quality of human capital on information security]. Politicheskaya ehkspertiza. [Political Expertise]. 2009. No 3. P.192-207. (In Russ.).
11. Gulin K.A., Shabunova A.A., Chekmareva V.A. Trudovoj potentsial regiona. [Labor potential of the]. Vologda: ISERT RAS. 2009. P. 84. (In Russ.).
12. Rhoades, Emily B.; Ricketts, John; Friedel, Curt. Cognitive potential: how different are agriculture students? *Journal of Agricultural Education*. 2009. v. 50, No.3, p. 43-55. Available at: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ871214.pdf>. (Accessed: 24 April 2017). (In Russ.).
13. «Rossijskij monitoring ehkonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU-VSHEH (RLMS-HSE)», provoditsya Nacional'nym issledovatel'skim universitetom - Vysshej shkoloj ehkonomiki i ZAO «Demoskop» pri uchastii Centra narodonaseleniya Universiteta Severnoj Karoliny v Chapel Hille i Instituta sociologii RAN. ["Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the NRU-HSE" (RLMS-HSE), is conducted by the National Research University - Higher School of Economics and ZAO "Demoscope" with the participation of the Population Center of the University of North Carolina at Chapel Hill and the Institute of Sociology RAS]. Available at: <http://www.hse.ru/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms-hse/sitemap>. (Accessed: 24 April 2017). (In Russ.).
14. Blinova T.V., Bylina S.G. Scenarnyj prognoz chislennosti i struktury sel'skogo naseleniya RF na srednesrochnuyu perspektivu. [Scenario forecast of the number and structure of the rural population of the Russian Federation for the medium term]. Ekonomika regiona. [Economy of the region]. 2014. No 4. P. 298-308. (In Russ.).
15. Bautin V.M. Chelovecheskij kapital - osnova dolgosrochnogo social'no-ehkonomicheskogo razvitiya APK. [Human capital is the basis of long-term socio-economic development of the agro-industrial complex]. Izvestiya TSKHA. [Bulletin of the TSA]. 2012. V. 1. P. 8-16. (In Russ.).

Информация об авторе:

Былина Светлана Геннадиевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, лаборатория социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий, Институт аграрных проблем Российской академии наук, г. Саратов, Россия
svbylina@rambler.ru

Получена: 07.11.2017

Для цитирования: Былина С.Г. Информационный и когнитивный потенциалы сельского населения РФ: оценка состояния и перспектив развития. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.127-136.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-127-136.

Information about the author:

Svetlana G. Bylina, Candidate of Economics, Senior Researcher, Laboratory of Social Development of the Agro-Industrial Complex and Rural Territories, Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia
svbylina@rambler.ru

Received: 07.11.2017

For citation: Bylina S.G. Information and cognitive potential of the rural population of the Russian Federation: estimation and development prospects. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.6 Part. 1. Pp. 127-136.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-127-136.
(in Russian)

УДК_316,6

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-137-147

МАЛЬЦЕВА Ирина Анатольевна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
maira@list.ru

Irina A. MALTSEVA
Kuban State University
Krasnodar, Russia
maira@list.ru

**ПРИЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ СМИ НА ТЕЛЕАУДИТОРИЮ
ПОСРЕДСТВОМ ВЫПУСКОВ НОВОСТЕЙ**

**PSYCHOLOGICAL TECHNIQUES OF MASS MEDIA
INFLUENCE ON TV-AUDIENCE THROUGH A NEWS
RELEASE.**

В статье анализируются приемы психологического воздействия СМИ на аудиторию посредством выпусков новостей. На наш взгляд, задача журналиста заключается не только в доставке интересной информации до зрителя, но и в подаче этой новости была такой, чтобы сюжет остался у него в памяти и ему хотелось поделиться новыми знаниями с другими людьми. На восприятие новостей, мы считаем, влияет уровень образования зрителя, его осведомленность в данной сфере, возраст и даже пол. В работе также отмечается, что под влиянием современных СМИ, безусловно, находятся мотивы и потребности аудитории. И основная цель ведущего - это, прежде всего, диалоговое взаимодействие адресанта - адресата. На сегодняшний день, в условиях жесткой конкуренции между различными СМИ, эмоциональная сторона восприятия информации адресатом стала главной и определяющей. В связи с этим мы выделяем основные функции имиджа ведущих, которые могут использоваться опытным журналистом в процессе подготовки программы вместе или по отдельности. В данной работе мы проанализировали информационно-аналитические программы «Вести» на телеканале «Россия» с участием Дмитрия Киселева и Сергея Брилева, «Сегодня» на «НТВ» с Ирадой Зейналовой на предмет психологического воздействия на аудиторию. Рассмотрели влияние на адресата спортивных новостей, связанных с событиями декабря 2017 г., в частности с отстранением от Олимпиады в Республике Корея российских спортсменов. Пришли к выводу, что если новость носит нестандартный и резонансный оттенок и связана с личными интересами аудитории, то зрители запоминают ее в первую очередь.

The article analyzes the psychological techniques of mass media influence on audience through a news release. In our view, the task of the journalist is not just to make an easy and interesting way to convey information to the viewer and to the filing of this news was such that the story remained in his memory, and he wanted to share the new knowledge with other people. On the perception of the news, we believe, is affected by the level of education of audience, its knowledge in this area, age and even gender. The paper also notes that under the influence of modern media, of course, are the motives and needs of the audience. And the main purpose of the lead is the dialog interaction between the addresser - addressee. Today, in conditions of a rigid competition between the various media, the emotional side of perception of the information by the addressee became the main and decisive. In this regard, we highlight the main functions of the image leading that can be used by an experienced journalist in the process of preparing a program together or separately. In this work we analyzed the information-analytical program "Vesti" on TV channel "Russia" with the participation of Dmitry Kiselyov and Sergei Brilev, "Today" on "NTV" with Irada Zeynalova on the subject of the psychological impact on the audience. Considered the impact on the sender of sports news related to the events of December 2017, and in particular with the suspension from the Olympics in the Republic of Korea, the Russian athletes. And came to the conclusion that if the news is non-standard and resonant tone and is related to the personal interests of the audience, the audience remembers her in the first place.

Ключевые слова: новость, сознательное, бессознательное, аудитория, телевидение, психологическое воздействие, спорт, рейтинг, адресат, адресант, Сергей Брилев, Дмитрий Киселев, Ирада Зейналова, манипуляция, информационные потребности, медиасообщение, невербальные средства, Олимпиада, эффект сплочения, медиавоздействие, зритель

Keywords: news, conscious, unconscious, audience, TV, psychological effects, sport, rating, addressee, addressor, Sergey Brilev, Dmitry Kiselev, Irada Zeynalova, manipulation, information needs, mediazione, non-verbal means, Olympics, effect of cohesion, media effect, viewer

В 2001 г. У. Хачтен сформулировал понятие «новости» так: «Новость, как полезное общественное знание, состоит из множества элементов, отличающихся от молвы, пикантных историй, развлечения, слухов и, особенно, скандалов, хотя все они могут содержать в себе зачатки новостей и, к сожалению, очень часто вовлекаются в сообщения новостей. Новость имеет долгую, интересную историю; то, что является новостью для одного человека, для другого может быть развлечением, вдохновением, пропагандой или отвлекающим фактором» [2, с. 258].

О.Б. Добродеев считает, что новость - это то, что отличает нынешний день от вчерашнего. Эверетт Дэннис в книге «Беседы о масс-медиа» дает свои стандартные критерии, которые чаще всего применяются в западных компаниях для определения новостей: новизна, конфликтность, катастрофа, триумф, знаменитость, последствие какого-то события, сильный человеческий интерес и территориальная близость [3].

Если проанализировать крупные каналы, то можно заметить, что многие из них следуют всем этим рекомендациям, например «НТВ». Руководство этого канала упор делает не на объективность новостей, а на комментарии события, «заряженные» личностью ведущего. Другие телерадиокомпании ориентируются только на некоторые рекомендации из этого списка.

Важно заметить, что на восприятие новостей в разных сферах влияет и уровень образования зрителя, его осведомленность в данной сфере, возраст и даже пол. Образованные люди, как правило, хотят владеть большей информацией и стараются еще пополнить свои знания. В 1970 г. такое явление западные исследователи назвали «гипотезой разрыва в знаниях» [2, с. 264].

Согласно этой теории информационно богатый зритель всегда стремится стать еще богаче, в отличие от того, кто не хочет обременять себя новыми знаниями. Что касается зрителей женского пола, то здесь стоит отметить, что женщины в силу своей эмоциональности лучше воспринимают те новости, в которых есть место эмоциям или, например, когда в сюжетах присутствуют яркие образы. Демонстрация моментов, воздействующих на зрительскую память, - выражения потерпевших людей от какой-то конфликтной ситуации, раненные солдаты, показ детей и т.д. - будут лучше запоминаться и усваиваться женщинами. Более того, согласно нашему мнению, подобные новости будут «заставлять» зрителей из числа женщин смотреть программы, где были показаны такие образы, гораздо чаще.

Зигмунд Фрейд считает, что психика любого человека представляет собой две сферы сознательного и бессознательного, которые противостоят друг другу. В его понятии сознательное - это представление, которое существует в нашем сознании и которое мы воспринимаем как таковое. Сознательное, по его мнению, всегда настраивается над бессознательным и этот центральный компонент составляет суть человеческой психики. Бессознательное - это своего рода склад примитивных инстинктивных воспоминаний, каких-то эмоций, чувств, которые были подавлены сознанием и вытеснены в область бессознательного [8].

Если обратиться к теме психологического воздействия СМИ на аудиторию посредством выпуска новостей, то можно сделать следующий вывод: с помощью знаний в области психологии можно не только расширить свою зрительскую аудиторию, но и сделать свой канал рейтинговым, заставляя адресата смотреть именно это СМИ.

На наш взгляд, задача журналиста заключается не только в доставке доступной и интересной информации до зрителя, но и в подаче этой новости такой, чтобы сюжет остался у него в памяти и ему хотелось поделиться новыми знаниями с другими людьми. Мы солидарны с П.В. Симоновым, который считает, что сознание оперирует знанием, которое может быть передано другому человеку, то есть стать достоянием других членов общества. А вот подсознание, согласно этому ученому, старается защитить сознание от различных психических перегрузок [6].

К этому можно отнести такие понятия, как «голос совести» или «веле́ние сердца», когда данная новость воздействует настолько сильно, что зритель полностью соглашается с оратором и готов ему доверять. В качестве примера можно привести таких ведущих, как Владимир Соловьев, Дмитрий Киселев, Сергей Брилев (телеканал «Россия»), Марианна Максимовская («РЕН ТВ»), Вадим Такменев, Лилия Гильдеева («НТВ») и др. Эти журналисты, помимо того, что делают свою работу качественно и добротнo, верстают программу таким образом, чтобы лучше воздействовать на зрителя, держа его в напряжении и создавая эффект эксклюзивности в своих информационных сюжетах и комментариях.

Таким образом, по нашему глубокому убеждению, если в эфире журналист активно апеллирует к эмоциям своего зрителя, то зритель ловко поймается на «крючок», подбро-

шенный зрителю. На наш взгляд, эффективно это делают в нашей стране трое ведущих информационно-аналитических программ: Дмитрий Киселев, Сергей Брилев и Ирада Зейналова, а также ведущий информационно-развлекательной программы Вадим Такменев.

Под влиянием современных СМИ, безусловно, находятся мотивы и потребности аудитории. И основная цель ведущего - это, прежде всего, диалоговое взаимодействие адресанта - адресата. На сегодняшний день, в условиях жесткой конкуренции между различными СМИ, эмоциональная сторона восприятия информации адресатом стала главной и определяющей.

Отличительная черта телевидения от других СМИ заключается, прежде всего, в наглядности, поэтому показанный сюжет оказывает влияние на зрителя с помощью эмоциональной составляющей. «Восприятие - это не только чувственный образ, но и способность человека реагировать на чувственный раздражитель, идентифицировать его и осознавать как свойство определенного предмета» [4, с. 110]. Для каждого адресата зрительное восприятие события является доминантным, то есть как он воспримет новость, зависит от того, как он на нееотреагирует. Поэтому важно продемонстрировать богатый в эмоциональном плане видеоряд и снабдить его эмоциональным комментарием. Адресат непременно запомнит такую новость.

Мы считаем, что в каждой программе, а в новостной и информационно-аналитической особенно, сам ведущий, а также сюжеты его коллег воздействуют на определенное «Я» каждого зрителя. Многие западные и отечественные психологи утверждают, и мы солидарны с этими выводами, что у каждого человека есть свой набор поведенческих схем, который соотносится с определенным состоянием его сознания. И таких вот «Я» существует несколько. Э. Берн назвал такие проявления, как «Родитель», «Взрослый» и «Ребенок» [5]. Расшифруем все эти понятия. Состояние «Родитель» возникает в том случае, когда образ поведения и мышления очень похож на родительский, «Взрослый» - когда человек может сам принимать решения и делает это объективно. А в состоянии «Ребенок» зритель попадает в том случае, если в человеке присутствуют архаические пережитки. Но при этом стоит подчеркнуть, что не все ведущие воздействуют на зрительское «Я» эффективно.

Манипуляция в нашем понимании - это целенаправленное психологическое воздействие, которое использует телевидение для достижения определенных целей. Данное воздействие можно охарактеризовать тремя главными признаками. Первый признак заключается во влиянии, когда у объекта манипуляции сохраняется иллюзия самостоятельности решений и действий. Приемы воздействия постоянно совершенствуются при втором признаке. И в третьем - используются все достижения техники.

По нашему глубокому убеждению, те журналисты, которые в своих программах эффективно пользуются инструментами манипуляции, считаются с чувствами зрителей, всегда будут находиться в более выигрышной ситуации, нежели те, кто этого вообще не делает или делает плохо. Например, ведущий развлекательной программы «Поле чудес» Леонид Якубович в каждой программе демонстрирует своей аудитории большой арсенал невербальных средств общения, таких как мимика и жесты. Он может закатить глаза, услышав ту или иную информацию от своего собеседника, давая зрителю самому сделать вывод, подмигнуть, тяжело вздохнуть, долго улыбнуться. В этом случае мимика данного ведущего более эффективна, нежели использование жестикуляции.

А вот ведущая информационно-аналитической программы «Сегодня» на «НТВ» Ирада Зейналова воздействует на зрителя с помощью жестикуляции. Большую роль в передаче информации у нее играют жесты - таким образом она привлекает зрителя к диалогу. На наш взгляд, не важно, какую бы программу по контенту не вела эта ведущая, манера ведения отличала бы Зейналову от других ее коллег. На сегодняшний день ни на федеральном, ни на кубанском региональном телевидении нет такой ведущей, которая бы так же активно, как Ирада Зейналова, использовала жестикуляцию.

Стоит также подчеркнуть ее быстрое говорение в эфире, которое нравится не всем зрителям. Она практически не делает пауз между словами, таким образом, создается впе-

чатление длинного монолога, который моментами хочется перестать слушать. Из-за отсутствия пауз речь Зейналовой сложно воспринимать и уж тем более полностью принять к сведению. У аудитории создается впечатление, что ведущая торопится закончить передачу. Но вместе с тем за счет ее активной жестикуляции происходит серьезное воздействие на зрителя. Мы бы назвали такую подачу материала агрессивной.

Приведем мнение по этому поводу телезрительницы Галины Петипак: «На мой взгляд, чтобы не раздражать телезрителей резкими высказываниями, выраженными телодвижениями, как это делает Ирада Зейналова, нужно давать информационный материал более сдержанно и дипломатично» [10].

Агрессивная манера подачи информации отличает Зейналову и как репортера, и как ведущего информационно-аналитической программы. У нее собственный, неповторимый и уникальный стиль. Несмотря на быстрый темп ее речи, она строит ее четко, понятно и лаконично, старается в своих сюжетах или комментариях затронуть бытовые проблемы зрителя. Приведем еще одно мнение телезрителей: «Ирада Зейналова агрессивна, как кобра. Здесь сходство, конечно, не внешнее, а по тому впечатлению, которое оставляет агрессивная манера ведения эфира этой телеведущей!» [10]. Мы солидарны с этим высказыванием, но считаем, что данная манера ведения эфира, безусловно, способствует у зрителей возникновению эффекта убеждения. А значит, на наш взгляд, такая манера подачи информации является эффективной.

В связи с этим мы хотим выделить основные функции имиджа ведущего программы. Они могут использоваться опытным журналистом в процессе подготовки программы вместе или по отдельности. Например, номинативную функцию, когда ведущий заявляет о себе и выделяет себя из числа себе подобных, чаще всего используют молодые журналисты. Яркими представителями поклонников данной функции можно назвать Андрея Малахова и Ивана Урганта. Как правило, в спортивных программах эту функцию используют крайне редко.

Адресная функция связывает ведущего со своей целевой аудиторией, психологическую функцию чаще используют те журналисты, кто акцентирует внимание на харизме коммуникатора. Например, Владимир Соловьев в своих программах «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» и «Поединок» эффективно использует эти две функции, а также известный спортивный комментатор Дмитрий Губерниев, знаменитая российская фигуристка, обозреватель спортивных новостей на «Первом канале» Ирина Слуцкая.

Последняя, четвертая - эстетическая - функция связана с тем, что ведущий старается наглядно продемонстрировать чувство меры и своего художественного вкуса. Как правило, данный прием присущ ведущим из числа артистов и музыкантов. Журналисты, специализирующиеся на спортивной тематике, данную функцию, на наш взгляд, не используют.

Новости - это лицо любого крупного канала, и руководство каждого из них старается подобрать ведущих, которые бы могли удовлетворять всем четырем функциям. Но это достаточно сложно сделать. Для этого нужна харизматичная личность, огромный профессиональный опыт в своей области, прекрасное владение словом и умение донести информацию до зрителя так, чтобы он воспринимал сообщения как адресованные ему лично, то есть чтобы адресат полностью доверял адресанту.

Согласно нашим предположениям, все четыре функции вмещают в себя три ведущих федеральных канала - это Ирада Зейналова, Сергей Брилев и Дмитрий Киселев.

Дмитрий Киселев является генеральным директором российского международного информационного агентства «Россия сегодня», заместителем генерального директора ВГТРК и уже много лет ведет по воскресеньям «Вести недели». Его манера вести эфир уникальна. В отличие от Ирады Зейналовой, он никогда не говорит быстро, его темп можно охарактеризовать как замедленный, благодаря которому у зрителя создается чувство, что каждое слово, сказанное этим ведущим, имеет важное значение. Он словно взвешивает каждую фразу, подчеркивает важность произнесенных им слов, меняет темп, останавливаясь в тех местах, на которых хочет сделать упор, чтобы внимание зрителя не ускользнуло на данной фразе или слове и он лучше уяснил данную информацию.

Выданную в эфире информацию от Дмитрия Киселева можно охарактеризовать как надежную, проверенную, важную и удобоваримую для адресата. Среди зрителей рейтинг этого ведущего невероятно высок, и он имеет большой кредит доверия у своей многочисленной аудитории.

Здесь важно подчеркнуть, что монолог Дмитрия Киселева в «Вестях недели» зрители воспринимают как диалог с ними. В этом и заключается мастерство этого журналиста, когда его - ведущего - аудитория воспринимает как некоего друга, интересного собеседника и негласного советчика в мире информации. Комментарий Дмитрия Киселева - это своего рода бренд качества, звучащей с экранов телевизоров информации.

Автор данной программы представляет зрителю информацию в полном и свернутом виде. Причем делает он это мастерски, используя, на наш взгляд, три вида цикла и давая оценку сказанному. Это может быть формула: *вопрос - ответ - коррекция ответа*. Или *сообщение - его оценка - обоснование или объяснение этой оценки* своим многочисленным зрителям. А также Киселев может выстроить свой комментарий, используя следующие действия: *побуждение к действиям - аргументация или объяснение побуждения*. Кстати, подобную формулу он эффективно использует при подаче разного рода информации на политическую, экономическую или спортивную темы. Если мы рассмотрим любую программу Дмитрия Киселева, то можно убедиться в правильности сказанного выше.

Очень часто журналисты в своих материалах используют изобразительно-выразительные средства языка, что способствует воздействию на аудиторию. И Киселев не исключение. Но тут стоит заметить, что в своих комментариях он прибегает к эвфемизмам, которые, в свою очередь, влияют на сознание зрителей.

Подчеркнем такую деталь, как частое использование данным ведущим различных фигур речи, которые привлекают к себе внимание благодаря своим динамическим характеристикам, а это, в свою очередь, воздействует на зрителя. В частности, обилие в текстах Дмитрия Киселева метафор приводит к тому, что почти каждая из них усиливает один из возможных вариантов восприятия текста, помогая адресату лучше концентрировать свое внимание на определенной подаче информации на ту или иную тему.

«Чтобы влиять на массовое сознание, нет необходимости изобретать действенные словесные формулировки, гораздо удобней прибегать к соответствующей риторике, которая, по словам У. Эко, является «...хранилищем устоявшихся форм, обширным арсеналом "формул", отлаженных решений, обладающих устойчивой коннотацией, наделенных конкретным эмоциональным смыслом» [5, с. 164]. Поэтому мы считаем, что Дмитрий Киселев активно и достаточно эффективно, как ни один другой ведущий на федеральном канале, использует при написании текстов для итоговой программы метафоры, определяющие модели восприятия данных слов адресата и детерминирующие его реакцию.

Если проанализировать его стиль и манеру подачи текста, то можно обнаружить еще один интересный факт: практически каждое событие он подает как некое спортивное событие и интерпретирует факты, как результат состязания. Объясняет, кто победитель в этой ситуации, кто проигравший и какова их дальнейшая судьба. Это своего рода «эксклюзив» Дмитрия Киселева.

После внимательного прослушивания новости у зрителей может возникнуть сразу несколько эмоциональных явлений. Это может быть настроение, аффект, эмоции, чувства, стресс, фрустрация и даже депрессия. Нужно учитывать тот факт, кем новость подана и как был построен сам текст сообщения. Так называемые «легкие» новости - сюжеты об уникальных личностях, животных, нестандартных решениях - все, что носит развлекательный контент, не влияет на изменение жизненных установок зрителей.

На наш взгляд, спортивные новости можно отнести к разряду «легких». Например, когда тот или иной известный спортсмен женился или у него родился ребенок (сюжеты, которые были показаны на «Первом канале» и на телеканале «Россия» о рождении дочери у двукратной олимпийской чемпионки по легкой атлетике Елены Исинбаевой). Но спортивная тематика, мы считаем, может быть подана и в главных новостях, и даже в чрезвычайных.

Помимо того, что ведущий доносит информацию до зрителя, при этом воздействуя на него своей мимикой, жестами, темпом подачи медиасообщения, эффективное использование огромного количества иноязычных заимствований, которые не всегда понятны аудитории, на наш взгляд, зачастую тоже способствуют большему медиавоздействию со стороны данного адресанта.

К тому же в телевизионном пространстве звучит специальная лексика, которая была образована вследствие наложения нового значения на уже известные всем слова. Например, слово из сферы медицины «инъекция» уже давно используется в экономике. И таких примеров масса. Приведем цитату профессора КубГУ Г.А. Абрамовой: «Своеобразие новых лексических единиц, созданных семантическим путем, состоит в том, что как лексемы они уже давно известны в языке, но, обновив свое значение, из прежних тематических групп перемещаются в новые, изменяя при этом лексическую сочетаемость и нередко стилистическую закреплённость, экспрессивную окраску» [1, с. 89].

Мы считаем, что только грамотное использование иноязычных слов, а также расширение словарного запаса того или иного ведущего дает возможность более глубокого воздействия на аудиторию. Значения многих слов, употребляемых сегодня с экранов телевизоров, зачастую непонятны старшему поколению. Например, *клише, коллаж, спичмен, коммуникатор, дайджест, спикер, линкмен* и др. И тот ведущий программы, который, комментируя тот или иной сюжет или новость, объясняет значение данного слова, будет иметь больший успех у зрителя, нежели тот, кто просто использует слова, не акцентируясь на их значении. К тому же такому журналисту зритель будет доверять больше, чем другим его коллегам, а произносимые им слова будут создавать у адресата эффект убеждения. Многими социологами и психологами доказан факт, что любая убеждающая информация, при этом воздействующая на эмоции человека, будет оказывать очень сильное влияние на аудиторию.

К. Джеймисон и К. Кэмпбелл понятие «главные новости» охарактеризовали следующим образом: «Это сообщение о событии, которое случилось или стало достоянием гласности за предшествующие 24 часа и может иметь важные последствия» [2, с. 258]. Дмитрий Киселев, как и другие его коллеги на федеральных каналах, берут за основу в своих программах только главные новости, давая им оценку и личный комментарий, но лучше всех, по нашему глубокому убеждению, на сегодняшний день это делает именно он и его коллега, который ведет «Вести в субботу», Сергей Брилев. Его информационный продукт адресован, как говорит он сам, прежде всего «политическим гурманам». Брилев дает оценку событиям мягко и сдержанно, больше давая тему для размышления самому зрителю, не навязывая ему своего мнения, но при этом снабжая адресата обилием информации. Именно его интеллигентность в подаче информации привлекает многих зрителей. Каждый раз в студии он общается с каким-то приглашенным компетентным гостем, транслирует собственный репортаж, сделанный специально для программы, использует интерактив. А умение Сергея Брилева брать интервью, на наш взгляд, может служить лучшим практическим примером телевизионной журналистики для студентов и магистрантов журфака.

Киселев же дает в своей программе достаточно жесткие оценки произошедшим за неделю событиям, не стесняется в выражениях, отлично парирует, называет вещи своими именами. Анонс к его программам звучит достаточно остро: «Хватит мямлить, пора говорить как есть!». Жесткая подача информации Киселева привлекает своего зрителя. Как правило, это взрослая аудитория, образованная, желающая получить полный комментарий от человека, который, по их мнению, всегда дает исчерпывающую информацию и никогда не приукрашивает события, даже если они связаны с правящей властью. Он рассказывает новости доступно, постоянно использует набор невербальных средств, которые, на наш взгляд, оказывают серьезное эмоциональное влияние на зрителя.

Мы солидарны со многими зарубежными исследователями в области массмедиа, в частности К. Джеймисоном и К. Кэмпбеллом, которые не без основания полагают, что любые новости - главные или незначительные - будут иметь больший отклик со стороны зрителей, если они содержат следующие составляющие: когда в программе звучит акту-

альная и конкретная информация, используются примеры из жизни конкретных людей, как данная информация повлияла на их жизнь [2].

Современные журналисты, по нашему глубокому убеждению, эти и другие признаки чаще всего используют при подаче информации - это озвучивание некоей драматической истории, несущей в себе конфликт, чтобы сделать новость более интересной и яркой, это может быть что-то новое и отступающее от определенных норм в обществе. Подобными признаками, мы полагаем, эффективно пользуется Дмитрий Киселев.

Тут стоит заметить, что перечисленные признаки эффективного освещения новостей в эфире идеально подходят для освещения информации на любую тему, в том числе и спортивную. Сегодня спорт стал популярной темой многих программ на федеральных каналах, носящих не только информационный характер. Именно телевидение и Интернет сегодня активно освещают спортивные события и являются наиболее значимыми электронными СМИ в подаче информации в данной сфере. В первую очередь это связано с проведением в нашей стране Олимпийских игр в 2014 г., популяризацией здорового образа жизни среди населения, высокими победами российских спортсменов.

Как сказал Президент РФ Владимир Путин, и мы с этим полностью согласны, у каждого человека есть талант, но не у каждого есть возможность его раскрыть. В данном случае именно телевидение этому способствует. Каналы стали готовить сюжеты о звездах спорта, о начинающих спортсменах, материалы о том, как в тех или иных регионах идет строительство соответствующих объектов. Но, пожалуй, больше всего интерес к спортивной тематике со стороны многих ведущих журналистов федеральных каналов связан с отношением к нашему спорту со стороны Международного олимпийского комитета.

За эти годы можно было наблюдать увеличение числа спортивной информации в любом выпуске новостей на федеральных и региональных каналах. Если проанализировать Интернет-пространство, можно заметить, что спортивная тематика и здесь является лидирующей. «Яндекс» в период с 1 января по 30 ноября 2017 г. провел исследования для выявления самой популярной спортивной темы поисковых запросов у россиян, по итогам которого был составлен рейтинг восьми популярных тем. Оказалось, что популярной спортивной темой поисковых запросов в 2017 г. стал чемпионат мира по хоккею. Второе место в рейтинге запросов занял Кубок конфедераций, а третью строчку - чемпионат России по футболу. Четвертым в рейтинге оказался бокс, в частности поединок между Флойдом Мейвезером-младшим и бойцом UFC Конором Макгрегором. На пятом месте - КХЛ, за ней следует Футбольная Лига чемпионов. На седьмой строчке рейтинга расположился бой между Федором Емельяненко и Мэттом Митрионом, а вот предстоящий чемпионат мира по футболу в России оказался только на восьмом месте [10].

Данное исследование позволяет сделать вывод, что спорт сейчас находится в числе популярных тем среди россиян. Если вспомнить анонсы итоговых информационных программ с участием Дмитрия Киселева, Сергея Брилева, Ирады Зейналовой в разное время, то среди них обязательно встретятся яркие, цепляющие своей смысловой нагрузкой, например: «МОК вынес решение о судьбе сборной России», «Футбольный матч закончился массовой потасовкой», «Моуринью ударил бутылкой по голове вратаря соперников».

Если год назад новости об отстранении, в частности, наших легкоатлетов на Играх в Рио тоже носили резонансный характер, они, на наш взгляд, все же не вызывали столь сильных эмоций со стороны зрителей, как новости декабря 2017 г. Даже анонсы новостей этого периода отличаются по психологическому воздействию на зрителей.

19.06.2016 (вечерний выпуск «Вестей» ВГТРК «Россия»)

На заседании МОК поднимут вопрос об отстранении всей сборной РФ от Олимпиады-2016.

Участники заседания Международного олимпийского комитета (МОК), которое состоится 21 июня в Лозанне, поднимут вопрос о полном отстранении сборной России от Олимпийских игр, либо о дисквалификации отдельных видов спорта, кроме легкоатлетических. Отмечается, что окончательная повестка встречи утверждается главой МОК Томасом Бахом. Спортивные функционеры полагают, что перед заседанием Бах может провести консультации с российским президентом Владимиром Путиным, с которым он

состоит в дружеских отношениях. Постоянным участником этих саммитов, среди прочих, является президент Национального олимпийского комитета РФ Александр Жуков.

Или новость, прозвучавшая на этом же канале, от 6 декабря 2017 г.:

Анонс:

Отстранение нашей страны от Олимпиады - это не спорт, а политический беспредел!

Спортивная общественность обсуждает отстранение российской сборной от Олимпиады-2018. При этом все сходятся во мнении: выступать нужно, пусть даже под нейтральным флагом.

Напомним, накануне Международный олимпийский комитет не допустил российскую сборную на Олимпиаду в Южной Корее, которая пройдет в феврале 2018 года. Российским спортсменам, желающим во что бы то ни стало попасть на соревнования, предложено поехать в Пхенчхан под нейтральным флагом, то есть выступать за себя лично, без использования государственной символики и экипировки.

Формальной причиной для недопуска нашей олимпийской сборной до зимних игр - 2018 названо существование в России государственной допинговой системы и неоднократное нарушение правил по борьбе с запрещенными веществами.

Если сравнить телевизионный эфир в 2010, 2012, 2015 и 2017 гг., то можно убедиться, что зрителей, с удовольствием поглощающих информацию на спортивную тему в 2017 г. стало гораздо больше, как и количество эфирного времени, отданного спорту. Изменился и тон подачи новостей, и, как следствие, реакция зрителей на происходящее. Например, «Под нейтральным флагом играть неприятно», «Российские спортсмены высказались об отстранении от Игр-2018».

В связи с тем, что спортивная тематика в 2016 г. стала превалировать в выпусках новостей, это позволило многим зрителем больше узнать о российском спорте и его звездах, но, заметим, преимущественно в летних видах спорта. Благодаря обилию новостей, многие спортсмены стали узнаваемыми личностями, и это позволило в разных регионах привлечь интерес к спорту у подрастающего поколения. Данные выводы можно сделать по официальным отчетам Министерства по физической культуре и спорту Краснодарского края.

Но тут стоит заметить, что в спортивных новостях 2017 г. тема спорта стала еще чаще звучать с экранов телевизоров и носить политический характер. Подчеркнем, что новости об отстранении сборной РФ от участия в Играх-2018 за манипуляции внутри антидопинговой системы страны запомнились россиянам лучше, нежели другие. Если вспомнить последние выпуски информационных и информационно-аналитических программ, в частности «Вести недели» с Сергеем Брилевым, Дмитрием Киселевым, то спортивная тематика в них стала преобладающей.

Благодаря информации такого рода многие зрители узнали имена российских спортсменов теперь уже преимущественно в зимних видах спорта, так как предстоящая Олимпиада пройдет зимой в 2018 г. в Республике Корея. Тот же двукратный олимпийский чемпион по бобслею, уроженец Краснодарского края Алексей Воевода стал более известен широким массам не в 2014 г., когда он выиграл Олимпийские игры в Сочи, а в 2017-ом. Популярность ему принесли новости, связанные с отстранением российской сборной от Олимпиады в Корее. Теперь он как депутат Госдумы довольно часто дает комментарий, и многие зрители, видя его в кадре, практически безошибочно называют его имя. Это тот случай, когда можно с осторожностью сказать, что подобные резонансные новости дают положительный результат в плане узнавания олимпийских чемпионов и призеров крупных соревнований, еще не приобретших широкой известности у населения, а также пропаганды спорта как такового.

Новость, связанная с принятием решения МОК в декабре 2017 г., как мы справедливо можем полагать, у некоторых зрителей вызвала лабильность мышления. В подтверждение наших слов приведем комментарий самой Елены Исинбаевой, которая назвала решение МОК «шокирующим»: «Вчера, когда я только узнала о решении, была в негодовании и жутком расстройстве».

Безусловно, новости, связанные с допинг-скандалом и отстранением российской сборной от участия в Олимпиаде в г. Пхенчхан, мы считаем с большей вероятностью можно отнести к чрезвычайным. И воздействие подобной информации на сознание адресата, по нашему глубокому убеждению, достаточно серьезное.

Многими американскими исследователями было установлено, что новости о чрезвычайных событиях имеют несколько видов. И основным типом воздействия специалисты называют феномен эффекта сплочения. Зачастую он срабатывает, когда в новостях речь идет о чрезвычайных ситуациях: покушение на президента, смена политической власти, природные катаклизмы и т.д. Эффект сплочения, как правило, проявляется в объединении людей вокруг данной новости, которой коснулось данное сообщение, в частности вокруг президента страны. Но мы справедливо полагаем, что подобный феномен «сработал» и после распространения новости о временном приостановлении членства Олимпийского комитета России (ОКР) и отстранения сборной РФ от участия в Играх-2018 за манипуляции внутри антидопинговой системы страны.

Нужно отметить, что в последнее время в связи с разного рода информацией, носящей, как правило, психологический характер, многие зрители испытывают нарушение динамики мыслительной деятельности. Причин этому несколько. Во-первых, вещание новостей происходит на аудиторию, различную в гендерном и возрастном отношении. Во-вторых, в последние годы стала заметна «излишняя отвлекаемость» зрителя. Этот термин относится к ситуации, когда сказанную в эфире новость адресат соотносит со своей жизнью, даже если информация не относится лично к нему.

Здесь правомочно будет вспомнить еще о другом термине - лабильность мышления, когда в сознании человека происходит чередование адекватных суждений и неадекватных. К лабильности мышления относят и маниакально-депрессивный психоз. Но такое возникает крайне редко и только, мы считаем, под воздействием специфических программ, как, например, «Дом 2». А вот чередование адекватности и неадекватности среди зрителей встречается довольно часто. Это можно наблюдать, когда адресат пересказывает своим домочадцам увиденное по телевизору и при этом может в возбужденном состоянии перескакивать с одного места на другое. Может также проявляться беспричинно, например, при проигрыше любимой команды. Кстати, новость об отстранении наших спортсменов от участия в Играх в Республике Корея у многих зрителей, на наш взгляд, вызвала именно такие эмоции. Приведем примеры:

«Ничего хорошего не вижу. А эти слухи, что Россия будет выступать под нейтральным флагом? Я думаю, наши спортсмены не захотят поехать на таких условиях. Это очень большой удар по самолюбию и по всей стране. Хочется верить в лучшее. Но спорт - это сейчас огромная политика. Дисквалифицируют пожизненно спортсменов, которыми раньше все гордились. Мы несем огромные потери. И трудно понять, за что именно нас наказывают», - мнение российского форварда «Питтсбурга» Евгения Малкина.

«Печальные новости застали меня на сборах в Японии. Отстранение нашей страны от Олимпиады - это не спорт, а политический беспредел! Тоже хотели сделать на Олимпиаде-2016, но не получилось, а вот сейчас добрались», - так прокомментировала решение МОК призер чемпионата мира и Кубка мира по дзюдо Диана Джигарос.

Таким образом, можно резюмировать следующее. Саму новость, носящую нестандартный и резонансный оттенок и связанную с личными интересами аудитории, зрители запоминают в первую очередь. Например, отстранение от Олимпиады в Республике Корея российских спортсменов практически все без исключения зрители восприняли как чрезвычайную новость, тем более, что подобные сообщения, связанные с их страной, аудитория воспринимает как сообщения, которые, помимо общественных интересов, затрагивают их личные.

Как представляется, можно с достаточной уверенностью полагать, что если новость связана со спортивной тематикой, то, как правило, подобные сообщения оказывают более серьезное эмоциональное воздействие на зрителя, нежели новости культуры. Многие люди, и это зафиксированный психологами факт, когда расстроены, часто начинают го-

ворить грубости окружающим. Бывает, что злоба захватывает их настолько, что они хотят вылить ее на других. Из-за этого возникают недоразумения, ссоры и даже драки. Этот феномен можно наблюдать на футбольных матчах, когда после проигрыша одной команды начинается потасовка, которая может перерасти в серьезную драку.

Тот же эффект можно встретить, когда в эфире звучит информация о проигрыше любимой команды или определенного спортсмена. Как правило, после такого факта портится настроение, появляется чувство раздражения, досады, напряжения, таким образом, возникает излишняя эмоциональность. Или, наоборот, когда новость имеет положительный финал для зрителя, такое сообщение вызывает у него повышения уровня самооценки. В основе этого факта лежит диспозиционная теория, описанная еще в 1995 г. Мадригалом [2].

Проведенный ряд исследований в области психологического воздействия новостей на аудиторию также показал, что и пол, и уровень образования и воспитания, и возраст влияют на количество медиасообщений, которые может удержать память.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абрамова Г.А. Современные СМИ и культура речи // Массовая коммуникация: жанровая структура, языковая рефлексия. - Краснодар: Изд-во КубГУ, 2013. - С. 88-91.
2. Брайант Дж., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. - М.: Вильямс, 2004. - С. 258-270.
3. Дэннис Э., Мэррилл Дж. Беседы о масс-медиа. - М.: Вагриус, 1997. - С. 384.
4. Маслова В.В. Восприятие зрительного образа в телекоммуникации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук / Институт стратегических наук. - 2017. - № 4-5. - С. 110-112.
5. Писаренкова С.Е., Писаренков А.А., Сапига Е.В., Репина М.В. Исторический контекст и идеологические штампы в политическом дискурсе // Историческая и социально-образовательная мысль. - Краснодар, 2017. - Т. 9. - № 2/1. - С. 163-168.
6. Симонов В.П. Что такое эмоция? - М.: Наука, 1966. - 94 с.
7. Степанов С.С. Психология в лицах. - М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. - 384 с.
8. Фрейд З. Психология бессознательного. - М.: Просвещение, 1990. - С. 448.
9. Шерель П.И. Строить демократию: свобода формирования и выражения мнений // Политические исследования. - 1993. - № 6. - С. 104.
10. [Электронный ресурс] - <https://www.yandex.ru/>

REFERENCES

1. Abramova G. A. Sovremennye SMI i kul'tura rechi. [The Modern media and speech culture]. Massovaya kommunikaciya: zhanrovaya struktura, yazykovaya refleksiya = Mass communication: genre structure, language introspection. Krasnodar, 2013. Pp. 88-91.
2. Bryant J. Osnovy vozdejstviya SMI [Thompson S. fundamentals of media exposure]. M: "Williams", 2004, 258-270 p
3. Dennis, E.; Merrill, John. Besedy o mass-media [Conversations about mass media]. M: "Vagrius", 1997, 384 p
4. Maslov V. V. Vospriyatie zritel'nogo obraza v telekommunikacii [Perception of the visual image in telecommunications]. Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk = Actual problems of humanitarian and natural Sciences Scientific publishing house "Institute of strategic studies", 2017. No. 4-5. Pp. 110-112.
5. Pisarenkov S.E., Pisarenko A.A., Sapiga E.V., Repin M.V. Istoricheskij kontekst i ideologicheskie shtampy v politicheskom diskurse [Historical Context and Ideological Clichés in Political Discourse]. Istoricheskaja i obrazovatel'naja mysl' = Historical and Social-Educational Idea. Krasnodar, 2017. Vol. 9, No. 2/1. Pp. 163-168. DOI:10/17748/2075-9908-2017-9-2/1-163-168 (in Russ.).
6. Simonov V. P. CHto takoe ehmociya? [What is emotion?]. M.: Nauka, 1966, 94 p.
7. Stepanov S. S. Psihologiya v licah [Psychology in individuals]. Ed.: EKSMO - Press, 2001, 384 p.
8. Freud Z. Psihologiya bessoznatel'nogo [Psychology of the unconscious]. M.: Education, 1990. 448 p.

9. Sherell P. I. Stroiti' demokratiyu: svoboda formirovaniya i vyrazheniya mnenij [To Build a democracy: freedom of the formation and expression]. Politicheskie issledovaniya = Political studies. 1993. No. 6. Pp. 104.
10. <https://www.yandex.ru/>

Информация об авторе:

Мальцева Ирина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра электронных средств массовой информации и новых медиа, факультет журналистики, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
maira@list.ru

Получена: 03.11.2017

Для цитирования: Мальцева И.А., Приемы психологического воздействия СМИ на телеаудиторию посредством выпуском новостей. Историческая и социально-образовательная мысль. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.137-147.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-137-147.

Information about the author:

Irina A. Maltseva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Electronic Media and New Media, Faculty of Journalism, Kuban State University, Krasnodar, Russia
maira@list.ru

Received: 03.11.2017

For citation: Maltseva A.I., Psychological techniques of mass media influence on TV-audience through a news release. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part. 1. Pp. 137-147.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-137-147. (in Russian)

УДК 323.2

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-148-154

РОГОЧАЯ Галина Петровна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
rogochayagp@rambler.ru

Galina P. ROGOCHAYA
Kuban State University
Krasnodar, Russia
rogochayagp@rambler.ru

МАКАРЕНКО Андрей Владимирович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия

Andrei V. MAKARENKO
Kuban State University
Krasnodar, Russia

СМОЛЬНИКОВА Катарина Александровна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия

Katarina A. SMOLNIKOVA
Kuban State University
Krasnodar, Russia

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ИССЛЕДОВАНИИ ГРУПП ИНТЕРЕСОВ И ЛОББИЗМА

EVOLUTION OF METHODOLOGICAL APPROACHES IN THE STUDY OF INTEREST GROUPS AND LOBBYING

В настоящее время лоббизм является одним из значимых механизмов взаимодействия общества и государства. Актуальность исследования теоретических и эмпирических подходов к изучению лоббизма как феномена группового участия в политике обусловлена возрастанием влияния групп давления на современный политический процесс, созданием новых механизмов взаимодействия групп интересов и органов политической власти. Расширение проблемной области изучения лоббизма предполагает исследование не только теоретико-методологических оснований этого феномена, но и его прикладных аспектов, выработку новых моделей и инструментария исследования лоббизма как механизма продвижения групповых интересов. В задачу данной статьи входит анализ эволюции основных подходов к исследованию такого сложного и неоднозначного феномена как группы интересов в политике и лоббизма как института и способа реализации групповых интересов. Неинституциональный метод, на наш взгляд, дает возможность выявить механизмы и принципы, характерные для системы функционального представительства и лоббизма как ее неотъемлемой составляющей. Применение многофакторных моделей математического моделирования к анализу современных лоббистских практик позволит вводить множественные переменные и прогнозировать вероятность тех или иных лоббистских усилий.

Currently, lobbying is one of the important mechanisms of interaction between society and the state. The relevance of the study theoretical and empirical approaches to the study of lobbying as a phenomenon of group participation in politics due to the growing influence of pressure groups on the political process, creating new mechanisms of interaction between interest groups and organs of political power. Extension of the problem the study of lobbying, involves the study not only of theoretical and methodological bases of this phenomenon, but also its applied aspects, the development of new models and instruments of the study of lobbying as a mechanism to promote group interests. The objective of this article is to analyze the evolution of the main approaches to the study of such a complex and ambiguous phenomenon as interest groups in politics and lobbying as an institution and a way of realization of group interests. Neo-institutional method, in our opinion, provides an opportunity to identify mechanisms and principles characteristic of the system of functional representation and lobbying, as its integral part. The application of multivariate models mathematical modeling to the analysis of modern lobbying practices will allow you to enter multiple variables and predict the probability of certain lobbying activities.

Ключевые слова: государство, политика, группы интересов, лоббизм, система функционального представительства, институты, неоинституционализм, многофакторные модели

Keywords: state, policy, interest groups, lobbying, system of functional representation, institutions, neo-institutionalism, multi-factor models

В настоящее время лоббизм является одним из значимых механизмов взаимодействия общества и государства. Актуальность исследования теоретических и эмпирических подходов к изучению лоббизма как феномена группового участия в политике обусловлена возрастанием влияния групп давления на современный политический процесс, созданием новых механизмов взаимодействия групп давления и органов политической власти [10]. Проблемы формального и неформального взаимодействия политических институтов и групп давления занимают важное место при анализе структуры и деятельно-

сти субъектов политики, в исследованиях взаимодействий гражданского общества и государства. В ситуации продолжительного экономического кризиса обостряется борьба за ресурсы между различными акторами политического и экономического процессов, наблюдается сращивание их интересов. Действия этих акторов носят не всегда формализованный характер, что усложняет проблему изучения групп давления и механизмов продвижения их интересов [8]. Возрастают политические и экономические риски при продвижении интересов бизнеса, что не способствует становлению системы представительства и обеспечению привлекательного инвестиционного климата. Расширение проблемной области изучения лоббизма предполагает исследование не только теоретико-методологических проблем этого феномена, но и его прикладных аспектов, выработку новых моделей и инструментария исследования лоббизма как механизма продвижения групповых интересов. В задачу данной статьи входит анализ эволюции основных подходов к исследованию такого сложного и неоднозначного феномена, как группы интересов в политике и лоббизма как института и механизма реализации групповых интересов.

Основы изучения теории групп интересов в политическом пространстве в контексте политической социологии были заложены в начале XX столетия американским социологом Артуром Бентли. В работе «Процесс управления» 1908 г. была выдвинута идея о ведущей роли согласования интересов различных групп в политическом процессе. Акцентируя внимание на данной идее, А. Бентли совершил переворот в американской политологии начала XX в., основанием которой были статичные государственные институты [1].

Продолжателем идей Бентли стал американский социолог Дэвид Трумен. В своей работе «Управленческий процесс. Политические интересы и общественное мнение» 1951 г. он дает понятие политического процесса как групповой конкуренции за власть; общество, в свою очередь, понимается как множество групп, взаимодействующих друг с другом [14]. В данной работе формируется понятие групп давления - группа интересов, обладающая специфическими чертами, находящаяся в специфическом состоянии и осуществляющая определенную деятельность в сфере политических отношений; выявлена взаимосвязь дифференциации потребностей различных слоев общества с ростом их институционализации [3].

Бентли и Трумэн внесли огромный вклад в изучение групп интересов, утверждая, что степень влияния группы прямо пропорциональна ее количеству, но Мансур Олсон в своем труде «Логика коллективных действий» поставил под сомнение представленную выше идею, утверждая, что для поддержания целостности многочисленной группы необходимо применять стимулы в виде предоставления преференций либо угрозы применения санкций. В свою очередь, общий интерес способен объединить малочисленную группу («привилегированную группу»), например крупных бизнесменов, которые будут иметь больше влияния, чем многочисленные группы [7].

Помимо вышеперечисленных исследователей, в развитии концепции группового участия как основы лоббизма стоит отметить Пендлтона Херринга, Роберта Солсбери, Чарльза Линдблома. Существенный вклад в развитие теории заинтересованных групп также внесли Уиллис Грант, Хенди Кэтрин и Чарльз Адриан. Благодаря исследованиям указанных авторов удалось выработать общие подходы к определению характеристик групп интересов. Так, основными признаками групп интересов следует считать: устойчивые связи во взаимоотношениях между участниками группы; коллективную солидарность; общие интересы и цели. Данные группы создаются с целью давления на государственные, правительственные и общественные органы, а не для завоевания власти. В этом факторе и состоит главное отличие групп интересов от политических партий.

Е. Шахтшнейдер обращает внимание научных кругов на тот факт, что роль групп интересов определяется эффективностью деятельности политических партий в общественной сфере [13]. Так, если политические партии не выполняют социально-политические задачи, на первый план в политической жизни будут выдвигаться сообщества, сформированные по интересам. Однако на определенном этапе развития общества, приобретающего все более и более не вертикально, а горизонтально интегрированный

характер, меняется и формат взаимодействия общества и государства. Осмысление новой структуры уже не вполне вписывается в классические социологические и институциональные рамки и нуждается в новых принципах.

В современной политической науке сформировался сетевой подход, разработанный такими учеными, как М. Кастельс, Д. Марш, Т. Берцель и др. [4] Сетевой подход вводит модель политической сети, благодаря которой происходит интеграция общественных групп, осуществляются процессы выработки и принятия политических решений [9]. Роль групп интересов в данной модели возрастает, появляются новые субъекты политических отношений - НПО и ТНК. Подводя итог описанию институциональных подходов к исследованию обозначенного феномена, следует отметить, что в политическом процессе построение структурной модели лоббизма и роли заинтересованных групп развивается в нескольких направлениях:

а) плюралистическом - независимость групп от интересов государства, их стихийное образование, многочисленность и постоянная конкуренция образует вектор определения политики государства (Роберт Даль, Лестер Милбрах);

б) корпоративном - система построения групп интересов имеет четкую структуру и иерархию, монополии находятся на особом положении, так как имеют санкционное право на представительство в своей области в обмен на контроль за выбором и выдвижением требований. Государство же, главный элемент структуры, самостоятельно наделяет привилегиями одну из групп интересов (Карл Фредрич, Карл Гринволд);

в) неокорпоративном - взаимодействие государства и групп интересов приводит к участию организованных интересов в публичном управлении, зачастую группы приобретают право на монополию запросов общества, способы агрегации интересов сводятся к торгу группировок с государственной бюрократией (Ф. Шмиттер, Г. Лембрух, С. Роккан).

г) неинституциональном (теория общественного выбора) - лоббизм есть неформальный институт, группы давления преследуют свои частные интересы, заинтересованы в принятии государственных решений, направленных на повышение их престижа. Характерные черты - ограниченность, субъективность и индивидуализм (Д. Норт, Дж. Бьюкенен).

Неоинституциональный метод, на наш взгляд, дает возможность выявить механизмы и принципы, характерные для системы функционального представительства и лоббизма как ее неотъемлемой составляющей. На формирование системы функционального представительства напрямую влияют особенности взаимодействия групп интересов и власти и «правила игры», установленные внутри данной системы. В рамках неоинституционального подхода именно «правила игры» определяют способ функционирования системы. По мнению Д. Норта, «институты - "правила игры" в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [6, с. 17].

В политической системе, в частности, определяющую роль играют особенности взаимодействия групп интересов и государства. Нормы и правила, сложившиеся для регулирования данных отношений, транслируются на развитие других областей общественной жизни.

Для современной политологии свойственно акцентировать внимание на методах, близких к математическим, которые позволили расширить диапазон эмпирических исследований групп интересов и лоббизма. Видится важным раскрыть некоторые из них.

Достижения в области методов исследования социальных наук с 1990-х годов позволили ученым отказаться от корреляционных исследований. Применение квазиэкспериментальных подходов, позволяет выявить причинно-следственные связи деятельности групп интересов. Эти успехи дают возможность ученым избегать, как отмечают Баумгартнер и Лич, «ловушки одноразовых конструкций поперечного сечения», но не устраняют необходимость понимания основных описаний и институциональных деталей лоббирования. На самом деле понимание того, как лоббирование работает на практике, возможно, даже более важно, чем прежде, при реализации эмпирического исследования. Речь идет об изучении «правил игры» математическими методами.

Опишем, как достижения в области экспериментальных исследований и статистических методов могут помочь ученым предоставить более надежные ответы на сложные вопросы. Джон Фигуереди и Брайан Келлехер Рихтер в работе *Advancing the Empirical Research on Lobbying* [12] указывают на проблемы, присущие эмпирическим исследованиям в области лоббирования, и предлагают использовать статистические методы для анализа лоббистской деятельности по принципу решения «ситуативных задач», или кейсов. Мы рассмотрим те материалы, которые соответствуют нашему объекту исследования, а именно эмпирические методы исследования лоббизма.

Стремясь развить понимание этих и других областей, исследователи сталкиваются с рядом статистических проблем, которые затрудняют причинно-следственный анализ. Первой возникшей проблемой является постоянство временных рядов и плотность лоббистских усилий. Не менее сложным с точки зрения статистики является и учет данных при регистрации участников в группах интересов. Лоббирование, являясь диффузным процессом, не всегда позволяет собрать в единую факторную модель весь набор компонентов, влияющих на ту или иную лоббистскую структуру.

Вторая задача эмпирических исследований в области лоббирования - это решение довольно значительной проблемы с пропущенными переменными. Например, допустим, что несколько инструментов для осуществления политического влияния могут использоваться в тандеме, но только некоторые из них могут быть использованы. Если это так, мы можем ложно приписать результат усилиям лоббирования интереса, когда эффект действительно связан с расположением интересов в ключевом районе - когда объективно имеет место просто результат работы парламентариев. Учитывая характер лоббирования и желание некоторых участников работать скрытно, исследователи сталкиваются с пропущенными переменными даже при использовании наилучших доступных данных. Наборы данных могут не содержать данных о наблюдаемых факторах, которые мы хотели бы включить в качестве контроля в анализ, или могут быть факторы, которые просто не наблюдаемы, такие как врожденные способности интересов или лоббистов при лоббировании.

Опущенная переменная может быть чрезвычайно проблематичной, если эти пропущенные переменные коррелируют с линией ошибки в регрессии, так как это приведет к смещенным оценкам параметров и некорректным причинным выводам. Поскольку количественная оценка результатов, а не описания явлений, становится все более важной задачей, уклонение от упущенной переменной в сторону предвзятости оценки станет основной задачей [2].

Третьей задачей является эндогенный отбор в процессе лоббирования. Решение лоббировать группой интересов не является случайным событием и, следовательно, не соответствует идеализированному миру экспериментального исследования, в котором некоторые заинтересованные группы будут назначены на лобби, а другие нет. Недопуск случайного выбора может привести к предвзятым результатам, потому что процесс назначения групп может быть соотнесен с результатами. Решение группы заинтересованных сторон лоббировать, скорее всего, обусловлено ожидаемыми реакциями группы других групп, которые также могут лоббировать, и ожидаемыми результатами фокальной группы. То есть группы с большей вероятностью будут лоббировать, когда считают, что они с большей вероятностью преуспеют. Более того, точный уровень лоббистской деятельности, целевые объекты и т.д. могут быть выбраны таким образом, чтобы оптимизировать результаты интереса, еще больше усложняя причинно-следственные связи в структуре лоббирования. Это связано с проблемой опущенных переменных и, как и она, рождает новые вопросы, требующие причинного вывода [11].

Тем не менее при более тесной увязке теории и эмпирической работы, ожидаемой в будущем, исследователи сталкиваются с проблемой, что, хотя теории о лоббировании часто касаются информации, информация (или сообщение) в большинстве наборов данных обычно не наблюдается непосредственно. Следовательно, эмпирическая работа должна разрабатывать механизмы, которые в прошлом не требовались для проверки теорий информационного лоббирования, когда информация не может быть обнаружена или может

быть неполной. На наш взгляд, совершенствование подходов к изучению групп интересов и лоббизма как механизма их реализации возможно в направлении интеграции междисциплинарных подходов, включающих политические, социологические методы и методы математического моделирования.

Группы интересов активно участвуют в политической жизни, как общегосударственной, так и международной. В этой связи объектами международных политических процессов выступают не только такие институты, как группы государств и само государство, но и различные неправительственные организации, и транснациональные корпорации.

В целом, можно отметить, что системы политического управления активизируют политическое взаимодействие в процессе выработки и реализации государственной политики с помощью встраивания механизмов гражданской активности в институциональную структуру демократической системы правления. Возникает «эффект веера»: чем больше и шире его размах, тем более масштабным и непредсказуемым может быть эффект от деятельности гражданской активности и групп интересов.

На данном этапе лоббистская деятельность предстает как особая сфера индустрии, осуществляющая платные услуги. Поэтому появляется огромное количество всевозможных международных лоббистских фирм и организаций. Для эффективной лоббистской деятельности необходимо знание процессов выработки государственных решений той или иной страны, прочитывание политических рисков, связанных с конфликтами групповых интересов как во внутренней политике, так и на международном уровне.

Важным проявлением развития мировых процессов выступает взаимодействие государственных и негосударственных участников международных отношений. Современная ситуация предполагает использование негосударственных акторов в межгосударственной конкуренции. Нельзя исключать и соперничество между государством и НПО за сферы влияния и за реализацию политических решений. Дж. Розенау одним из первых отметил появление на мировой арене новых акторов, таких как НПО и ТНК, с которыми в современном мире невозможно не считаться государству.

Дж. С. Най для наглядности роста и значения НПО приводит статистику частоты упоминания в СМИ понятия НПО (с 1992 г. возросло в 17 раз) [5]. Факторами, способствующими росту НПО и их значению, служат увеличение взаимозависимости стран, технический прогресс, транснациональное взаимодействие, появление и быстрое развитие платформы Интернет. Последние десятилетия отмечены стремительными процессами глобализации и изменениями в системе международного порядка. Данные изменения характеризуются сменой субъектов мировой политики, снижением роли традиционных акторов, перераспределением управленческих функций, возникновением новых форм наднациональных структур. Особую роль в геополитических процессах современности начинают играть транснациональные корпорации, зачастую подменяя собой традиционные центры принятия политических решений - национальные государства и международные организации. Интересы ТНК в современной политике начинают играть все более значимую роль, поскольку ТНК одновременно и причина, и следствие глобализации. Характер воздействия ТНК посредством лоббирования на экономическую и политическую составляющие современной международной политики свидетельствует о том, что ни один современный геополитический конфликт нельзя рассматривать без учета интересов ТНК.

На сегодняшний день можно говорить о тенденции смещения центров влияния с государственных структур на корпоративные. Если первоначально именно государство принимало основное участие в процессах корпоративного строительства, то на сегодняшний день ТНК становятся самостоятельными политическими акторами, а национальные государства начинают испытывать конкурентное влияние ТНК во многих сферах своей деятельности. Налицо изменение характера субъектности ТНК, их интересы уже не ограничиваются чисто экономической сферой и переходят в разряд политических. Ярче всего такие трансформации проявляются в периоды геополитических и структурных кризисов.

Применение многофакторных моделей математического моделирования к анализу современных лоббистских практик позволит вводить множественные переменные и прогнозировать вероятность тех или иных лоббистских усилий. Нормы и правила, складывающиеся при взаимодействии групп интересов и государства, влияют на все сферы жизни общества. Деятельность групп интересов и лоббистских структур не сводится исключительно к формальным практикам, поэтому и возникает запрос на новые подходы к исследованию данных феноменов, позволяющий просчитывать вероятность последствий для общества от взаимодействия групп интересов и государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бентли А. Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений. - М.: Перо, 2012. - С. 40.
2. Григор Г.Э. Использование лоббизма в реализации экономических интересов предприятия / Автореф. дис. ... канд. экон. наук. - М., 2009.
3. Джанда К., Берри Д.М., Годман Д., Хула К.В. Трудным путем демократии: процесс государственного управления в США / Пер. с англ. - М.: РОССПЭН, 2006. - С. 287-318.
4. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. с англ. - М.: Высшая школа экономики, 2000.
5. Най-мл. Дж. После Ирака: мощь и стратегия США // Россия в глобальной политике. - 2003. - № 3. Июль-сентябрь [Электронный ресурс] - URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_1565.
6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. - М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. - 180 с.
7. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. - М.: Фонд экономической инициативы, 1995. - С. 165.
8. Рогочая Г.П. Проблемы модернизации взаимодействия бизнеса и власти // Человек. Сообщество. Управление. - Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2012. - № 1. - С. 143-148.
9. Сморгун Л.В. Сетевой подход к политике и управлению / Полис. - 2001. - № 3.
10. Халилов Т.А. Роль бизнес-субъектов в процессе демократизации современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2015. - № 7. - С. 56-63. DOI: <http://dx.doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-56-63>.
11. Hofstadter R. The American Political Tradition: and the Men Who Made It. - N.Y., USA, 1974. - 638 p.
12. John M. de Figueiredo, Brian Kelleher Richter Advancing the Empirical Research on Lobbying // Annual Review of Political Science. - 2014. November. 2013. - P. 163-185.
13. Schattschneider E.E. Party Government. - N.Y., 1942. - P. 85.
14. Truman D. The Governmental Process. - N.Y., 1951. - P. 15-25.

REFERENCES

1. Bentley A. Process gosudarstvennogo upravlenija. Izuchenie obshhestvennyh davlenij. [The process of public administration. Studying of public pressures]. Moscow. Pero Publishing House, 2012. P.40. (In Russ.).
2. Grigor G.E. Ispol'zovanie lobbizma v realizacii jekonomicheskikh interesov predpriyatija. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata jekonomicheskikh nauk. [Use of lobbyism in realization of economic interests of the enterprise. The dissertation author's abstract on competition of a scientific degree of the candidate of economic sciences]. Moscow, 2009. (In Russ.).
3. Janda K., Berry DM, Godman D., Hula K.V. Trudnym putem demokratii: process gosudarstvennogo upravlenija v SShA. [The Difficult Way of Democracy: the Process of Public Administration in the US]. Transl. from English. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2006. P. 287-318. (In Russ.).
4. Castells M. Informacionnaja jepoha. Jekonomika, obshhestvo i kul'tura. [Information Age. Economy, society, and culture]. Trans. from English. Moscow: Higher School of Economics, 2000. (In Russ.).
5. Nye-Jr. J. Posle Iraka: moshh' i strategija SShA. [After Iraq: the power and strategy of the United States]. Russia in global politics. 2003. No. 3. July-September. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_1565. (In Russ.).

6. North D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie jekonomiki. [Institutions, institutional changes, and the functioning of the economy]. Moscow: Fund of Economic Book "Elements", 1997. 180 p. (In Russ.).
7. Olson M. Logika kollektivnyh dejstvij. Obshhestvennye blaga i teorija grupp. [Logic of collective action. Public goods and group theory]. Moscow, Foundation for Economic Initiative, 1995. P. 165. (In Russ.).
8. Rogochaya G.P. Problemy modernizacii vzaimodejstviya biznesa i vlasti. [Problems of modernization of interaction between business and government]. Human. Community. Management: Scientific-Inform. Journal. Krasnodar, Kuban State. Univ. 2012. No. 1. P. 143-148. (In Russ.).
9. Smorgunov L.V. Setevoj podhod k politike i upravleniju. [Network approach to policy and management]. Polis. 2001. No. 3. (In Russ.).
10. Khalilov T.A. Role of business-subjects in democratization process of contemporary Russia. [Rol' biznes-sub'ektov v processe demokratizacii sovremennoj Rossii]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'noobrazovatel'naya mys'l = Historical and Social-Educational Idea. 2015. Vol. 7. No. 7-1. P. 56-63. DOI: <http://dx.doi.org/10.17748/2075-9908-2015-7-7/1-56-63>. (In Eng. / In Russ.).
11. Hofstadter R. The American Political Tradition: and the Men Who Made It. N.Y., USA, 1974. 638 p. (In Eng.).
12. John M. de Figueiredo and Brian Kelleher Richter Advancing the Empirical Research on Lobbying. Annual Review of Political Science. 2014. November. 2013. P. 163-185. (In Eng.).
13. Schattschneider E. E. Party Government. N.Y., 1942. P. 85. (In Eng.).
14. Truman D. The Governmental Process. N.Y., 1951. P. 15-25. (In Eng.).

Информация об авторах:

Рогочая Галина Петровна, кандидат философских наук, доцент, кафедра политологии и политического управления, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
rogochayagp@rambler.ru

Макаренко Андрей Владимирович, магистрант направления «Политология», Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

Смольникова Катарина Александровна, магистрант направления «Политология», Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

Получена: 03.11.2017

Для цитирования: Рогочая Г. П., Макаренко А.В., Смольникова К.А. Эволюция методологических подходов в исследовании групп интересов и лоббизма. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.148-154.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-148-154.

Information about the authors:

Galina P. Rogochaya, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Political Management, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
rogochayagp@rambler.ru

Andrei V. Makarenko, Graduate Student of "Political Science" Direction, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Katarina A. Smolnikova, Graduate Student of "Political Science" Direction, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Received: 03.11.2017

For citation: Rogochaya G.P., Makarenko A.V., Smolnikova K.A. Evolution of methodological approaches in the study of interest groups and lobbying. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.6 Part. 1. Pp. 148-154.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-148-154. (in Russian)

УДК 17.021.3

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-155-161

ШАРОНОВ Дмитрий Иванович
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Россия
dmitrij.sharonov@gmail.com

Dmitrii I. SHARONOV
Lomonosov Moscow State University
dmitrij.sharonov@gmail.com

ГРАНИЦЫ КАК ИЛЛЮЗИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРИПЕТИИ «МЕДИАТИЗАЦИИ»

BOUNDARIES AS ILLUSION: THE HISTORICAL VICISSITUDES OF THE "MEDIATIZATION"

Статья обобщает результаты критического анализа эволюции термина «медиатизация» в научном и публицистическом дискурсе. Количество публикаций по данной теме в последние годы значительно увеличилось, в научный оборот введен ряд новых терминов. В этой связи назрела необходимость пересмотра методологического инструментария исследования практик навязывания автономным общественным институтам особых медиа-логик функционирования. Задачей работы является прослеживание факторов возникновения и развития явления медиатизации в разные исторические периоды. Подчеркивается парадоксальный характер эволюции смысла в эпоху гипермедиа, где многие концепты обретают латентный модус существования. Смысл концепта призван улавливать присутствие незаметных окружению подстановок значений, исподволь трансформирующих семантические порядки сообществ. Это способствует склонности воспринимать нейтральные сигналы внешней среды в качестве семантически структурированных символических посланий. Взаимные наложения медиамиров способствуют невольному размыванию привычных смысловых границ, привносят раздражающую путаницу в коллективные суждения и оценки. Результатом действительно часто становится «вирусный» эффект массовых маний - охоты на ведьм, золотой или тюльпанной лихорадки. Автор различает сильную и слабую версии теории медиатизации, применяя сетевую логику оформления системы гипермедиа. Сущность самого процесса трактуется в ключе редактирования матриц и кодов коллективной памяти целостной культурной идентичности со стороны особых контролирующих звеньев, опосредующих естественный режим ее развития. Определены исторические и культурные предпосылки поддержания естественного семантического баланса в экосистемах коммуникации. Сформулирован вывод о том, что истоки практик медиатизации следует искать в ранние периоды культурной истории человечества одновременно со становлением навыков членораздельной речи и массового участия в коллективных ритуалах.

The article summarizes the results of a critical analysis of the term "mediatization" evolution in scientific and journalistic discourse. The number of publications on this topic in recent years has increased significantly, a number of new terms have been introduced into the scientific vocabulary. There is a need to revise the methodological tools for researching practices of imposing special media logics on autonomous public institutions functioning. The objective of the article is to trace the factors of the emergence and development of the phenomenon of mediatization in different historical periods. It emphasizes the paradoxical nature of the evolution of meaning in the era of hypermedia, where many concepts acquire a latent mode of existence. The meaning of the concept is designed to capture the presence of imperceptible substitutions of senses that gradually transform the semantic orders of communities. This contributes to the tendency to perceive neutral signals of the external environment as semantically structured symbolic messages. Mutual layers of media worlds contribute to involuntary blurring of the familiar semantic boundaries, bring an annoying confusion to collective judgments and assessments. The result has often been the "viral" effect of mass mania - witch hunts, gold fever, and tulip fever and so on. The author distinguishes between strong and weak versions of the theory of mediatization, applying the network logic to the design of the hypermedia system. The essence of the process itself is treated by the angle of editing matrices and codes of an integral cultural identity collective memory from special controlling links mediating the natural mode of its development. The historical and cultural prerequisites for maintaining a natural semantic balance in the communication ecosystems are determined. The conclusion is drawn that the origins of mediation practices should be sought in the early periods of the cultural history of mankind simultaneously with the development of skills of articulate speech and mass participation in collective rituals.

Ключевые слова: медиатизация, экосистема коммуникации, гипермедиа, двойная связность, парадокс, медиалогика, культурные изменения

Keywords: mediatization, communication ecosystem, hypermedia, double bind, paradox, media logic, cultural changes

В рамках одной из недавних дискуссий о проблемах «постязыка» известный аналитик Пол Холмс поведал забавную историю. Он говорил о ребенке, пытающемся легкими касаниями пальцев «поменять картинку» на глянцевой обложке печатного журнала, который читал в домашней обстановке его коллега. Автор данной статьи уже высказывался на тему методологических проблем исследования парадоксальных форм, которые при-

нимают сегодня процессы медиатизации пространств общественности [1, с. 234-239]. Приходится признать, что минувшее с тех пор десятилетие настолько поменяло эти реалии качественным образом, что давно назрел момент очередной ревизии всего исследовательского инструментария.

Надежными индикаторами возрастающей актуальности вопроса служит ввод в поле внимания исследовательского сообщества целого «букета» новых понятий и терминов. Авторы предлагают модели «гибридных» медиасистем, рассуждают о «цифровых поколениях» и особенностях их социализации, о процессах «конвергенции» современных медиаплатформ на новой цифровой основе [2, с. 244; 3, с.15]. Как бы внезапно радикально возрос и градус накала теоретических дискуссий на тему «медиатизации». Количество статей, монографий, научных конференций здесь по своей интенсивности сопоставимо разве что с азартными дискуссиями последних лет по проблемам «постправды».

Принимая во внимания тот факт, что эти споры пока еще очень далеки от своего конструктивного завершения, автор предлагает объединить весь комплекс методологических трудностей, возникающих на пути здоровой рефлексии происходящего под сенью интегрирующего концепта «гипермедиа». Представляется, что имеет смысл таким образом компактно локализовать достаточно диффузный предмет теоретического рассмотрения. Можно попытаться применить здесь сетевой принцип организации материала, рассматривая явно смежные проблемные области как соответствующие «субтерминалы» (аспекты, измерения) центрального «хаба» гипермедиа. В противном случае пестрый карнавал мемов цифрового сторителлинга, формой резонанса которого сегодня становится качественно новый тип организации сообществ и экосистем в целом, так и останется запутанным клубком не совсем прозрачных (если не совсем загадочных!) отношений и процессов.

Также следует учесть и тот факт, что, наряду с некоторыми популярными ныне неологизмами, термин «медиатизация» все отчетливее смещается в особый класс «дремлющих» семантических единиц. Как оказывается, последние способны латентно присутствовать в общественном и академическом дискурсах вплоть до момента своей внезапной актуализации под напором различного рода ситуативных факторов. Провоцирующим рост частоты использования слова обстоятельством могут послужить даже регулярные «вбросы» сообщений из достаточно авторитетного источника в пространство социальных сетей. Курьезные заявления, зачастую содержащие лишь оценочные суждения, как выяснилось, вполне способны задавать текущую повестку дня общественных обсуждений со всеми непредсказуемыми ее исходами. В этой связи символичен единодушный выбор лексикографами ведущих англоязычных словарей в номинации «слово года» терминов «постправда» (2016) и «поддельные новости» (2017). Прояснить функциональный статус и эволюционные перспективы подобных явлений непросто: сами наиболее востребованные сегодня термины были запущены в оборот за десятилетия до своего нынешнего триумфа и совсем по иным поводам.

Так, термин «медиатизация» известен историкам еще со времен строительства наполеоновской империи, где он символизировал важный аспект германской политики Талейрана. Ее вектор сводился тогда к резкому сокращению большого количества мелких самостоятельных княжеств, находившихся в прямом подчинении Священной Римской империи. Суть реформы заключалась в применении механизма управления ими через посредство более влиятельных суверенов несколькими уровнями иерархии выше, также подконтрольных имперскому центру. Политические коннотации происхождения оригинального немецкоязычного слова здесь более чем уместны. Достаточно указать, что одна из наиболее авторитетных версий современной теории медиатизации рассматривает публичную политику в качестве приоритетной сферы укоренения медалогик. Иными словами, то, что интересно в новостном плане СМИ и хорошо транслируется с помощью соответствующих технологий, становится приоритетными стратегическими поводами и ресурсом для кампаний паблисити конкретных политических игроков.

Приоритет русскоязычной адаптации термина принадлежит Ф.И. Тютчеву. В письме к А.И. Георгиевскому от 2/14 января 1865 г. содержание процесса медиатизации отождествляется им с коммуникационными стратегиями публицистических баталий вокруг катковских «Московских Ведомостей». По его оценкам, планы враждебной коалиции были нацелены на утверждение идейного принципа «безнародности» самодержавия в пространстве российского публицистического дискурса. Термин, таким образом, трактуется уже в контексте разоблачения идеологических уловок оппонентов, направленных на «охлаждение русского начала» [4, с. 179]. Поэт и дипломат, разумеется, имел в виду попытки противоположной стороны символически редуцировать идею легитимности укоренения государственных институций непосредственно в доминантной системе ценностей национальной культуры.

Хотя инициаторы процессов медиатизации, как и сами ее исторические контексты, здесь существенно неоднородны, техника посредничества имеет явные сходства. В обоих случаях предполагалось внедрение в экосистему некоего доминантного звена в целях контроля спонтанных связей, питающих автономию режима коммуникаций. Известно, что идеологически нагруженные клише «сияющих обобщений» в разные эпохи осуществляли крайне эффективную фильтрацию процессов самодеятельного творчества смыслов: достаточно вспомнить о государственной цензуре или, скажем, о деятельности инквизиции. Как видим, функционал медиатизации уже тогда трактовался в ключе редактирования матриц и кодов коллективной памяти целостной культурной идентичности - базового фактора проверки связности перспективной ее программы развития. В случае успеха проектов навязывания паттернов общественных самоописаний с заведомо смещенным фокусом и акцентами медиафакторы параллельно порождали и неизбежные риски массовой дезориентации. Способствуя прочтению текущих событийных рядов под углом зрения предчувствий, постоянно тревожащих коллективное воображение, институты медиатизации срабатывали подобно Дельфийскому оракулу: еще Гераклит Эфесский подметил его способность представлять откровение богов в форме интуитивно толкуемой мозаики косвенных намеков и произвольных ассоциаций. Как видим, оригинальный (как теперь модно говорить - «нативный») смысл концепта призван улавливать присутствие незаметных окружающему подстановок значений, исподволь трансформирующих семантические порядки сообществ.

В свое время Г. Бейтсон выдвинул предположение, что подобный феномен «транс-контекстуального замешательства» объясняется тягой медиатизированных сообществ к «двойному прочтению» в общем-то нейтральных сигналов внешней среды в качестве семантически структурированных символических посланий. «Внешний опыт может быть вставлен как кадр (framed) в контекст сна, внутренняя мысль может проецироваться в контексты внешнего мира» [5, с. 295]. Подобного рода эксцентричные мыслительные эксперименты на грани возможного всегда грозили нарушением естественно сложившегося семантического баланса культурных систем. Взаимные наложения медиамиров во все времена способствовали невольному размыванию привычных смысловых границ, привносили раздражающую путаницу в коллективные суждения и оценки. Вспомним недавнюю американскую «клоунофобию», навеянную триллером «Оно», или продолжающуюся там же и поныне эпидемию обвинений публично известных персон в сексуальных домогательствах. Буквальное здесь уже легко пересекается с метафорическим, воображаемое - с реальным, а лишь потенциально возможное - с упорно ожидаемым. Поэтому попытки отыскать четкие указатели границ исторического периода «начала» процесса медиатизации человеческой культуры, на наш взгляд, утопичны. Можно предположить, что феномен непосредственно восходит к зарождению и развитию когнитивных способностей человека к абстрагированию и символическим манипуляциям. Можно сослаться в данной связи на научный авторитет Хельмута Плеснера, в частности на положения его теории «эксцентрической позиционности».

Результатом действительно часто становился «виральный» эффект массовых маний - охоты на ведьм, золотой или тюльпанной лихорадки, всеобщего переселения «на теплые реки». «Мы обнаруживаем, - иронически писал еще в XIX в. замечательный летописец массовых истерий Чарльз Маккей, - что целые социальные группы внезапно останавливают свои взоры на какой-то одной цели, преследуя которую сходят с ума: что миллионы людей одновременно попадают на удочку одной и той же иллюзии и гонятся за ней, пока их внимание не привлечет какая-нибудь новая глупость» [6, с. 13]. Похоже, что чувства личного разочарования (или даже смятения) участников таких движений перед лицом непрерывного ряда исторических конфузов никак не гарантировали от вовлечения в очередной цикл проб и ошибок.

Парадоксальным образом конкретные исторические результаты такого рода массовых мобилизаций, как правило, способствовали непредвиденным функциональным сдвигам и стремительному «перетеканию» социального напряжения на более высокие уровни организации экосистем коммуникаций. Так, основание в 1606 г. Лондонской Вирджинской компании под влиянием легендарных историй сэра Уолтера Рейли о Новом Свете отнюдь не способствовало обретению их акционерами несметных сокровищ Эддорадо. Взамен несбыточным мечтам благодарное человечество получило от предприятия крайне удачный по своим свойствам сорт табака и в перспективе - целую галерею знаменитых сигаретных брендов. Сконструировавший фонограф Томас Эдисон был искренне убежден, что изобрел прибор для надежной фиксации мимолетностей телефонного общения (наподобие старого доброго телеграфа). Немного времени спустя музыканты вынуждены были озаботиться перспективами востребованности живого исполнения как такового: звукозапись в сочетании с радиотрансляцией стремительно разогнала бум массовой поп-культуры, породив целый веер модных музыкальных стилей. Перечень подобных недоразумений можно было бы продолжить.

Та же парадоксальность легко прослеживается и в характере развертывания самой академической дискуссии о методологическом инструментарии исследования вопроса. Первые опыты использования понятия «медиатизация прямых межличностных отношений» со стороны СМИ в немецкоязычной социологической литературе относятся еще к 1933 г. (Эрнст Мангейм). С той поры дело продвинулось недалеко. Настоятельные попытки ряда исследователей из Германии и скандинавских стран обосновать правомерность использования оригинального концепта как базового для современных медиаисследований в глобальном масштабе до сих пор вызывают недоумение и критику их англоязычных коллег. Фундаментальная неустойчивость статуса и неумеренный плюрализм теоретического содержания данного конструкта порождает вопрос: а не правомернее ли рассматривать сами продвигающие концепт инициативы как проекты стратегической медиатизации (или академического брендинга) конкретных методов исследования «медиатизации» в эпоху гипермедиа? И эта формула - вовсе не оксюморон, а естественное выражение факта «многослойности» феномена, где каждая более глубинная страта норовит захватить смысл понятия в целом, включить его в собственный масштаб, в субъективную «историю» фрейма (по Г. Бейтсону). Значит, существует и риск вовлечься в фантазийную игру «двойных прочтений», где различные по степеням общности контексты конкурируют друг с другом, образуя окружения метауровней, смещая перспективы подстановками мнимых смысловых эквивалентов, меняя отношения притяжения на отталкивание и наоборот. Знаменитые античные парадоксы типа «Лжец» или «Еватл» наилучшим образом иллюстрируют риски подобной «двойной связности». Для конструктивной работы с такими коммуникационными образованиями стоит ориентироваться лишь на размыкание их метауровней путем пошагового распутывания сети взаимных семантических откликов в целях индексирования моментов возможных пересечений.

Если сосредоточиться на «сильной» версии модели медиатизации (ведь она ближе по смыслу политизированному первоисточнику термина), то слабым звеном неизбежно оказывается как раз центральный ее концепт некоей универсальной «медиалогии»

(Дэвид Элтейд и Роберт Сноу, 1979). Адепты данного подхода традиционно акцентируют важность институционального и технологического аспектов аккомодации публичной политики партий, движений или их парламентских представительств к требованиям формата СМИ и ожиданиям массовой аудитории. Шведский политолог Кент Асп в 1986 г. обозначил этот эффект потери автономной инициативы специализированными институтами термином «медиализация политики» [7, с. 112].

По мере превращения цифровых форматов в центральный системообразующий фактор конвергенции медиаплатформ, фактического стирания граней между интерактивными и сетевыми технологиями стала очевидна потеря медиаклассикой собственной идентичности, тотальная компьютерная ее симулируемость. Поэтому в исследовательской среде растет осознание того факта, что «традиционный теоретический аппарат, приспособленный к массовой коммуникации, оказывается все более непригодным для описания новой экосистемы» [8, р. 139]. Вместе с тем попытки выработать взамен некую «сетевую медиалогику» или модель «медиатизации 2.0» выглядят несколько искусственными из-за принципиально контингентного характера структурной организации гипермедиа. Единый центр стратегических решений здесь более невозможен: журналистский и политический мейнстрим отныне вынужден сосуществовать и взаимодействовать с крайне разнородными сегментами «сообществ участия», взаимодействующих по принципу вирусного редактора.

«Слабую» версию модели в последние годы активно продвигают исследователи из Бременского университета Фридрих Кротц и Андреас Хепп, финский историк медиа Юкка Корти и профессор из Осло Кнут Лундби. Опираясь на классическую модель «медиатизации» Джона Томпсона (1995), они сумели обосновать достаточно связную географически и исторически картину коэволюции медиа и культуры в качестве многоуровневого целостного «метапроцесса» по типу глобализации. Концепция предусматривает учет параметров контекста, получающих операциональный статус в категориях культурно разнородных «полей» и личных «медиатизированных миров», исключая единую траекторию универсальной «логики» трансформаций. «Медиатизация - это концепт реконструирующего анализа медиапреобразований, - убежден Ф. Кротц, - ...не являющийся медиацентричным» [9, р. 106].

Однако и в данном случае критики совершенно справедливо обращают внимание на недостаточно избирательный характер категориальной сети: ее критерии грешат такой обобщающей силой, что зачастую упускают из вида факторы некоммуникативной природы. Это не способствует решению задачи обеспечения подлинной когерентности истории медиа, четкому различению поворотных пунктов и границ отдельных этапов становления системы.

В некотором смысле авторы даже делают шаг назад от модели Томпсона в стремлении превратить «провокативный неологизм» в «теоретически чувствительный концепт». С. Ливингстон совершенно справедливо акцентирует фактор контроля, изначально исторически присущий феномену медиатизации, перечисляя ряд дисфункций слишком академично трактуемых «мягкой» версией «метапроцессов»: вторжение идеологизированных посланий; «двойной зажим» медиазависимости; дезориентирующие эффекты символической перегрузки; поглощение личности отношениями квазиобщения [10, р. 5]. Еще более определенно высказывается на этот счет Юкка Корти: «Медиатизация несомненно играет важнейшую роль в экономике и политике в разнообразнейших формах (пиар, реклама, цензура, пропаганда)» [11, р. 121]. Именно в рамках системы гипермедиа, на наш взгляд, стало возможным превращение этих форм в доминирующую сегодня тенденцию культурной динамики.

Подводя итоги проведенного выше анализа, имеет смысл кратко резюмировать основные его выводы. Во-первых, выясняя суть процесса медиатизации, невозможно отвлечься от первичного его содержания, возникшего в рамках определенной исторической ситуации и прошедшего длительную эволюцию в публицистическом и академиче-

ском дискурсах. Во-вторых, протоформы медиатизации в точном значении этого термина, по-видимому, следует искать уже на заре культурной истории человечества одновременно со становлением навыков членораздельной речи и массового участия в коллективных ритуалах. Изобретение же способов механического копирования символов или электронного кодирования сигнала лишь порождало «волны» экспоненциального роста соответствующих отраслей производства в системе общественного разделения труда. И, наконец: история медиатизации являет собой непрерывно разветвляющуюся сеть парадоксальных, по своей сути, явлений, ведущих к гипермедиатизации образа жизни современного человека. Система гипермедиа должна быть тщательно исследована с экологической точки зрения на предмет предпосылок поддержания приемлемого баланса спонтанных и «постановочных» компонентов коммуникационного ее ландшафта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шаронов Д.И. О коммуникативном смысле медиатизации // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. - 2008. - № 2.
2. Амзин А. и др. Как новые медиа изменили журналистику. 2012-2016 / А. Амзин и др. - Екатеринбург; М.: Гуманитарный университет, Кабинетный ученый, 2016. - 304 с.
3. Мультимедийная журналистика: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.Г. Качкаевой, С.А. Шомовой. - М.: Дом Высшей школы экономики, 2017. - 413 с.
4. Тютчев Ф.И. Письма 1860-1873. - М.: Директ-Медиа, 2015. - 842 с.
5. Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. - М.: Смысл, 2000. - 476 с.
6. Маккей Ч. Наиболее распространенные заблуждения и безумства толпы. - М.: Альпина Паблишер, 2003. - 843 с.
7. Ampuja M, Koivisto J. & Väliaverronen E. Strong and Weak Forms of Mediatization Theory // Nordicom Review - 35 (2014) Special Issue. - Pp. 111-123.
8. Mazzoleni G. Changes in contemporary communication ecosystems ask for a "new look" at the concept of mediatization // Javnost: The Public. - 2017. - Vol. 24. - No. 2. - Pp.136-145.
9. Krotz F. Explaining the mediatization approach // Javnost: The Public. - 2017. - Vol. 24. - No. 2. - Pp. 103-118.
10. Livingstone S. On the Mediation of Everything: ICA Presidential Address 2008 // Journal of Communication. - 2009. - No. 59. - Pp. 1-18.
11. Kortti J. Media history and the mediatization of everyday life // Media History. - 2017. - Vol. 23. - No. 1. - Pp. 115-129.

REFERENCES

1. Sharonov D.I. O kommunikativnom smysle mediatizatsii. [On the communicative meaning of mediatization]. Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2008. No. 2. Voronez, 2008 (In Russ).
2. Amzin A. i dr. Kak novyye media izmenili zhurnalistiku. 2012-2016. [How New Media Changed Journalism 2012-2016]. A.Amzin i dr. Yekaterinburg, Moskva: Gumanitarnyy universitet, Kabinetnyy uchenyy, 2016. 304 p. Yekaterinburg, Moscow, 2016 (In Russ).
3. Multimediyaynaya zhurnalistika: uchebnik dlya vuzov /pod obshch. red. A. G. Kachkayevoy, S. A. Shomovoy. [Multimedia Journalism: A Textbook for Universities]. M.: Izd. Dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2017. 413 p. Moscow, 2017 (In Russ).
4. Tyutchev F.I. Pis'ma 1860-1873. [Letters 1860-1873] M.: Izd. Direkt-Media, 2015. 842 p. Moscow, 2015 (In Russ).
5. Beytson G. Ekologiya razuma. Izbrannyye stat'i po antropologii, psikhologii i epistemologii. [Bateson G. Steps to an Ecology of Mind] M.: Smysl, 2000. 476 p. Moscow, 2000 (In Russ).
6. Makkey CH. Naiboleye rasprostranennyye zabluzhdeniya i bezumstva tolpy. [Mackay Ch. Extraordinary Popular Delusions and The Madness of Crowds] M.: Izd. Al'pina Publisher, 2003. 843 p. Moscow, 2003 (In Russ).
7. Ampuja M, Koivisto J. & Väliaverronen E. Strong and Weak Forms of Mediatization Theory. Nordicom Review 35 (2014) Special Issue, pp. 111-123.
8. Mazzoleni G. Changes in contemporary communication ecosystems ask for a "new look" at the concept of mediatization. Javnost: The Public, 2017. Vol. 24, No. 2, pp.136-145.

9. Krotz F. Explaining the mediatisation approach. Javnost: The Public, 2017. Vol. 24, No. 2, pp. 103-118.
10. Livingstone S. On the Mediation of Everything: ICA Presidential Address 2008. Journal of Communication. No. 59, 2009, pp. 1-18.
11. Kortti J. Media history and the mediatization of everyday life. Media History, 2017. Vol. 23, No. 1, pp. 115-129.

Информация об авторе:

Шаронов Дмитрий Иванович, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии языка и коммуникации, философский факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
dmitrij.sharonov@gmail.com

Получена: 14.11.2017

Для цитирования: Шаронов Д.И. Границы как иллюзия: исторические перипетии «медиатизации». Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.155-161.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-155-161.

Information about the author:

Dmitrii I. Sharonov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy of Language and Communication, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,
dmitrij.sharonov@gmail.com

Received: 14.11.2017

For citation: Sharonov D.I. Boundaries as illusion: the historical vicissitudes of the "mediatization". Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.6 Part. 1. Pp. 155-161.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-155-161.
(in Russian)

**Образование
и педагогические науки**

***Education
and Pedagogical Sciences***

УДК 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-165-172

ВОРОНОВ Сергей Алексеевич
Санкт-Петербургский военный институт
войск национальной гвардии Российской
Федерации
г. Санкт-Петербург, Россия
artist_serg@list.ru

Sergey A. VORONOV
St. Petersburg Military Institute of Russian
National Guard Forces
St. Petersburg, Russia
artist_serg@list.ru

КОМПЕТЕНЦИЯ И КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК КАТЕГОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ

THEORETICAL ANALYSIS OF SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN UNDERSTANDING OF COMPETENCE AND COMPETENCY

В статье автор описывает существующие точки зрения к определению терминов «компетенция» и «компетентность». Обозначается проблема в неоднозначном понимании компетенции и компетентности, что зачастую приводит к путанице или взаимозаменяемости. Автор попытался определить генезис двух сходных и часто отождествляемых понятий «компетенция» и «компетентность». В ходе анализа приведенных определений устанавливаются сходства между ними, выраженные во включенности в оба этих понятия таких базовых элементов, как знания, умения и навыки, но не определяющиеся только их совокупностью. В статье отмечается очевидность их близости и взаимообусловленности, делается акцент на то, что оба понятия описываются как важные определяющие деятельности. Для понимания компетенции приводятся четыре аспекта, раскрывающие содержание этого понятия. Вместе с тем автор указывает на имеющиеся различия между компетенцией и компетентностью. Значимым результатом проведенного анализа является то, что в компетентности человека важен, безусловно, его приобретенный опыт в определенной деятельности. Для сферы профессиональной деятельности необходим также социально-правовой статус для принятия оптимального решения или экспертного вывода. Как результат, автор в своей статье приводит обоснование понятий «компетенция» и «компетентность» как категорий деятельности.

In this article the author describes existing points of view to the definition of terms "competence" and "competency". The problem is indicated in the ambiguous understanding of these terms. The author tried to determine the genesis of two similar and often identified concepts of competence and competency. In the course of the analysis of these definitions, similarities are established between them, expressed in the inclusion of knowledge, skills and skills in both these concepts, but not determined solely by their totality. The article notes the obviousness of their proximity and mutual conditioning, emphasis is placed on the fact that both concepts are described as important determinants of activity. At the same time, the author points out the existing differences between competence and competency. As a result of the analysis, the author gives a rationale for these concepts as categories of activity.

Ключевые слова: компетенция и компетентность, компетенция как категория деятельности, сходства и различия между компетенцией и компетентностью

Keywords: competence and competency, competence as category of activity, similarities and differences between competence and competency

В научных кругах ведется обсуждение сущности и значения компетенции и компетентности, и при этом невозможно установить единое трактование этих понятий. В федеральном образовательном стандарте ВПО во втором разделе «Термины, определения, обозначения, сокращения» сказано, что результатом обучения, помимо базовых компонент (ЗУН), должны быть и компетенции, но также указано, что «компетенция - способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области» [2]. Уточняем, что в результате обучения должны быть освоены знания, развиты умения и личностные качества как способности к применению компетенции. В различных источниках термин «компетенция» выступает как дополнение к ЗУН или как способность их проявлять на практике. Это несколько затрудняет понимание сущности компетенции и компетентности. И.А. Зимняя указывает на эти трудности в своей работе [4] и проводит интересный анализ с различных точек зрения.

Еще в 1965 г. в Массачусетском университете Н. Хомский отметил: «... мы проводим фундаментальное различие между компетенцией (знанием своего языка щим - слушающим) и употреблением (реальным использованием языка в конкретных ситуациях). Только в идеализированном случае <...> употребление является непосредственным отражением компетенции. В действительности же оно не может непосредственно отражать компетенцию. <...> Противопоставление, вводимое мною, связано с сосюрсовским противопоставлением языка и речи, но необходимо <...> скорее вернуться к гумбольдтовской концепции скрытой компетенции как системы порождающих процессов» [13]. Подчеркиваем, что он указывает на различие между обладанием знанием и его употреблением. В одном из своих докладов В. Хутмахер указал на то, что понятие «компетенция» стоит бок о бок с такими понятиями, как «умения», «способность», «мастерство» и «компетентность», но по своему содержанию оно не определено. Вместе с тем он акцентирует внимание на том, что понятие «компетенция» ближе по содержанию к терминам «знаю как», чем к терминам «знаю что». Он, также как и Н. Хомский, отмечает, «что употребление есть компетенция в действии ...» [18]. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова под термином «компетенция» описывается «круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен». Также в Советском энциклопедическом словаре компетенция уже описывается как «знания или опыт в той или иной области». Однако после развития компетентностного подхода, начавшегося в Европе на стыке XX и XXI вв., появляются более различающиеся подходы к толкованию.

Далее проведем сравнительный анализ понятий «компетенция» и «компетентность» и общих точек зрения в их формулировании.

Табл. 1. Определения понятий «компетенция» и «компетентность» для проведения анализа.

Table 1. Definitions of the terms “competence” and “competency” for the analysis.

Автор	Определение «компетенции»	Определение «компетентности»
А.В. Хуторский	«отчужденное, заранее заданное социальное требование (норма) к образовательной подготовке ученика, необходимой для его эффективной продуктивной деятельности в определенной сфере» [15]	описывает через владение компетенцией, как интегральную характеристику качества подготовки учащегося, которое содержит его личностное отношение к ней и предмету деятельности [14]
Е.В. Харитонова	«параметр социальной роли ...это способность осуществлять деятельность в соответствии с социальными требованиями и ожиданиями ...в более широком смысле, как способность найти, обнаружить процедуру (знание, действие), подходящую для решения проблемы» [12]	рассматривает как «проявление компетенции в личностном плане, соответствие лица занимаемому месту, «времени» [12]
О.Ю. Ефремов	«совокупность знаний, умений, навыков, способов действий и психологической готовности, необходимых для эффективного выполнения деятельности по отношению к определенному кругу объектов и процессов» [3]	«качество личности, предполагающее, что человек владеет определенной компетентностью. Компетентный человек - осведомленный в какой-либо области, обладающий соответствующий компетенцией» [3]

И.А. Зимняя	«как осваиваемое и освоенное, но не актуализируемое еще содержание, представляющее собой психическое образование, образ содержания знаний, программ их реализации, способов и алгоритмов действий (психолингвистическая)» [5]	«прижизненно формируемое, этносоциокультурно обусловленное, актуализируемое в деятельности, во взаимодействии с другими людьми, основанное на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленное интегративное личностное качество человека, которое, развиваясь в образовательном процессе, становится и его результатом» [5]
А.Н. Ярыгин, О.Н. Ярыгин	«это область решаемых проблем, сфера деятельности, круг вмененных обязанностей, область реализации компетентности в совокупности с критериями решения, то есть единство области реализации компетентности, критериев исполнения, и используемых ресурсов» [17]	«это процесс деенаправленного взаимодействия знаний, способностей и субъектных свойств личности для достижения целей в пределах заданной компетенции» [17]
С. Велде (Velde C.)	«некоторые отчужденные, наперед заданные требования к образовательной подготовке выпускника, единицы учебной программы, составляющие "анатомию" компетентности» [20]	«есть личностная характеристика, совокупность интериоризованных мобильных знаний, умений, навыков и гибкого мышления» [20]
С.Е. Шишов	«это способность, основанная на склонностях, ценностях, приобретенных знаниях и опыте в результате обучения. Компетенция не определяется только совокупностью навыков и знаний, но включает в себя действие и умение. Компетенция определяется в виде совокупности характеристик, определяемых в результате оценки умений и действий субъекта... Компетенция - это способность субъекта применить для решения той или иной проблемы подходящее действие и знание» [16]	
Методические рекомендации Минтруда России по разработке профессионального стандарта	«динамическая комбинация знаний, умений и способность применять их для успешной профессиональной деятельности»	
Э. Шорт (Short E.C.)	«это владение ситуацией в условиях изменяющейся окружающей среды, это способность эффективно реагировать на воздействие среды или изменять ее» [6; 19]	

А.П. Тряпицина		«это интегральная характеристика личности, определяющая ее способность решать проблемы и типичные задачи, возникающие в реальных жизненных ситуациях, с использованием знаний, учебного и жизненного опыта, ценностей и наклонностей» [11]
С.Г. Воровщиков, Е.В. Орлова		указывают на то, что «компетентность представляет собой опыт успешного осуществления того или иного вида деятельности, и считают, что она не только формируется и совершенствуется, но и проявляется в деятельности» [1]
В.И. Сахарова		«компетентность - категория оценочная, она характеризует человека как субъекта специализированной деятельности в системе общественного развития труда, имея в виду уровень его развития, его способности квалифицированно принимать адекватные и ответственные решения в проблемных ситуациях, планировать и совершать действия, приводящие к рациональному и успешному достижению поставленных целей, иными словами компетентность - это способность к деятельности со знанием дела и нравственной ответственностью» [10]
А.С. Роботова		«личные возможности должностного лица, его квалификацию (знания и опыт), позволяющие ему принимать участие или самому принимать решения, благодаря имеющимся определенным знаниям и навыкам» [6; 9]

Сравнительный анализ приведенных определений компетенции позволяет отметить:

- совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих изменять окружающую среду;
- требования и нормы, предъявляемые к образовательному результату;
- измеряемый результат обучения, выражаемый в способности к определенной деятельности обучающегося после освоения образовательной программы;
- совокупность характеристик человека, которые позволяют ему использовать различные средства и методы действий для достижения цели.

Очевидным становится имеющийся разброс, отсутствие единых точек зрения к формированию понятия «компетенция». В то же время общим является выделение компетенции как совокупности ЗУНов и потенциальной способности человека выполнять различные задачи в рамках деятельности.

Проведя анализ существующих точек зрения, можно выделить следующие аспекты:

1. Понятие «компетенция» относится больше к области умений, чем к знаниям. Компетенция не сводится ни к знаниям, ни к навыкам, но включает их. Знание и компетенция различаются между собой. Компетенция - это способность найти именно те

действия, которые позволяют решить конкретную задачу. Компетенция - это употребление знаний, порождающее умение, действие.

2. Компетенция является результатом личностно-мотивационной деятельности. Большинство ученых склонны говорить о мотивации, ценностном или эмоциональном отношении к процессу деятельности. Не может деятельность приобрести продуктивный характер без осознания смысла этой деятельности. Формирование компетенций зависит от активности обучаемых. Нельзя научиться пользоваться компьютером или водить автомобиль, не используя практику. Для формирования компетенций обучающийся должен стать не только объектом, но субъектом данной осознанной деятельности.
3. Компетенция проявляется в определенных условиях, не всегда однородных. «Компетенция не может быть изолирована от конкретных условий ее реализации. Она одновременно связывает мобилизацию знаний, умений и поведенческих отношений, настроенных на условия конкретной деятельности» [7]. Владеть компетенцией - значит уметь своевременно мобилизовать знания и применить нужный набор средств деятельности в данной ситуации. Известны случаи, когда люди, имеющие богатый багаж знаний, не могут или не умеют их применить в той или иной ситуации. Необходима готовность и способность в конкретных условиях проявлять соответствующую компетенцию.
4. Компетенция представляет открытую систему и находится в процессе постоянного развития. Сама компетенция может дополняться новыми компонентами в зависимости от новых условий, которые требует само общество или новые технологии. А значит, и компетенция должна постоянно совершенствоваться. Без развития возможен процесс стагнации или деградации ее.

Следуя анализу определений понятий «компетенция» и «компетентность» (Табл.), становится очевидным, что они весьма близки и взаимообусловлены. Общим между ними является то, что эти понятия описываются как важные определяющие деятельности. При этом отметим наиболее явные отличия компетентности:

- соответствие установленным нормам и требованиям;
- предметная область, в которой человек осведомлен;
- обобщенная характеристика качества подготовки обучающегося;
- опыт успешной деятельности в определенной сфере;
- многоаспектная характеристика деятельности человека, выраженная также диапазоном и глубиной его знаний и умений, способностью адаптироваться и решать нестандартные задачи в профессиональной сфере.

В результате проведенного анализа следует, что компетентность не сводится только к знаниям, умениям и навыкам, качествам личности по отдельности или в их совокупности, но она детерминирована ими. Эта позиция поддерживается Н. Хомским, И.А. Зимней, Ю.В. Фроловым и другими исследователями.

Выше в понятии «компетентность» В.И. Сахарова употребляет термин «категория оценочная». Компетентность не может быть только оценочной, так как категория представляет собой «наиболее общие и фундаментальные понятия, отражающие существенные, всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания» [8].

С этих позиций проведенный анализ позволяет обосновать «компетенцию» и «компетентность» как категории деятельности, так как они характеризуют человека как субъекта деятельности (учебной, игровой, образовательной, трудовой и др.).

Компетенция как категория отражает существенные характеристики способности человека определять средства и приемы действий, которые подходят для решения задачи или достижения цели в конкретном виде деятельности.

Компетентность как категория отражает существенные характеристики способности человека эффективно решать задачи определенной сферы деятельности или задачи, возникающие в нестандартных ситуациях, с учетом личного опыта, при сохранении потенции, даже когда она не действует.

Следует подчеркнуть, что в компетентности человека важен, безусловно, его приобретенный опыт в определенной деятельности. Для сферы профессиональной деятельности необходим также социально-правовой статус, для принятия оптимального решения или экспертного вывода.

Имеется достаточное разнообразие работ, в которых выявляется сформированность компетенций и компетентностей. Мы придерживаемся убеждения, что уместно говорить о сформированности именно компетенции. Тогда под сформированностью компетенций следует понимать выработку необходимых способностей человека или достижение определенных уровней их развития на данный период времени (в заданных временных рамках). Для определения достигнутого уровня сформированности тех или иных компетенций необходим определенный инструментарий.

Общим для компетенции и компетентности является то, что они характеризуют человека как субъекта деятельности, поэтому их следует признать категориями деятельности. Различие же состоит в том, что сформировать компетенцию можно, а компетентность в процессе обучения - нет, так как необходим опыт в определенной сфере деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Воровщиков С.Г. Развитие универсальных учебных действий: внутришкольная система учебно-методического и управленческого сопровождения: Монография / С.Г. Воровщиков, Е.В. Орлова. - М.: МПГУ, 2012. - С. 14.
2. Дмитриев А.Е., Баранов С.П., Борисова Е.В., Веретенникова Л.К. Инновационные процессы в системе начального образования: Монография / А.Е. Дмитриев [и др.]. - М.: Прометей, 2012. - 212 с.
3. Ефремов О.Ю. Военная педагогика: Учебник для вузов / Под ред. О.Ю. Ефремова. - СПб.: Питер, 2014. - С. 592-593.
4. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. - 2006. - № 8. - С. 20-26.
5. Зимняя И.А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Иностранные языки в школе. - 2012. - № 6. - С. 2-10.
6. Конюхова Т.В., Конюхова Е.Т. Компетенция как междисциплинарная категория постнеклассической науки // Известия ТПУ. - 2010. - Т. 317. - № 6. - С. 161-164.
7. Профессиональная педагогика: категории, понятия, дефиниции: Сб. науч. тр. Вып. 4 / Федер. агентство по образованию; Рос. гос. проф.-пед. ун-т; Рос. акад. образования, Ур. отделение, 2006. - 571 с.
8. Прядехо А.Н., Прядехо А.А. «Интерес» - как педагогическая категория // Вестник Брянского государственного университета. - 2011. - № 1: Общая педагогика. Профессиональная педагогика. Психология. Частные методики. - Брянск: РИО БГУ, 2011. - С. 61-64.
9. Роботова А.С., Родионова В.А., Шапошникова И.Г. Профессия - учитель / Под ред. А.С. Роботовой. - М.: Академия, 2007. - 224 с.
10. Сахарова В.И. Исследовательская деятельность - важнейший ресурс профессиональной компетентности педагога // Мир образования. - 2008. - № 4. - С. 13.
11. Тряпицина А.П. Современная школа: опыт модернизации: Книга для учителя / Под общ. ред. А.П. Тряпицыной. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. - С. 42.

12. Харитонов Е.В. Об определении понятий «компетентность» и «компетенция» // Успехи современного естествознания. - 2007. - № 3. - С. 67-68 [Электронный ресурс] - URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=10999> (дата обращения: 30.01.2016)
13. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / Пер. с англ. под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. - М.: Изд-во МГУ, 1972. - С. 9-10.
14. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. - 2003. - № 2. - С. 58-64.
15. Хуторской А.В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций // Интернет-журнал «Эйдос». - 2005. - 12 декабря [Электронный ресурс] - <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm>. (дата обращения: 11.04.2017).
16. Шишов С.Е. Понятие компетенции в контексте качества образования. Стандарты и мониторинг в образовании. - М.: Изд. ИНФРА-М, 1999. - № 2. - С. 30-34.
17. Ярыгин А.Н., Ярыгин О.Н., Дискретная математика как инструмент формирования интеллектуальной компетентности. - М.: Изд-во МГУПП, 2011. - 360 с.
18. Hutmacher Walo. Key competencies for Europe / Report of the Symposium Berne, Switzerland 27-30 March, 1996. Council for Cultural Co-operation (CDCC) / Secondary Education for Europe Strasburg, 1997.
19. Short Ed.C. Competence: inquiries into its meaning and acquisition in educational settings / Ed. by Ed.C. Short. - Lanham: University Press of America, 1984. V-VI. - 185 p.
20. Velde C. Crossing borders: an alternative conception of competence // Proceedings of the XXVII Annual SCUTREA Conference. 1997. - Pp 27-35.

REFERENCES

1. Vorovshchikov S.G. Razvitiye universalnykh uchebnykh deystviy: vnutrishkolnaya sistema uchebno-metodicheskogo i upravlencheskogo soprovozhdeniya. [Development of universal educational activities: Intraschool system of teaching, methodological and management support: Monograph]. S.G. Vorovshchikov, Ye.V. Orlova. Moscow: MPGU, 2012. p. 14. (in Russ.).
2. Dmitriev A.E. and etc. Innovatsionnyye protsessy v sisteme nachalnogo obrazovaniya. [Innovative processes in the system of primary education] Monograph. A.E. Dmitriev. Moscow: Prometey Publishing House, 2012. 212 p. (in Russ.).
3. Efremov O.Y. Voyennaya pedagogika. [Military pedagogy]. Textbook for high schools. ed. by Efremov O.Y. St. Petersburg: Peter, 2014. 640 p. Pp. 592-593. (in Russ.).
4. Zimnyaya I.A. Kompetentnostnyy podkhod. Kakovo yego mesto v sisteme sovremennykh podkhodov k problemam obrazovaniya? [Competence approach. What is his place in the system of modern approaches to the problems of education?]. Higher education today. 2006. No. 8. P. 20-26. (in Russ.).
5. Zimnyaya I.A. Kompetentsiya i kompetentnost v kontekste kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii. [Competence and competency in the context of competence approach in education]. Foreign languages in school. 2012. No. 6. Pp. 2-10. (in Russ.).
6. Konyukhova T.V., Konyukhova E.T. Kompetentsiya kak mezhdistsiplinarnaya kategoriya post-neklassicheskoy nauki. [Competence as an interdisciplinary category of post-non-classical science]. Proceedings of TPU, 2010. T. 317. No. 6. Pp. 161-164.
7. Professional pedagogy: categories, concepts, definitions: Sat. sci. tr. Issue. 4. Feder. Agency for Education; Ros. state. prof.-ped. un-t; Ros. acad. Education, 2006. 571 p. (in Russ.).
8. Pryadekh A.N., Pryadeho A.A. «Interes» - kak pedagogicheskaya kategoriya ["Interest" - as a pedagogical category]. Bulletin of Bryansk State University. №1 (2011): General pedagogy. Professional pedagogy. Psychology. Particular techniques. Bryansk: RIO BSU, 2011. 346p. Pp. 61-64. (in Russ.).
9. Robotova A.S., Rodionova V.A., Shaposhnikova I.G. Professiya - uchitel [Profession - teacher]. ed. A.S. Robot. Moscow: Academy, 2007. 224 p. (in Russ.).
10. Sakharov V.I. Research activity is the most important resource of the teacher's professional competence [Issledovatel'skaya deyatel'nost' - vazhneyshiy resurs professional'noy kompetentnosti pedagoga]. World of Education, 2008, No 4. P. 13. (in Russ.).
11. Tryapitsina A.P. Modern school: the experience of modernization: A book for teachers. Under the general. Ed. A.P. The rag. - St. Petersburg: Publishing House RGPU him A. Herzen, 2005. 290 p. P. 42. (in Russ.).

12. Kharitonova E.V. On the definition of the concepts "competence" and "competency" / Advances in modern natural science. 2007. No 3. pp. 67-68; Available at: <http://www.natural-sciences.ru/en/article/view?id=10999> (accessed: 30.01.2012).
13. Chomsky N. Aspekty teorii sintaksisa [Aspects of the theory of syntax]. Translation from English by V.A. Zvegintsev. Moscow: Publishing house of the Moscow University, 1972. 232 p. Pp. 9-10 . (in Russ.).
14. Khutorskoy A.V. Klyuchevyye kompetentsii kak komponent lichnostno-oriyentirovannoy paradigmy obrazovaniya [Key Competences as a Component of the Personally Oriented Education Paradigm]. Public Education, 2003. No. 2. Pp. 58-64. (in Russ.).
15. Khutorskoy A.V. Tekhnologiya proyektirovaniya klyuchevykh i predmetnykh kompetentsiy [Technology for designing key and subject competencies]. Internet-magazine "Eidos". 2005. 12 December. Available at: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm>. (accessed: 11.04.2017).
16. Shishov S.E. Ponyatiye kompetentsii v kontekste kachestva obrazovaniya [The concept of competence in the context of the quality of education], Standards and monitoring in education. Moscow: LLC " Nauchno-izdatelskiy tsentr INFRA-M", 1999. No 2. Pp. 30-34. (in Russ.).
17. Yarygin A.N., Yarygin O.N. Diskretnaya matematika kak instrument formirovaniya intellektualnoy kompetentnosti [Discrete mathematics as a tool for the formation of intellectual competency]. Moscow: MGUPP, 2011. 360 p. (in Russ.).
18. Hutmacher Walo. Key competencies for Europe. Report of the Symposium Berne, Switzerland 27-30 March, 1996. Council for Cultural Co-operation (CDCC). Secondary Education for Europe Strasbourg, 1997.
19. Short Ed.C. Competence: inquiries into its meaning and acquisition in educational settings. Ed. by Ed.C. Short. Lanham: University Press of America, 1984. V-VI. 185 p.
20. Velde C. Crossing borders: an alternative conception of competence. Proceedings of the XXVII Annual SCUTREA Conference. 1997. Pp. 27-35.

Информация об авторе:

Воронов Сергей Алексеевич, адъюнкт, факультет подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования, Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия
artist_serg@list.ru

Получена: 21.10.2017

Для цитирования: Воронов С.А. Компетентность как категории деятельности: сходства и различия в понимании. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.165-172.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-165-172.

Information about the author:

Sergey A. Voronov, Postgraduate Student, Faculty for Training of Highly Qualified Personnel and Additional Professional Education, St. Petersburg Military Institute of Russian National Guard Forces, St. Petersburg, Russia
artist_serg@list.ru

Received: 21.10.2017

For citation: Voronov S.A. Theoretical analysis of similarities and differences in understanding of competence and competency. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part. 1. Pp. 165-172.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-165-172. (in Russian)

УДК 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-173-178

ДИН Хаочуань
Институт искусств
Московский педагогический государствен-
ный университет
г. Москва, Россия
272738504@qq.com

Haochuan DING
Institute of Arts
Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russia
272738504@qq.com

**МЕСТО КОНЦЕРТА № 2 РЕ-МИНОР ГЕНРИКА
ВЕНЬЯВСКОГО В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ**

**PLACE OF HENRYK WIENIAWSKI'S CONCERT NO.
2 D-MOLL IN PEDAGOGICAL PRACTICE**

Данная научная публикация посвящена исследованию места концерта № 2 ре-минор Генрика Венявского в педагогической практике. Классическое музыкальное образование в настоящий момент переживает довольно острую ситуацию: возникает множество различных субкультур, появляется низкопробная музыкальная продукция. Мы видим проявление различных форм и моделей бездуховности, социальную деградацию молодого поколения, у которого не сформированы окончательно правильные представления о классической музыке, культуре и искусстве. Развитие эстетического восприятия музыки, формирование эстетического вкуса, развитие исполнительских возможностей, ознакомление обучающихся с лучшими образцами музыкального искусства служат основой нравственного и эстетического воспитания учащихся средствами этого искусства, основой формирования музыкально-художественного вкуса молодого поколения. Данная теоретическая рамка применяется автором научной статьи к анализу концерта № 2 ре-минор Генрика Венявского. Известный композитор и скрипач подходил к своей работе педагога крайне заинтересованно и ответственно: он сочинял специальные произведения для технического и художественного развития своих учеников. В концерте № 2 ре-минор Г. Венявский заложил широкий спектр эстетических и технических задач, решение которых позволяло воспитать высококлассного музыканта, образно мыслящего и владеющего разнообразной исполнительской техникой. Стоит также отметить, что управлять динамическими и тембральными сторонами звучания скрипач учится через взаимодействие трех основных факторов: силы давления смычка на струну, скорости его ведения и игровой точки между подставкой и грифом. Анализу обозначенной исследовательской проблематики посвящена данная научная публикация, содержащая как теоретико-методологические основания, так и прикладные сюжеты творчества великого польского композитора и скрипача Генрика Венявского.

This scientific publication is devoted to the study of the place of Henryk Wieniawski's concert No. 2 D-Moll in pedagogical practice. Classical music education is currently experiencing a rather acute situation: there are many different subcultures there is low-quality musical production. We see the manifestation of various forms and models of lack of spirituality, the social degradation of the younger generation, who have not finally formed the right ideas about classical music, culture and art. The development of aesthetic perception of music, the formation of aesthetic taste, the development of performing opportunities, acquaintance of students with the best samples of musical art serves as the basis for the moral and aesthetic education of students by the means of this art, the basis for the formation of the musical and artistic taste of the younger generation. This theoretical framework is used by the author of the scientific article to analyze the Henryk Wieniawski's concert No. 2 D-Moll. The well-known composer and violinist approached his work as a teacher with great interest and responsibility: he composed special works for the technical and artistic development of his students. In the concert No. 2 D-Moll, H. Wieniawski laid a wide range of aesthetic and technical problems, the solution of which allowed bringing up a high-quality musician who figuratively thinks and owns a variety of performing techniques. It is also worth noting that the violinist learns to control the dynamic and timbral sides of the sound through the interaction of three main factors: the strength of the pressure of the bow on the string, the speed of its control and the game point between the stand and the neck. This scientific publication is devoted to the analysis of the designated research problems. This scientific publication, containing both theoretical and methodological grounds, as well as applied subjects of creativity of the great Polish composer and violinist Henryk Wieniawski, is devoted to the analysis of the indicated research problems.

Ключевые слова: Генрик Венявский, концерт № 2 ре-минор, скрипичное искусство, симфонизация, сотворчество, методические принципы, жанровый характер, декоративная орнаментальность

Keywords: Henryk Wieniawski, concert No. 2 D-Moll, violin art, symphony, co-creation, methodical principles, genre character, decorative ornamentation

Сегодняшнее время - это эпоха научно-технических, этических, социогуманитарных, культурных эволюций, трансформаций и гибридизаций, а также беспрецедентных по своей остроте проблем в области культуры, науки, образования и педагогики [6; 7].

Прежние форматы теряют свою легитимность, а новые - еще не успели приобрести необходимый запас структурного доверия [9]. В частности, музыкальное образование сейчас переживает достаточно непростую ситуацию: возникает множество различных субкультур, появляется крайне низкопробная музыкальная продукция. Также можно наблюдать проявление самых различных форм и модуляций тотальной бездуховности, социальную деградацию молодого поколения, у представителей которого не сформированы окончательно правильные представления о классической музыке, культуре и искусстве, молодежь функционирует в режиме ценностного вакуума и турбулентного порядка. Развитие эстетического восприятия музыки, формирование эстетического вкуса, развитие исполнительских возможностей, ознакомление обучающихся с лучшими образцами музыкального творчества служат прочной основой нравственного и эстетического воспитания учащихся средствами этого искусства, основой формирования музыкально-художественного вкуса.

Очевидно, что обучение на инструменте тесно связано с воспитанием учащегося, чему, по нашему стойкому убеждению, способствует метод индивидуальных занятий. Роль преподавателя класса специальности «скрипка» велика. Индивидуально работая с каждым учеником, педагог, помимо знаний и навыков, учит самому отношению к занятиям и музыке. Педагог - это основной воспитатель обучаемого, который должен проявлять пристальное внимание ко всем сторонам и сюжетам его учебной жизни, развивать духовно-нравственную сферу личности, направлять развитие психомоторных реакций, памяти, воображения, творческих и музыкальных способностей на протяжении нескольких лет. Безусловно, квалифицированный педагог должен ставить перед собой глобальные цели и локальные задачи и в развитии каждого ученика стремиться к максимуму: во-первых, научить пониманию музыкального языка, его закономерностей, выразительных возможностей; во-вторых, научить технике игры (самый трудоемкий процесс); в-третьих, развить индивидуальные особенности художественной натуры обучающегося.

Как исполнитель известный польский композитор и скрипач Генрик Венявский был чрезвычайно эмоционален. Его произведения насыщены глубиной эмоций, чувств, лиричностью, яркостью выражения, и при этом технически виртуозны. Концерт № 2 ре-минор он написал уже в ранге профессора знаменитой Петербургской консерватории. Также известно, что талантливый композитор и скрипач Г. Венявский подходил к своей работе педагога крайне заинтересованно и ответственно: он сочинял специальные произведения для технического и художественного развития своих учеников. Так, например, в концерте № 2 ре-минор Г. Венявский заложил широкий спектр эстетических и технических задач, решение которых позволяло бы воспитать квалифицированного музыканта, образно мыслящего и владеющего разнообразной исполнительской техникой.

Сейчас концерт исполняется учащимися в самом различном возрасте. Педагог самостоятельно определяет возможность обучаемого приступить к изучению концерта тогда, когда он готов справиться с поставленной задачей исполнения большой программы, различной по технике, по музыкальным приемам и художественному содержанию. Соответственно, для исполнения этого концерта у обучаемого уже должна присутствовать необходимая подготовка в виде различных этюдов и упражнений для изучения и оттачивания штрихов: спиккато, стаккато, рикошет. Это, например, этюды Р. Крейцера, Я. Донта, П. Роде и упражнения К. Шрадика, О. Шевчика, Й. Иоахима. Для освоения виртуозной исполнительской техники необходимы владение инструментом на достойном уровне и тщательная работа над интонацией, качеством звука, правильными легкими штрихами. Убеждены, что изучение крупной формы не малыми отдельными частями, а полностью всех трех частей концерта дает возможность ученику почувствовать авторский замысел, продемонстрировать свою способность быстро переключаться от одного образа к другому. Это достаточно трудное испытание, и задача опытного педагога состоит не только в работе над техникой учащегося, но и в помощи в раскрытии музыкальных образов, в приобретении уверенности в исполнении, свободе воплощения музыки и т.д.

В целом, следует выделить три педагогических подхода к обучаемому: это комплексный подход к процессу его воспитания как музыканта-художника и профессионала,

индивидуальный - как к личности с конкретными характеристиками и возможностями, психологический - с точки зрения субъективных граней его мышления, восприятия, воображения и интуиции. Не вызывает сомнений тот факт, что они тесно переплетаются и взаимосвязаны. Высокий уровень требований к учащемуся как к музыканту, интерпретатору, артисту, инструменталисту определяет ключевые методы работы в классе, принципы самостоятельной работы, содержание обучения. На первый план в связи с этим выступает проблема воспитания музыкального мышления обучающегося, что обуславливает конструирование корректного музыкального представления о тексте исполняемого произведения, раскрытии его художественного образа (образов), о стилевых особенностях и их выразительных средств, таких как звук, тембр, штрихи, фразировка, динамика и аппликатура. Изучение концерта № 2 ре-минор Генрика Венявского, в котором сочетаются подлинная выразительность, яркая лиричность, четкая штриховая техника, позволяют скрипачу-педагогу заложить основы профессионального владения инструментом.

К сожалению, Генрик Венявский не оставил методических трудов. Как Г. Венявский, так и Л. Ауэр придавали большое значение важности постановки правой руки скрипача, однако никогда не рассматривали звукоизвлечение в качестве исключительно технологической проблемы: «Вопрос звукоизвлечения <...> не зависит, прежде всего, ни от волоса смычка, ни от канифоли, ни от перемен смычка на струнах, ни от изменений позиций пальцев левой руки. Все это не имеет абсолютно никакого значения, когда дело доходит до извлечения кристально прозрачного скрипичного звука. Чтобы достигнуть тона подобного качества, ученик не только должен пожертвовать необходимым для этого временем, но он должен также быть готов вложить в решение этой проблемы всю свою сообразительность, всю психическую и душевную сосредоточенность, на которую способен», - писал в своей книге «Моя школа игры на скрипке» Леопольд Ауэр [1]. Г. Венявский требовал от учеников не просто красивого, благородного звучания, а владения его многообразными оттенками. Для него одним из главнейших, определяющих факторов уровня игры было именно качество звука.

Развивая положение о культуре звука, в начале XX в. А.И. Ямпольский выдвинул важное аналитическое и концептологическое понятие «звуковой фон», аналогично категории «колорит картины» в живописи: «Нахождение качества, которое можно условно назвать "звуковым фоном" произведения, составляет одну из самых глубоких и интересных творческих задач исполнителя. "Звуковой фон" связан с выражением эмоционального состояния» [8]. По мнению Абрама Ямпольского, звуковой фон формируется на основе трех ключевых факторов: образно-психологического, тембрового и динамического. Его ученик и последователь, профессор Московской консерватории И.С. Безродный, развивая теорию своего учителя, выдвинул положение об особом ощущении в предплечье правой руки - так называемой «ленте мускула».

К сожалению, до сих пор существует мнение о том, что качество звука целиком зависит от природного предрасположения, что «этому нельзя научить». Ошибочность такого взгляда доказывается опытом исполнительских школ. Во многих из них основное внимание уделено постановочным моментам правой руки (Б. Гутников, О. Шульпяков, М. Либерман и М. Берлянчик), конкретным эмпирическим указаниям (Л. Ауэр, Ю. Янкелевич), попыткам формировать отдельные способы извлечения звука (Ф. Штейнгаузен, Ю. Витенсон), связать непосредственно вопросы звукоизвлечения со штрихами (А. Ширинский), выявить некоторые базовые принципы звукоизвлечения (К. Флеш, А. Ямпольский, И. Лесман) [см. напр.: 2; 8].

Опытное конструирование и систематическое развитие основ культуры звука скрипача требует гармоничной, регулярной и тщательной работы над профессиональными исполнительскими приемами на всех стадиях и этапах обучения - от самых начальных до наивысших. Однако это становится возможным в том случае, когда обучение игре на скрипке тесно связывается с широким социогуманитарным, эстетическим и личностным воспитанием музыканта, с приобщением его к богатствам художественной культуры путем разносторонней, целенаправленно организованной учебной деятельности [4].

Яркий пример - вторая часть концерта Г. Венявского ре-минор, имеющая программное название «Романс»:

II Romance

Задача, стоящая перед учеником, в данной части не ограничивается только извлечением чистых, ясных, четких звуков. Достижение непрерывной певучести, красоты и выразительности звучания при соблюдении указанных особенностей, чтобы нарастание или ослабление силы звука было правильно распределено во времени, подводит обучающегося к необходимости тщательной работы с мышечными и весовыми ощущениями правой руки, осознании движений руки и ее частей, координации рук с представлениями о красоте и выразительности звучания скрипки, певучести и образной характерности.

Обучаемый, вслушиваясь в свою игру, учится распознавать и исправлять не только интонационно нечистое или недоброкачественное звучание, но и такое, которое не вполне соответствует музыкальному образу, стилю и характеру этой части. Тем самым воспитание культуры звучания поднимается на более высокую ступень и приобретает свой истинный смысл как воспитание исполнительского мастерства и развитие художественного вкуса в самом широком и обобщающем значении этого слова. Хотелось бы также отметить то, что, какие бы задачи ни ставил перед собой педагог в работе с обучаемыми над культурой звучания, он должен руководствоваться в первую очередь индивидуальным темпом развития ученика и его потребностью в певучести тона.

Будучи сам исключительным скрипачом, Г. Венявский мастерски высветил в концерте все тембровые краски инструмента [см. напр.: 3; 5]. Изучая этот концерт, ученик имеет прекрасную возможность овладеть разнообразием тембровой выразительности этого сочинения. У скрипки ярко проступают четыре характерных тембровых окраски звука, соответствующие четырем струнам. В этой связи наиболее открытым, ярким и «верным» звуком, проникающим в разные далекие уголки зала, обладает струна «ми», тембр которой, вероятно, близок к женскому сопрано, высокому серебристому тенору:

В то же время наиболее закрытым, напряженным, темным, наполненным мужественным звуком обладает струна «соль», соответствующая по тембру густому басу или низкому, насыщенному баритону:

или

Две средние струны, наряду с собственной тембровой окраской, в то же время соединяют в себе качества двух крайних струн - свет и мужество («ля»), мужество и свет

(«ре»). Струна «ля» обладает богатой тембровой насыщенностью глубокого тенора или низкого сопрано,

а «ре» - прикрытого, чуть матового тембра контральто или высокого баритона, поющих как бы в некотором отдалении:

Управлять динамическими и тембральными сторонами звучания скрипач учится через взаимодействие базовых параметров. Так, например, сила давления смычка на струну - это сложный механизм, оказывающий мощное влияние на все грани звучания. В звукотворческом процессе вес смычка участвует как его ценнейший составной элемент. Нередко он выступает в роли своеобразной «заготовки», которую нужно «обработать» в обязательном качестве для получения нужных динамических и тембральных красок. Соответственно, мера и условия взаимодействия веса смычка, с одной стороны, и нажимно-весового воздействия правой руки, с другой стороны, определяются поставленными художественными задачами, имеющимся индивидуальным исполнительским стилем музыканта, сформированным художественным вкусом, текущими особенностями его инструмента, а также неодинаковым весом смычка в различных его частях. Отметим, что наименее тонким из имеющихся в распоряжении играющего «нажимных» средств является пронация, поэтому ее применение требует большой осторожности, множественного опыта и строгой аккуратности. С одной стороны, яркий, насыщенный тон, особенно в верхней половине смычка, нередко предполагает умелое использование «пронирующих» мышц. С другой - приходится внимательно следить за тем, чтобы кисть (и вся правая рука в целом) не утратила своей гибкости, живости звуковых ощущений, а также ловкости в штриховой технике. Прием пронации обычно используется скрипачом в эпизодах кульминационного звучания и тесно согласуется с весовым воздействием правой руки.

Подводя итоги исследования, стоит отметить следующее: приведенный выше анализ стилистических, штриховых особенностей концерта № 2 ре-минор Генрика Венявского и примеры работы над ними демонстрируют, что глубинное изучение использованных в произведении приемов штриховой виртуозной техники и артикуляции позволяет молодому исполнителю заложить основы профессионального владения инструментом, а крайне предельная выразительность и максимально яркая лиричность концерта помогают воспитать в учениках эстетическое понятие художественного образа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ауэр Л. Моя школа игры на скрипке. Интерпретация произведений скрипичной ки. - М., 1965.
2. Лесман И.А. Очерки по методике обучения игре на скрипке. - М.: Музыка, 1964.
3. Либерман В., Шульпяков О., Гутников Б. О вариантности приемов звукоизвлечения в скрипичном исполнительстве / Шульпяков О.Ф. Скрипичное исполнительство и ка. - СПб., 2006.
4. Погожева Т.В. Вопросы методики обучения игре на скрипке. - М.: Музыка, 1966.
5. Свободов В.А. Историческое инструментоведение и проблема терминологии / В.А. Свободов. Материалы к энциклопедии музыкальных инструментов народов мира. Вып. 3. - СПб.: РИИИ, 2002. - С. 155-163.
6. Халилов Т.А. Гражданство как социально-политическая практика: актуальные модели // Теория и практика общественного развития. - Краснодар. - 2012. - № 12. - С. 398-401.
7. Халилов Т.А. Рецензия на книгу Л.Г. Ионина «Парад меньшинств» // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 1-1. - С. 210-211.

8. Ямпольский А.И. К вопросу о воспитании культуры звука у скрипачей // Вопросы скрипичного исполнительства и педагогики. - М., 1968.
9. Parenti M. *Inventing Reality: The Politics of News Media*. 2nd ed. - New York: St. Martin's, 1993.

REFERENCES

1. Auer L. *Moja shkola igry na skripke. Interpretacija proizvedenij skripichnoj klassiki*. [My School of Violin Playing. Interpretation of Works of Violin Classics]. Moscow, 1965. (In Russ.).
2. Lesman I.A. *Ocherki po metodike obuchenija igre na skripke*. [Essays on the Method of Learning to Play the Violin]. Moscow: Publishing House "Music". 1964. (In Russ.).
3. Lieberman V., Shulpyakov O., Gutnikov B. *O variantnosti priemov zvukoizvlechenija v skripichnom ispolnitel'stve*. [On the Variability of Sound Acquisition Techniques in Violin Performing]. In: Shulpyakov O.F. *Violin Performance and Pedagogy*. St. Petersburg, 2006. (In Russ.).
4. Pogozheva T.V. *Voprosy metodiki obuchenija igre na skripke*. [Questions of Methods of Learning to Play the Violin]. Moscow: Publishing House "Music". 1966. (In Russ.).
5. Svobodov V.A. *Istoricheskoe instrumentovedenie i problema terminologii*. [Historical Instrument Studies and the Problem of Terminology]. V.A. Svobodov. *Materials for the Encyclopedia of Musical Instruments of the Peoples of the World*. Issue 3. St. Petersburg: RIII, 2002. Pp. 155-163. (In Russ.).
6. Khalilov T.A. *Grazhdanstvo kak social'no-politicheskaja praktika: aktual'nye modeli*. [Civism as Social and Political Practice: Current Models]. *Teorija i praktika obshchestvennogo razvitija = Theory and Practice of Social Development*. Krasnodar. 2012. No. 12. Pp. 398-401. (In Russ.).
7. Khalilov T.A. *Recenzija na knigu L.G. Ionina «Parad men'shinstv»*. [Review of the book of L.G. Ionin "Parade of Minorities"]. 2016. Vol. 8. № 1-1. Pp. 210-211. (In Russ.).
8. Yampolsky A.I. *K voprosu o vospitanii kul'tury zvuka u skripachej*. [On the Issue of the Education of the Sound culture of Violinists]. *Questions of Violin Performance and Pedagogy*. Moscow, 1968. (In Russ.).
9. Parenti M. *Inventing Reality: The Politics of News Media*. 2nd ed. 1993. New York: St. Martin's. (In Eng.).

Информация об авторе:

Дин Хаочуань, аспирант, Институт искусств,
Московский педагогический государственный
университет,
г. Москва, Россия
272738504@qq.com

Information about the author:

Haochuan Ding, Postgraduate Student, Institute of
Arts, Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia
272738504@qq.com

Получена: 27.10.2017

Received: 27.10.2017

Для цитирования: Дин Х. Место концерта № 2 ре-минор Генрика Венявского в педагогической практике. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.173-178.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-173-178.

For citation: Ding H. Place of Henryk Wieniawski's concert no. 2 d-moll in pedagogical practice. *Historical and Social-Educational Idea*. 2017. Vol . 9. no.6 Part. 1. Pp. 173-178.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-173-178. (in Russian)

УДК 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-179-183

КОРОТОВСКИХ Татьяна Владимировна
Сургутский государственный педагогический
университет
г. Сургут,
s.korotovskih@mail.ru

Tatyana V. KOROTOVSKIH
Surgut State Pedagogical University
Surgut, Russia
s.korotovskih@mail.ru

**К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ И
УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ
МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ У ДОШКОЛЬНИКОВ С
НАРУШЕНИЯМИ РЕЧИ**

**TO THE QUESTION OF STUDYING OF THE
CHARACTERISTICS AND LEVEL OF
DEVELOPMENT OF MONOLOGUE SPEECH OF
CHILDREN WITH SPEECH DISORDERS**

Понятие «общее недоразвитие речи» предполагает наличие нарушений всех компонентов речевой системы: фонетико-фонематической стороны, лексического состава, грамматического строя и связной речи. Психолого-педагогическая диагностика является необходимым условием построения эффективной коррекционно-педагогической работы. В статье представлены результаты экспериментального изучения особенностей связной монологической речи у старших дошкольников с общим недоразвитием речи в условиях компенсирующей группы дошкольного образовательного учреждения, как необходимого условия готовности к обучению в школе.

На современном этапе в условиях введения ФГОС ДО весьма актуальной и социально значимой является проблема формирования связной речи у детей с общим недоразвитием речи. Связная речь - высшая форма речи и мыслительной деятельности, которая определяет уровень речевого и умственного развития ребенка. Связность - один из самых значимых интегральных признаков текста, который включает взаимодействие таких факторов, как: содержания текста, его смысла, логики изложения, особую организацию языковых средств; коммуникативную направленность; композиционную структуру.

Теоретико-методологические основы развития связной речи дошкольников определены в работах М.М. Кониной, А.М. Леушиной, Л.А. Пеневской, О.И. Соловьевой, Е.И. Тихеевой, А.П. Усовой, Е.А. Флериной. Проблемы содержания и методов обучения монологической речи в детском саду активно разрабатывались А.М. Бородич, Н.Ф. Виноградовой, Л.В. Ворошнинной, В.В. Гербовой, Э.П. Коротковой, Н.А. Орлановой, Е.А. Смирновой, Н.Г. Смольниковой, О.С. Ушаковой. В данной статье автором проведено изучение особенностей связной речи у старших дошкольников с общим недоразвитием речи в условиях компенсирующей группы ДОО.

Ключевые слова: дошкольник, связная речь, монологическая речь, диагностика, общее недоразвитие речи, коррекция, компенсирующая группа

The concept of "General underdevelopment of speech" implies the existence of violations of all components of speech system: a phonetic-phonemic hand, lexical content, grammatical structure and connected speech. Psychopedagogical diagnosis is essential to build effective correctional-pedagogical work. The article presents the results of an experimental study of the characteristics of the coherent monological speech at the senior preschool children with General underdevelopment of speech in the conditions of the compensation groups preschool educational institutions as a necessary condition of readiness to learn in school. In the special education system remains relevant and socially important problem of formation of coherent speech in children with developmental disabilities. Connected speech - the highest form of speech and thought activity, which determines the level of speech and mental development of the child. Connectivity is one of the most important integral features of the text that includes vzaimodeistvie such factors as: the content of the text, its meaning, logic of presentation, a special organization of language means; communicative intention; compositional structure. Theoretical-methodological bases of development of coherent speech of preschool children identified in the works of M.M. Horsemat, A.M. Leushina, L.A. Penievskoy, I.O. Solovieva, E.I. Miheevoy, A.P. Usova, E.A. Flurinol. The content and methods of training of monologic speech in kindergarten actively developed A.M. Borodich, N.F. Vinogradova, L.V. Voroshnin, V.V. Stamp, E.P. Korotkova, N. Arlanova, E.A. Smirnova, N.G. Smolnikova, O. S. Ushakova. In this article the author conducted a study of the characteristics of coherent speech in senior preschool children with General underdevelopment of speech in terms of compensating group Doo.

Keywords: preschooler, connected speech, monologue speech, diagnosis, General underdevelopment of speech, correction, compensating group

Монологическая речь понимается как связная речь одного лица, коммуникативная цель которой - сообщение о каких-либо фактах действительности. Монолог представляет собой наиболее сложную форму речи, служащую для целенаправленной передачи информации [6]. К основным свойствам монологической речи относят: односторонний характер высказывания, произвольность, обусловленность содержания ориентацией на слушателя, ограниченное употребление невербальных средств передачи информации, развернутость, логическую последовательность изложения, предварительное планирование ее говорящим. Результатом речевой монологической дея-

тельности является текст [7].

Научные исследования В.К. Воробьевой, В.П. Глухова, Т.Б. Филичевой свидетельствуют, что эффективное развитие связной монологической речи у дошкольников с ОНР возможно только в результате систематического целенаправленного коррекционного обучения [5].

Овладение ребенком связной речью - неотъемлемое условие успешности школьного обучения детей. Связная речь включает не только возможность восприятия целостных объемных текстов, но и умение давать развернутые ответы на поставленные вопросы, самостоятельно излагать свои суждения, аргументировать их [7].

Т.В. Ахутина, В.К. Воробьева в своих работах указывают, что для высказываний детей с ОНР III уровня характерны нарушения связности и последовательности изложения, низкая информативность, смысловые пропуски и ошибки, низкий уровень используемой фразовой речи, трудности в языковой реализации замысла. Отмечаемые в рассказах этих детей пропуски смысловых звеньев, незавершенность фрагментов, нарушения логической последовательности повествования, длительные паузы на границах фраз, отсутствие самостоятельности при выполнении задания могут свидетельствовать о трудностях в программировании содержания развернутых высказываний [1; 2].

Н.А. Капышева отмечает незавершенность фрагментов, нарушение логической последовательности, длительные паузы на границах фраз, отсутствие самостоятельности при выполнении задания. Все это также свидетельствует о трудностях в программировании содержания развернутых высказываний [3]. О.А. Денисова, Т.В. Захарова, В.Н. Поникарова отмечают психологические особенности детей с ОНР: неустойчивость внимания, трудности в запоминании вербального материала, недостаточную сформированность операций сравнения, обобщения, нарушения в эмоционально-волевой сфере (вялость, инертность, эмоциональная возбудимость), речевая инактивность.

Цель эксперимента - выявление особенностей и уровня сформированности связной монологической речи у дошкольников с ОНР III уровня.

Для изучения состояния монологической речи детей дошкольного возраста с ОНР использовались следующие методы: исследование монологической речи с помощью специальных заданий; наблюдение за речью детей с ОНР в процессе учебной, предметно-практической, игровой деятельности.

Анализируя медико-педагогическую документацию на каждого ребенка, мы выявили следующие особенности развития:

- отягощенный анамнез: у четверых детей - угроза выкидыша, родовые травмы, у шестерых - гипоксия плода;
- в раннем детстве (до 3 лет): у двоих детей - черепно-мозговые травмы, у ми - частые инфекции, у всех детей отмечаются хронические заболевания;
- анатомическое строение артикуляционного аппарата: у троих детей - недостаточное развитие мимической моторики;
- появление первых слов: у троих детей - к 1,5 годам, у пяти детей - к 2, у двоих - к 3 годам;
- у пяти детей прерывалось речевое развитие в связи с заболеванием;
- состояние звукопроизношения: у семи детей - нарушено произношение свистящих, шипящих и соноров, у троих - нарушено произношение соноров, у всех отмечается стертая дизартрия;
- состояние фонематического восприятия: у девяти детей наблюдается несформированность фонематических процессов;
- характер речевого окружения: у двоих детей - неблагоприятная речевая среда, у одного - двуязычие;
- всем детям логопедическая помощь оказывалась с 4 лет;
- все дети стоят на учете у невролога и проходят курсовое лечение.

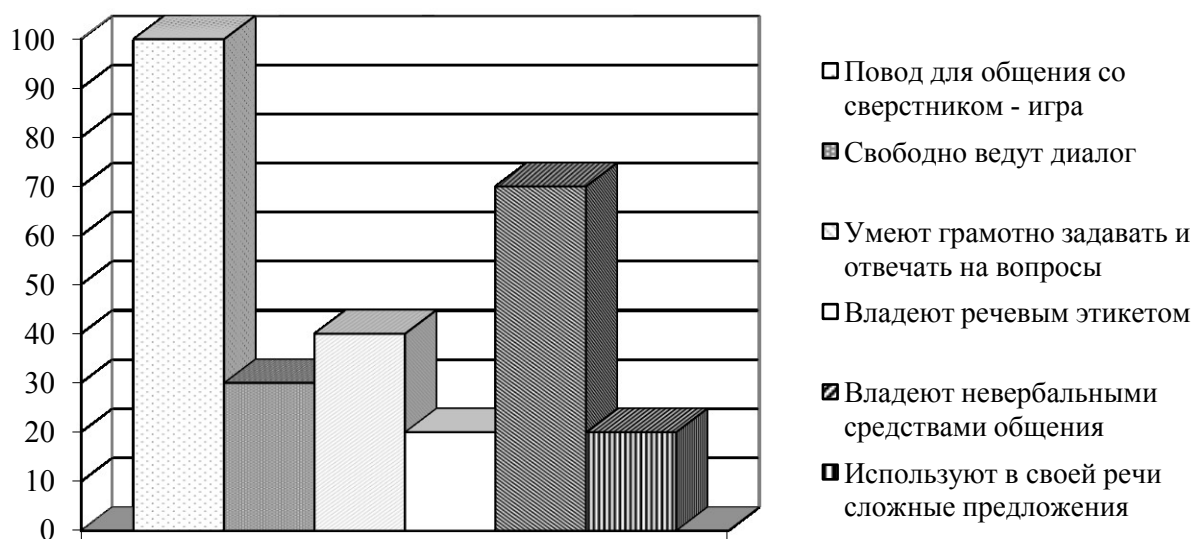
На предварительном этапе диагностики было проведено анкетирование родителей. Результаты показали, что только 30% родителей знают, что входит в понятие «связная речь»; 100% родителей ответили, что у них вызывает беспокойство состояние развития

речи у их ребенка; дома проводят игры, направленные на развитие речи 30% родителей детей компенсирующей группы; 40% читают детям дома художественную литературу; 40% родителей считают, что их ребенок первым может проявить инициативу в общении; 100% следят за тем, как говорит ребенок, и 80% родителей исправляют ошибки в речи ребенка; и только 30% родителей хотели бы получить консультацию логопеда по данному вопросу. Анкетирование показало, что родители хотят, чтобы речь детей была хорошо сформирована, но не знают, как развивать связную монологическую речь у детей с ОНР. Не все родители занимаются развитием речи дома с детьми; 30% родителей осознают необходимость систематических консультаций у специалиста по данному вопросу.

Анализируя результаты наблюдения, составили гистограмму:

Гистограмма 1. Результаты наблюдения.

Histogram 1. Observation results.

Источник: составлено автором.

Source: complited by the author.

Анализ результатов показал: для 10 детей (100%) поводом для общения служит игра. В процессе общения свободно ведут диалог 3 детей (Вячеслав В., Лев П., Роберт З. - 3%). Умеют грамотно задавать вопросы и отвечать на них - 4 ребенка (Вячеслав В., Лев П., Полина П., Роберт З. - 4%), владеют речевым этикетом - 2 ребенка (Лев П., Роберт З. - 2%). Владеют невербальными средствами общения 7 детей (Андрей Т., Вадим В., Валера С., Даниил Б., Иван Щ., Роман И., Полина П. - 70%). И всего 2 ребенка используют в речи сложные предложения (Лев П., Вячеслав В. - 2%).

Педагогическое наблюдение выявило следующие особенности связной речи у дошкольников с ОНР: дети малоактивны и неразговорчивы как с педагогом, так и с детьми. Поводом для обращения к сверстникам служит игра, к педагогам - потребность в помощи. Инициативу к общению проявляют редко, но поддерживают предложенное общение. Принимают пассивное участие в коллективном разговоре.

Дети не всегда хорошо и сразу воспринимают речевую инструкцию, требуется неоднократное повторение со стороны педагога. Воспринимая инструкцию, часто искаженно понимают ее. Менее половины детей умеют грамотно задавать вопросы и отвечать на них, остальные невнимательно слушают и не контролируют собственную речь, но вносят изменения при замечании со стороны педагога. В речи используют простые предложения и фразы, в которых встречаются аграмматизмы и нарушение последовательности слов.

Дети с общим недоразвитием речи редко используют в речи формы речевого этике-

та. Затрудняются вступить в разговор с незнакомыми людьми, к знакомым умеют обращаться, чаще с целью привлечения внимания, просьбы, жалобы. Не употребляют при этом вежливые слова и слова-обращения. Часто перебивают, переспрашивают, настаивают на своей точке зрения, не умеют последовательно излагать свои мысли, точно передавать их содержание. Большая часть детей в общении используют невербальные средства коммуникации: движения, мимику, жесты, но они являются невыразительными.

Отмечаются недостатки коммуникативной способности: употребление слов в неточном значении; использование в самостоятельной речи неадекватных грамматических форм; многочисленные повторения, возвращение к ранее сказанному; использование заученных формулировок; изобилие необоснованных пауз в речи; единичность случаев активной вербальной коммуникации; отсутствие широкого применения адекватных форм коммуникации; неспособность оценивать высказывания других детей.

1 балл - негрубые лексико-грамматические ошибки;

0 баллов - не справились с заданием, отказ от выполнения задания.

При обработке результатов производится суммирование баллов за каждую серию. По итогам суммы баллов дети были разделены по уровням сформированности связной речи:

1 группа - низкий уровень - 2 ребенка (1-5 баллов);

2 группа - недостаточный уровень - 1 ребенок (6-10 баллов);

3 группа - удовлетворительный уровень - 3 ребенка (11-15 баллов);

4 группа - высокий уровень - 4 ребенка (16-20 баллов).

Низкий уровень: дети с речевым недоразвитием испытывали трудности в самостоятельном составлении высказываний на уровне простой законченной фразы, отмечались грубые ошибки на употребление словоформ.

Недостаточный уровень: частое использование наводящих вопросов, нарушена связность повествования, последовательность изложения, отмечается однообразие употребления языковых средств.

Удовлетворительный уровень: отмечаются отдельные нарушения связного воспроизведения, единичны нарушения структуры предложения, некоторые языковые трудности в реализации замысла.

Высокий уровень: применение лексико-грамматических средств соответствует возрасту, употребляются разнообразные языковые средства, языковое оформление соответствует грамматическим нормам

В результате эксперимента были выявлены следующие особенности речи детей с ОНР III уровня: трудности планирования развернутых высказываний и языкового оформления; нарушения связности и последовательности изложения; смысловые пропуски, длительные необоснованные паузы в речи. Определение особенностей и уровня сформированности связной монологической речи позволят учителю-логопеду спроектировать коррекционно-развивающую работу с дошкольниками с общим недоразвитием речи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Воробьева В.К. Методика развития связной речи у детей с системным недоразвитием речи: Учебное пособие / В.К. Воробьева. - М.: Астрель. Транзиткнига. - 2006. - 158 с.
2. Выготский Л.С. Детская речь / Л.С. Выготский. - М.: Педагогика, 2006. - 420 с.
3. Глухов В.П. Особенности формирования связной монологической речи детей старшего дошкольного возраста с ОНР / В.П. Глухов. - М., 2007. - 68 с.
4. Жукова Н.С. Преодоление ОНР у детей / Н.С. Жукова. - М.: Союз, 2008. - 142 с.
5. Лалаева Р.И. Коррекция общего недоразвития речи у дошкольников / Р.И. Лалаева, Н.В. Серебрякова. - СПб.: КАРО, 2004. - 160 с.

6. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. - М.: Просвещение, 1995. - 214 с.
7. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения / М.И. Лисина. - М.: Владос, 2006. - 144 с.

REFERENCES

1. Vorobyov V.K. Metodika razvitiya svjaznoj rechi u detej s sistemnym nedorazvitiem rechi: ucheb. Posobie Manual. [Methodology of development of coherent speech in children with a system underdevelopment of the speech: proc. Manual]. M.: Astrel. Tranzitkniga. 2006. 158 p.
2. Vygotsky L.S. Detskaja rech'. [Children's speech]. L.S. Vygotsky. Moscow: Pedagogika. 2006. 420 p.
3. Glukhov V.P. features of formation of coherent monologic speech of preschool children with the NRO (Osobennosti formirovanija svjaznoj monologicheskoj rechi detej starshego doshkol'nogo vozrasta s ONR) / V.P. Glukhov. M. 2007. 68 p
4. Zhukova N.S. overcoming ONR(preodolenie ONR u detej) /N.With. Zhukov. M.: Union. 2008. 142 p.
5. Lalaeva R.I. Correction General underdevelopment of speech in preschool children (Korrekcija obshhego nedorazvitiya rechi u doshkol'nikov) /R.I. Lalaeva, N.V. Serebryakova. SPb.: KARO. 2004. 160 p.
6. Leont'ev A.A. Language, speech, speech activity (Jazyk, rech', rechevaja dejatel'nost') / A.A. Leontiev. M.:Education. 1995. 214 p.
7. Lisina M. I. Problems of ontogenesis of communication (Problemy ontogeneza obshhenija) /M.I. Lisina. M.: Vlados. 2006. 144 p.

Информация об авторе:

Коротовских Татьяна Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра педагогического и специального образования, Сургутский государственный педагогический университет,
г. Сургут, Россия
s.korotovskih@mail.ru

Получена: 28.10. 2017

Для цитирования: Коротовских Т.В. К вопросу изучения особенностей и уровня сформированности монологической речи у дошкольников с нарушениями речи. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.179-183.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-179-183.

Information about the author:

Tatyana V. Korotovskih, Candidat of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Pedagogical and Special Education, Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia
s.korotovskih@mail.ru

Received: 28.10. 2017

For citation: Korotovskih T. V. To the question of studying of the characteristics and level of development of monologue speech of children with speech disorders. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part. 1. Pp. 179-183.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-179-183.
(in Russian)

УДК 378

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-184-189

ЛОРЕНЦ Вероника Викторовна
Омский государственный педагогический
университет
г. Омск, Россия
v.lorents@yandex.ru

Veronika V. LORENTS
Omsk State Pedagogical University
the Department of Education
Omsk, Russia
v.lorents@yandex.ru

**МЕХАНИЗМ ТВОРЧЕСКОГО САМОРАЗВИТИЯ
ПЕДАГОГА В АКМЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

**MECHANISM OF CREATIVE SELF-DEVELOPMENT OF
THE TEACHER IN THE ACMEOLOGICAL RESEARCH**

В статье автор рассматривает акмеологический подход как методологическую основу профессионально-педагогического самосовершенствования. Изучаются возможности проектирования индивидуально-образовательного маршрута педагога с целью достижения профессионального «акме». Автор определяет направления научных исследований в области акмеологии, представляет разные подходы к изучению сущности акмеологии как науки в контексте механизма профессионального саморазвития педагога. Исследовательский интерес проявляется в рассмотрении индивидуально-образовательного маршрута и особенностей его проектирования для достижения наивысшего личностно-профессионального акме педагога. В статье определены структурные компоненты механизма творческого саморазвития педагога. Автор определяет аспекты новой трудовой реальности педагога, которые отражены в Профессиональном стандарте, а также в исследованиях ученых РГПУ им. Герцена. Механизм творческого саморазвития педагога выстраивается на основе пяти групп профессиональных задач современного учителя. Изучаются возможности модульных накопительных систем повышения квалификации педагогов, роль тьюторов при оказании помощи педагогам при выстраивании индивидуальной образовательной программы и ее реализации. Рассматриваются принципы конструирования индивидуальной образовательной программы педагога на основе акмеологического подхода. В статье автор представляет систему реализации индивидуального образовательного маршрута по повышению квалификации педагогических кадров с использованием накопительной системы, разработанной учеными РГПУ им. А.И. Герцена. Статья имеет теоретическую и практическую значимость в области конструирования программы профессионального педагогического самосовершенствования.

In article the author considers acmeological approach as a methodological basis of the professional pedagogical self-development. We study the possibility of designing individual educational route of a teacher to achieve a professional "Acme". The author defines the directions of scientific researches in the field of ontological engineering, presents different approaches to the study of the essence of acmeology as a science in the context of the mechanism of professional self-development teacher. Research interest is manifested in the consideration of an individual educational route and specifics of its design to achieve the highest personal and professional Acme of the teacher. The article identifies the structural components of the mechanism of creative self-development of the teacher. The author defines aspects of the new labor reality of a teacher, which are reflected in the Professional standard, as in the studies of scientists, Herzen state pedagogical University. The mechanism of creative self-development of the teacher is built on the basis of five groups of professional tasks of the modern teacher. Possibilities of modular storage systems qualification of teachers, the role of Tutors in helping teachers in building an individual educational program and its implementation. Discusses the principles of designing the individual educational program of the teacher on the basis acmeological approach. In the article the author represents the system of implementation of individual educational path for professional development of pedagogical staff with the use of storage system, developed by scientists of Herzen state pedagogical University. The article has theoretical and practical significance in the design of professional pedagogical improvement of the teacher.

Ключевые слова: акмеологический подход, самореализация, индивидуально-образовательный маршрут, механизм творческого саморазвития

Keywords: acmeological approach, self-realization, individual educational route, the mechanism of creative self-development

Акмеология как наука изучает проблему самореализации личности, которая сегодня является актуальной для многих исследований, изучающих закономерности, пути и способы достижения вершин в разных областях человеческой деятельности. Понятие «акмеологический подход», по мнению А.А. Бодалева, предполагает комплексное изучение зрелого человека, самореализующегося в профессиональной деятельности [2]. Акмеологический подход в педагогике, с точки зрения Н.В. Кузьминой, заключается в выявлении особенностей эффективной педагогической деятельности, в характеристике уров-

ней продуктивности педагогической деятельности, изучения динамики профессионального развития педагога [4].

При рассмотрении акмеологического подхода исследовательский интерес проявляется в изучении проблематики развития творческих способностей педагогов, изучения возможностей совершенствования их квалификации [1]. **Возрастной аспект** предполагает исследование задатков и способностей в разные возрастные периоды. **Образовательный аспект** определяет необходимость диагностики и развития знаний и умений на всех ступенях образования. **Профессиональный аспект** «связан с определением возможностей и результатов трудовой деятельности через определение профпригодности, психологической готовности и степени социальной ответственности за процесс и результаты» [2]. **Креативный аспект** определяет затрачиваемые усилия при определении уровня компетентности педагога, желания постоянно развивать, реализовывать интерактивные технологии обучения. **Рефлексивный аспект** является системообразующим фактором, обеспечивающим самооценку уровня профессионального мастерства.

Как показывает анализ теории и практики современного российского образования, одной из наиболее важных проблем является поиск путей и главных системообразующих факторов повышения качества деятельности педагогов. Изучение концептуальных разработок акмеологии позволяет сделать вывод, что методологические идеи акмеологического подхода более всего соответствуют основным требованиям системы повышения квалификации. Данные разработки определяют цели и способы повышения профессиональных результатов. В связи с этим рассмотрим возможности акмеологического подхода с целью эффективного проектирования и реализации **индивидуально-образовательного маршрута педагога, ориентированного на достижение наивысшего личностно-профессионального развития** [5]. При проектировании профессионального роста, важно учитывать акмеологические представления о закономерностях, условиях, факторах и стимулах самореализации **творческих потенциалов** педагога, достижения профессионализма деятельности на разных этапах жизненного пути.

Акмеологическая концепция развития инновационной профессионально-образовательной системы, отраженная в идеях Л.И. Анищева, А.А. Бодалева, А.А. Деркача, Н.В. Кузьминой, предполагает целостный подход при рассмотрении взаимосвязи «конечного результата» субъекта деятельности и наличия обратной связи (развития рефлексии). Важно при этом обратить внимание на достижение высокого уровня компетентности специалиста с помощью самообразования.

Акмеологический подход в педагогических исследованиях подчеркивает необходимость совершенствования профессиональной деятельности педагога на протяжении жизненного пути, что отражается в проектировании и реализации индивидуально-образовательного маршрута, эффективность которого отслеживается по «поступкам» и «продуктам», которые могут быть разных уровней успешности и результативности. В этом случае уровни успешности профессиональной деятельности определяют **механизм творческого саморазвития**, задающий мотив и содержание проектирования индивидуально-образовательного маршрута.

Механизм творческого саморазвития предполагает наличие следующих структурных компонентов:

1. Рефлексивный компонент проявляется через формирование новых представлений о самом себе, установок и идентичностей («Я-реальное», «Я-будущее», «Я-идеальное»), реализующихся в поведении, в выработке знаний о профессиональной творческой деятельности и понимания механизма взаимодействия с ней своей личности. Данный компонент является определяющим в решении психолого-педагогических задач.

2. Регулирующий компонент составляют знания педагога по специальности и в профессиональной области, умение диагностировать свои достижения. Данный компонент формирует у него навыки анализа, оценки и совершенствования своей личности.

3. Коммуникативный компонент отражается в умении педагога выстроить взаимодействие с субъектами образования. Важно понимать специфику отношений "учитель-ученик", "учитель-родитель", "учитель-учитель", "учитель - социальный партнер" в соответствии с требованиями общества к современному инновационному учителю.

Все структурные компоненты механизма творческого саморазвития педагога взаимосвязаны и требуют комплексной работы по развитию данных направлений профессиона-

онально-педагогической деятельности, их отражения в траектории профессионально-личностного совершенствования педагога.

Новая трудовая реальность педагога отражается в исследованиях ученых РГПУ им. А.И.Герцена, которые выделяют **пять групп профессиональных задач современного учителя**:

1-я группа связана с умением учителя понимать ученика, диагностировать его способности, с эмпатией, толерантностью к детям;

2-я группа задач направлена на умение учителя организовать образовательный процесс для достижения целей школьного образования;

3-я группа предполагает умение учителя устанавливать взаимодействие с другими субъектами образования;

4-я группа ориентирована на умение учителя создавать образовательную среду, совершенствовать и адаптировать условия среды с учетом особенностей учащихся;

5-я группа задач предусматривает умение педагога проектировать и осуществлять профессиональное самообразование [3].

По результатам исследований Пискуновой Е.В., данные задачи формируют изменения профессионально-педагогической деятельности учителя [5]. Изменения в профессиональной деятельности педагога направлены: «на самостоятельность ребенка в обучении; создание условий для проявления активности, творчества ребенка в обучении; создание условий для расширения жизненного опыта ребенка» [2]; инициативность, творчество и корпоративную культуру учителя; *наличие траектории профессионально-личностного совершенствования педагога*. Проектировочные умения педагога по созданию и реализации траектории профессионально-личностного совершенствования обозначены также в Профессиональном стандарте педагога, что определяет требования к систематичной работе по повышению уровня профессионального мастерства, развитию профессиональной компетентности педагога.

В настоящее время во многих регионах России активно внедряются **модульные накопительные и сетевые модели повышения квалификации**. Новая модель повышения квалификации предполагает свободу выбора педагогом индивидуально-образовательного маршрута, данная модель эффективно применяется в системе повышения квалификации Санкт-Петербурга. В рамках 300 часов учитель выбирает **инвариант** - 150 часов, реализуемых в различных образовательных учреждениях, и **вариативную** часть - 150 часов, «реализуемых учреждениями высшего профессионального образования. Аннотации образовательных программ, предлагаемых вузами города для вариативной части повышения квалификации представляются на сайте Центра повышения квалификации работников образования» [2]. При выборе вариативной части ИОМ, отражается рефлексивный и регулирующий компонент творческого саморазвития педагога.

Накопительная система повышения квалификации педагогов применяется с целью выбора оптимальных для педагога условий, определяющих возможности «непрерывного образования, позволяет самостоятельно конструировать индивидуальный образовательный маршрут педагога, с учетом своих профессиональных потребностей, согласованных с потребностями образовательного учреждения, выбирать наиболее приемлемые для себя сроки его прохождения» [2].

Накопительная система повышения квалификации по индивидуально-педагогическим маршрутам предполагает также тьюторскую помощь. В этом случае **тьюторантом** является специалист, повышающий квалификацию по индивидуальной образовательной программе, а **тьютором** - специалист, который сопровождает процесс реализации индивидуальной образовательной программы и оказывает помощь в организации и определении содержания индивидуально-образовательного маршрута. **Тьюторское сопровождение** также помогает *выявить* профессиональные достижения и затруднения работников образования; оказать помощь: в проектировании индивидуальной образовательной программы, в описании педагогического опыта; организовать рефлексию при реализации индивидуальной образовательной программы. Акмеологический подход предусматривает стремление педагога к достижению «акме» - вершины профессионального мастерства, что возможно лишь при планомерной рефлексивной деятельности.

Индивидуальная образовательная программа рассматривается как документ, объединяющий образовательные программы модулей, выбранные специалистом в логике обозна-

ченного направления повышения квалификации, и другие образовательные мероприятия (областного, районного, муниципального уровня) в период обозначенных сроков повышения квалификации. **Индивидуальный образовательный маршрут** - это путь освоения индивидуальной образовательной программы. Проектирование ИОМ повышения квалификации педагога предусматривает включение «учебной программы, посвященной фундаментальным проблемам развития современного образования, психолого-педагогической теории, совершенствования правового регулирования в сфере образования (надпредметный тематический учебный курс) объемом не менее 12 часов. Учебная программа, как самостоятельная часть в составе образовательной программы повышения квалификации кадров, является элементом в накопительной системе, представляет собой содержательную характеристику учебного курса» [2]. Логика содержания деятельности и структура индивидуальной образовательной программы определяется следующими базовыми позициями. При создании ИОМ мы исходим из того, что в нем возникают новые виды деятельности, связанные с самообразованием педагога и позволяющие ему обеспечить самореализацию своих потенциальных возможностей, а также рост социального и профессионального статуса. Базой для конструирования образовательных программ составляет обеспечение связи образования и деятельности. В основу технологии конструирования индивидуальной образовательной программы (ИОП) положены следующие принципы, которые мы рассматриваем в сравнении с методологическими принципами и подходами в акмеологии (см. табл.). Данная таблица была разработана автором статьи.

Табл. Акмеологическая основа технологии конструирования индивидуальной образовательной программы

Table. Acmeological basis of technology of designing individual educational programs

Принципы конструирования ИОП	Методологические принципы акмеологии
Открытость образовательного процесса, позволяющая самостоятельно формировать образовательный маршрут в соответствии с личностными профессионально-педагогическими качествами, уровнем подготовки	Субъектный подход. Принцип субъекта является парадигмальным для акмеологии. Личность становится субъектом процесса самосовершенствования. Принцип детерминизма. Системообразующим фактором или движущей силой развития становится сама личность, в структуре саморегуляции, самоорганизации, обусловленных внешними факторами. Системный подход. Акмеология рассматривает механизмы и способы перехода от стихийно сложившегося состояния и качества системы к оптимальному этапу ее развития, от реального к идеальному. Важным элементом является моделирование сущности системы и ее развитие до практического применения. Акмеологическая система имеет <i>целевой, проектируемый, моделируемый характер</i>.
Высокая технологичность и доступность технологий обучения, адаптированных под личностные особенности	
Гибкость - возможность свободно варьировать длительность и порядок освоения программы; возможность предоставлять различные формы обучения : очную, очно-заочную, заочную, дистанционную	
Модульность - целостное представление о разных предметных областях, локализованное в отдельном курсе. На основе модуля можно формировать разнообразие образовательных программ, что позволяет организовать учебный процесс по всем ступеням обучения	
Индивидуальный характер конструируемых программ, обладающих свойством инвариантности ее структуры. Индивидуальную образовательную программу мы рассматриваем как «своеобразную модель пути достижения образовательного стандарта», а индивидуальные маршруты в процедуре получения образования обладают свойством инвариантности, касающейся ее структуры	

Технология конструирования индивидуальной образовательной программы реализуется в логике взаимосвязи структурных элементов ИОМ, определяющих содержание программы и ее реализацию.

Ученые РГПУ им. А.И.Герцена сформулировали «порядок реализации индивидуально-образовательного маршрута по повышению квалификации педагогических кадров с использованием накопительной системы» [3]:

1. Из перечня заявленных образовательных программ педагог осуществляет выбор программы и учреждения дополнительного профессионального образования, где он намеревается обучаться и получить документ о повышении квалификации;
2. Составляет для себя индивидуально-образовательный маршрут повышения квалификации с учетом сроков реализации учебных программ в составе выбранной образовательной программы и получает рекомендации руководителя образовательного учреждения по выбору учебных программ, также учитывающие проблематику его образовательной деятельности;
3. Заполняет бланк «Индивидуальный образовательный маршрут повышения квалификации педагога» и представляет этот документ на согласование руководителю образовательного учреждения;
4. После согласования с руководителем образовательного учреждения представляет индивидуально-образовательный маршрут на утверждение в учреждение-координатор, которое утверждает документ «Индивидуальный образовательный маршрут повышения квалификации педагога» и зачисляет слушателя в группу обучающихся по накопительной системе.

Рассмотрев модель повышения квалификации работников образования по индивидуально-образовательным маршрутам в накопительной системе, можно утверждать, что данный порядок повышения квалификации рекомендован педагогам, ранее проходившим курсы повышения квалификации по традиционной форме.

Повышение квалификации специалистов по индивидуально-образовательным маршрутам вводится с целью создания эффективных условий для реализации возможностей непрерывного, персонифицированного дополнительного профессионального образования через конструирование ИОП, с учетом профессиональных потребностей, интересов, сроков обучения. Обучение может осуществляться с применением дистанционных образовательных технологий.

Накопительная система повышения квалификации работников образования является абсолютно персонифицированной, вариативной и интегрированной. Данная модель повышения квалификации предполагает современную систему количественного и качественного оценивания результативности непрерывного образования, позволяет каждому тьютору пройти обучение в индивидуальном темпе, с учетом его профессиональных потребностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Анищева Л.И. Акмеологическая концепция развития инновационной профессионально-образовательной системы // Акмеология. - 2007. - № 3. - С. 44-47.
2. Выбираем образовательный маршрут повышения квалификации педагога: Сборник аннотаций образовательных программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации педагогов / под общ. ред. С.В. Жолована, С.В. Алексеева; сост. Л.И. на. - СПб.: СПбАППО, 2010. - 263 с.; Распоряжение Комитета по образованию Санкт-Петербурга «О внесении изменений в Распоряжение Комитета по образованию от 25.01.2005 N 24-Р "О повышении квалификации педагогических кадров Санкт-Петербурга и утверждении Положения о накопительной системе повышения квалификации"» от 1 февраля 2007 г. N 100-р.
3. Деркач В.П. Акмеологическая концепция развития конкурентоспособного специалиста // Акмеология. - 2007. - № 3. - С. 15-21.
4. Кузьмина Н.В., Пожарский С.Д. Акмеология качества профессиональной деятельности специалиста. - СПб.: 2008.

5. Пискунова Е.В. Подготовка учителя к обеспечению современного качества образования для всех: опыт России: рекомендации по результатам научных исследований / под ред. акад. Г.А. Бордовского. - СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007.

REFERENCES

1. Anisheva L.I. Akmeologitscheskaja konzenzia razvitija innovazionnoj professionalno-obrazovatelnoj sistemi. [Inisheva L. I. Acmeological concept development-innovative vocational education system]. Acmeology. 2007. No. 3. pp. 44-47. (in Russ)
2. Vyibiraem obrazovatelnyy marshrut povysheniya kvalifikatsii pedagoga: Sbornik annotatsiy obrazovatelnykh programm professionalnoy perepodgotovki i povysheniya kvalifikatsii pedagogov. pod obsch. red. S.V. Zholovana, S.V. Alekseeva; sost. L.I. Gushchina. [Choose the educational route, qualification of the teacher:abstracts of reports of educational programs of professional re-training and improvement of qualification of teachers under the General editorship of S. V. Golovan, S. V. Alekseev; ed. L. I. Gushchina]. SPb.: Spbpo, 2010. 263 p. (in Russ); Rasporjazhenie Komiteta po obrazovaniju Sankt-Peterburga «O vnesenii izmenenij v Rasporjazhenie Komiteta po obrazovaniju ot 25.01.2005 N 24-R "O povyshenii kvalifikatsii pedagogicheskikh kadrov Sankt-Peterburga i utverzhdenii Polozhenija o nakopitel'noj sisteme povysheniya kvalifikatsii"» ot 1 fevralja 2007 g. N 100-r. [The Committee for education of St. Petersburg "On amendments to the Committee on education from 25.01.2005 delivery N 24-P "for the professional development of teachers of St. Petersburg and the approval of the Regulations on the funded training system"" from February 1, 2007 N 100-R].
3. Derkach V.P. Akmeologicheskaya kontseptsiya razvitiya konkurentosposobnogo spetsialista. [Derkach V. P. Acmeological concept of development of the competitive specialist]. Acmeology.- 2007. No. 3. P. 15-21. (in Rus)
4. Kuzmina N.V., Pozharskiy S.D. Akmeologiya kachestva professionalnoy deyatel'nosti spetsialista. [Kuzmina N. In. Pozharsky S. D. Acmeology quality of professional activity of specialist]. SPb.: 2008.(in Russ)
5. Piskunova E.V. Podgotovka uchitelya k obespecheniyu sovremennogo kachestva obrazovaniya dlya vseh: opyt Rossii: rekomendatsii po rezultatam nauchnykh issledovaniy. pod redaktsiey akad. G.A.Bordovskogo, SPb. Izd-vo RGPU im.A.I.Gertsena, 2007. [Piskunova E. V. Training of teachers for ensuring quality education for all: the experience of Russia: recommendations by results of scientific researches /under the editorship of Akad. G. A. Borovskogo], SPb. Publishing house of the Herzen state pedagogical University. A. I. Herzen, 2007. (in Russ)

Информация об авторе:

Лоренц Вероника Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики, Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия
v.lorents@yandex.ru

Получена: 07.11.2017

Для цитирования: Лоренц В.В. Механизм творческого саморазвития педагога в акмеологических исследованиях. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.184-189.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-184-189.

Information about the author:

Veronika V. Lorents, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, the Department of Education, Omsk State Pedagogical University
Omsk, Russia
v.lorents@yandex.ru

Received: 07.11.2017

For citation: Lorents V.V. Mechanism of creative self-development of the teacher in the acmeological research. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.6 Part. 1. Pp. 184-189.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-184-189.
(in Russian)

УДК 376 + 379.81

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-190-201

ЛЯШЕНКО Мария Игоревна
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Соликамский государственный педагогиче-
ский институт (филиал)
г. Соликамск, Россия
mariya852@mail.ru

Maria I. LYASHENKO
Perm State National Research University
Solikamsk State Pedagogical Institute (branch)
Solikamsk, Russia
mariya852@mail.ru

**МОДЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВОЛОНТЕРОВ ПО ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМУ
ВОСПИТАНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО
МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА**

**MODEL OF PEDAGOGICAL ACTIVITY OF
VOLUNTEERS ON SPIRITUAL-MORAL TRAINING
OF MINORS IN RESIDENCE**

В статье актуализируется проблема ценностной дезориентации подрастающего поколения. В качестве варианта решения данной проблемы автор предлагает объединение ресурсов студенческого добровольчества и различных социальных институтов, ресурсов места проживания несовершеннолетних для создания пространства духовно-нравственного воспитания. В статье автор подробно описывает теоретическую модель педагогической деятельности волонтеров по духовно-нравственному воспитанию детей и подростков по месту жительства. Модель представляет собой единство целевого, субъектного, процессуального, содержательного и диагностико-результативного компонентов, которые определяют специфику организации свободного времени детей разных возрастов и различных групп («группа риска», группа «норма», дети с ограниченными возможностями здоровья) через участие в ценностно-насыщенной духовно-ориентированной, общественно-полезной, культурно-творческой деятельности на досуговой площадке в летний период, а также комплекс диагностических процедур, позволяющий выявить положительную динамику в изменении поведения и деятельности воспитанников. Разработанная автором модель была реализована на пяти досуговых площадках в летний период 2016, 2017 гг. на территории Верхнекамского региона Пермского края. Предложенные в статье материалы могут быть использованы педагогами дополнительного образования, волонтерскими центрами, студенческими педагогическими отрядами для организации процесса духовно-нравственного воспитания детей и подростков по месту жительства.

The article actualizes the problem of the value disorientation of the younger generation. As an option for solving this problem, the author suggests combining the resources of student volunteerism and various social institutions, the resources of the place where minors live, to create a space for spiritual and moral education. In the article the author describes in detail the theoretical model. The model represents the unity of the target, subject, procedural, informative and diagnostic-effective components that determine the specifics of the organization of leisure time for children of different ages and different groups (the "risk" group, the "norm" group, children with disabilities) through participation in the value system -saturated spiritual-oriented, socially useful, cultural and creative activity on a leisure area during the summer period, as well as a set of diagnostic procedures, positive dynamics in changing the behavior and activities of pupils. The model developed by the author was implemented on five leisure areas in the summer period 2016, 2017 of the Perm region. The materials proposed in the article can be used by teachers of additional education, volunteer centers, student pedagogical units for organizing the process of spiritual and moral education of children and adolescents in the place of residence.

Ключевые слова: модель духовно-нравственного воспитания, педагогическая деятельность, волонтеры, дети «группы риска», летняя досуговая площадка, работа с детьми по месту жительства

Keywords: model of spiritual and moral education, pedagogical activity, volunteers, children of "risk group", summer recreational area, work with children in the community

Цель статьи - представить модель педагогической деятельности волонтеров по духовно-нравственному воспитанию несовершеннолетних по месту жительства.

В работе использованы методы теоретического моделирования, анализа, синтеза и обобщения. Заключение сформулировано на основе анализа педагогических исследований в сфере духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних, изучения воспитательного потенциала места жительства, форм организации летнего досуга разновозраст-

ного детского объединения. Эффективность разработанной модели подтверждена опытом ее реализации на досуговых площадках по месту жительства на территории Верхнекамского региона Пермского края в 2016, 2017 гг.

Кризис нравственности подрастающего поколения и связанный с этим процесс его духовной деградации говорит о необходимости поиска эффективных форм и средств духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних. Особенную актуальность данная проблема приобретает в летний период, когда дети максимально свободны от педагогического и родительского контроля. Вариантом решения обозначенной проблемы может стать организация духовно-нравственного воспитания детей и подростков в летний период с использованием ресурсов студенческого добровольчества и воспитательного потенциала места жительства. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года и Концепция духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России задают направленность воспитательной работы волонтеров в сторону духовно-нравственного развития на основе ценностей российского общества и традиционной религиозной культуры.

Отечественный (тимуровское и коммунаское движения) и зарубежный опыт работы детско-молодежных добровольческих объединений позволяет нам предположить, что организацией духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних по месту жительства могут заняться студенты-добровольцы, которые в силу своего возраста способны понять и принять жизненные устремления своих подопечных.

Однако при значительном внимании исследователей к феномену добровольческой деятельности нет работ, которые рассматривают педагогическое волонтерство как средство духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних по месту жительства.

Духовно-нравственное воспитание несовершеннолетних автором статьи определяется как процесс взаимодействия воспитателей и воспитанников, направленный на развитие духовности и нравственности как качеств личности в специально-организуемой совместной, духовно-ориентированной, культурно-творческой, общественно-полезной деятельности детей и взрослых.

На основе анализа научных исследований В.А. Андреева, С.Ю. Дивногорцевой, И.В. Метлика, С.В. Пашкова, И.Т. Петраковой, Н.Е. Щурковой; О.Л. Янушкявичане и др., которые посвящены целям, задачам, содержанию духовно-нравственного воспитания детей и молодежи в образовательных организациях, и работ С.И. Абрамова, Г.И. Веденеевой, Е.Е. Игнатьевой, И.Ю. Кожевниковой, где рассматриваются аспекты организации духовно-нравственного воспитания детей в учреждениях дополнительного образования, были выделены специфические особенности рассматриваемого процесса и разработана педагогическая модель.

Педагогическая модель позволяет исследовать духовно-нравственное воспитание несовершеннолетних и организовать его по месту жительства в специфической форме - досуговой площадки как временного неформального разновозрастного объединения детей, где они овладевают конструктивными способами самореализации в различных видах деятельности. Модель дает представление о содержательном и процессуальном наполнении педагогической деятельности волонтеров. Автором статьи были выделены следующие компоненты модели: целевой, субъектный, организационный, содержательный и диагностический (см. табл.). Далее раскроем содержание каждого компонента.

Таблица. Модель педагогической деятельности волонтеров по духовно-нравственному воспитанию несовершеннолетних по месту жительства

Table. Model of the pedagogical activity of volunteers for the spiritual and moral education of minors in the place of residence

Компоненты модели			
Целевой			
Стратегическая цель: принятие и усвоение, распространение воспитанником гуманистических ценностей и общепринятых норм морали на деятельность и поведение, потребность личности к духовным усилиям	Тактические цели (задачи): развитие представлений воспитанника о духовности и духовных ценностях, духовной и душевной жизни человека, путях обретения духовности; формирование нравственных понятий (добро, любовь, забота, совесть, долг, ответственность), соответствующих суждений, чувств и убеждений; усвоение привычек духовного и нравственного поведения, проявляющихся во взаимоотношениях со своей семьей, с ближайшим окружением, социумом и природой; привитие навыков делать нравственный выбор в различных жизненных ситуациях, отстаивать свой духовный идеал и следовать ему; воспитание ответственности за сделанный выбор, за свои поступки; развитие потребности в постоянном самопознании, самосовершенствовании и саморазвитии духовного мира	Организационно-педагогические цели: специальная подготовка добровольцев к педагогической деятельности на летних досуговых площадках; постановка волонтерами целей духовно-нравственного воспитания с учетом характеристики контингента несовершеннолетних на площадке и воспитательных возможностей микрорайона; разработка программы смены, планов и сценариев с соответствующим ценностным содержанием; организация совместной духовно-ориентированной, общественно-полезной, культурно-творческой деятельности детей и волонтеров; вовлечение воспитанников в исследовательскую деятельность по изучению истории своей территории, края, своей семьи; анализ и оценка эффективности промежуточных и конечных результатов духовно-нравственного воспитания детей и подростков по данным входящей, текущей и итоговой диагностик	
Субъектный			
Студенты-волонтеры как субъекты педагогической деятельности по духовно-нравственному воспитанию несовершеннолетних на досуговых площадках	Несовершеннолетние (дети учетных категорий, дети группы «норма», дети с ограниченными возможностями здоровья) как объекты и субъекты процесса духовно-нравственного воспитания	Разновозрастный детский коллектив как объект и субъект педагогического взаимодействия	Социальные партнеры как субъекты духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних по месту жительства
Организационный			
Нормативно-правовое обеспечение	Научно-методическое обеспечение	Пространственно-временное обеспечение	
«Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина Российской Федерации», «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», ФГОС, ФЗ N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Закон Пермского края «О системе профилактики детского и семейного неблагополучия в Пермском крае»; ФЗ № 135 «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»; «Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года». Локальные нормативные акты образовательных организаций, на базе которых работают площадки	Сборник методических материалов «Духовно-нравственное воспитание детей и подростков на досуговых площадках по месту жительства в летний период», «Дневник волонтера», «Дневники юного исследователя»	Досуговая площадка по месту жительства несовершеннолетних. Использование педагогического потенциала ближайшего социального окружения, культурно-просветительских учреждений, объектов историко-культурного наследия, природных объектов. Местонахождение досуговых площадок на базе образовательных и иных организаций, предоставляющих помещение на безвозмездной основе. Время функционирования площадок - летний период.	
Содержательный			
Ценности, обеспечивающие единство, целостность совместной деятельности волонтеров и воспитанников:			

жизнь как бесценный дар, почитание родителей, забота о близких, почитание истории и традиций предков, свобода и ответственность, честь и достоинство, умеренное пользование благами природы, созидательный труд, миротворчество и милосердие					
Направления деятельности	«100 вопросов взрослому»	«Театр самого себя»	«Наследие»	«Мыслями и делом»	«Праздники»
Ценностно-смысловое содержание деятельности	Духовность и нравственность в повседневной жизни человека	Самосовершенствование как жизненный ориентир	Культурные образцы жизнедеятельности человека в конкретном социуме	Благодеяние как смысл жизни человека	Духовно-насыщенная форма организации досуга детей и взрослых
Формы педагогического взаимодействия	Проблемно-диалоговое общение	Тренинги, ролевые игры	Исследовательская, экскурсионная деятельность	Трудовые, экологические, благотворительные акции	Праздники церковного годового круга, фестивали творчества
Совместная духовно-ориентированная, культурно-творческая, общественно-полезная деятельность детей и взрослых					

Диагностико-результативный

Диагностико-результативности			
Уровни	Критерии		
	Информационно-познавательный	Ценностно-ориентационный	Мотивированно-деятельностный (поведенческий)
Примитивно-деятельностный (поведенческий)	Знание средств, способов выполнения действия, решения задач с опорой на правила и нормы поведения, сформированность конкретных представлений об элементах культуры места проживания, общезначимых ценностях, которые определяют смысл и направление деятельности каждого воспитанника	Ценностно-смысловое отношение к деятельности, ее значимость для личности, способность к адекватной оценке ситуации, ее смысла, целей, способов поведения с точки зрения собственных и общезначимых ценностей, общепринятых норм морали	Адекватная постановка и эффективное выполнение целей, задач и норм в конкретной ситуации, эмоционально-волевая регуляция поведения, деятельности, социального взаимодействия
Эмоционально-деятельностный (поведенческий)			
Регулятивно-деятельностный (поведенческий)			
Виды диагностики: входная, текущая, итоговая			

Целевой компонент определяет процедуру целеполагания в сфере духовно-нравственного воспитания. Методика целеполагания основана на различении трех видов целей: идеальной, стратегической, тактической и организационно-педагогической [1]. Идеальная цель - некий образ личности воспитанника, который соответствует идеальным представлениям о Человеке в обществе. Стратегическая цель - это конечный результат взаимодействия педагога и воспитанника в форме обобщенных мысленных образований, в соответствии с которыми отбираются и соотносятся между собой все другие компоненты воспитательной процесса. Тактическая цель - промежуточный результат, определенный сдвиг в развитии воспитанника, который находит отражение в той или иной деятельности, поведении. Организационно-педагогическая цель - это конкретные действия волонтеров, относящиеся к сфере их педагогических функций.

Идеальная цель духовно-нравственного воспитания по месту жительства - воспитание духовности и нравственности как качеств личности. Эта цель в условиях кратковременного пребывания детей на площадке недостижима. Она является ориентиром педагогической деятельности. Стратегическая цель - это усвоение, принятие и распространение воспитанником гуманистических ценностей и общепринятых норм морали на деятельность и поведение. Данная цель может быть достигнута в течение длительного времени. На досуговой площадке мы можем проследить динамику в восприятии, усвоении, приня-

тии, распределении гуманистических ценностей на деятельность и поведение. Во время летнего отдыха возможно решение отдельных тактических задач, которые реализуются через специфическое содержание и формы духовно-нравственного воспитания на досуговой площадке.

Субъектный компонент определяет характеристики основных субъектов духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних по месту жительства. Субъектами процесса духовно-нравственного воспитания являются студенты-волонтеры, дети и подростки различных категорий, разновозрастный детский коллектив. Каждый субъект обладает своими особенностями и выполняет свои функции в процессе духовно-нравственного воспитания.

Специфика волонтерского труда определяется наличием идеалистических, альтруистических, социальных и прагматических мотивов в структуре личности; сформированностью педагогических компетенций для работы с детьми учетных категорий; наличием модельного и реального опыта проектирования процесса духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних; принятием требований к качеству и условиям труда добровольца на досуговых площадках. Для того чтобы педагогическое волонтерство стало средством духовно-нравственного воспитания, добровольцы должны пройти специальное обучение, разработать собственные проекты совместной деятельности детей и взрослых, осознать личностный смысл своего участия в воспитательной работе.

Организация духовно-нравственного воспитания по месту жительства предполагает взаимодействие студентов-добровольцев с несовершеннолетними различных категорий (детьми «группы риска» и группы «норма», детьми с ограниченными возможностями здоровья). Основной контингент воспитанников площадок в летний период - это дети и подростки «группы риска», не занятые организованным отдыхом. Л.Я. Олиференко и Т.И. Шульга отмечают, что «риск» связывается с наличием негативных факторов, которые могут оказать (или не оказать) влияние на становление личности ребенка, подростка, на его психическое и физическое здоровье, дальнейшую жизнь в целом. К детям «группы риска» относят детей с проблемами в развитии, не имеющими резко выраженной клинико-патологической характеристики; несовершеннолетних, оставшиеся без попечения родителей в силу разных обстоятельств; детей из неблагополучных, асоциальных семей; несовершеннолетних из семей, нуждающихся в социальной, экономической и социально-психологической помощи и поддержке; детей с проявлениями социальной и психолого-педагогической дезадаптации [2].

Категория несовершеннолетних «группы риска» неоднородна, неблагоприятные факторы по-разному влияют на их поведение и деятельность. Поэтому при осуществлении процесса духовно-нравственного воспитания необходимо учитывать специфические особенности таких детей.

Дети учетных категорий требуют к себе особого внимания, индивидуальной работы с каждым; мы считаем, что объединение таких детей в разновозрастный коллектив с ребятами других групп несет в себе положительный воспитательный эффект. В школе несовершеннолетние замкнуты в рамках объединения ровесников, а взаимоотношения с учителем носят формально-ролевой характер. Однородный коллектив, по мнению А.С. Макаренко в большей мере подходит для организации обучения, а для воспитания требуется коллектив разновозрастный [3]. Взаимодействие воспитанников в неоднородной группе формирует опыт разносторонних отношений и непредвиденных практик, способствует передаче опыта одного поколения другому. Н.Э. Политнева в своем исследовании выделяет механизмы, способствующие межвозрастному взаимодействию, взаимовлиянию, взаимообогащению разных возрастов в совместной деятельности: механизм подражания для младших ребят, механизм социальной общности для детей среднего возраста и механизм самоутверждения, самоактуализации для старших ребят [4]. Таким образом, выстраивается структура взаимного влияния.

Важно правильно использовать потенциал разновозрастного коллектива в процессе духовно-нравственного воспитания. Доброволец демонстрирует положительные образцы поведения «старшего» по отношению к младшим (своим подопечным), проявляет

заботу, при необходимости оказывает помощь, поддерживает, объясняет. Старшие воспитанники, помогая волонтеру, выполняя его просьбу, поручение, могут примерить на себя роль старшего брата/сестры, почувствовать свою значимость, ответственность за другого, младшие, в свою очередь, начинают подражать и принимают способы и образцы поведения старших.

Решение задач духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних исключительно силами студентов-волонтеров невозможно. В Концепции духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России отмечено, что при организации процесса духовно-нравственного воспитания необходимо «выстраивать педагогически целесообразные партнерские отношения с другими субъектами социализации» [5]. Наиболее вероятными социальными партнерами могут быть: родители (законные представители) несовершеннолетних, представители образовательных организаций, специалисты отдела по делам несовершеннолетних, представители религиозной организации, органы местного самоуправления, музейные работники, благотворительные и общественные фонды. Партнерское взаимодействие выстраивается на основе заинтересованности сторон в решении вопросов духовно-нравственного воспитания детей и осуществляется на добровольной основе. Каждый партнер имеет свою сферу ответственности и «уникальные» ресурсы для решения общих задач.

Организационный компонент - это совокупность обеспечивающих процессов, управленческих решений, специально создаваемых для достижения запланированных результатов.

Первый обеспечивающий процесс реализации духовно-нравственного воспитания - это формирование нормативно-правовой базы для педагогической деятельности волонтеров.

Работа волонтеров по организации процесса духовно-нравственного воспитания детей и подростков регламентируется нормативно-правовыми документами, которые определяют направленность воспитательной работы на досуговой площадке, ее содержание; регулируют отношения, возникающие в связи с деятельностью по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; подтверждают статус волонтера, определяют их сферу деятельности и основные ее принципы. Локальные нормативные акты образовательных организаций, на базе которых работают площадки, регламентируют режим работы волонтеров, а также определяют сферу материальной ответственности добровольцев при использовании помещений и материально-технического оборудования организации.

Второй процесс - научно-методическое обеспечение духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних по месту жительства. Для эффективной организации работы волонтеров должны быть разработаны методические материалы, дающие конкретное представление о содержательном и технологическом наполнении деятельности добровольцев на площадке. Сборник методических материалов «Духовно-нравственное воспитание детей и подростков на досуговых площадках по месту жительства в летний период» включает сценарные разработки воспитательной деятельности, краткие статьи рекомендательного характера, практические задания для самостоятельной подготовки бесед, тренинговых занятий, историко-краеведческих игр, благотворительных, трудовых и экологических акций, дворовых фестивалей, праздников церковного годового круга, дополнительную литературу по направлениям воспитательной работы. Это позволяет каждому волонтеру пройти путь от усвоения алгоритма к творческой деятельности, созданию собственных продуктов.

«Дневник волонтера» содержит план работы досуговой площадки, циклограмму деятельности добровольца, схему ежедневного планирования и анализа деятельности, комплект диагностических методик и таблицы для фиксации результатов входной, текущей и итоговой диагностики.

Для организации рациональной, интересной исследовательской деятельности воспитанников площадки с учетом их особенностей, которые связаны со сложностью осуществления систематической работы интеллектуального характера, сопоставлять и ана-

лизировать большой объем информации, разрабатываются специальные «Дневники юного исследователя». В дневниках содержатся задания разного уровня сложности, предписывающие последовательность шагов в получении информации посредством общения с информантами (родными и близкими) о прошлом своей семьи и истории родной территории. Для волонтера - это инструмент управления исследовательской деятельностью, для воспитанника - инструкция по осуществлению определенной последовательности действий и результирующий акт, свидетельствующий о его способности к проведению исследования и публичному предъявлению итогового продукта. Предложенный комплект методических материалов является необходимым организационным условием для осуществления эффективного духовно-нравственного воспитания.

Пространственно-временное обеспечение - это своеобразный способ нормирования активности участников досуговой площадки во времени и пространстве.

Летняя досуговая площадка по месту жительства, по нашему мнению, наиболее оптимальный и целесообразный вариант для организации процесса духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних различных групп. Прежде всего, это связано с временным периодом - летние каникулы. По результатам исследования М.Н. Стриханова, Ф.Э. Шереги, четверть детей школьного возраста в России летом лишена организованного отдыха и оздоровления [6]. Отсутствие занятости, способности самостоятельно найти для себя позитивные формы досуга и самореализации создают опасную ситуацию в среде несовершеннолетних и приводят к организации детьми всевозможных самодеятельных объединений. Деятельность некоторых из них имеет деструктивный характер. «Точкой» сбора неформальных детско-подростковых групп является улица, территория микрорайона, двор рядом с местом проживания. А.В. Егорова отмечает, что «место жительства - это ближайшая семейно-бытовая микросреда с ее окружением, являющаяся наиболее стабильной и значимой для несовершеннолетних» [7, с. 141]. Первый жизненный опыт, ценности, модели поведения и деятельности, навыки взаимодействия с людьми ребенок получает в семье. В общении с соседями-ровесниками и взрослыми дети усваивают позитивные и негативные нормы, стереотипы, предрассудки, лексику, стиль полового поведения и др. Мы видим, что место жительства - это пространство свободного общения, взаимного влияния (позитивного и негативного) и со-бытия детей и взрослых. Поэтому имеющиеся ресурсы микрорайона, как наиболее значимого, близкого и привычного места жизни и деятельности для несовершеннолетних, могут быть использованы для его преобразования в пространство духовно-нравственного развития и воспитания. Данный вывод также подтверждается многолетним опытом работы с детьми и подростками в районах, где наблюдается высокий процент девиации общественного центра «Социальная справедливость» (США) [8].

На основе анализа литературы мы выделили ряд социально-педагогических возможностей места жительства.

Во-первых, это свобода от формализации, принуждения и регламентированной деятельности, которые являются характеристиками школьного воспитания.

Во-вторых, отсутствие регламентации со стороны образовательных структур, стандартов дает возможность для свободного выбора детьми интересующих их сфер и направлений деятельности.

В-третьих, место жительства как пространство со-бытия детей и взрослых позволяет удовлетворить потребности несовершеннолетних в познании особенностей мира взаимоотношений, в общении, расширении социальных контактов, в самоутверждении и самореализации.

В-четвертых, воспитательный потенциал пространства определяет архитектурно-планировочные особенности микрорайона - расположение и состояние зданий, домов, дворов; социальный состав его жителей, культурно-рекреационная инфраструктура: парки, скверы, кинотеатры, библиотеки, музей, памятники истории и культуры и др.; наличие рядом природных объектов: рек, озер, лесного массива. Обозначенные особенности места жительства несовершеннолетних необходимо учитывать при организации духовно-нравственного воспитания, для того чтобы пусть частично, но компенсировать его

негативные потенции и максимально использовать положительные [9, с. 32]. Несмотря на то, что велико влияние стихийных, неконтролируемых факторов за пределами организованного воспитательного пространства площадки по месту жительства (семья, СМИ, Интернет и др.), характер и сам процесс воспитательного взаимодействия на площадках в той или иной мере определяют и корректируют его организаторы, студенты-волонтеры.

Содержательный компонент определяет логику выбора форм и содержания духовно-нравственного воспитания. При отборе содержания мы опирались на аксиологический (Б.Т. Лихачев, В.А. Караковский, И.В. Метлик, Н.Е. Щуркова и др.) и культурологический (Е.В. Бондаревская, О.С. Газман и др.) подходы, при выборе форм деятельности на площадке - событийный подход (Н.М. Борытко, В.И. Слободчиков, Г.Е. Соловьев и др.).

Ценностное содержание духовно-нравственного воспитания предполагает традиционные для культуры конкретного социума ценности. Важно делать акцент на ценностях, которые понятны всем вне зависимости от возраста, национальной принадлежности, уровня интеллектуального развития, на ценности, которые актуальны для детей, для их жизнедеятельности. Также при выборе ценностной основы необходимо учитывать возможность наблюдать проявление этих ценностей в поступках, поведении и деятельности воспитанника, на наличие конкретного эмпирического материала, которым можно оперировать в презентации ценностей. Принимая во внимание обозначенные выше положения, для совместной деятельности волонтеров и воспитанников на досуговой площадке исследователем был сделан выбор в пользу следующих ценностей: жизнь как бесценный дар, почитание родителей, забота о близких, почитание истории и традиций предков, свобода и ответственность, честь и достоинство, умеренное пользование благами природы, созидательный труд, миротворчество и милосердие.

Согласно культурологическому подходу воспитание личности ребенка невозможно без включения его в контекст мировой, интегральной российской культуры и культуры места проживания. Культура представляет собой средоточие духовных и материальных ценностей, традиций народа. Таким образом, духовно-нравственное воспитание несовершеннолетних по месту жительства - это введение воспитанников в мир культуры через совместное переживание детьми и волонтерами ценностей, носителями которых являются объекты окружающей жизни.

Наиболее эффективным для организации воспитательного взаимодействия, введения ребенка в мир культуры, по словам С.И. Абрамова, будет использование сферы досуга [10]. Традиционно детский досуг определяют как свободное от учебы и сопутствующей ей деятельности время. Однако современная педагогическая наука досуг рассматривает как элемент культуры. Его важной характеристикой является деятельность, осуществляющаяся в контексте определенной культурной традиции на основе свободного выбора. Досуг, таким образом, становится периодом духовного и нравственного развития личности ребенка. Особую роль приобретает деятельностная, событийная сторона свободного времени, участие в нем взрослых, способных помочь детям в выборе форм и содержания досуга.

Взаимодействие волонтеров и вожатых на площадке по месту жительства длится недолгое время - от трех до шести недель. Для получения эффектов духовно-нравственного воспитания необходимо обеспечить максимальную событийность детского досуга. Событийность рассматривается нами с двух позиций. Событие как важное явление, крупный факт личной или общественной жизни. Это событие, к которому воспитанники готовятся вместе с волонтерами, осуществляют определенную деятельность, ожидают конкретного момента. Другое значение - со-бытие, согласно словарю И.В. Даля, «событность, пребывание вместе в одно время, современность» [11, с. 576]. Иными словами, со-бытие - совместное переживание значимых событий в жизни воспитанника, совместное открытие, осмысление содержания культуры, традиционных ценностей, истории, содружество, сотворчество.

Таким образом, духовно-нравственное воспитание становится специально организуемой, целесообразной последовательностью воспитывающих событий, которые представляют собой совместное переживание, освоение субъектами его содержания.

В условиях кратковременного взаимодействия волонтеров и разновозрастного коллектива детей различных категорий по месту жительства мы условно обозначили следующие направления работы: «100 вопросов взрослому», «Театр самого себя», «Наследие», «Мыслями и делом», «Праздники». Каждое направление представляет собой цикл событий, с соответствующим ценностным содержанием, которое актуализируется в ближайших месту проживания культурных объектах и ситуациях повседневной жизни воспитанников. Далее раскроем содержание каждого направления.

Направление «100 вопросов взрослому» предполагает организацию содержательного общения детей и взрослых с использованием диалоговых форм взаимодействия. Это могут быть этические, проблемные беседы с приглашенными гостями (священнослужители, деятели культуры, спорта, ветераны войны и др.), просмотр и обсуждение соответствующего разновозрастному характеру коллектива документального или художественного видеоматериала с выраженным ценностным наполнением. Темы встреч должны затрагивать личный опыт детей, способствовать его оцениванию и осмыслению.

Духовное и нравственное развитие, самосовершенствование личности невозможно без постоянного упражнения, переживания ситуаций, событий, опыта проблемного выбора, оценки себя и своих мыслей, поступков. Мероприятия направления «Театр самого себя» позволят в форме игрового тренинга, сюжетно-ролевой игры моделировать волонтерам различные жизненные ситуации и совместно с детьми искать пути выхода из них приемлемыми способами, ориентируясь на культуру и традиционные ценности российского общества. Важно, чтобы воспитанники узнали, почувствовали, поняли, что свобода выбора всегда сопряжена с ответственностью за него.

Организация деятельности разновозрастного объединения детей по месту жительства дает возможность использовать для воспитательной работы ресурсы окружающей среды. Особую роль в данном случае играют объекты историко-культурного наследия территории, прошлое семьи каждого воспитанника, вписанное в исторический контекст города (села, поселка). Поэтому было выделено направление деятельности «Наследие». Экскурсии, историко-краеведческие игры и ведение дневника исследователя - основные формы работы с детьми. В рамках направления волонтерам важно погрузить детей в прошлое их семьи и территории, создать ситуации для эмоционального переживания событий, произошедших с другими людьми, в другое время, и показать связь этих событий с настоящим и жизнью каждого воспитанника в частности. Главная задача данного направления - актуализировать ценностное отношение воспитанников к своей семье и ее традициям, малой родине, к культурно-историческому наследию территории.

Следующее направление совместной деятельности волонтеров и воспитанников площадки - «Мыслями и делом». Реализуется в форме общественно полезного труда: экологических, трудовых и благотворительных акций. Задача волонтеров - «одухотворить детский труд», раскрыть его ценностную сторону, сделать его созидательным. Особое значение в данном случае имеет личная инициатива воспитанника. В.А. Караковский отмечает, что совместный труд учит детей бескорыстию, милосердию, добровольчеству [12]. Пробудить интерес детей учетных категорий к общественно полезному труду можно через игровую деятельность.

Последнее направление работы с детьми по месту жительства - «Праздники» - яркая, эмоциональная и насыщенная воспитательными ситуациями форма освоения культуры, традиций и ценностей. Направление предполагает участие воспитанников и членов их семей в народных праздниках, праздниках церковного годового круга, дворовых фестивалях и др. Подобные праздники демонстрируют всем субъектам воспитательного процесса культурные образцы организации совместного досуга. Выбранные направления духовно-нравственного воспитания дают возможность наполнить события информацией, фактами, способными вызвать эмоциональный отклик у воспитанников, повлиять на духовно-нравственную сферу личности. Факты и информация должны затрагивать знакомые сферы жизни и деятельности воспитанников в конкретном социуме, актуальные для их возраста вопросы. Все формы общения и совместной деятельности нацелены на то, чтобы вызывать положительное переживание события, утверждать сильные сто-

роны личности, показывать ее возможности и значимость в преобразовании окружающего мира, в благих делах. Все направления деятельности предполагают создание условий для достижения каждым воспитанником положительных результатов, успеха, для открытия новой жизненной траектории.

Диагностико-результативный компонент дает представление о критериях и показателях, средствах диагностики, эффективности процесса духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних по месту жительства.

Процесс духовно-нравственного воспитания носит длительный характер, требует систематичной, целенаправленной работы с детьми и подростками. Поэтому проследить и зафиксировать его результаты за столь короткое время посещения досуговых площадок - сложная задача.

При определении критериев духовно-нравственного воспитания мы опираемся на идеи Н.Е. Щурковой о восхождении воспитанника к культуре, согласно которым результатами процесса воспитания являются освоенные знания о мире, усвоенный набор культурных умений, необходимых для жизни в данной культуре, и отношения, то есть присвоенные ребенком ценности, открытые культурой [13]. Ориентируясь на представленную логику, мы выделили три критерия, по которым волонтеры будут оценивать результаты духовно-нравственного воспитания детей и подростков на досуговых площадках по месту жительства: информационно-познавательный, ценностно-ориентационный и регулятивно-деятельностный.

Для определения технологии сбора и анализа результатов процесса духовно-нравственного воспитания по выбранным критериям нами была принята за основу методология уровневого подхода, согласно которому духовно-нравственное воспитание - это многоуровневая структура. Логика обозначенного подхода позволила выделить соответствующие уровни духовно-нравственного воспитания: примитивно-деятельностный (поведенческий), эмоционально-деятельностный (поведенческий), регулятивно-деятельностный (поведенческий). Переход личности ребенка с одного уровня на другой свидетельствует о положительной динамике в духовно-нравственном развитии.

Для получения достоверных результатов исследования рекомендуется использовать три вида диагностики: входную, текущую и итоговую. Каждое средство диагностики построено на одном из методов оценивания изменений в личности воспитанника: самооценка, экспертная оценка, взаимооценка.

В представленной модели педагогическая деятельность добровольцев становится позитивным средством воспитания, так как имеется психолого-педагогическое обоснование и инструментовка целеполагания, организации, содержательного наполнения, педагогической диагностики процесса духовно-нравственного воспитания несовершеннолетних. Модель показывает, что педагогическая деятельность на досуговой площадке обеспечивает наглядную опору детям при изучении явлений жизни - личный пример волонтеров, знакомство с культурой во всех ее проявлениях и ипостасях, она инициирует духовную активность, мыслительную деятельность в осмыслении ценностей и проблем жизни, обеспечивает воспитанникам самостоятельное взаимодействие с предметами и явлениями окружающей жизни, оценку их с точки зрения значимости для себя и других людей. Все эти характеристики педагогической деятельности волонтеров говорят о том, что она может быть отнесена к ключевому средству воспитания. Педагогическая модель дает представление о деятельности волонтеров как средстве решения стратегических задач духовно-нравственного воспитания развивающейся личности в условиях досуговой площадки по месту жительства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ССЫЛКИ

1. Лебедева Г.А. Педагогическое проектирование / Г.А. Лебедева. - Соликамск: СГПИ, 2004. - 280 с.
2. Олиференко Л.Я., Шульга Т.И., Дементьева И.Ф. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска / Л.Я. Олиференко, Т.И. Шульга, И.Ф. Дементьева. - М.: Академия, 2002. - 256 с.

3. Макаренко А.С. Коллектив и воспитание личности / сост. и авт. вступ. статьи В.В. рин. - М.: Академия, 1972. - 185 с.
4. Политнева Н.Э. Социализация школьников в разновозрастном коллективе учреждения дополнительного образования детей / Н.Э. Политнева. - Пенза: Партнер-ДелКон, 2009. - 84 с.
5. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков [Электронный ресурс] - URL: <http://www.ipk74.ru/files/projects/fgos/fgos3.pdf> (дата обращения 19.11.2017).
6. Стриханов М.Н., Шереги Ф.Э. Детский отдых и оздоровление: проблемы организации, содержание, воспитательный эффект / М.Н. Стриханов, Ф.Э. Шереги. - М.: ЦСП и М, 2015. - 221 с.
7. Егорова А.В. Дополнительное образование детей: воспитание по месту жительства / А.В. Егорова // Омский научный вестник. - 2009. - № 6. - С. 140-142.
8. Pickles Ch. Breakthrough Britain: Dying to Belong. Centre for Social Justice. - London, 2009. - 300 p.
9. Лебедева Г.А., Русинова О.А. Изучение воспитательного потенциала среды / Г.А. Лебедева, О.А. Русинова. - Соликамск: СГПИ, 2003. - 134 с.
10. Абрамов С.И. Духовно-нравственное воспитание школьников в системе дополнительного образования в условиях малого города / С.И. Абрамов // Педагогика. - М., 2009. - № 8. - С. 27-37.
11. Даль В.И. Толковый словарь русского языка / В.И. Даль. - Т. 4. - М., 2014. - 650 с.
12. Караковский В.А. Стать человеком. Общечеловеческие ценности - основа целостного учебно-воспитательного процесса / В.А. Караковский. - М.: Педагогика, 1993. - 80 с.
13. Щуркова Н.Е. Педагогическая технология / Н.Е. Щуркова. - М.: Педагогическое общество России, 2002. - 224 с.

REFERENCES

1. Lebedeva, G.A. Pedagogicheskoe proektirovanie [Pedagogical Design]. Solikamsk: SGPI, 2004. Pp.280. [ru]
2. Oliferenko, L. YA., SHul'ga, T. I., Dement'eva, I. F. Social'no – pedagogicheskaya podderzhka detej gruppy riska [Social and pedagogical support of children at risk]. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2002. 256 p. [ru]
3. Makarenko, A. S. Kollektiv i vospitanie lichnosti [Team and education of personality]. Moscow: «Akademiya».1972.185 p. [ru]
4. Politneva N.EH. Socializaciya shkol'nikov v raznovozrastnom kollektive uchrezhdeniya dopolnitel'nogo obrazovaniya detej [Socialization of schoolchildren in an uneven age group of the institution of additional education for children]. Penza: OOO KF «Partner-DelKon». 2009. 84 p. [ru]
5. Konceptiya duhovno-nravstvennogo razvitiya i vospitaniya lichnosti grazhdanina Rossii [The concept of spiritual and moral development and upbringing of the personality of a citizen of Russia]. Available at: <http://www.ipk74.ru/files/projects/fgos/fgos3.pdf> , (accessed 09.10.2017). [ru]
6. Strihanov, M.N., SHeregi, F.EH. Detskij otdyh i ozdorovlenie: problemy organizacii, soderzhanie, vospitatel'nyj ehffekt [Children's rest and health improvement: problems of organization, content, educational effect]. Moscow: CSP i M. 2015. 221 p. [ru]
7. Egorova, A.V. Dopolnitel'noe obrazovanie detej: vospitanie po mestu zhitel'stva [Additional education of children: upbringing in the community]. Omskij nauchnyj vestnik [Omsk Scientific Bulletin]. 2009. № 6. Pp. 140 - 42. [ru]
8. Pickles Ch. Breakthrough Britain: Dying to Belong. Centre for Social Justice. London. 2009. 300 p. [en]
9. Lebedeva, G.A., Rusinova O.A. Izuchenie vospitatel'nogo potentsiala sredy [Studying the educational potential of the environment].Solikamsk: SGPI. 2003. 134 p. [ru]
10. Abramov, S.I. Duhovno-nravstvennoe vospitanie shkol'nikov v sisteme dopolnitel'nogo obrazovaniya v usloviyah malogo goroda [Spiritual and moral education of schoolchildren in the system of additional education in the conditions of a small town] Pedagogika [Pedagogy]. Moscow. 2009. №8. Pp. 27-37. [ru]
11. Dal', V.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. T. 4. Moscow. 2014. 650 p.
12. Karakovskij, V.A. Stat' chelovekom. Obshchechelovecheskie cennosti-osnova celostnogo uchebno-vospitatel'nogo processa [Become a man. Human values - the basis for a holistic educational process] Moscow: Pedagogika. 1993. 80 p. [ru]
13. SHCHurkova, N.E. Pedagogicheskaya tekhnologiya [Pedagogical technology] Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii. 2002. 224p. [ru]

Информация об авторе:

Ляшенко Мария Игоревна, ассистент, кафедра педагогики и психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Соликамский государственный педагогический институт (филиал), г. Соликамск, Россия
mariya852@mail.ru

Получена: 12.10.2017

Для цитирования: Ляшенко М.И. Модель педагогической деятельности волонтеров по духовно-нравственному воспитанию несовершеннолетних по месту жительства. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.190-201.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-190-201.

Information about the author:

Maria I. Lyashenko, Assistant, Department of Pedagogy and Psychology, Perm State National Research University, Solikamsk State Pedagogical Institute (branch), Solikamsk, Russia
mariya852@mail.ru

Received: 12.10.2017

For citation: Lyashenko M. I. Model of pedagogical activity of volunteers on spiritual-moral training of minors in residence. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part. 1. Pp. 190-201.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-190-201. (in Russian)

УДК 378.0+159.9

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-202-208

МИХАЙЛОВА Алла Григорьевна
Севастопольский государственный
университет
г. Севастополь, Россия
steba1971@mail.ru

Alla G. MIKHAYLOVA
Sevastopol State University
Sevastopol, Russia
steba1971@mail.ru

**ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ У БУДУЩИХ
ИНЖЕНЕРОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНО – ТВОР-
ЧЕСКИХ УМЕНИЙ В ВУЗЕ**

**WAYS OF FUTURE ENGINEERS' PROFESSIONAL
AND CREATIVE SKILLS FORMATION IN THE
UNIVERSITY**

Автор исследует одну из актуальных задач высшего образования - развитие профессиональных компетенций у выпускника университета. Отмечено, что инженерная деятельность определяется по преимуществу не производственными регулятивами и социальным заказом сегодняшнего дня, а познавательными потребностями, связанными с прогнозированием будущих технотреструктур и технологий. Подчеркивается, что сформированность профессионально-творческих умений у будущих инженеров составляет необходимую основу для развития высокого профессионализма и обеспечивает мобильность личности в динамически меняющихся условиях жизни. Рассматриваются пути формирования у студентов - будущих инженеров профессионально-творческих умений в образовательном процессе вуза. Обосновывается необходимость внедрения акмеологического подхода в процесс формирования профессионально-творческих умений у будущих инженеров, в результате реализации которого формируется развивающая акмеологическая среда вуза. В заключение перечислены образовательные технологии для эффективного формирования у будущих инженеров профессионально-творческих умений.

The author explores one of the urgent higher education tasks - the development of professional competence of a university graduate. It is noted that engineering activity is determined by the advantage of production rules and the social order and cognitive needs associated with forecasting future technological structures and technologies. It is emphasized that the formation of professional and creative skills of future engineers is a necessary basis for the development of high professionalism and ensures the mobility of the individual in the dynamically changing conditions of life. The author considers the ways of professional and creative abilities formation in students-future engineers during the educational process of the university. The necessity of implementation of acmeological approach in the process of formation of professional and creative skills in future engineers in the result of which acmeological educational environment of the university is formed. In conclusion educational technologies for the effective formation of future engineers' professional-creative skills are listed.

Ключевые слова: инженер, профессионализм, акмеологический подход, развивающая акмеологическая среда, профессионально-творческие умения

Keywords: engineer, expertise, professionalism, acmeological approach, acmeological educational environment of university, professional and creative skills

Введение. Ускорившееся обновление научно-технических знаний в обществе, заставляющее пересмотреть сущность понятия «профессионализм» современных инженеров, происходит на фоне изменений в сфере высшего образования. Все это создает ситуацию, при которой многочисленные выпускники инженерных направлений сталкиваются с возрастающими требованиями к их квалификации.

С целью приведения к международным стандартам и гуманизации на основе синтеза научно-педагогических знаний и исторического опыта высшее образование в России сегодня находится на этапе поступательного реформирования. Образованный человек готов к свободному гуманистически ориентированному выбору, интеллектуальному усилию, компетентному, самостоятельному и ответственному действию в политической, профессиональной, экономической и культурной жизни [1]. Он терпим к представителям

других культур и национальностей, способен не только действовать внутри наличной социальной структуры, но также и изменять ее [3].

Основным критерием, отличающим профессионала от узкого специалиста, является, по мнению А.А. Деркача, разнообразие профессиональных умений и навыков [2]. На наш взгляд, сформированность у будущих инженеров профессионально-творческих умений составляет необходимую основу для развития высокого профессионализма и обеспечивает мобильность инженера в динамически меняющихся условиях жизни.

Выполняя свою профессиональную деятельность, инженер преобразовывает и совершенствует природную и социальную среду, удовлетворяя разнообразные технические потребности современного общества. Это преобразование связано с законами изменения и развития объектов, причем профессиональная деятельность может быть успешной лишь в том случае, если она согласуется с этими законами.

Проведенный нами анализ профессиональных стандартов по инженерным направлениям показывает, что среди важных трудовых умений выделяются следующие: умения применять новые методы и технологии в области радиотехники, электроники и телекоммуникации; умения определять пути решения технических и технологических проблем; умения отбирать проектные решения на всех этапах процесса; умения осуществлять методологическое обоснование научного исследования [7], что, в свою очередь, предполагает владение будущими инженерами профессионально-творческими умениями.

Анализ последних публикаций и исследований и выделение нерешенной части проблемы. Многие ученые, а именно Г.С. Альтшуллер, А.М. Матюшкин, В.Н. Дружинин, Дж.И. Ниренберг, В.Д. Шадриков и др., указывают на необходимость раскрытия творческого потенциала личности в процессе профессиональной подготовки. Создание условий для инженерного творчества рассматривали Е.В. Громова, О.Р. Гарбыч-Мошоры и др.

Основные закономерности самодвижения специалистов к вершинам мастерства изучали Б.Г. Ананьев, А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина, Н.А. Зимняя, А.А. Бодалев, А.К. Маркова и др. Профессионально-творческое развитие личности исследовали С.Н. Бегидова, О.С. Анисимов, Е.Н. Богданова и др. Все они утверждали, что творчество представляет собой способность человека из доставляемого действительностью материала изобретать новую реальность на основе исследования закономерностей объективного мира, удовлетворяющую общественным потребностям [5]. Под творчеством понимаем процесс человеческой деятельности, создающий качественно новые материальные и духовные ценности [4].

Однако пути формирования профессионально-творческих умений у будущего инженера в условиях вуза не были достаточно рассмотрены.

Поэтому **цель** данной статьи состоит в выявлении путей формирования профессионально-творческих умений у будущего инженера.

Методолого-теоретической основой нашего исследования являются:

- основные положения методологии педагогического исследования (А.А. Орлов, В.И. Загвязинский, В.В. Краевский, В.С. Леднев, А.М. Новиков и др.) в части принципов изучения образовательного процесса вуза;
- теоретические основы подготовки специалистов в вузе (В.Г. Иванов, Ю.П. Похолков, А.А. Кайбияйнен, В.В. Кондратьев др.);
- идеи о развитии творческого потенциала личности с помощью акмеологического подхода (К.А. Абульханова-Славская, Р.З. Сабанчиева, Е.И. Осипов, К.К. Платонов, Л.А. Шиленко и др.);
- идеи развития инженерного творчества (А.И. Половинкин, Г.С. Альтшуллер, В.К. Маригодов, М.К. Тутушкина, А.А. Слободянюк и др.).

В результате анализа ФГОС ВО по направлению подготовки 11.03.01 - Радиотехника (профиль 11.05.01 - Радиоэлектронные системы и комплексы) и профессиональных стандартов и при учете требований работодателей следует подчеркнуть особую важность формирования профессионально-творческих умений у студентов для успешной инженерной деятельности [6; 8].

В последнее время стал рассматриваться акмеологический подход к проблеме подготовки специалистов. М.В. Колотилова и Е.А. Шмелёва ввели понятие «акмеологические технологии образования», считая их системным методом обучения будущих инженеров проектированию, созданию и проверке высокопроизводительных моделей систем деятельности. Акмеологический подход позволяет считать процесс формирования системой, имеющей свои структурные элементы.

Применение акмеологического подхода к формированию у студентов профессионально-творческих умений заключается в системном исследовании целостности субъекта, который поэтапно проходит степень своей зрелости с целью достижения основной цели своей профессиональной деятельности - профессионализма.

В результате использования акмеологического подхода в вузе формируется развивающая акмеологическая среда, ориентирующая будущего инженера на саморазвитие, творческую самореализацию и самосовершенствование. Развивающая акмеологическая среда вуза - это пространство, в котором создается комплекс благоприятных условий, нацеленных на обеспечение оптимальных параметров образовательной деятельности вуза в процессе формирования у студентов профессионально-творческих умений, то есть обеспечения целевого, содержательного, технологического и результативного аспектов.

Реализация поставленной задачи была связана с конструированием педагогической модели формирования у будущих инженеров профессионально-творческих умений в соответствии с теоретическими методами исследования и педагогическими условиями (см. рис.).

Разработанная нами модель формирования у будущих инженеров профессионально-творческих умений в образовательном процессе вуза становится универсальным средством в развитии компетентного инженера, поскольку она включает профессионально-творческие умения, выдвинутые к инженеру ФГОС ВО, профессиональным стандартом и рынком труда.

Акмеологическая среда: обеспечение образовательного процесса организационно-педагогическими условиями: учет региональных особенностей; обеспечение будущих инженеров комплексом лингвистических и профессиональных знаний посредством междисциплинарной интеграции и интеграции различных форм проведения занятий; практическая направленность процесса формирования профессионально-творческих умений у будущих инженеров к профессионально-ориентированному общению	Социальный заказ	Требования ВГОС ВО, профстандартов		Требования рынка труда	Целевой блок				
	Цель: формирование профессионально-творческих умений у будущего инженера								
	ЗАДАЧИ: 1) определить методы и формы для формирования профессионально-творческих умений у будущих инженеров; 2) сформировать осознание личной значимости овладения и установку на овладение профессионально-творческими умениями; 3) раскрыть содержание каждого умения как определенной совокупности действий и операций, его составляющих; 4) сформировать адекватную самооценку профессиональной деятельности у будущих инженеров, определить методы и формы для формирования профессионально-творческих умений у будущих инженеров								
	ПОДХОДЫ: акмеологический компетентностный		ПРИНЦИПЫ: верифицируемости, научности, вариативности, индивидуализации		Содержательный блок				
	Компоненты модели формирования профессионально-творческих умений у будущих инженеров								
	<table><tr><td>Мотивационный</td><td>Когнитивный</td><td>Действенный</td><td>Рефлексивный</td></tr></table>					Мотивационный	Когнитивный	Действенный	Рефлексивный
	Мотивационный	Когнитивный	Действенный	Рефлексивный					
	<table><tr><td>способность саморегуляции в достижении цели, мотивация к успеху, жизненная энергия, гармония, позитивное самовосприятие, мотивы общения</td><td>понимание обобщенных правил и актуализация теоретических знаний, логическое мышление, интеллектуальная лабильность, умение выделять абстрактные связи, способность генерации идей</td><td>опыт в общении, слаженность в общении, эмпатия, умение решать конфликты, межкультурные коммуникативные умения, общительность</td><td>ценностные ориентации, стремление к саморазвитию, наличие смысловых координат самовосприятия, самоэффективности и самореализации в профессиональной деятельности</td></tr></table>					способность саморегуляции в достижении цели, мотивация к успеху, жизненная энергия, гармония, позитивное самовосприятие, мотивы общения	понимание обобщенных правил и актуализация теоретических знаний, логическое мышление, интеллектуальная лабильность, умение выделять абстрактные связи, способность генерации идей	опыт в общении, слаженность в общении, эмпатия, умение решать конфликты, межкультурные коммуникативные умения, общительность	ценностные ориентации, стремление к саморазвитию, наличие смысловых координат самовосприятия, самоэффективности и самореализации в профессиональной деятельности
	способность саморегуляции в достижении цели, мотивация к успеху, жизненная энергия, гармония, позитивное самовосприятие, мотивы общения	понимание обобщенных правил и актуализация теоретических знаний, логическое мышление, интеллектуальная лабильность, умение выделять абстрактные связи, способность генерации идей	опыт в общении, слаженность в общении, эмпатия, умение решать конфликты, межкультурные коммуникативные умения, общительность	ценностные ориентации, стремление к саморазвитию, наличие смысловых координат самовосприятия, самоэффективности и самореализации в профессиональной деятельности					
	Методы и средства процесса формирования профессионально-творческих умений (модульная кластерная технология)								
Этапы: концептуализация, проектирование, конструирование, моделирование, параметризация, реализация, рефлексия									
Критерии сформированности профессионально-творческих умений				Контрольно-оценочный					
1) мотивационный - осознание личной значимости овладения и установка на овладение профессионально-творческими умениями; наличие мотивов профессионального общения; 2) когнитивный - понимание обобщенных правил и актуализация знаний, которые лежат в основе формируемых умений; раскрытие содержания каждого умения как определенной совокупности действий и операций, его составляющих; 3) действенный - умение организации практической деятельности с применением профессионально-творческих умений; 4) рефлексивный - наличие смысловых координат самовосприятия и самореализации в профессиональной деятельности; самооценка хода и результатов деятельности									
Уровни сформированности профессионально-творческих умений									
Низкий		Достаточный	Средний	Высокий	Результативный				
Ожидаемый результат: сформированные профессионально-творческие умения у будущих инженеров									

Рисунок. Педагогическая модель формирования профессионально-творческих умений у будущих инженеров в образовательном процессе вуза
Figure. Pedagogical model of professional and creative skills formation in future engineers during the educational process of the university

Источник: составлено автором на основании данных диссертационного исследования.
Source: compiled by the author on the basis of the dissertation research data.

Для эффективного формирования профессионально-творческих умений у будущих инженеров в образовательном процессе вуза нами используются следующие образовательные технологии: личностно-ориентированные (дифференцированные задачи и тесты); модульно-блочные (обучение на основе модульного подхода); интегральные (проблемный метод, моделирование ситуаций, связанных с профессиональной деятельностью, работа в парах и мини-группах - кластеры); проектные (презентации, выступления на научно-практических конференциях по теме исследовательской работы); «метод анализа реальных ситуаций (кейс-стади) (кейс - текст с вопросами для обсуждения; приложения с подборкой различной информации, передающей общий контекст кейса); языковой портфель, или портфолио» [4, с. 128].

В ходе формирования у будущих инженеров профессионально-творческих умений реализуется совместное принятие целей деятельности, обмен творческими идеями и ценностями. Обратные связи осуществляются в виде рефлексии, которые обеспечивают режим непрерывного саморазвития всех субъектов образовательного процесса.

Выводы. В разработке методологических основ данной работы мы учитывали то, что любое исследование основывается на ранее достигнутых результатах ученых и проводится в рамках определенного научного подхода с определенными принципами и методическими положениями.

Направленность будущих инженеров на профессионально-творческое саморазвитие и самореализацию является доминирующим показателем качества высшего образования, его целевыми ориентирами. Для успешной самореализации в профессиональной деятельности современному инженеру недостаточно быть технически грамотным; ему необходимо владение профессионально-творческими умениями.

Акмеологические технологии, направленные на формирование у студентов профессионально-творческих умений, развивают положительное отношение к будущей профессии и активизируют саморазвитие будущего специалиста. К таким технологиям относим мозговой штурм, научно-практические конференции, проекты, которые носят прикладной, междисциплинарный характер.

Реализация основных направлений по совершенствованию путей формирования у будущих инженеров профессионально-творческих умений в процессе профессиональной подготовки, разработанных на основе внедрения акмеологического аспекта, способствует непрерывному развитию как личностного, так и профессионального потенциала будущего инженера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Балынин И.В. Участие гражданского общества в реализации социальных функций государства // Научные записки молодых исследователей. - 2015. - № 3. - С. 24-29.
2. Деркач А.А., Зазыкин В.Г. Методы акмеологических исследований: Учебное пособие / А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин. - М.: Изд-во РАГС, 2010. - 166 с.
3. Краевский В.В. Педагогические аспекты диалога культур / Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачёвские чтения, 22-23 мая 2008 г. - СПб.: Изд-во СПб ГУП, 2008, - С. 404-406.
4. Кручина О.Н., Михайлова А.Г. Образовательные технологии в обучении иностранному языку будущих специалистов (на примере специальностей «Радиотехника» и «Судовождение»)

- ние») // Историческая и социально-образовательная мысль. - Краснодар, 2017. - Т.9. - № 3.- Часть 2. - С. 147-154. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-3/2-147-154
5. Михайлова А.Г. Духовно-нравственный компонент модели личности инженера в рамках компетентностного подхода // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Педагогика. - 2016. - № 1. - С. 127-134. DOI: 10.18384/2310-7219-2016-1-127-134
 6. Приказ Минобрнауки России от 11.08.2016 N 1031 (ред. от 13.07.2017) "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 11.05.01 Радиоэлектронные системы и комплексы (уровень специалитета)" (Зарегистрировано в Минюсте России 26.08.2016 N 43453) (дата обращения: 01.12.2017).
 7. Профессиональный стандарт «Инженер-радиоэлектронщик» / [Электронный ресурс] - http://www.enfuture.ru/professional_standarts (дата обращения: 20.07.2016).
 8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего (профессионального) образования по направлению подготовки 11.03.01 - Радиотехника (квалификация бакалавр), утвержденный Приказом Минобрнауки РФ от 22 декабря 2009 г. № 814. / [Электронный ресурс] - www.consultant.ru (дата обращения: 09.06.2016).

REFERENCES

1. Balynin I.V. Uchastie grazhdanskogo obschestva v realizatsii sotsialnykh funktsiy gosudarstva. [Participation of civil society in the implementation of social functions of the state] Scientific notes of young researchers. 2015. No. 3. P. 2429 (in Russ.).
2. Derkach A.A., Zazykin V.G. Metodyi akmeologicheskikh issledovaniy: uchebnoe posobie. [Methods of acmeologic research: textbook] M.: Publishing house rags, 2010. 166 p. (in Russ.).
3. Kraevskij V.V. [Pedagogical aspects of intercultural dialogue] Dialog kultur i partnerstvo tsivilizatsiy: VIII Mezhdunarodnyye Likhachevskiyechteniya. 22-23 maya 2008 g, SPb.: Publishing house of SPb GUP, 2008, pp. 404-406 (in Russ.).
4. Kruchina, O.N., Mikhailov A.G. [Educational technologies in foreign language teaching of future specialists (on the example of specialty "radio engineering" and "Navigation")] = Historical and Social-Educational Ideas, 2017. V. 9. № 3 Part 2. S. 147-154 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-3/2-147-154 (in Russ.).
5. Mikhaylova A.G. (2016) [Spiritual-moral component of personality of engineer within the framework of the competence approach] Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya Pedagogika [Bulletin of Moscow State Regional University. Pedagogy]. No. 1. 2016. Pp. 127-134 (in Russ.).
6. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 11.08.2016 N 1031(red. ot 13.07.2017) "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po special'nosti 11.05.01 Radioehlektronnye sistemy i komplekсы (uroven' specialiteta)" (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 26.08.2016 N 43453 [On approval of Federal state educational standard of higher education in the specialty 11.05.01 Radioelectronic systems and complexes (specialty)] (Registered in Ministry of justice of Russia 26.08.2016 N 43453)]. (in Russ.).
7. Professional'nyj standart «Inzhener-radioehlektronshchik [Professional standard "Engineer engineer"] [Available at: http://www.enfuture.ru/professional_standarts (date accessed: 20.07.2016) (in Russ.).
8. Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego (professional'nogo) obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 11.03.01 - Radiotekhnika (kvalifikatsiya Bakalavr), utverzhdenyy Prikazom Minobrnauki RF ot 22 dekabrya 2009 g. № 814. (2016) [Federal state educational standard of higher (professional) education in the direction of training 11.03.01 radio engineering (Bachelor qualification), approved by the Order Ministry of education and science of the Russian Federation dated 22 December 2009, No. 814] (2016) Available at: <http://fgosvo.ru/news/2/1054> (accessed 20 May 2017) (in Russ.).

Информация об авторе:

Михайлова Алла Григорьевна, старший преподаватель, кафедра романской и германской филологии, Севастопольский государственный университет
г. Севастополь, Россия
steba1971@mail.ru

Получена: 13.11.2017

Для цитирования: Михайлова А.Г. Пути формирования у будущих инженеров профессионально-творческих умений в вузе. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.202-208.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-202-208.

Information about the author:

Alla G. Mikhaylova, Senior Lecture, Roman and German Philology Department, Sevastopol State University
Sevastopol, Russia
steba1971@mail.ru

Received: 13.11.2017

For citation: Mikhaylova A.G. Ways of future engineers' professional and creative skills formation in the university. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part. 1. Pp. 202-208.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-202-208.
(in Russian)

УДК:378.2

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-209-214

ПЕТИН Данил Эдуардович
Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет)
г. Нижний Новгород, Россия
Ignat.kondrashov@yandex.ru

Daniel E. PETIN
Nizhny Novgorod State Pedagogical University
named after Kozma Minin (Minin University)
Nizhny Novgorod, Russia
Ignat.kondrashov@yandex.ru

ЭТАПЫ ПОСТРОЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МАРШРУТА СПОРТИВНОГО ТРЕНЕРА

STAGES OF CONSTRUCTION OF INDIVIDUAL EDUCATIONAL ROUTE OF A SPORTS COACH

В статье рассматриваются потребности спортивного тренера в самообразовании, которые осуществляются при помощи проектирования и реализации этапов индивидуальной образовательной траектории в системе дополнительного профессионального образования. В статье обсуждаются разработанные автором этапы и технологии реализации индивидуального образовательного маршрута спортивного тренера, а также устанавливается соответствие этих этапов актуализируемым педагогическим функциям. Выявленная проблема исследования подтверждается потребностями современного общества в спортивных педагогах-тренерах, которые занимаются неуклонным самообразованием с тем, чтобы иметь возможность осуществлять инновационную образовательную политику в сфере физической культуры (ФК). Эти требования заявлены в ФГОС нового поколения, в профессиональном стандарте «Педагог», а так же подтверждены в «Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года» [1]. Проблема оптимальной организации профессионального самообразования спортивного тренера изучалась многими учеными. Среди них А.Ю. Иванов, Н.А. Дмитриев, Ж.Н. Каменская, В.Л. Романов [11, с. 83; 6, с. 38; 12, с. 5; 14, с. 62]. Многие из них подчеркивали большое значение в процессе самообразования спортивного тренера системы дополнительного профессионального образования. Некоторые из указанных ученых также обращали свое внимание на потенциал индивидуальной траектории развития каждого спортивного тренера. Однако в работах этих и других ученых не приведена зависимость этапов и технологий профессионального саморазвития спортивного тренера в структуре его образовательной траектории. Рассмотрим это соотношение на примере системы дополнительного профессионального образования.

The article discusses the need sport coach at self-education that are implemented with the design and implementation of individual educational trajectory in the system of additional professional education. The article discusses the author developed the stages and technologies of realization of individual educational route of a sports coach, as well as establishes the correspondence of these stages, updated pedagogical features. The identified research problem is confirmed by the needs of modern companies in sports teachers, coaches who do a steady self-education in order to have the opportunity to implement innovative educational policies in the field of physical culture (PhC). These requirements are stated in the GEF new generation of the professional standard "Teacher", and confirmed "Strategy of development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period till 2020" [1]. The problem of optimal organization of professional self-education sports coach has been studied by many scientists. Among them: Ivanov A.Yu., Dmitriev N.A., Kamenskaya J.N., Romanov V.L. [11, p. 83; 6, p. 38; 12, p. 5; 14, p. 62]. Many of them stressed the importance in the process of self-education sports coach of the system of additional professional education. Some of these scholars also turned their attention to the potential of an individual trajectory of development of each sports coach. However, in the works of these and other scientists are not given the dependence of the stages and technology of professional self-development trainer in the structure of its educational path. Consider this ratio on the example of system of additional professional education.

Ключевые слова: индивидуальная образовательная траектория, педагог-тренер, профессиональное самообразование, самоактуализация, индивидуальный образовательный маршрут, дополнительное профессиональное образование, педагогические функции, двигательная деятельность, эскиз-проект, мастер-класс

Keywords: individual educational trajectory, teacher-trainer, vocational-education, self-actualization, individual educational route, secondary professional education, pedagogical functions, motor activity, sketch-project, master class

Цель статьи - определить этапы и технологии построения индивидуального образовательного маршрута педагога-тренера в условиях дополнительного профессионального образования.

В ходе исследования системы дополнительного профессионального образования педагога-тренера выявлены этапы его профессионального образования. Рассматривая их во взаимодействии и целостности процессов самообразования и дополнительного образования, авторы выявили необходимые технологии, реализация которых в образовательной траектории спортивного тренера повысит эффективность повышения квалификации таких специалистов.

Этап 1. *Самоактуализация спортивного тренера в отношении профессиональной позиции как педагога и образовательной позиции как обучающегося.*

Самоактуализация в педагогической деятельности - это расширенная субъектом индивидуальная возможность саморазвития, в которую входят: приверженность субъекта к спорту и тренерской деятельности, а также его профессиональные способности [13, с. 31]. Подлинная самоактуализация обуславливается благоприятными социальными и историческими условиями и может быть осуществлена при помощи технологии сравнительного эссе на тему «Я - педагог / Я - обучающийся». В этой работе тренерам по единоборствам необходимо было выявить свои сильные и слабые стороны посредством тестирования и самонаблюдения как студента и как преподавателя. Проведя корреляционный анализ, мы получили следующие результаты:

- большинство респондентов как педагогов можно отнести к типу предметников, которые и в профессии, и в самообразовании ориентированы на узкую специализацию. У них невысока потребность принимать участие в научно-исследовательской деятельности для повышения своего уровня теоретической подготовки, благодаря которой они могли бы быстро находить необходимые средства и методы выполнения всех профессиональных задач;

- респонденты в ролевой функции курсантов в системе повышения квалификации, как показал анализ, озабочены не столько содержательной стороной взаимодействия субъектов образовательного процесса, сколько тем, как он воспринимается окружающими. Анализируют сначала свои неудачи и только после этого свои достижения. Легко сглаживают эмоциональный план беседы благодаря своей коммуникабельности. Адекватно воспринимают критику наставников. Умеют прощать человеку неловкость и незначительные ошибки. Обладают толерантностью и стрессоустойчивостью, при возникновении нештатной ситуации сохраняют спокойствие, что, по-видимому, является следствием их профессионального и спортивного опыта.

Помимо сильных сторон, есть зоны, требующие улучшения. Так, спортивные тренеры болезненно реагируют на провоцирующее поведение со стороны других лиц, особенно воспитанников. Зачастую не успевают выполнить все поставленные задачи, так как стараются подойти к подготовке каждого урока творчески. С другой стороны, ряд тренеров предпочитает работать по классической схеме, не внося новшеств, в связи с чем успешность их деятельности снижается.

Проанализировав сильные и слабые стороны тренера как студента и педагога, можно сделать вывод, что большинство из них имеют значительный потенциал в обеих ипостасях, но в полной мере реализуют его немногие и только в профессиональной деятельности, но не в процессе профессионального самообразования.

Этап 2. *Составление эскиз-проекта решения профессиональных проблем или новых задач, в связи с чем им требуется дополнительное профессиональное образование.*

Эскиз-проект - это план, определяющий концепцию проекта или образовательного модуля. Эскизное проектирование - это фаза, в которой осуществляется разработка идеи последующей работы. Так, была составлена анкета на тему «Исследование необходимости и возможности внедрения рукопашного боя в образовательный процесс школы», с тем чтобы в ходе занятий с тренерами в системе дополнительного профессионального образования создать соответствующий эскиз-проект [5, с. 170]. Эта тема была взята в связи с наличием государственного проекта введения единоборств в программу по ФК в

общеобразовательной школе. Курсанты этим обстоятельством были озадачены и сами предложили аналогичную тему руководителям.

Предварительное исследование дало возможность заключить, что учебно-тренировочный процесс по единоборствам в школе, по мнению педагогов-тренеров - участников курсов повышения квалификации, логично было бы организовывать во внеурочное время. Положительным эффектом внедрения рукопашного боя в учебную деятельность является: укрепление здоровья школьников, воспитание коллективизма и развитие командного духа, популяризация рукопашного боя. Были также выявлены и недостатки этого государственного решения, среди которых недостаточная подготовка педагогов по ФК школ к такому введению. Данная информация была использована авторами для коррекции содержания образования педагогов-тренеров. По итогам проектирования тренеры осознали потребность в дополнительном профессиональном образовании и самообразовании. Определяя потенциал единоборств в отношении развития воспитанников, тренеры актуализировали развивающую функцию педагога.

Этап 3. *Разработка образовательной технологии решения задач, представленных в эскиз-проекте.*

На данном этапе была разработана технология практического занятия по освоению некоторых элементов рукопашного боя с учениками начальной школы. Цель данного занятия - способствовать повышению двигательной активности у детей. Среди его основных задач:

- сформировать интерес в овладении техники движений и рационального использования их;
- сформировать у школьников знания о двигательной деятельности;
- повысить мотивацию к занятию спортом и ведению здорового образа жизни.

Технология решения задач учебного занятия включает: целевое задание; мотивационную формулу, где было указано, какие умения приобретут учащиеся по окончании занятия; задачи и методы деятельности педагога; задачи и методы деятельности учеников; результаты решенных задач и критерии их оценки.

По окончании занятия у учеников были сформированы общие понятия двигательной деятельности в рукопашном бое. Сформированы знания правил и отдельных приемов рукопашного боя.

Эта работа актуализировала конструктивную функцию педагога-тренера и позволила ему осознать позитивный потенциал образования в овладении новыми способами профессиональной деятельности, в частности в отношении инновационных подходов к моделированию учебно-тренировочных занятий.

Этап 4. *Осознание своего потенциала по решению этих новых задач и проведение мастер-класса по технологии «Спортивной мастерской».*

На этом этапе рассматривается, в какой мере востребован в повседневной профессиональной деятельности спортивного тренера актуализированный им на предыдущих этапах образовательный потенциал.

Цель проведенного мастер-класса - создать условия для повышения интереса к здоровому образу жизни и спортивной деятельности. Были получены и оценены предметные, метапредметные и личностные результаты.

Дидактические задачи проведения мастер-класса:

- развить заинтересованность в изучении техники движений и осознанного отношении к ним;
- сформировать у учеников базовые знания о рукопашном бое;
- повысить интерес к занятию единоборствами;
- приобщить к ценностям здорового образа жизни.

Учебные задачи:

- освоение комбинаций и получение двигательного опыта;
- освоение терминологии;

- получение практических навыков нанесения ударов и бросков;
- формирование интереса к спортивной деятельности.

Результатом проведенного мастер-класса стали актуализация организационной и мобилизующей функций педагога и самоопределение в вопросах рукопашного боя.

Этап 5. Самоотчет.

Каждый педагог-тренер самостоятельно оценивает свои возможности и осуществляет самообразование одним или несколькими предложенными ему в системе дополнительного профессионального образования методами. Для этого надо провести беседу с тренером и осуществить индивидуальное проектирование образовательного маршрута, основанного на реализации субъективных потребностей самообразования. На этом этапе педагоги-тренеры составляли технологические карты своей дальнейшей профессиональной деятельности и указывали на них реперные точки, своего рода образовательные перекрестки, на которых им необходимо активизировать самообразование и обратиться к возможностям, предоставляемым системой дополнительного профессионального образования. Они предполагали проблемы, которые могут возникнуть на этой траектории, и формулировали их в форме образовательных кейсов, в которых представлено описание ситуации, вопросы к ней и возможные на данный момент ответы. Этот этап актуализирует гностическую функцию педагога-тренера.

Этап 6. Продвижение по образовательному маршруту с постоянной рефлексией деятельности.

На этом этапе, который осуществляется параллельно любым из указанных, в произвольно выбранные курсантами моменты они имеют возможность оценить как знаниевый, так и эмоциональный компоненты своей профессиональной подготовки, реализуя рефлексивную функцию педагога.

Вывод: в результате проведенного исследования была дана объективная характеристика индивидуальной образовательной траектории современного преподавателя физической культуры. Были определены следующие этапы повышения профессионального мастерства в структуре дополнительного профессионального образования в сфере ФК. Важными показателями стали:

- самоактуализация профессиональной позиции;
- составление эскиз-проекта решения профессиональных проблем;
- разработка и реализация образовательных технологий;
- осознание своего профессионального потенциала (зоны ближайшего профессионального развития);
- самоотчет;
- профессиональная и личностная рефлексия.

Выявление этапов и методов профессионального самообразования в системе дополнительного образования позволило дать объективную оценку профессиональному мастерству педагогов-тренеров и сформировать у них стремление к применению инновационных технологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. [Электронный ресурс] - <http://xn--80abucjiiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/543>
2. Агеева Л.Г. Социально-психологическая дезадаптация современных подростков и ее причины. - Ульяновск, 2010
3. Быстрицкая Е.В. Деятельность педагогического консультативного центра в условиях поликультурного образовательного пространства // Успехи современной науки. - 2015. - № 1. - С. 77-82.

4. Быстрицкая Е.В. Проективный подход к построению профессионально- педагогической компетентности специалиста в области физической культуры и спорта // Теория и практика физической культуры. - 2007. - № 11. - С. 50-55.
5. Быстрицкая Е.В. Введение в педагогическую деятельность в сфере физической культуры: Монография (Часть 1. Теоретические основы). - Н.Новгород: Изд-во НГПУ, 2011, - 170 с. Дмитриев Н.А. // В мире научных открытий. - 2010. - № 5-3. - С. 38-40.
6. Дмитриев С.В., Быстрицкая Е.В., Воронин Д.И. Трансверсальные программы для системы образования магистрантов в сфере физической культуры. Часть 1: Важен не обученный специалист, а развивающийся профессионал // Вестник Мининского та. - 2014. - № 4 (8). - С. 28.
7. Дмитриев С.В., Неверкович С.Д., Быстрицкая Е.В. Личностно ориентированная технология формирования продуктивного действия у спортсменов // Спортивный лог. - 2013. - № 1. - С. 10.
8. Дмитриев С.В., Неверкович С.Д., Быстрицкая Е.В. Образовательные технологии - от логики взаимодействия к логике сотворчества // Мир психологии. - 2011. - № 2. - С. 175-181.
9. Дмитриев С.В., Неверкович С.Д., Быстрицкая Е.В. Образовательные технологии - от логики взаимодействия к логике сотворчества // Спортивный психолог. - 2011. - № 2 (23). - С. 72-77
10. Иванов А.Ю. Ведущие идеи, подходы и механизмы разработки профессиональных стандартов педагогических работников: Сборник научных статей / Под науч. ред. В.А. Мелехина, С.И. Назаровой. - СПб., 2014. - С. 83-109.
11. Каменская Ж.Н. // Среднее профессиональное образование. - 2010. - № 7. - С. 5-7.
12. Неверкович С.Д. Педагогика физической культуры и спорта / Неверкович С.Д., Аронова Т.В., Баймурзин А.Р. ... ISBN 978-5-7695-6399-7. - 336 с.
13. Романов В.Л. // Право и управление. XXI век. - 2007. - № 2. - С. 62-66.

REFERENCES

1. Available at: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/543>
2. Ageeva L. G. Sotsial'no- psikhologicheskaya dezadaptatsiya sovremennykh podrostkov i ee prichiny. [Socio-psychological disadaptation of teenagers and its causes]. Ulyanovsk: 2010. (in Russ.).
3. Bystritskaya, E. V. Deyatel'nost' pedagogicheskogo konsul'tativnogo tsentra v usloviyakh polikul'turnogo obrazovatel'nogo prostranstva. Uspekhi sovremennoy nauki. [Activity of pedagogical counselling centres in the conditions of polycultural educational space. Successes of modern science]. 2015. No. 1. Pp. 77-82. (in Russ.).
4. Bystritskaya, E. V. Proektivnyy podkhod k postroeniyu professional'no- pedagogicheskoy kompetentnosti spetsialista v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta. Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury. [Projective approach to building professional-pedagogical competence of a specialist in the field of physical culture and sport. Theory and practice of physical culture]. 2007. No. 11. Pp. 50-55. (in Russ.).
5. Bystritskaya, E. V. Vvedenie v pedagogicheskuyu deyatel'nost' v sfere fizicheskoy kul'tury: Monografiya. Chast' 1 Teoreticheskie osnovy. [Introduction in pedagogical activity in the sphere of physical culture: Monograph. Part 1 Theoretical foundations]. Nizhniy Novgorod: Publishing house NGPU, 2011. P. 170 (in Russ.).
6. Dmitriev N. A. V mire nauchnykh otkrytiy. [In the world of scientific discoveries]. 2010. No. 5-3. Pp. 38-40. (in Russ.).
7. Dmitriev S. V. Bystritskaya E. V., Voronin D. I. Transversal'nye programmy dlya sistemy obrazovaniya magistrantov v sfere fizicheskoy kul'tury. chast' 1: vazhen ne obuchenny spetsialist, a razvivayushchiysya professional. Vestnik Mininskogo universiteta. [Transversal programme for education of undergraduates in the field of physical culture. part 1: not important, skilled, and the developing professional. Bulletin of Minin University]. 2014. No. 4 (8). P. 28. (in Russ.).
8. Dmitriev S. V., Neverkovich S. D., Bystritskaya, E. V. Lichnostno orientirovannaya tekhnologiya formirovaniya produktivnogo deystviya u sportsmenov. Sportivnyy psikholog. [Person-focused technology of formation of productive activity in athletes. Sports psychologist]. 2013. No. 1. P. 10. (in Russ.).

9. Dmitriev S. V., Neverkovich S. D., Bystritskaya, E. V. *Obrazovatel'nye tekhnologii - ot logiki vzaimodeystviya k logike sotvorchestva*. Mir psikhologii. [Educational technologies - from the logic of interaction to the logic of co-creation. World of psychology]. 2011. No. 2. Pp. 175-181. (in Russ.).
10. Dmitriev S. V., Neverkovich S. D., Bystritskaya, E. V. *Obrazovatel'nye tekhnologii - ot logiki vzaimodeystviya k logike sotvorchestva*. Sportivnyy psikholog. [Educational technologies - from the logic of interaction to the logics of co-authorship. Sports psychologist]. 2011. No. 2 (23). Pp. 72-77. (in Russ.).
11. Ivanov A. Yu. *Vedushchie idei, podkhody i mekhanizmy razrabotki professional'nykh standartov pedagogicheskikh rabotnikov*. [Leading ideas, approaches, and mechanisms of development of professional standards of pedagogical staff]. Sbornik nauchnykh statey. pod nauch. red. V. A. Mel'ekhina, S. I. Nazarovoy. [Collection of scientific articles. under the scientific. the editorship of V. A. Melekhina, S. I. Nazanova]. Saint Petersburg, 2014. Pp. 83-109. (in Russ.).
12. Kamenskaya Zh. *Srednee professional'noe obrazovanie*. [Vocational secondary education]. 2010. No. 7. Pp. 5-7. (in Russ.).
13. Neverkovich S. D. *Pedagogika fizicheskoy kul'tury i sporta*. [Pedagogics of physical culture and sports]. Neverkovich S. D., Aronova T. V., Baimurzin R. A. ... ISBN 978-5-7695-6399-7. 336 p. (in Russ.).
14. Romanov V. L. *Pravo i upravlenie. XXI vek*. [Right and management. XXI century]. 2007. No. 2. Pp. 62-66. (in Russ.).

Информация об авторе:

Петин Данил Эдуардович, аспирант, кафедра физической культуры, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет), г. Нижний Новгород, Россия
Ignat.kondrashov@yandex.ru

Получена: 11.08.2017

Для цитирования: Петин Д.Э. Этапы построения индивидуального образовательного маршрута спортивного тренера. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 4. Часть 2. с.209-214.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-209-214.

Information about the author:

Daniel E. Petin, Postgraduate Student, Department of Physical Education, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin (Minin University), Nizhny Novgorod, Russia
Ignat.kondrashov@yandex.ru

Received: 11.08.2017

For citation: Petin D.E. Stages of construction of individual educational route of a sports coach. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.4. Part. 2. Pp. 209-214.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-209-214. (in Russian)

УДК 37.025

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-215-226

ФЕДОСЕЕВА Ольга Юрьевна
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
г. Волгоград, Россия
fedoseeva.olga@bk.ru

Olga Y. FEDOSEEVA
Volgograd State Social and Pedagogical
University
Volgograd, Russia
fedoseeva.olga@bk.ru

**СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ
НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКОГО ОЦЕНИВАНИЯ В
МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ**

**SPECIFICITY FOR FORMING ACTIONS OF MORAL-
ETHICAL ESTIMATION IN THE YOUNG
SCHOOL AGE**

В данной статье рассматривается возможность и специфика формирования действий нравственно-этического оценивания в младшем школьном возрасте. Младший школьный возраст характеризуется восприимчивостью к внешним факторам, влиянию взрослых и сверстников и в то же время развитием морального сознания. Цель данной работы - раскрыть сущность и специфику формирования действий нравственно-этического оценивания в соответствии с теорией развития морального сознания с учетом способностей детей к моральному выбору, соблюдению моральных норм, самооценки и оценки; проанализировать состояние изучаемой проблемы и ее компонентов; выделить основные виды деятельности по данному направлению, обозначить критерии и уровни сформированности данных действий. Данная статья позволит практикующим педагогам учитывать психолого-педагогические особенности младших школьников при разработке и реализации программы формирования универсальных учебных действий и программы духовно-нравственного развития и воспитания детей.

This article examines the possibility and specificity of the formation of moral and ethical evaluation in the younger school age. The younger school age is characterized by susceptibility to external factors, the influence of adults and peers, and at the same time the development of moral consciousness. The purpose of this work is to reveal the essence and specificity of the formation of moral and ethical evaluation actions in accordance with the theory of the development of moral consciousness, taking into account the abilities of children to moral choice, observance of moral norms, self-esteem and evaluation; to analyze the state of the studied problem and its components; identify the main activities in this area, identify the criteria and levels of the formation of these actions. This article will allow practicing teachers to take into account the psychological and pedagogical features of junior schoolchildren in the development and implementation of the program for the formation of universal educational activities and the program of spiritual and moral development and upbringing of children.

Ключевые слова: школьник, моральные нормы, развитие, оценивание, моральный выбор, поступок, дилеммы, ситуации, педагог, деятельность, нравственно-этическое оценивание

Keywords: junior schoolboy, moral norms, moral development, evaluation, moral choice, act, dilemmas, situations, teacher, activity, moral and ethical evaluation

Анализ требований к результатам образования показал, что способность к нравственно-этическому оцениванию действий и поступков включены в планируемые результаты начального общего образования. В государственных образовательных стандартах (далее - ФГОС НОО) излагается требование к сформированности у четвероклассников следующих компетенций: осознание содержания компонентов поступка, в том числе моральных норм; развитие чувств, в том числе эмпатии и сопереживания. Таким образом, необходимо формирование и развитие моральных чувств, сознания, навыков сотрудничества на основе собственных позиций и убеждений, способности принимать решения и реализовывать действия, руководствуясь общепринятыми нормами, правилами и законами. Особое внимание уделяется развитию качеств личности и чувств, основанных на «самости» - самоконтроль, саморегуляция, самооценка, совесть, следовательно, развиваются способности к освоению собственных нравственных обязанностей, нравственно-этическая оценка, выражение позиции согласно принятым моральным нормам, осознанное и критическое мышление относительно мотивов и действий. В основе способностей и качеств лежит формирование социально одобряемой модели поведения, четкие представления об основных категориях морали, устойчивой нравственно-этической самооценки, самоуважения [1].

Развитие морального сознания изучалось такими выдающимися зарубежными психологами, как Л. Кольберг, Ж.Ж. Пиаже, Э. Туриель. Концепция Л. Кольберга представляет собой уровнево-стадиальную модель развития морального сознания. На первой стадии преконвенционального уровня следование нормам основывается на подчинении автори-

тарному мнению старших и чувству самосохранения. На второй стадии выполнение норм и правил реализуется на соблюдении собственных интересов и взаимовыгодных условий сотрудничества в организации равноценного обмена.

Конвенциональный уровень включает стадию взаимных ожиданий и межличностной комфортности, которая обосновывается запросами социума, склонностью соответствовать ожиданиям, сохранением доверия и уважения в группе, отношениями, построенными на взаимодействии, взаимоуважении и взаимопонимании. Фундаментом стадии социального закона и порядка является признание справедливости социально принятой системы норм, построенной на обязательном выполнении правил.

Постконвенциональный уровень морали включает стадию социального контракта на основе учета прав личности, существующих на признании необходимости общепринятых ценностей, и прав человека на жизнь и свободы, чтящиеся в любом обществе. Чувство ответственности является обязательным регулятором в различных конструктах взаимоотношений. Последняя - стадия универсальных этических принципов, выступающих в виде конституционных прав - равенство, уважение, достоинство, базирующихся на правовых и нравственных законах, моральных нормах. Несоответствие закона принципам позволяет индивиду преступить закон и действовать в соответствии со своими моральными воззрениями. Однако последняя стадия достигается лишь в немногих случаях, что поставило под вопрос признание ее нормативной [2].

Ж.Ж. Пиаже, выделяя стадии морального развития, установил соответствие морального сознания стадиям интеллектуального развития, связанное с развитием познавательной и личностной сферы человека. Изменение и развитие познавательных и интеллектуальных способностей детей, их опыта обеспечивает формирование личностных и психологических структур, в том числе способности к действиям нравственно-этического оценивания.

Стадии конкретных операций, приходящейся на период начальной школы, соответствует признание паритетности и взаимоуважения, правил и моральных договоренностей. На данном уровне моральные нормы носят обобщенный характер, но ребенок способен отмечать внутренние мотивы и побуждения других людей. Проявляется мнение о воздающей справедливости, паритетности и равноправии.

Необходимыми условиями становятся знания и представления о моральных нормах, минимальный опыт нравственно-этического оценивания, проекция знаний и опыта в новые ситуации, потребность в самооценке и оценке окружающими [5]. В младшем школьном возрасте ребенок осваивает способности к пониманию смыслового аспекта межличностных и общественных отношений и осознанному выполнению моральных и социальных норм [6].

Основной психологической возрастной особенностью младшего школьного возраста считается способность к усвоению нравственных правил и моральных норм. Следует учитывать восприимчивость в целом, в том числе к усвоению как положительного, так и негативного опыта поведения. В моральном сознании младшего школьника согласно теории Л. Кольберга преобладают императивные компоненты, которые обусловлены запросами, директивами и рекомендациями взрослых, следовательно, оценка событий и поступков часто имеет ситуативный характер, требующей контроля авторитетного взрослого [5]. Е.А. Курганова считает, что существует проблема выделения и дифференциации нормативного содержания социальной нормы в младшем школьном возрасте. Ребенок, становясь субъектом саморегуляции, способен разделять содержание конвенциональных и моральных норм [7]. Постигание действий согласно моральным нормам подлинно при условии понимания личностного смысла и значения. Вместе с примерами, средствами постижения окружающей реальности, овладением методами познания, эталонами взглядов к ним формируются и нравственно-этические оценки - положительные, отрицательные и нейтральные [6]. В младшем школьном возрасте ребенок ориентирован на конвенциональные нормы, обуславливающие штампы поведения в коллективах. От конвенциональных норм младший школьник переходит к отождествлению с моральными нормами, после, в подростковом возрасте, переходит к ранжированию норм в сторону прерогативы моральных. Условиями выделения морального содержания ситуации, действий и поступков является формирование и развитие эмпатии, обеспечивающей соразмерное осмысление чувств участников ситуации и специфик их взаимоотношений, а также децентрации, позволяющей ребенку коррелировать и координировать собственную

точку зрения во взаимодействии, обеспечив выделение нравственного содержания [8]. Через эмпатию формируется произвольная нравственная мотивация [9]. Нормы являются регулятором нравственных взаимоотношений и базисом нравственно-этической оценки поступков. Моральные нормы являются обязательными в исполнении каждым членом общества. Конвенциональные нормы являются социальными шаблонами поведения, регламентируют сценарий ситуаций во всех сферах жизнедеятельности человека, включающих правила образовательных организаций, взаимодействия людей, требования к соблюдению этикета. Персональные (личные, индивидуальные) нормы основываются на субъективных предпочтениях и приоритетах личности в организации собственной жизнедеятельности.

Согласно теории Э. Туриеля, ребенок не иерархизирует моральные, конвенциональные и персональные нормы поведения. В младшем школьном возрасте, признавая необходимость выполнения всех указанных типов норм, дети ранжируют нормативные требования и моральные нормы. Повседневное выполнение ребенком школьных обязательств создает благоприятнейшие условия для углубления его морального сознания и чувств. В новых обстоятельствах мотивация становится произвольной, социально направленной, но даже высокой степени нравственного развития младшего школьника присущи свои возрастные ограничения в виде неспособности к выработке устойчивых личных убеждений. Усваивая нравственное требование, младший школьник все еще доверяется мнению авторитетных взрослых [10].

Действия ребенка, имеющего уровень морального развития согласно возрасту, характеризуются свободой выбора и правом на ошибку. В сложных ситуациях ребенок может принимать неверные решения, которые имеют не только негативный результат, но и на основе анализа формируют самостоятельность и ответственность за принятые решения и совершенные действия. В данной ситуации педагог обязан дать четкое разъяснение и инструкции к дальнейшим действиям и не допустить повторения ошибочных решений путем опоры на интеллект ребенка и научения его принимать аргументированные и ответственные решения в трудных ситуациях.

Моральный выбор является основным конструктором и средством формирования действий нравственно-этического оценивания и имеет собственную структуру и функции. Как средство оптимально реализуется в процессе разрешения противоречия в ситуациях [11].

В младшем школьном возрасте моральные воззрения большинства детей ко второму классу типичны для конвенционального уровня. Основным принципом построения моральных воззрений и суждений является принцип ответной справедливости. Дети в этом периоде морального развития уже менее эгоцентричны, способны представить мысли и чувства других людей, могут осмысливать мотивы и побуждения собственных поступков, так как овладевают способностью к умозаключению [12]. На момент поступления в начальную школу ребенок усваивает три вида моральных норм: справедливого распределения, взаимопомощи и правдивости. В переходный период большое внимание уделяется смещению в сторону альтруизма и формированию способности к децентрации, умению анализировать ситуацию с точки зрения других участников. Развитие этой способности позволяет участникам дилеммы ориентироваться на ее условия и возможные последствия, использовать критерии анализа действия и выделить моральные нормы, которые соблюдаются или нарушаются. Реализация нормы справедливого распределения, в основе которой щедрость, бескорыстие, доброта, обеспечивается с помощью способности к децентрации. Норма взаимопомощи основывается на сопереживании одного человека чувствам, чаще всего трудностям и переживаниям, другого. Основой нормы взаимопомощи являются гуманность, сочувствие и забота. Развитие общения со сверстниками в контексте взаимодействия является значимым фактором выделения ребенком нормы взаимопомощи, позволяющим позитивно выстраивать и сохранять межличностные отношения. Норма правдивости связана со своим антиподом - несоблюдением этой нормы, предполагающим наличие неправды или обмана, возможных в случае, если лгущий понимает, что он лжет, и различает реальную и предлагаемую ситуации. Субъект обмана способен к выделению двух позиций - реальной и воображаемой, что является проявлением децентрации. Показателями нормы правдивости могут быть честность, искренность, верность своему слову.

Роль эмоций и нравственных чувств подчеркивалась разными исследователями возрастной психологии и теории воспитания. Выделяются собственно моральные эмоции и чувства - симпатия, эмпатия, гордость, чувство вины, стыд. Проблема освоения образцов социально одобряемого поведения изучалась Д.Б. Элькониным. Ученый отмечает, что развитие моральной сферы ребенка связано с проявлением умения соподчинения образцового поведения и мотивов под влиянием оценки взрослого.

По мере взросления возрастает роль сверстника в условиях образовательной деятельности в младшем школьном возрасте. Изначально сверстник выступает в роли человека, действия которого контролируются в соответствии с некоторым образцом, то есть познание нормы и правил поведения происходит через приложение нормы к другому. Далее контроль делегируется на себя, и ребенок моделирует собственное поведение. Действия сверстника выступают в качестве шаблона сопоставления со своими действиями. В младшем школьном возрасте роль взрослого состоит в трансляции образцов и ориентиров морального поведения, инспектирование их выполнения. Присвоение моральных норм реализуется на их нравственном содержании, в отношениях со сверстниками и взрослыми, в практике взаимодействия и сотрудничества. Большую роль играет познавательная активность, развитая мотивационная структура личности, индивидуальные особенности развития ребенка, семейный уклад и сотрудничество с другими людьми. Появление первичного соподчинения мотивов и развитие мотивационной сферы позволяют младшему школьнику анализировать и оценивать ситуации с учетом своих мотивов и потребностей. Следует отметить наличие феномена одновременности морального развития, выражающегося в отсутствии константности в соблюдении одних и тех же моральных норм в разных ситуациях, изменении критериев и показателей оценки в зависимости от ситуации; выделении и соблюдении различных моральных норм одним и тем же субъектом нравственно-этического оценивания; соблюдении норм в зависимости от контекста взаимодействия. Учебно-воспитательный процесс предполагает постоянное сотрудничество со сверстниками, иногда с нежелательными окружающими людьми, что в некоторых ситуациях приводит к возникновению моральных дилемм. Разнообразие социальных контактов и взаимодействий создают объективную необходимость социальной и нравственной децентрации у ребенка.

О.В. Панфилова определила причины несоответствия представлений о нравственных образцах, к которым по необходимости должен адаптироваться ребенок младшего школьного возраста: использование сложившихся условий и обстоятельств в личных целях; отсутствие интереса, желания, намерений для осуществления морального выбора и реализации нравственного поступка; влияние внешних факторов на внутреннее состояние участника ситуации; неадекватное состояние человеческого организма; бессознательное действие; недостаточный уровень этических знаний, опыта нравственного поведения [13].

Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, В.С. Мухина, Е.В. Субботский отмечают: в младшем школьном возрасте начинает формироваться нравственная саморегуляция, связанная с личными мотивами его поведения, позволяющая осуществлять моральный выбор. На основе овладения нравственными понятиями, развития произвольности всех психических процессов осуществляется интенсивное формирование нравственной сферы, нравственных качеств, которые, закрепляясь в опыте ребенка, обуславливают его действия, поступки и отношения.

Моральное развитие личности младшего школьника предполагает: самоосознание себя; развитие личностных механизмов поведения; развитие нравственных представлений, понятий и на их основе нравственно-этической оценки; возникновение новых мотивов действий и поступков. Перечисленное связано с общим процессом социального и психического развития ребенка, становлением целостной личности, где развитие морального сознания есть процесс приобретения ребенком нравственного опыта через освоение заданных обществом нравственных эталонов, развиваемых на основе базисных этических категорий и моральных норм [15].

В данном возрасте формируются умения анализировать, сопоставлять, синтезировать, вычленять лишнее и оценивать, устанавливать причинно-следственные связи, рассчитывать свои действия, выражать личную инициативу и понимать ее следствия. Образование как новый вид ведущей деятельности предполагает ситуации социально-нормированного оценивания, включающие действия анализа, рефлексии и контроля. К

психическим новообразованиям относятся внутренняя позиция школьника, интеллектуализация аффекта в качестве обобщения переживания в виде утраты непосредственности. Следствием самоосознания и обобщения переживаний являются: высокий уровень взыскательности, проявление эгоцентризма, переживание результатов поступков, успеха или неудач, потребность оценивать свои действия и поведение, отношение к себе, окружающим людям. Перечисленное оказывает влияние на осознанный выбор альтернатив решений и результатов поступков и интеллектуализация произвольности психических процессов: умения анализировать и контролировать свои действия, осмысливать потребности в системе принятых моральных норм, предвосхищать возможные последствия совершаемых действий и поступков. Рефлексия становится условием и показателем становления дифференцированной, адекватной и устойчивой самооценки. Критичность постепенно усиливается при оценке в прошлом (ретроспективная самооценка) и в будущем (прогностическая самооценка). Рефлексивно-критический характер самооценки усиливает ее регулятивные функции. Например, следствием развития способности к рефлексии в младшем школьном возрасте является переход от конкретно-ситуативной самооценки (оценки своих действий, поступков) к более обобщенной. Обобщенная самооценка предполагает наличие способности оценивать себя, свои качества и действия и сливать их с эталоном поведения. Произвольность обеспечивает формирование умения соподчинять свое поведение правилам и нормам, сверять действия с образцом, с системой условий, изменять действия в заданных условиях. Под воздействием моральных норм и образцов траекторий поведения школьник поступает выбранным образом к осознанным результатам своей образовательной деятельности, к самому себе как личности. Произвольность позволяет отказаться от действий, приводящих к негативным оценкам или к собственной неудовлетворенности их последствий. Способность осуществлять самоконтроль и самооценку лежит в основе формирования уровня адекватности самооценки, показателем которой служит самооценивание и взаимное оценивание в процессе обучения, поскольку проводится сравнительный анализ своих достижений и деятельности с аналогичными характеристиками других учеников. Ситуация оценивания способствует формированию у обучающихся умения понимать и учитывать позицию другого при самооценке, выработке представлений о личностных качествах и их характеристиках, расширению эмоционального опыта, развитию осознанности чувств. Под самооценкой младших школьников понимается интегральное качество личности, проявляющееся в потребности и способности производить самооценку и самоанализ знаний и компетенций, деятельности и ее результатов, личностные качества, что и становится основой для организации саморазвития и самовоспитания, а также саморегуляции поведения в соответствии с моральными нормами [16].

В младшем школьном возрасте ориентация на моральные нормы различается в зависимости от контекста общения и взаимодействия. В общении со сверстниками чаще выделяют моральные нормы, чем при общении со взрослыми. Моральное поведение, как вербальное в виде суждения о поступках других людей, героев произведений, так и реальное, осуществляется в отношении взрослого и сверстника по-разному, отражая динамику морального развития. На первом этапе моральная норма выступает в форме «про-социального» поведения как имитирование поведения взрослого, ориентированное на выполнение требований общества. Следующим этап - формирование собственно нравственного поведения, сориентированного на других людей, их ценности и смыслы на основе актуальных результатов практики сотрудничества. В общении со взрослыми ребенок часто демонстрирует ожидаемое от него социально одобряемое поведение, тогда как во взаимоотношениях со сверстниками ребенок следует именно интериоризированным нормам и получает «обратную связь» в реальных партнерских отношениях. Е.А. Курганова провела детальный эксперимент на определение морального содержания ситуации, получив результаты, подтверждающие о преимущественном понимании ситуации младшими школьниками на уровне конвенциональных норм. Лишь незначительная часть детей успешно выделяют моральные нормы, 50% испытуемых не дифференцируют нормативное содержание жизненных ситуаций, безоценочно давая описательную характеристику действиям [7].

Анализ исследований позволил сделать вывод о факторах, способствующих формированию действий нравственно-этического оценивания младшего школьника: переход от фрагментарного эмпирического познания окружающей действительности к изучению

целостной картины мира; учебная деятельность предполагает взаимодействие и сотрудничество, способствующие принятию и усвоению моральных норм, являющихся регулятором взаимоотношения; содержание гуманитарных дисциплин и специально разработанное содержание дисциплин естественно-математического цикла позволяет оптимизировать работу по формированию действий нравственно-этического оценивания.

Итак, в когнитивной сфере происходит овладение обобщенными, осознанными знаниями о моральных нормах, освоение амбивалентного пространства между нравственными образцами. Происходит осознание и интериоризация многомерности морального пространства отношений и построение иерархии ценностей, понимание критериев и оснований нравственно-этических оценок. Моральное сознание выходит на уровень ориентации на общественные образцы и социально значимое поведение. Обоснование морального выбора строится не только на послушании, но и на правилах взаимодействия, сотрудничества, взаимодействия, в некоторых случаях на индивидуальной ответственности, внутреннем моральном выборе.

В эмоциональной сфере развитие моральных чувств и переживаний происходит средствами развития общения со сверстниками. Формируются и развиваются чувство вины за нарушение обязательств по отношению к другу, преданность дружеским связям, способность к эмпатии. Происходит разделение стыда как переживания ответственности перед другими и чувства вины как ориентации на внутренние моральные нормы, осмысленные ребенком и принятые. Различаются чувства и желания других людей, формируется способность учитывать эти чувства в построении модели поведения. Необходимым условием становления совести как присвоения представлений об основных категориях этики, то есть переход их из отвлеченных категорий в личностные переживания, отражающий собственный опыт столкновения с моральным выбором и наделения окружающей реальности смыслами в категориях добра или зла. Совесть становится интериоризованным, внутренним переживанием добра как критерия ценности субъектного и объектного окружения. В поведении моральное развитие младшего школьника выходит на новый уровень регуляции благодаря пониманию побуждений и мотивов, расширению границ полярного межличностного взаимодействия - способность устанавливать особые близкие доверительные отношения и направленность на ограничение вмешательства в личное пространство.

Исходя из вышесказанного, определим критерии и уровни сформированности действий нравственно-этического оценивания. Ими могут быть: структура и развитость морального сознания; степень присвоения моральных норм; ориентация обучающихся на моральное содержание ситуации и действия, моральной дилеммы, требующей осуществления морального выбора [1].

Здесь следует учитывать теорию нравственного воспитания и формирования личностных универсальных действий. В основе критериального и уровня описания будем использовать модель О.Ю. Федосеевой. Когнитивный критерий характеризуется такими показателями, как полнота и объем знаний и представлений о моральных нормах, социальной справедливости, свободе и ответственности. Показателями эмоционального критерия являются: степень развития эмоционального отношения к моральным нормам, способность к рефлексии, способность к интерпретации понятий, развитие этических чувств, доброжелательности, эмоционально-нравственной отзывчивости, понимания и сопереживания другим людям. Поведенческий критерий характеризуется: наличием практического опыта следования принятым моральным нормам в поведении; способностью осознавать мотивы поступка, способностью оценивать поведение свое и окружающих с позиции следования моральным нормам, наличием собственных оценочных суждений; сформированностью способности коммуникации на основе социальных норм, способностью к моральному выбору, принятию ответственности за выбор и его последствия [17].

Высокий уровень сформированности действий нравственно-этического оценивания по когнитивному критерию определяется достаточным количеством знаний о моральных нормах поведения, наличием представлений и стремлением к сопереживанию, совестливости, ориентацией на справедливость принятых решений и действий других к несправедливости, пониманием важности познания, обязанностей собственных социальных ролей и модели поведения. Об уровне наличия знаний моральных норм можно судить по следующим высказываниям детей: «Если на пути стоит одноклассник, то я про-

сто обойду, не потревожив его». Сопереживание и равнодушие дети проявляют и к незнакомым, и знакомым людям: «Позвоню в скорую помощь и позову прохожих, если увижу, что кому-то на улице стало плохо. Даже если опаздываю в школу» или «Предложу свою помощь пожилым соседям». Отличаются наличием высокого уровня познавательной активности, добросовестностью и ответственностью, в большинстве случаев проявляют уважение к старшим, членам семьи, положительно отзываются о домашнем уюте, отношениях в семье, считая образцом семейного уклада [17].

Средний уровень сформированности действий нравственно-этического оценивания по когнитивному критерию определяется неполным объемом представлений о моральных нормах и правилах поведения с учетом возрастных особенностей, удовлетворительным уровнем представлений о сопереживании, сострадании, сорадости: «Если на пути будет стоять одноклассник, то я не знаю, обойду я его или оттолкну. Смотря какое будет настроение». Посещение школы мотивировано желанием общаться с друзьями и личными интересами; не выделяется стремление к образованию и познавательной активности. Большинство детей, имеющих данный уровень, отмечают доброжелательную и комфортную атмосферу в семье, основанную на взаимопонимании и взаимопомощи.

Низкий уровень сформированности действий нравственно-этического оценивания по когнитивному критерию определяется недостаточным объемом знаний о моральных нормах, нормах поведения в обществе, в общении, несформированностью нравственной позиции. Некоторые дети не знают, что в конфликтных ситуациях необходимо придерживаться тех же моральных норм, что и в повседневной жизни: «Если меня оскорбляют, то я отвечу тем же». Чувство сорадости отсутствует, дети равнодушны к успехам других: «Я ничего не чувствую, когда кого-то хвалят. Мне все равно». Дети имеют низкую школьную мотивацию, неохотно посещают занятия, испытывают затруднения в учебной деятельности; в семье чувствуют себя некомфортно, неохотно участвуют в семейных делах [17].

При планировании процесса формирования действий нравственно-этического оценивания необходимо учитывать, что более чем в 38% случаев у младших школьников имеется узкое представление о нормах, интериоризация и следование которым происходят в учебно-воспитательном процессе и семейных отношениях. Положительные качества личности отождествляются с конкретной личностью, младшие школьники не способны дать сущностные характеристики добра, зла, справедливости.

Сформированность действий нравственно-этического оценивания младших школьников по эмоциональному критерию представляется так. Высокий уровень сформированности действий по эмоциональному критерию определяется умением младшего школьника обосновывать свой выбор, называя моральные нормы, реагировать негативными эмоциями на факт несправедливости и стремиться решить конфликт: «Когда в моем присутствии обижают человека, то я за него заступаюсь». Младшие школьники отличаются оптимистическим отношением к жизни, стремлением к достижению цели, коллективистическим и альтруистическим отношением к людям, значимостью дружбы, учебы и труда: «Не люблю людей, которые не уважают окружающую природу». Ценностное отношение к труду и познанию отражается в размышлениях детей: «Моей самой большой ошибкой я считаю лень. Наилучших успехов я достигаю, когда стараюсь. Я хотел бы быть похожим на тех, кто умнее и чем-то лучше меня» [17].

Средний уровень сформированности действий определяется умением младшего школьника обосновывать свой выбор действия, ссылаясь на нравственные правила, эмоциональной отзывчивостью на негативные или положительные явления или действия, но эмоциональные реакции выражены слабо. Дети негативно относятся ко лжи, но свою ложь не считают недостатком («Не люблю людей, которые лгут. Но если неправда становится единственным средством сохранения хорошего отношения ко мне, то я говорю неправду»), то есть способны к децентрации мотивов и последствий. Дети способны к осуществлению нравственных поступков, если моральный выбор не обременен последствиями, чувствами вины и совести. Младшие школьники характеризуются паритетным отношением к людям, значимостью соблюдения законов дружбы, а также значимостью материального благополучия [17].

Низкий уровень сформированности действий по эмоциональному критерию определяется неумением обосновать собственные действия, явления и поступки других, не проявляется положительной или негативной эмоциональной реакции, чаще равнодушие.

Чувства совести, долженствования и вины проявляются в крайних случаях. По отношению к нормативности поведения и окружающему миру отличаются пессимизмом, недоверием, обладают индивидуалистическим отношением к людям. Не придают значимости учению, труду, соблюдению правил: «Выбирая между интересным, но необязательным и необходимым и скучным, я обычно ничего не делаю» [17].

Сформированность действий нравственно-этического оценивания младших школьников по поведенческому критерию такова. Высокий уровень сформированности действий по поведенческому критерию характеризуется ориентацией и следованию социальным и моральным нормам (оказание помощи, активная сознательная деятельность). Дети в жизненных ситуациях ориентируются на нормы взаимопомощи и идеи справедливости с учетом обстоятельств. В ситуации необходимого сотрудничества младшие школьники проявляют положительно эмоциональное отношение во взаимодействии, осуществляют взаимный контроль, взаимопомощь и проявляют интерес к результату совместного труда. Способны к совершению альтруистических поступков с осознанием ответственности и последствий, совершая моральный выбор и учитывая мотивы.

Средний уровень сформированности действий нравственно-этического оценивания по поведенческому критерию определяется неопределенностью в ориентации на моральные нормы. В жизненных ситуациях дети ориентированы на нормы справедливого распределения с принципом эквивалентности. В ситуации необходимого сотрудничества они проявляют умение договариваться, приходить к общему мнению, но эмоциональное отношение к совместной деятельности нейтральное (взаимодействуют друг с другом по необходимости). Поступки совершаются в условиях удовлетворения собственных интересов.

Низкий уровень сформированности действий по поведенческому критерию характеризуется отрицанием или пренебрежением к соблюдению моральных или социальных норм, отсутствием чувства ответственности и стыда. В жизненных ситуациях ориентированы только на норму взаимного распределения без учета обстоятельств ситуации и намерений участников. В ситуации необходимого сотрудничества обучающиеся проявляют отрицательное эмоциональное отношение, не способны или негативно относятся к совместной деятельности (игнорируют друг друга, ссорятся), иногда не приходят к общему решению, не способны аргументировать собственное мнение [17].

На основании выделенных критериев следует выделить уровни сформированности действий нравственно-этического оценивания. Для низкого уровня характерны следующие показатели: несформированность понятий о моральных нормах, неустойчивое, импульсивное поведение; несоответствие представлений о нравственных и волевых качествах возрасту; отсутствие ответственности, умения устанавливать причинно-следственные связи; неадекватные эмоциональные реакции; отсутствие способности к интерпретации высказываний; отсутствие ориентации на моральные нормы; низкий уровень освоения операции справедливого распределения, осознания нормы, моральных суждений; неумение выделить мотив, обстоятельства и объективные последствия поступка; отсутствие навыков совместного сотрудничества. Отсутствие мотивации к моральному выбору и совершению поступка [17].

Для удовлетворительного (среднего) уровня характерны: неточность в определении содержания положительных и отрицательных качеств личности; нестабильность нравственной мотивации; адекватные, но слабо выраженные эмоциональные реакции; нечеткость рефлексивной самооценки деятельности; стремление за последствиями увидеть мотивы поступка; нечеткая ориентация в моральных и социальных нормах; неполноценное освоение нормы справедливого распределения, осознания норм и моральных суждений; неточность выделения мотива, обстоятельств и объективных последствий поступка; ориентация на коммуникацию в общем деле [17].

Высокий уровень характеризуется устойчивой ориентацией на социально одобряемое поведение; сформированностью представлений о моральных нормах согласно младшему школьному возрасту, сформированность нравственной мотивации; адекватные эмоционально яркие эмоции; адекватность рефлексивной самооценки деятельности; ориентация на мотивы, чувства и переживание других людей; ориентация на обстоятельства и объективные последствия поступка; активная позиция и стремление к продуктивному сотрудничеству.

В этой связи определяются следующие виды деятельности и взаимодействия младших школьников: обретение и осознание моральных норм; активное участие и организация мероприятий, способствующих формированию норм нравственного поведения, приобретению опыта межличностного взаимодействия в коллективах на основе взаимопонимания; дифференциация положительных и негативных поступков. Данные виды практики предполагают целенаправленную и педагогически организованную деятельность педагогов с использованием различных средств и методов проектирования образовательно-воспитательного процесса с учетом психолого-возрастных особенностей детей, их социального статуса.

Актуализируется введение вида практики педагога - создание условий для формирования у младших школьников умения осуществлять действия объективного нравственно-этического оценивания и самооценивания в ситуации морального выбора. Анализ и оценка доводов, действий и поступков необходимо организовывать в процессе дискуссии классным коллективом (группой) и принятия решения, результатом которого становится самооценка; в процессе решения моральной дилеммы в знакомой ситуации и по аналогии в новой ситуации, требующей анализа и морального выбора; от использования шаблонов нравственно верного решения взрослого до самостоятельного вывода; от оценивания в предлагаемых нравственно-этических ситуациях до самооценки собственных поступков с учетом личностно освоенных моральных норм. В результате расширяется утилитарный опыт поведения с учетом моральных норм и требований социума.

Если ребенок совершает поступок из потребности в самоутверждении, то необходимо дать нравственно-этическую оценку этому поступку. Видя положительную реакцию, ребенок переживает соответствующие чувства. В результате повторения таких ситуаций произойдет сдвиг мотива от преследования личных интересов к улучшению благополучия других людей [9].

При проектировании ситуаций педагогу необходимо оценивать их с позиций результативности для формирования умения осуществлять выбор в ситуации. Качественно подготовленная ситуация предоставляет ребенку возможность изъяснить свое ценностное убеждение, привести обоснования своей оценки события или моральный выбор (О.Б. Логинова). Существует ряд условий при моделировании и проектировании ситуаций: сюжет ситуации должен соответствовать возможностям восприятия младших школьников, соответствовать реальной жизни; содержание ситуации - нравственная проблема, требующая решения; наличие альтернатив решения. Умение доказывать свой выбор является показателем развития морального сознания. Доведенный до автоматизма когнитивный и эмоциональный опыт решения моральных дилемм создает предпосылки для дальнейшего морального развития [2].

Действия нравственно-этического оценивания, как и моральное развитие, исследуется в двух типах ситуаций - в предположительной вербальной ситуации (ребенок рассказывает о собственных действиях в ситуации моральной дилеммы) и в действительной ситуации (моделируются условия, требующие осуществления морального выбора). В последней ребенок первоочередно выделяет моральное содержание, осознает моральную дилемму и только затем осуществляет моральный выбор [14].

Учителю необходимо мотивировать детей к детальному анализу ситуации, способствовать в выборе оценки. По мере того, как опыт взаимодействия детей обогащается знанием моральных норм и представлений, развивается способность совершенствовать свое поведение, способность принятия альтернативных решений. Процедура последнего многоэтапная, что усложняет постижение процедур решения задач, совершенствующаяся на протяжении школьного обучения. В младшем школьном возрасте осваиваются основы реализации морального выбора или совершенствование своих поступков. Моральный выбор по структурным характеристикам аналогичен поступку и включает в себя следующие конструкты: побуждение, потребность, ценностная ориентация, норма, анализ ситуации, принятое решение, план действий, действие и соответствующие этим действиям результаты. Механизм морального выбора четко соответствует последовательности пе-

речисленных компонентов, по крайней мере, эту последовательность желательно соблюдать в процессе формирования действий нравственно-этического оценивания.

Необходимость мониторинга и диагностирования обусловлена задачей моделирования и обоснования, а также корреляцией процесса формирования действий нравственно-этического оценивания у младших школьников. Изучение сформированности действий дает возможность: определить содержание деятельности педагога; развивать чувства младших школьников, обогащать их внутренний мир; способствовать переживанию нравственно верного опыта поведения и взаимоотношений; развивать способность к моральному выбору и осознанию его последствий и результатов; предупреждать и корректировать неверно принятые решения; стимулировать интерес к познанию и создавать условия для выражения положительных эмоций и отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Асмолов А.Г. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли. - М.: Просвещение, 2008. - 151 с.
2. Молчанов С.В. Условия и факторы решения моральных дилемм в подростковом возрасте // Национальный психологический журнал. - 2014. - № 4 (16). - С. 42-51.
3. Назарова Н.М., Фурьева Т.В. Особенности оценки и самооценки интеллектуального потенциала учащихся // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. - М.: Моск. гор. пед. ун-т, 2010. - № 2. - С. 101-114.
4. Ульянова Е.Ю., Щеголева Г.С. Формирование оценочных умений младших школьников в процессе работы над сочинениями и изложениями // Герценовские чтения. Начальное образование. - СПб.: Изд-во ВВМ, 2011. - Том 2. - Вып. 2. - С. 336-346.
5. Калинина Л.В. Решение нравственно-ориентированных проектных задач в современном образовательном процессе начальной школы / Л.В. Калинина // Начальная ла. - 2015. - № 5. - С. 27-30.
6. Галанина В.В. Эмоционально-смысловые аспекты выполнения нормы взаимопомощи в младшем школьном возрасте / В.В. Галанина // Дис. ... канд. псих. наук. 19.00.13. - М. - 2003. - 198 с.
7. Курганова Н.Е. Проблема морально-нравственного становления личности в современных исследованиях / Е.А. Курганова // Научное и образовательное пространство: перспективы развития: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 24 апр. 2016 г.) / редкол. О.Н. Широков [и др.]. - Чебоксары: Интерактив плюс, 2016. - С. 212-216.
8. Боликова Л.Ю. Формирование духовно-нравственных установок у младших школьников / Л.Ю. Боликова, Ю.А. Сильнова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. - 2015. - № 2 (34). - С. 121-126.
9. Трофимова Н.М. Нравственное формирование личности младшего школьника в учебно-воспитательном процессе / Н.М. Трофимова // Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. 13.00.01. - М., 1992. - 311 с.
10. Дондокова Р.Б. Некоторые аспекты развития духовно-нравственных ценностей младших школьников в современной школе / Р.Б. Дондокова // Вестник Бурятского ГУ. - 2014. - № 1 (4). - С. 62-65.
11. Рахматуллина Л.В. Воспитание нравственной устойчивости у младших школьников в ситуациях морального выбора / Л.В. Рахматуллина / Дис. ... канд. пед. наук. 13.00.01. - Казань, 2002. - 205 с.
12. Даутова О.Б., Лапина Н.Л. Становление морального суждения как проблема философии образования. Серия "Symposium", Философия образования. Вып. 23 / Сборник материалов конф. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. - С. 223-229.
13. Панфилова О.В., Карпова Н.В. К вопросу об этической образованности детей // Вестник Томского государственного педагогического университета. - 2015. - № 6. - С. 21-24.
14. Мачехина Е.А. Реконструкция ситуации морального выбора подростками / Е.А. Мачехина // Педагогика. - 2014. - № 1. - С. 19-41.
15. Мельникова Н.В. Развитие нравственной сферы личности дошкольника: Монография / Н.В. Мельникова, Р.В. Овчарова. - СПб.: Амалтея, 2008. - 336 с.

16. Витушкина Э.В. Особенности формирования самооценки младших школьников как основы достижения личностного результата / Э.В. Витушкина, Т.В. Кружилина // Вестник Челябинского государственного университета. - 2014. - № 3. - С. 72-83.
17. Федосеева О.Ю. Педагогическая диагностика духовного и нравственного развития младших школьников // Науч.-метод. электрон. журнал «Концепт». - 2014. - Т. 26. - С. 206-210 / [Электронный ресурс] - URL: <http://e-koncept.ru/2014/64342.htm>.

REFERENCES

1. Asmolov A.G. Kak proektirovat' universal'nye uchebnye deystviya v nachal'noy shkole: ot deystviya k mysli. [How to design universal teaching activities in primary school: from action to thought]. M.: Prosveshcheni=Education, 2008. 151 p. (in Russ.).
2. Molchanov S.V. Usloviya i faktory resheniya moral'nykh dilemm v podrostkovom voznage. [Conditions and factors for solving moral dilemmas in adolescence]. Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal= National Journal of Psychology. 2014. No. 4 (16). Pp. 42-51. (in Russ.).
3. Nazarova N.M., Furiyeva T.V. Osobennosti otsenki i samootsenki intellektual'nogo potentsiala uchashchikhsya. [Features of assessment and self-assessment of students' intellectual potential]. Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Pedagogy and psychology. M.: Moscow: Publishing House of Moscow City Pedagogical University, 2010. No. 2. Pp. 101-114. (in Russ.).
4. Ul'yanova E.Yu., Shchegoleva G.S. Formirovanie otsennochnykh umeniy mladshikh shkol'nikov v protsesse raboty nad sochineniyami i izlozheniyami. [Formation of the appraising skills of junior schoolchildren in the process of work on compositions and presentations]. Gertsenovskie chteniya. Nachal'noe obrazovanie = Herzen's readings. Primary education. St. Petersburg: Izd-vo VVM, 2011. Vol. 2. Pp. 336-346. (in Russ.).
5. Kalinina L.V. Reshenie nraavstvenno-orientirovannykh proektnykh zadach v sovremennom obrazovatel'nom protsesse nachal'noy shkoly. [Solution of moral-oriented project tasks in the modern educational process of primary school]. Primary School. 2015. No. 5. Pp. 27-30. (in Russ.).
6. Galanina V.V. Emotsional'no-smyslovye aspekty vpolneniya normy vzaimopomoshchi v mladshem shkol'nom voznage. [Emotional-semantic aspects of the implementation of the norm of mutual aid in junior school age]. Diss ... Candidate of Sciences. Science 19.00.13. M. 2003. 198 p. (in Russ.).
7. Kurganova N.E. Problema moral'no-nraavstvennogo stanovleniya lichnosti v sovremennykh issledovaniyakh. [The problem of moral and moral formation of personality in modern studies]. Scientific and educational space: development prospects: materials II Intern. scientific-practical. Conf. (Cheboksary, 24 April 2016). rare: O. N. Shirokov [and others]. Cheboksary: CNS Interactive Plus, 2016. Pp. 212-216. (in Russ.).
8. Bolikova L.Yu. Formirovanie dukhovno-nraavstvennykh ustanovok u mladshikh shkol'nikov. [Formation of spiritual and moral attitudes among younger schoolchildren of higher educational institutions]. The Volga region. 2015. No. 2 (34). Pp. 121-126. (in Russ.).
9. Trofimova N.M. Nraavstvennoe formirovanie lichnosti mladshego shkol'nika v uchebno-vospitatel'nom protsesse. [Moral formation of the personality of the younger schoolchild in the educational process]. Author's abstract. dis. Doct. ped.nauk 13.00.01. M., 1992. 311 p. (in Russ.).
10. Dondokova R.B. Nekotorye aspekty razvitiya dukhovno-nraavstvennykh tsennostey mladshikh shkol'nikov v sovremennoy shkole. [Some aspects of development of spiritual and moral values of younger schoolchildren in the modern school]. Vestnik Buryatskogo GU = Bulletin of the Buryat State University. 2014. No. 1 (4). Pp. 62-65. (in Russ.).
11. Rakhmatullina L.V. Vospitanie nraavstvennoy ustoychivosti u mladshikh shkol'nikov v situatsiyakh moral'nogo vybora. [Education of moral stability in younger schoolchildren in situations of moral choice]. Diss...kand.ped.nauk =Diss ... Candidate of medical science. 13.00.01. Kazan.2002. 205 p. (in Russ.).
12. Dautova O.B., Lapina N.L. Stanovlenie moral'nogo suzhdeniya kak problema filosofii obrazovaniya Seriya "Symposium", Filosofiya obrazovaniya. , Vypusk 23. Sbornik materialov konferentsii Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2002. Pp. 223-229. (in Russ.).
13. Panfilova O.V., Karpova N.V. K voprosu ob eticheskoy obrazovannosti detey. [On the issue of ethical education of children]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta= Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2015. № 6. Pp. 21-24 (in Russ.).

14. Machekhina Ye.A. Rekonstruktsiya situatsii moral'nogo vybora podrostkami. [Reconstruction of the situation of moral choice by adolescents]. Pedagogika= Pedagogy. 2014. No. 1. Pp. 19-41 (in Russ.).
15. Mel'nikova N.V. Razvitiye нравственной сферы личности дошкольника: monografiya. [Development of the moral sphere of the preschooler's personality]. SPb: Izd-vo «Amalteya»= SPb: "Amalteya" Publishing House, 2008. 336 p. (in Russ.).
16. Vitushkina E.V. Osobennosti formirovaniya samootsenki mladshikh shkol'nikov kak osnovy dostizheniya lichnostnogo rezul'tata. [Features of the formation of self-esteem of junior schoolchildren as the basis for achieving personal results]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta =Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2014 .No. 3. Pp. 72-83. (in Russ.).
17. Fedoseeva O.Y. Pedagogicheskaya diagnostika dukhovnogo i нравственного razvitiya mladshikh shkol'nikov. [Pedagogical Diagnostics of Spiritual and Moral Development of Junior Schoolchildren]. Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»= Scientific and Methodical Electronic Journal "Concept". 2014. Vol. 26. Pp. 206-210. - URL: <http://e-koncept.ru/2014/64342.htm>. (in Russ.).

Информация об авторе:

Федосеева Ольга Юрьевна, аспирант, кафедра педагогики, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия
fedoseeva.olga@bk.ru

Получена: 19.10.2017

Для цитирования: Федосеева О.Ю. Специфика формирования действий нравственно-этического оценивания в младшем школьном возрасте. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 5. Часть 2. с.215-226.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-215-226.

Information about the author:

Olga Y. Fedoseeva, Postgraduate Student, Department of Pedagogy, Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia
fedoseeva.olga@bk.ru

Received: 19.10.2017

For citation: Fedoseeva O.Y. Specificity for forming actions of moral-ethical estimation in the young school age. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.5 Part. 2. Pp. 215-226.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-215-226. (in Russian)

УДК 81

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-227-234

ХОРЕВА Лариса Георгиевна
Российский государственный гуманитарный
университет
г. Москва, Россия
novella2000@mail.ru

Larisa G. KHOREVA
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia
novella2000@mail.ru

**АВТОРСКАЯ КАРТИНА МИРА В РОМАНЕ У. ЭКО
«ИМЯ РОЗЫ»**

**AUTHOR'S VIEW OF THE WORLD IN THE NOVEL
OF U. ECO "THE NAME OF THE ROSE"**

В статье рассмотрена авторская картина мира в романе У. Эко «Имя розы». Концепт «картина мира» складывается из ряда элементов: заглавия, ключевых слов, имен героев, интертекстуальных вкраплений и литературных и библейских аллюзий. Название - символ «Имя розы» так насыщено смыслами, что в итоге потеряло смысл вообще. Последнее стало частью авторского замысла. Многозначность цветочного символа водит читателя по лабиринту сюжетов и идей, среди которых ведущую роль играют приемы мистификации. Тщательные описания нахождения рукописи, различные поясняющие детали, даты, географические реалии намеренно усложняют положение читателя и одновременно создают эффект реального существования книги. Два ключевых понятия - книга и лабиринт - связаны между собой, иногда подменяют друг друга, что дает автору возможность вести дискуссию об извечном процессе эволюции формы, о расширении понятий. В романе вся вселенная представлена как огромная книга, которую нужно уметь читать. Третьим ключевым символом романа становится зеркало и связанное с ним отражение. Аббатство представлено как мини-модель современного мира, который поражен грехом и превратно интерпретирует Божественное слово. Библейские аллюзии также отражены в композиции романа. Сюжет огромного произведения умещен в шесть дней и так называемый «последний лист». Подобно Господу, автор «Имени розы» творит свою историю за шесть дней, а на седьмой, в отличие от Библии, не отдыхает, а уничтожает сотворенный им мир. Интеллектуальная игра, разворачивающаяся на страницах романа, становится отражением авторской картины мира, открывающей новые тексты и новые смыслы сквозь представленный текст.

The article deals with author's view of the world in the novel of U. Eco "The name of the rose". The concept "View of the world" is formed by next elements: the title, the key words, the names of the characters, intertextual insertions, literary and biblical allusions. The title - symbol "The name of the rose" has so many meanings, that it lost any meaning at last. It was the part of author's view of the world. Polysemies of flower symbol accompany the reader along the labyrinth of subject and ideas. Among them there is mystification. Delicate description of finding of manuscript, different clearing details, dates; geographical realities complicate the position of the reader and together create the effect of real existence of the Book. Two key concepts - book and labyrinth - are associated, that permit to author to discuss about overextension. The third key concept of the novel is mirror and reflection. The Abbey here presents the mini-model of the world contemporary. This world is infected by sin and interprets wrong the Divine Word. Biblical allusions are reflected in the contexture of the novel. The enormous narration goes into 6 days and co-called "last sheet". As the Lord, the author of the novel creates his world for 6 days and then (as distinct from God) he is not take rest, but annihilates his creation. The mind game in the novel is the reflection of the author view of the world; it permits to the reader to open new texts and new senses in the text quoted.

Ключевые слова: картина мира, автор, ключевые слова, заглавие, аллюзии, имя героя

Keywords: view of world, author, keywords, title, allusions, name of character

О роли автора в многосложном произведении У. Эко говорилось много. Поскольку произведение полифонично (по термину М.М. Бахтина) [3] и, следовательно, в нем существует множество голосов, выявить, какой из них авторский, не так просто. Поскольку именно заглавие в большинстве случаев заключает в себе главный посыл автора, в первую очередь обратимся к нему.

«Имя розы» - заглавие, сбивающее читателя с толку, возможно, намеренно. На читательских форумах довольно часто можно встретить вопрос о том, почему этот роман Эко назван именно так. По словам самого автора, первоначально он хотел озаглавить свое произведение «Аббатство преступлений» [18], но позже отверг его по той причине, что оно указывало на детективную линию как на основную, а это в корне неверно. Замысел романа гораздо шире, следовательно, и заглавие требовалось более усложненное в смысловом плане. После «Аббатства преступлений» были и другие варианты, навязываемые в

основном издателями. Но они, разумеется, не могли удовлетворить столь пытливого писателя, как У. Эко. В результате название пришло к нему по наитию, внезапно, но вполне логично - как ответ на активную работу ума и души. Подобных примеров в мировой литературе немало. Подобным способом, будто написанные черными буквами на белой бумаге, являлись иногда названия его произведений М.А. Булгакову [7, с. 295].

Название, пришедшее к Умберто Эко, знает теперь весь мир. Это название-символ «Имя розы». Эко пишет: «Заглавие "Имя розы" возникло почти случайно и подошло мне, потому что роза как символическая фигура до того насыщена смыслами, что смысла у нее почти нет» [18, с. 5]. Действительно, образ этого цветка встречается в мировой культуре. Именно многозначность розы как главного цветочного символа более всего импонировала автору, поскольку и в этом случае заглавие не конкретизировало смысл, а, напротив, уводило от него, заставляя читателя блуждать по запутанному лабиринту сюжетов и идей. Это нельзя назвать случайностью, ведь хождение по лабиринту - основа концепции романа, на что обратил внимание Ю.М. Лотман: «... образ лабиринта - один из сквозных для самых разных культур символов - является как бы эмблемой романа У. Эко» [13, с. 651]. Подобной концепции как нельзя лучше соответствует выбранное или, точнее сказать, симпровизированное название, поскольку предоставляет читателю несколько интерпретаций на выбор. «Название, - убежден Эко, - должно запутывать мысли, а не дисциплинировать их» [18, с. 4].

Но для того чтобы прояснить суть названия романа, необходимо выявить его ключевые слова и рассмотреть пролог. Как известно, пролог к «Имени розы» начинается так же, как и Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово». Именно эпиграф, как одна из основных форм присутствия в тексте, выявляет главную идею романа, заключающуюся в воспевании и исследовании Слова, разрешению проблемы - каким образом люди используют Слово, как служат ему. Именно линия Слова является каркасом произведения, и его Эко прячет за мистификациями, стилизациями и детективным сюжетом. Наводит на эту мысль и заголовок предисловия, обозначенный автором как «Разумеется, рукопись», подсказывающая читателю, каковы приоритеты автора и героя-повествователя.

Цитата из Евангелия имеет, как минимум, еще два смысла. Во-первых, она более достоверно позволяет представить фигуру монаха, начавшего свою рукопись именно такой фразой. Во-вторых, интертекстуальная перекличка с библейским Словом создает иную атмосферу, иное пространство - глобальное, космическое, выходящее за пределы одного аббатства. Формируется и характер проблематики - становится очевидным, что речь пойдет об общечеловеческих проблемах, взгляд на которые будет дан с высоты философских воззрений.

Примечание автора является способом ввода читателя в иной, далекий от него мир, знакомством с предлагаемыми обстоятельствами. Автор создает совершенно иной хронотоп, в корне отличающийся от образа жизни современного человека. Таким образом, автор проявляет в примечании качества режиссера, создающего атмосферу своего спектакля. Следует также отметить, что тщательные разъяснения автора о том, как он нашел эту рукопись, и убеждение читателя в существовании другого автора - некоего Адсона из Мелька, с различными проясняющими деталями, датами, географическими - все это выдает приемы мистификации, которыми Эко пользуется в полной мере. Он намеренно усложняет положение, возводя между собой и читателями фигуры другого автора (заставляя, впрочем, сомневаться иногда в его подлинности), переводчика и издателя. Интересно, что читатель посвящается в различные подробности, касающиеся рукописи, ему даже сообщаются ее реквизиты. Такая скрупулезность и создание эффекта реального существования книги, по мнению Л.А. Ерохиной, выдает в авторе стремление следовать «стратегии образцового автора» [10, с. 36].

Далее в Прологе, после краткого рассуждения автора и его пояснений относительно оригинальной структуры книги, мы встречаем цитату на латинском о том, что истину можно узреть лишь «per speculum et in aenigmate», что означает «в зеркале, загадке, отражении и иносказании». Все эти понятия, как показывает дальнейшее прочтение романа, являются опорными пунктами для понимания авторской позиции и его сверхидеи.

Иносказание, загадка - это отличительные черты произведения. Во многом они формируются из мотивов потери, поиска и обретения. Именно с них и начинается произведение. Герой сначала находит книгу, потом теряет; встречается с возлюбленной, потом расстается с ней. На какой-то момент возникает иллюзия, что рукопись Адсона - подделка, мистификация, но через какое-то время начинает находить подтверждение ее подлинности.

В поиске находится и Вильгельм, и его поиски отмечены флером тайны: «Я тогда не знал, чего ищет брат Вильгельм, по правде говоря, не знаю и сейчас. Допускаю, что и сам он не знал, а движим был страстью - к истине и страдал от единственного ния - неотступного, как я видел, - что истина не то, чем кажется в данный миг» [19, с. 20].

И таких моментов, связанных с поиском чего-либо, в тексте очень много. Один из самых значимых - поиски второй части «Поэтики» Аристотеля. Взаимосвязанность мотивов и ключевых знаков выявляет главнейшее ключевое слово текста - книга. Здесь все завязано вокруг книг, поскольку она - носитель Слова, носитель истины. Интеллектуальный поединок Вильгельма и Хорхе тоже связан с книгами. С помощью множества цитат из Аристотеля - и мнимых и подлинных - автор незримо создает еще один текст, представляющий собой потерянную часть «Поэтики» - книги, которая являет подлинную цену для литературы. И этот невидимый на первый взгляд текст, замаскированный детективным сюжетом и стилизованным повествованием о таинственном аббатстве, по замыслу автора, и есть главный пласт книги.

Автору необходимо выявить, как человек соотносится со Словом, что оно дает ему, как он пользуется этим даром Божиим. Так, например, Хорхе использует Слово для утверждения своих догм, Вильгельм - для нахождения истины, для обретения свободы, Адсон - для того, чтобы запечатлеть пережитое им.

Так Слово обязательно приводит к книге. Без книг не было бы романа «Имя розы», ведь средоточием сюжета, его притягательным и мистическим центром является библиотека. Это место, рьяно охраняемое аббатом и доступ в которое имеет только библиотекарь, таит в себе огромное количество самых различных книг. Более того, библиотека, созданная в памяти слепого Хорхе - это своего рода «сפעхран, склад мысли, недоступный для профанов, т.е. практически для него одного» [14, с. 209]. Хорхе, строя загадку за загадкой, нагромождая ее одну на другую, создает лабиринт, из которого Вильгельму удастся отыскать выход. Для него библиотека открывает другие возможности. Это не только место притяжения, но и лаборатория идей, бесценное собрание знаний. В то же время Эко поднимает и другую проблему: монастырь будто забывает живое Слово Божье, саму личность Бога, постепенно создавая из книги культ, служа книге и библиотеке. И это обстоятельство является еще одной важной проблемой романа, связанной с тем, что истинная вера и в Средневековье, и в наше время подменяется мертвыми догмами.

Итак, наиболее часто встречаемыми словами являются книги и лабиринт, причем два этих понятия весьма связаны между собой. Так, например, Адсон при помощи Вильгельма обнаруживает, что у книг существует свой, запутанный, как лабиринт, мир: «...книги говорят о других книгах, а иногда они как будто говорят между собой» [19, с. 336].

В.В. Шервашидзе утверждает, что сам У. Эко «скрывается за маской Вильгельма» [17, с. 208]. По ее мнению, это нужно автору для того, чтобы вести важнейшую для него и для культуры XX в. дискуссию об абсолютной и относительной истине, об извечном процессе эволюции формы, об иронии как «абсолютной негативности», которая служит фундаментом для образования всего нового. О связи автора и героя, их близости свидетельствует и гуманность личности Вильгельма, который, в свое время отказавшись от «почетной» должности инквизитора, смело заявляет: «Я никого не сжигал» [19, с. 131], выказывая тем самым мышление скорее современного человека, нежели средневекового.

Вильгельм вплотную связан с книгами, он живет ими, о чем свидетельствуют наблюдения Адсона: «Пока мы жили в аббатстве, руки его вечно были перепачканы книжной пылью, позолотой невысохших миниатюр...» [19, с. 23]. Или: «Целыми днями он

листал рукописи в большом зале библиотеки - можно подумать, только для удовольствия (а кругом в это время множились трупы зверски убитых монахов) [19, с. 24].

Таким образом, становится очевидным, что без чтения, без приобщения к Слову Вильгельм не может мыслить, а, следовательно, существовать. Принимая предположение В.В. Шервашидзе о том, что автор скрывается за образом Вильгельма, следует сделать вывод: представление книги как одного из самых ценных приобретений человечества есть зашифрованное послание автора, доказывающего непреходящую важность Слова и, следовательно, книги. И здесь образ автора принимает иной облик - облик ученого, просветителя, высоко духовной личности.

Автор, по всей вероятности, намеренно выбирает именно таких персонажей, которые живут «среди книг, в книгах, ради книг» [19, с. 136]. Кажется, что его герои-монахи, окруженные собранием лучших книг на земле, должны отличаться особыми нравственными качествами и их жизнь должна качественно отличаться от жизни мирян. Но на деле оказывается все по-другому: ими руководят такие же страсти, какие овладевают всеми людьми на земле. Более того, череда убийств разоблачает аббатство, отрицая в нем особую приближенность к Богу. Преступления, совершаемые в нем, сигнализируют о том, что «неладно что-то в Датском королевстве» [16, с. 77]. Таким образом, автор изобличает избранность каких-либо слоев общества, убеждая читателя, что здоровый дух присутствует там, где следуют Слову, а не нарушают его законы.

Отметим, что приведенными фактами трактовка книги не исчерпывается. В романе вся вселенная представляется как огромная книга, которую нужно уметь читать. Вильгельм Баскервильский в полной мере владеет этим умением, и этим умением, заключающимся в необыкновенной наблюдательности, объясняются его необыкновенные способности в области логического мышления и сыска. Уже с первых страниц романа Адсон, потрясенный дедуктивным мышлением своего учителя, узнает, что тот «не только читает великую книгу натуры, но и умеет угадать и то, что вычитывают другие в книгах культуры и что они мыслят» [19, с. 77].

Яркой иллюстрацией к этим словам служит эпизод (и не один), когда Вильгельм «читает» по белому полотну снега, как по книге, находя соответствующие улики. Оттого и нередко в тексте фразы типа: «В мире всякое творенье - книга и изображение...» [19, с. 131]. Со временем и Адсон под влиянием Вильгельма начинает понимать, что Вселенная читаема и нужно быть очень внимательным, чтобы находить знаки, которые она представляет.

В свете данного высказывания следует особо сказать о семиотической окраске романа. Как известно, У. Эко принадлежал к числу крупнейших ученых-семиотиков, то есть исследователей различных свойств знаков. Поэтому вполне логичным является тот факт, что он насытил свой роман семиотическими знаками. Это и загадочные цифры, каждая из которых что-то означает. Так, например, читая фразу: «На каждом углу квадратного основания стоит башня-семигранник...» [19, с. 202], следует иметь в виду, что цифра «семь» - цифра священная для религиозного мировоззрения и обозначает «число даров Духа Святого» [15, с. 203].

Другой пример: «Три пояса окон сообщали тройной ритм ее вертикали, так что, оставаясь на земле физическим квадратом, в небе здание образовывало спиритуальный треугольник» [19, с. 638]. Сакральное значение цифры «три» известно практически всем. Это и Троица (Отец, Сын и Святой Дух), и число даров, принесенных волхвами младенцу Иисусу. Кроме того, это число символизирует душу. По этой причине вчитывание в цифры в романе Эко оказывается весьма важным, поскольку они несут в себе много мистической информации, связанной со смыслом романа. Все цифры, одна за другой складываясь в фигуру, аналогичную шестиграннику, постепенно образуют особое пространство - пространство лабиринта, являющееся доминирующим.

Значимыми являются и имена персонажей. Так, у главных героев они имеют очевидную переключку с героями Конан-Дойля. Вильгельм Баскервильский, хотя и не соотносится напрямую с Шерлоком Холмсом, но имеет немало аллюзий с его образом (крюковатый нос, способности к дедуктивному методу, эпизоды пребывания в странном со-

стоянии, похожем на наркотическое одурманивание). Главный намек в имени героя следует искать в приставке Баскервильский, указывающий на древний род лей - семейство, в интересах которого Шерлок Холмс разгадывал тайну зловещей собаки, которая уничтожала потомков этой фамилии.

Если же говорить об имени второго героя - автора найденной рукописи, то на первый взгляд оно никак не перекликается с произведениями о Шерлоке Холмсе. Но если взять во внимание систему образов персонажей, то становится очевидным: пара Вильгельм/Адсон зеркально отражает пару Холмс/Ватсон. Здесь речь идет не только об особенностях характеров (гениальность и находчивость первого в противовес простоватости и недалекости ума второго). Налицо перекличка имен на фонетическом уровне: Ватсон и Адсон созвучны.

Имя Адсона поворачивается к читателю и с другой стороны. Хорхе поясняет герою, что тот «носит гордое и славное имя», поскольку некий Адсон из Монтье-ан-Дера является автором сочинения «дикого и устрашающего» под названием «Об Антихристе», в котором сказано все, что человечеству придется пережить [19, с. 106].

Вильгельм подвергает сомнению авторитет Адсона из Монтье-ан-Дера, утверждая, что ничего из его предсказаний не сбылось. Это обстоятельство усиливает иронический подтекст ономастического пласта (а здесь можно говорить только лишь об иронии). Очевидно, что ирония автора, проявляющаяся посредством имен собственных в романе, сигнализирует о том, что детективный аспект романа не является основным, а служит лишь прикрытием для другого - более важного. И так как задачей автора было запутать и развлечь читателя, завести его в лабиринт загадок, то эта ироническая мистификация выглядит вполне оправданно.

Имя главного антагониста - Хорхе - также несет в себе сокрытый смысл. Есть основания предполагать, что под его образом подразумевается крупнейший аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес (Jorge Luis Borges, 1899-1986). В первую очередь очевидно совпадение на ономастическом уровне. О дальнейшем свидетельствуют факты биографии Борхеса: его руководство национальной аргентинской библиотекой и слепота, постигшая писателя в старости [8, с. 6].

Соппротивление, которое Хорхе оказывает Вильгельму в его попытке попасть в библиотеку, найти вторую часть «Поэтики» Аристотеля, позволяют предположить, что перед нами пародия одного великого писателя на другого, поскольку между ними существовало творческое соперничество, связанное с художественными идеями.

Возвращаясь к ключевым словам или знакам, необходимо заметить, что таковым является зеркало и связанное с ним отражение. Аббатство - это мини-модель современного мира, который также поражен грехом, как и средневековье. Адсон, который не в силах разобраться в происходящем, вопрошает своего учителя о природе греха, о его причинах и получает следующий ответ: «Если бы данное аббатство могло считаться отражением мира - ты бы сам себе ответил». И далее: «Чтоб существовало отражение мира, мир должен иметь форму» [19, с. 145]. О чем свидетельствуют эти слова? Автор дает понять, что существующий мир утратил свои ориентиры, свою целостность. Эта проблема существовала в средневековье, она существует и сейчас. Картину средневековой жизни автор представляет как зеркало жизни современной, поэтому упоминания о зеркале, об отражении в тексте весьма важны.

В свете вышеприведенных доводов можно рассмотреть и заглавие произведения. Имеющее своей целью запутать читателя, сбить его с толку, оно является гармоничным элементом лабиринта, образ которого захватывает весь роман. Мы помним, что роман начинается словами из Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово». Далее эта мысль развивается на протяжении романа: каким образом люди пользуются этим Словом, что они выносят от него, чему учатся. Итак, в начале романа Слово, в конце - имя розы, и это единственное, что остается от рассказанной истории.

Вопрос, почему автор обратился именно к розе, по-прежнему остается открытым. Разумеется, существует немало версий на этот счет, но говорить, что какая-то из них признана утвержденной, не приходится. Известно, что роза является одним из самых распро-

страненных символов в мировой культуре и у разных народов толкуется по-разному. В русской культуре - роза считается одним из самых прекрасных цветков и символом любви, нежности, красоты. В европейской культуре, благодаря столетнему вооруженному конфликту между орденами Белой и Алой розы, название этого цветка может обозначать и войну. Е.А. Круглова пишет: «Роза - один из древнейших поэтических образов, чьи корни уходят в античность, фольклор, религию. Розу любили и воспевали с незапамятных времен, ей поклонялись, о ней слагали легенды, предания, а самые первые сведения о розе встречаются в древнеиндусских сказаниях» [12, с. 3].

Будучи необыкновенной популярной, роза в разных культурах приобретает самые различные толкования. В Древней Греции она - символ победы жизни над смертью, в Древнем Риме - в определенный момент становится олицетворением порока. Далее, с развитием христианской культуры, роза превращается в одухотворение пролитой Крови Христовой. Меняется значение розы и в связи с ее цветом. Таким образом, становится очевидным, что символику, связанную с розой, можно толковать самыми различными способами. Возможно, именно поэтому Эко остановился на этом общекультурном знаке - известном всем и позволяющем различные трактовки.

Возможно, роза привлекла его именно свободой интерпретации и возможностью продемонстрировать самостоятельность текста как живого организма. Деятельность главного героя, заключающаяся в расшифровке и угадывании тайных знаков, вполне допускает выбор подобного заглавия.

Обратимся к финалу романа, в котором фигурирует увядшая роза, аналогичная «одряхлевшему миру» [19, с. 622]. Это мир, в котором герою ничего не остается, как умолкнуть, поскольку им утрачена вера и, следовательно, Слово. Зная о смерти, он не верит, что предстанет перед Господом: «Скоро я уж поступлю туда, в наиширочайшую пустыню, совершенно гладкую и неизмеримую...» [19, с. 623]. Очевидно, что до сих пор существовавшее пространство, наполненное книгами, письменами, таинственными знаками, пространство-лабиринт сменяется пространством-пустыней, в котором властвует «немая тишина». Немая означает беззвучная, и автор всячески подчеркивает это обстоятельство устами своего героя: «уйду в молчаливое несовершенство, в ненаселенное, где нет ни дела, ни образа». Мир, в котором ничего нет, немой и тихий мир возникает после того, как сгорела библиотека, когда люди лишаются книг, рассыпанных повсюду знаков природы. Вильгельму и Адсону удалось приоткрыть завесу зловещей тайны: аббатство являло собой модель Содома и Гоморры. Монахи, живущие в нем, не отличались благочестием. Под крышей аббатства свершалось все: разврат, содомистские грехи, процветала наркомания. В результате аббатство постигает та же участь, что Содом и Гоморру. Все оказывается уничтоженным, не остается практически ничего, кроме обломков, трупов и «кульяпок» книг. Затихает и последнее слово этой истории: «В скриптории холодно, палец у меня ноет. Оставляю эти письма, уже не знаю кому, уже не знаю о чем. *Stat rosa pristina nomine, nomina nuda tenemus*» (Роза при имени прежнем, с нагими мы впредь именами) [19, с. 637].

Эта загадочная фраза поставила в тупик многих. Но если предположить, что за - этот многозначный символ, знакомый всей христианской цивилизации и прекрасный и благоухающий цветок является олицетворением Слова, то все становится на свои места. Люди зависят от Слова, оно от них - нет, и если народ утрачивает свою языковую культуру, они теряют самих себя, а значит, имя. Слово же продолжает существовать, даже если люди изменяют ему, а потому оно остается целостным и неделимым - есть роза и у него есть имя. Доказательством того, что Слово независимо от людей, служит вторая часть поэтики Аристотеля, которую ищет Вильгельм. Все знают, что она существует, на это знание не влияет ее отсутствие. Эта мысль не первична в мировой литературе, она перекликается со знаменитой фразой булгаковского Воланда «рукописи не горят». Итак, роман Эко - это роман о вечном и живом Слове, утрата которого грозит человечеству потерей имени, то есть самих себя. Это, на наш взгляд, и есть послание Умберто Эко, зашифрованное в названии.

Нельзя не обратить внимания и на еще один момент, касающийся роли автора. Это композиция произведения. Сюжет довольно объемного романа уместен в шесть дней и так называемый «последний лист». Как мы помним, в Библии сказано, что Господь сотворил землю за шесть дней, а на седьмой отдыхал. Автор «Имени розы» тоже творит свою историю, длящуюся шесть дней. Но, в отличие от Библии, автор «Имени розы» не отдыхает на седьмой день, а уничтожает сотворенный им мир.

Итак, будучи заглавием-метафорой, название романа содержит в себе целую философскую концепцию, авторскую картину мира, в котором основанием всего является Слово. Автор этого произведения многолик, проявляя себя здесь как режиссер всего действия, как ученый, как образцовый автор. Очевидно, что авторское слово в романе «Имя розы» прячется внутри повествовательных структур, что также создает эффект лабиринта. Можно выделить три таких структуры: «Я говорю, что Валле говорит, что Адсон сказал» [19, с. 401]. Этот прием выявляет иронический штрих в образе автора, его стремление вести с читателем игру. Ирония наблюдалась также и в выборе автором имен, в его тонкой насмешке над любовью современного читателя к детективам и другим развлекательным жанрам.

Таким образом, авторская картина мира в романе У. Эко «Имя розы» представлена в виде сложной интеллектуальной игры автора и читателя, которая проявляется в заглавии, ключевых словах, именах героев, интертекстуальных вкраплениях и аллюзиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Барма О.А. Концепция ризоморфного лабиринта в романе У. Эко «Имя Розы» // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусства, 2013. - №1. - 380 с.
2. Барт Р. Мифологии. - М.: Академический проект, 2009. - 351 с.
3. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. - М.: Художественная литература, 1986. - 543 с.
4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. - М.: Художественная литература, 1975. - 505 с.
5. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и са. - М.: Художественная литература, 1990. - 544 с.
6. Веселова Н.А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и ка. - Тверь: ТГУ, 1998. - 295 с.
7. Евсеенков В.Н. Рыцарь, или Легенда о Михаиле Булгакове. - М.: Классика плюс, 1997. - 800 с.
8. Дубин Б.В. Хорхе Луис Борхес // Борхес Х.Л. История вечности. - М.: АСТ, Neoclassic, 2015. - 320 с.
9. Ерохина Л.А. Категория автора в творчестве Умберто Эко: Дис. ... канд. филол. наук. - М., 2012. - 185 с.
10. Ерохина Л.А. Повествовательное многоголосие в романе «Имя розы» как часть стратегии «образцового автора» Умберто Эко // Литературная учеба, 2010. - 299 с.
11. Игнатова С.А. Полифония и постмодернизм в романе У. Эко «Имя Розы» // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). - 2012. - №3. - 377 с. С. 108-112.
12. Круглова Е.А. Символика розы в русской и немецкой поэзии конца XVIII - начала XX веков: Опыт сопоставления: Дис. канд. филол. наук. - М., 2003. - 228 с. С. 3.
13. Лотман Ю.М. Выход в лабиринт // Эко У. «Имя розы». - М.: Художественная литература, 1998. - 715 с.
14. Смирнова М. Роман Х. Кортасара «Игра в классики» // Энциклопедия мировой литературы. - СПб.: Невская книга, 2000. - 656 с. С. 209.
15. Шарова И.Н. Законы семиотики в романе У. Эко «Имя розы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Ч. I. - 2015. - № 6. - 399 с. С. 203.
16. Шекспир В. Гамлет // Шекспир В. Собр. соч. Т.1. - СПб.: Изд-во КЭМ, 1994. - 446 с.
17. Шервашидзе В.В. Роман У. Эко «Имя Розы» // Энциклопедия мировой литературы. - СПб.: Невская книга, 2000. - 656 с. С. 208.
18. Эко У. Записки на полях «Имени розы». - М.: Астрель, Corpus, 2011. - 160 с.
19. Эко У. Имя розы. - СПб.: Симпозиум, 2006. - 638 с.

REFERENCES

1. Barma o.A. Consepacia rizomofnogo labirinta v romane U. Eko "Imya rozy" [The concept of rizomorfical labyrinth in the novel of U.Eco "The name of the rose"]. Vestnik Belorusskogo gosudar-

- stvennogo universiteta kultury i iskusstva [The bulletin of the Belarusian State University of culture and arts], 2013. - #1. 380 p.
2. Bart R. Mifologii [Mythologies]. M., 2009. 351 p.
 3. Bakhtin M. Avtor y geroi v esteticheskoy deyatel'nosti [The author and the character in the esthetic activity]. Bakhtin M. Literaturno-criticheskie stat'i [The literary and critical articles]. M. 1986, 543 p.
 4. Bakhtin M. Voprosy literatury i estetiki [The problems of literature and aesthetics]. M., 1975. 505 p.
 5. Bakhtin M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya cultura srednevekovia i Renessansa [The creative work of Francois Rabelais and the medieval and Renaissance folklife culture]. M., 1990. 544 p.
 6. Veselova N.A. Zaglavie literaturno-chudozhestvennogo teksta: ontologia i poetika [The title of literary text: ontology and poetics]. Tver', 1998. 295 p.
 7. Evseenkov V.N. Rycar' ili legenda o Michaele Bulgakove [The cavalier or the legend about Michail Bulgakov]. M., 1997. 800 p.
 8. Dubin B.V. Khorkhe Luis Borkhes [Jorge Luis Borges]. Borkhes. Kh. L. Istoria vechnosti [Borjes J.L. The history of eternity]. M., 2015. 320 p.
 9. Erokhina L.A. Kategoriya avtora v tvorchestve Umberto Eko [The category of the author in the creative work of Umberto Eco]. M., 2012. 185 p.
 10. Erokhina L.A. Povestvovatelnoe mnogogolosie v romane "Imya rozy" kak chast strategii "obrazcovogo avtora" Umberto Eko [The narrative polyphony in the novel "The name of the rose" as the part of strategy of "exemplified author" Umberto Eco]. Literaturnaya gazeta [Literary newspaper], 2010. 299 p.
 11. Ignatova S.A. Polifonia i postmodernizm v romane U. Eko "Imya rosy" [The polyphony and postmodernism in the novel of U. Eco "The name of the Rose"]. Obschestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana) [Society. Ambience. Development], 2012. №3. 377, pp. 108-112.
 12. Kruglova E.A. Simvolika rozy v russkoi i nemeckoi poezii konca XVIII - nachala XX vekov; opyt sopostavleniya [The symbolism of the Rose in the Russian and German poetry of the end of XVIII - beginning of XX: comparative analysis]. The PhD thesis. M., 2003. 228 p.
 13. Lotman Yu. M. Vыход v labirint [The exit to labyrinth]. Eco. U. "Imya rozy" ["The name of the rose"]. M., 1998. 715 p.
 14. Smirnova M. Roman Kh. Kortasara "Igra v klassiki" [The novel of J. Cortazar "Rayuela"]. Enciclopedia mirovoi literatury [Encyclopedia of the world literature]. Saint-Petersburg, 2000. 656 p.
 15. Sharova I.N. Zakony semiotiki v romane U. Eko "Imya rozy" [The laws of semiotics in the novel of U. Eco "The name of the rose"]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Chast I. [Philological sciences. The problems of theory and practice. Part I]. 2015. №6. 399 p. P. 203.
 16. Shekspir V. Gamlet [Hamlet]. Shakespeare V. Sobranie sochinenii T.1 [Collected edition V.1]. 1994. 446 p.
 17. Shervashidze V.V. Roman U. Eko "Imya rozy" [The novel of U. Eco "the name of the rose"]. Enciclopedia mirovoi literatury [Encyclopedia of the world literature]. Saint-Petersburg, 2000. 656 p.
 18. Eko.U. Zapiski na polyakh "Imeni rozy" [The notes in the margins of "The name of the rose"]. M., 2011. 160 p.
 19. Eko U. Imya rozy [The name of the rose]. Saint-Petersburg, 2006. 638 p.

Информация об авторе:

Хорева Лариса Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра романской филологии, историко-филологический факультет, Институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия
novella2000@mail.ru

Получена: 27.10.2017

Для цитирования: Хорева Л.Г. Авторская картина мира в романе У. Эко «Имя Розы». Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.227-234.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-227-234.

Information about the author:

Larisa G. Khoreva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Romance Philology, Faculty of History and Philology, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
novella2000@mail.ru

Received: 27.10.2017

For citation: Khoreva L.G. Author's view of the world in the novel of U. Eco "The name of the Rose". Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.6 Part. 1. Pp. 227-234.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-227-234.
(in Russian)

ИНФОРМАЦИЯ для авторов журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Уважаемые авторы, в связи с подготовкой научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» к включению в международные базы данных библиографического описания и научного цитирования *Scopus* и *Web of Science*, обращаем Ваше внимание на то, что с 2014 г. существенно изменены правила оформления представляемых рукописей. Особое значение теперь приобретают англоязычная аннотация к статье (Abstract) и список использованной автором литературы (References), поскольку именно они, а не текст самой статьи, находят отражение в системах международных баз данных. По своему содержанию и информативности Abstract и References должны привлечь внимание зарубежных читателей к теме статьи. Соответственно, в интересах автора тщательно подойти к подготовке этих блоков статьи и обеспечить их максимально высокое качество.

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, педагогики. Редакция принимает в выпуск только ОДНУ статью автора или идентичного коллектива соавторов.

Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через on-line форму сайта журнала <http://www.hist-edu.ru/>. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf). Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и тщательно вычитаны.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала.

Поступившая в редакцию рукопись проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знают рецензентов) и в двухнедельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Справку об обучении в аспирантуре, заверенную согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылается простым письмом на почтовый адрес редакции. Отсканированная копия справки прилагается к электронному письму отдельными файлами с расширением *.jpg или *.pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором

научного текста. Статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

При подаче статьи на электронный адрес akademus07@rambler.ru просим Вас:

1. уточнять, в какой рубрике Вы хотели бы разместить статью;
2. указывать почтовый адрес с индексом, на который можно будет выслать авторский экземпляр журнала;
3. предоставлять копию проверки оригинальности текста в текстовом или графическом файле (скриншот результата проверки <http://www.antiplagiat.ru>). Оригинальность текста должна составлять не менее 80%.

Объем полного текста рукописи 10-20 страниц: не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов). В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи – допускается не более 3-х чел.

Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word, в формате A4 с полями 25 мм, выравнивание по левому краю, междустрочный интервал – полуторный (1,5), шрифт -Times New Roman, размер – 14. Подзаголовки внутри статьи - прописными буквами. Шрифт библиографических ссылок – 12, междустрочный интервал – одинарный (1). Шрифт текстовых сносок – 11, междустрочный интервал – одинарный (1), без отступа.

Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию. Автоматические переносы не допускаются. Автоматические сноски не допускаются.

Рукопись должна быть структурирована по нижеописанному принципу.

Блок информации на русском языке:

1. *Индекс УДК.*
2. *Название работы* (прописными жирными буквами), точно отражающее содержание работы.
3. *Авторы статьи.* Фамилии и инициалы авторов следует указывать полностью (без сокращений). Через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации (необходимо привести официальное полное название организации без сокращений), которую представляет автор, полный почтовый адрес организации(й), электронная почта всех или одного из авторов. Если авторов несколько, то фамилия каждого следующего автора с полной аффилиацией начинается с новой строки.
4. *Русскоязычная аннотация и ключевые слова.* Аннотация характеризует основную тему, актуальность, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну, что помогает быстрее уловить суть проблемы. Объем текста аннотация должен быть не менее 200-250 слов. Ключевые слова (не менее 10-и слов) способствуют индексированию статьи в поисковых системах. Они должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

Блок информации на английском языке:

1. *UDC Index.*
2. *Article title.* Название на английском языке должно по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию и грамотно составлено с точки зрения английского языка.
3. *Authors' names & Affiliation.* ФИО необходимо писать в соответствие с заграничным паспортом. Также на английском языке указывается ученая степень и звание, должность автора(ов). Аффилиацию необходимо указывать официальное англоязычное название учреждения. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ <http://elibrary.ru>.
4. *Abstract & Keywords.* Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации. Объем англоязычной версии аннотации должен быть не менее 200-250 слов. «Аннотации на английском языке в русскоязычном издании

являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации».

5. *Информация о спонсорстве* (на русском и английском языках). Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

6. *Благодарности* (на русском и английском языках) Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

7. *Текст статьи* (на русском, английском или обоих языках). Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы,

например: [1; с. 290-316, 344], [2; л. 290-316. Л л. 2-22, 23-30, 208-212], [7; л. 29-31, 31 об.].

Документы (архивы, ГОСТы, приказы, положения, постановления, нормативы, федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Некоторые нюансы:

- при первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии;
- в заголовках на английском языке все значимые слова пишутся с заглавной буквы;
- с заглавной буквы пишутся: Первая и Вторая мировые войны, Третий мир;
- названия фирм, организаций и т.п. следует указывать на языке оригинала;
- за исключением ООН, в названиях организаций (Европейский союз, и т.п.) с заглавной буквы пишется только первое слово;
- точка не ставится после рубрики, названия статьи, автора статьи, заголовков и подзаголовков, названий таблиц, рисунков, размерностей (с – секунда, г - грамм, м – метр);
- годы указываются только в цифровой форме: 1985–1990 гг., но 1990-е годы (а не 1990-е гг.); XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.;
- буква «ё» ставится только в тех случаях, когда замена на букву «е» искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только «е»;
- сокращения «др.», «пр.», «т.п.», «т.д.» даются только в конце предложения. Словесные формулировки «так как», «в том числе», «потому что» не сокращаются;
- при цифрах используется знак процента или промилле: 30%; 15‰;
- в цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами «млрд», «млн», «тыс». После сокращений «млрд» и «млн» точка не ставится;
- названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: «долл.», «фр.», «р.», «ф. ст.». Названия других денежных знаков пишутся полностью;
- в цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания « — “ *** “ — ».

8. *Библиографические ссылки* (пристатейные списки литературы). Статьи без ссылок на используемые источники и литературу не принимаются.

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В оригинальных статьях желательно иметь не менее 15 источников, в обзорных – до 50. Самоцитирования в списке литературы не должны превышать 10%.

Ссылки на иностранные источники должны составлять 30%.

Шрифт ссылок – Times New Roman, размер – 12, межстрочный интервал – одинарный (1).

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены все авторы. В случае если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение «и др.» или «et al.». Недопустимо сокращать название статьи.

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1; с. 25].

Документы (приказы, ГОСТы, архивы, положения, постановления, нормативы, федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Если статья имеет DOI, обязательно следует указать его номер.

9. *References* (пристатейные списки литературы на английском языке и транслитерация названия статьи). Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках [].

При транслитерации можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bgn>.

Если статья имеет DOI, то следует обязательно указать его номер.

Также следует обратить внимание на то, что название статьи и журнала не следует разделять знаком «//» и «–», а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются точкой. Названия отечественных журналов сокращать нельзя.

Структура библиографической ссылки в *References* для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация);
- название статьи в транслитерированном варианте;
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [];
- название источника (транслитерация);
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые;
- язык (необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи). В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (например, [ru; en], (in Russian); (in English), (in Italy) (in Arabic) и т.д.

Для транслитерации текста можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bgn>.

Пример ссылки на статью из российского журнала:

- Mescheryakov A.V., Levushkin S.P. Perekrestnye jeffekty adaptacii k stressornym situacijam. [Cross-effects of adaptation to stress situations]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l = Historical and Social-Educational Idea. 2015. Vol. 7. No. 3. Pp. 122-125.

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-67-78 (in Russ.).

- Kalakhanova (Borlakova) Z.M. Istoricheskiy ocherk razvitiya i ustroystva Kavkazskih mineral'nyh vod. [Historical outline of the development and structure of the Caucasian Mineral Waters]. Stavropol. 2015. P. 1 (in Russ.).

Пример описания статей из SCOPUS, имеющих DOI:

- Zhang Z., Zhu D. Experimental research on the localized electrochemical micromachining. Russian Journal of Electrochemistry. 2008. No. 44 (8). Pp. 926-930. Cited 2 times. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-67-78 Eng.).

Ссылка на Интернет-ресурс:

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (accessed 5 Feb. 2011).

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov. (Rules for the Citing of Sources). Available at: <http://www.scribd.com/doc/1034528/> (accessed 7 Feb. 2011).

Материалы конференций:

Главное в описаниях конференций – название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет – ее английского названия), выделенное курсивом. В скобках дается перевод названия на английский язык. Выходные данные (место проведения конференции, место издания, страницы) должны быть представлены на английском языке.

Примеры ссылок на публикации в материалах конференций:

Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. Features of the design of field development with the use of hydraulic fracturing. [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta]. Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma "Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi" (Proc. 6th Int. Technol. Symp. "New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact"). Moscow. 2007. Pp. 267-272. (in Eng.).

Antina E.V., Berezin M.B., Semeikin A.S., Dudina N.A., Yutanova S.L., Guseva G.B. Abstracts of Papers. XII Molodezhnaya konferentsiya po organicheskoi khimii (XII Youth Conference on Organic Chemistry). Suzdal. 2009. P. 248. (in Russ.).

Таблицы и иллюстрации:

- количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 10. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия на русском и английском языках;

- заголовки графиков должны быть на русском и английском языках, должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения;

- заголовки к таблицам и рисункам должны быть указаны на русском и английском языках;

- цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются;

- иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты), либо отдельными файлами с расширением *.tiff и *.jpg с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название;

- фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и др. не рисованные иллюстрации необходимо загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx - в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» через Агентство «Роспечать» (подписной индекс 26187), а также через редакцию журнала.

Адрес редакции:

350080, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар,
мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301. akademus07@rambler.ru ,
сайт журнала: <http://www.hist-edu.ru>
телефон 8(861)2376219; 8(905)4713194

**Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала
и авторам статей.**

**Идеи и выводы, высказываемые в публикуемых материалах, не обязательно
отражают позицию редколлегии.**

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!

Вы можете оформить подписку на журнал
«Историческая и социально-образовательная мысль»
по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ»
Тел: /007 495/921-25-50 Факс: /007 495/785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: <http://www.rosp.ru>

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!

You can subscribe to «Historical and Social-Educational Ideas»
through the «ROSPECHAT»
agency catalogue. «Russian Newspapers & Magazines -2016»
Phone: /007 495/921-25-50 Fax: /007 495/ 785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: <http://www.rosp.ru>

Уважаемые читатели!

Мы рады сообщить вам, что журнал «Историческая и социально-образовательная мысль»
доступен во Всемирной сети Интернет. Вы можете найти материалы вышедших в 2009 - 2017 гг.
номеров журнала на: <http://www.hist-edu.ru>
<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Историческая
и социально-образовательная мысль
2017. Том 9 № 6/1

Подписной индекс **26187**
В объединенном каталоге
«Пресса России»

Подписано в печать 29.11.2017
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать RISO. Уч.-изд. 241ст.
Тираж 550 экз.

Тираж изготовлен на полиграфической базе
Кубанской многопрофильной Академии подготовки, переподготовки
и повышения квалификации специалистов

г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32/301

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»